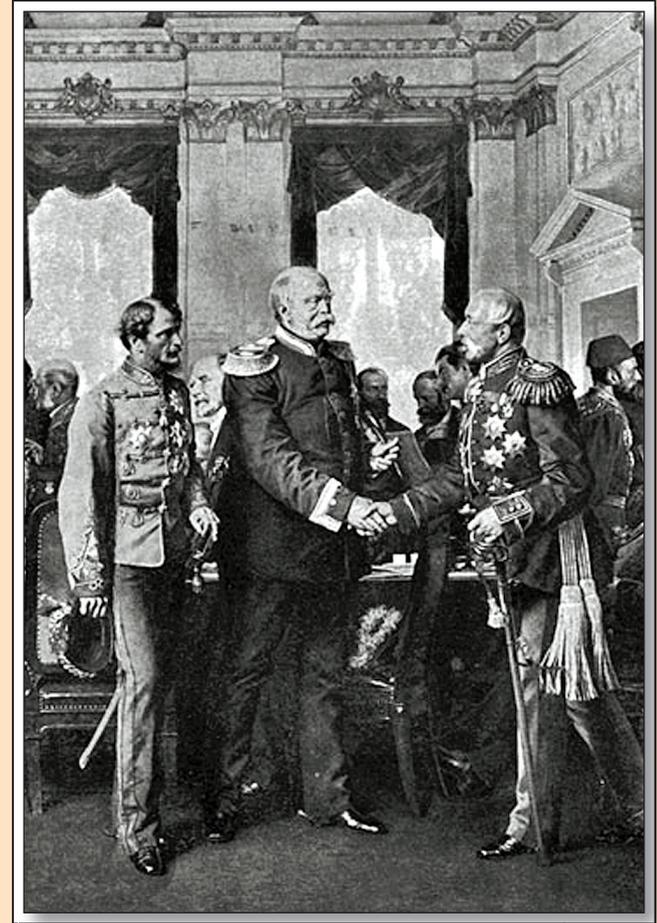

Славяне и Россия

Славяне и Россия

Славяне и Россия
в системе
международных
отношений

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
Институт славяноведения Российской академии наук

Славяне и Россия:

славяне и Россия в системе
международных отношений

Москва
2017

УДК 327.8
ББК 66.4(47)
С47

Никитинские чтения «Славяне и Россия»

Редакционная коллегия:

С. И. Данченко (отв. ред.),
П. А. Искендеров,
М. М. Фролова

Рецензенты:

к. и. н. Л. А. Кирилина,
к. и. н. О. А. Дубовик

Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений. Сб. статей / Отв. редактор С. И. Данченко. — М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 320 с. — (Никитинские чтения «Славяне и Россия»).

ISBN 978-5-7576-0386-5

Данный сборник статей включает в себя материалы конференции «V Никитинские чтения. Славяне и Россия в системе международных отношений», состоявшейся в декабре 2015 г. в Институте славяноведения РАН. Тема конференции и сборника сопряжена с основными направлениями научных исследований двух выдающихся российских историков — Г.Л. Арша и В.Н. Виноградова, 90-летие со дня рождения которых отмечалось в 2015 г. Сборник открывается статьями, посвященными жизни и деятельности этих ученых.

Настоящий сборник составили статьи, которые в основном базируются на неопубликованных ранее материалах (в том числе документах из российских и зарубежных архивов) и посвящены различным аспектам взаимоотношений балканских народов и России в XIX—XX вв.

Материалы сборника, несомненно, представляют интерес как для специалистов в области истории Юго-Восточной Европы в XIX—XX вв., так и для широких читательских кругов, интересующихся европейской историей и политикой России на Балканах.

УДК 327.8
ББК 66.4(47)

ISBN 978-5-7576-0386-5

9 785757 603865

© Коллектив авторов, 2017
© Институт славяноведения РАН, 2017

Содержание

От редколлегии	5
<i>С.И. Данченко.</i> Григорий Львович Арш и его балканские исследования	8
<i>А.С. Стыкалин.</i> Владилен Николаевич Виноградов – корифей отечественной исторической балканистики.....	61
<i>Г.Л. Арш.</i> Балканы и Прутский поход Петра I	73
<i>В.И. Сонов.</i> К вопросу о становлении сербской государствен- ности во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и позиции России	81
<i>И.В. Чуркина.</i> Отношение славянофилов к Священному союзу (Славянофилы о врагах и друзьях России)	91
<i>М.М. Фролова.</i> Российский консул в Битоле Н.Ф. Якубовский: неизвестные страницы биографии.....	106
<i>К.В. Мельчакова.</i> К вопросу о роли России в деле просвещения женского населения Боснии в XIX в. Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой.....	130
<i>В.Б. Хлебникова.</i> «Дух раздора» или «дух единства»: к вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия.....	153
<i>П.А. Искендеров.</i> Албания, Сербия и Россия: осень 1913-го... ..	166
<i>О.И. Агансон.</i> «Карфаген должен быть разрушен!»: балканская политика Австро-Венгрии в оценках держав Антанты, 1912–1914 гг.	187

<i>О.В. Соколовская.</i>	
Русско-японская война 1904—1905 гг. и её герои в Греции	205
<i>В.Б. Каширин.</i>	
«Мозг армии» о задачах Российской империи на Балканах: доклад Главного штаба 1902 г.	229
<i>Л.В. Кузьмичёва.</i>	
Воспоминания С.Н. Смирнова как источник по истории сербско-русских отношений в годы Первой мировой и Гражданской войн	253
<i>А.С. Стыкалин.</i>	
«Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов	275
<i>Т.В. Волокитина.</i>	
«Румынские товарищи хотели бы получить совет...» (Советский фактор в «деле» румынского коммуниста Л. Пэтрэшкану. 1948—1954 гг.)	296

От редколлегии

Представляемый вниманию читателей сборник статей включает в себя материалы конференции «V Никитинские чтения. Славяне и Россия: славяне и Россия в системе международных отношений», состоявшейся в декабре 2015 г. в Институте славяноведения РАН. Тематику публикуемых статей можно разделить на три основные группы.

К первой группе относятся статьи, посвященные жизни и деятельности двух выдающихся российских историков – славистов и балканистов – Григория Львовича Арша и Владилена Николаевича Виноградова (авторы – С.И. Данченко и А.С. Стыкалин). Со страниц этих статей перед читателями предстают исследователи, посвятившие всю свою жизнь изучению сложнейших вопросов истории Балкан. В центре внимания Г.Л. Арша находятся, прежде всего, вопросы, связанные с историей Албании и Греции и отношениями этих стран с Россией. В.Н. Виноградов является одним из ведущих отечественных и мировых специалистов по проблемам истории Румынии и международным отношениям в Европе в Новое время.

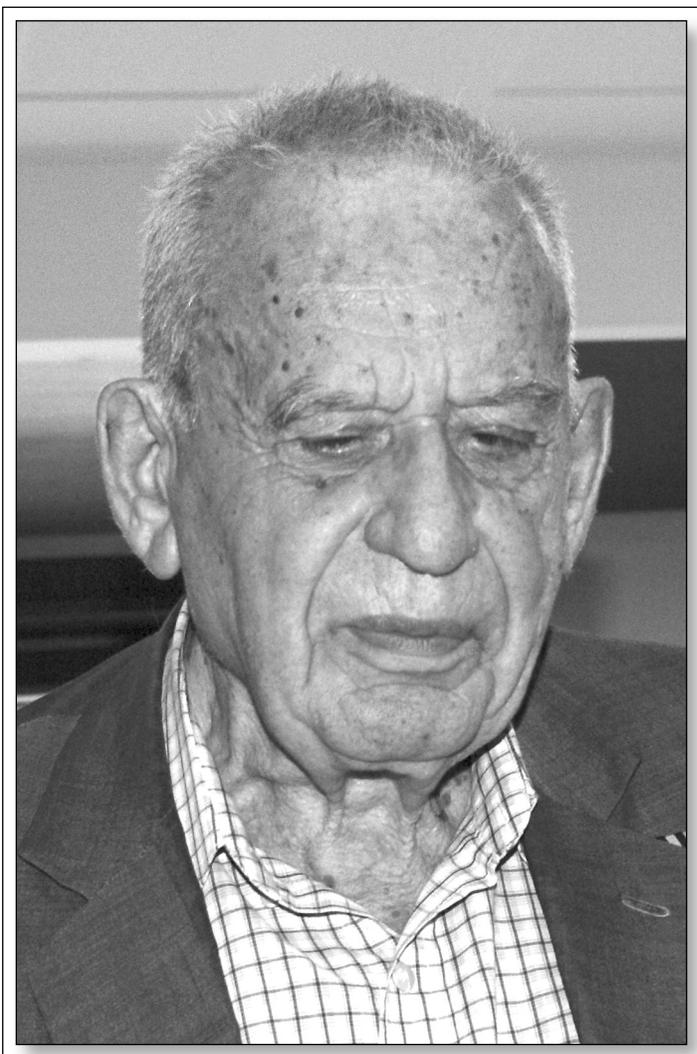
Вторую группу статей в настоящем сборнике представляют собой исследования источниковедческого характера. М.М. Фролова делает достоянием научной общественности неизвестные страницы биографии российского консула в Битоле Н.Ф. Якубовского, занимавшего эту должность в 1864–1873 гг. Л.В. Кузьмичева в своей статье анализирует воспоминания С.Н. Смирнова как источник по истории сербско-русских отношений в годы Первой мировой и Гражданской войн.

Самую многочисленную группу статей сборника составляют исследования, посвященные различным аспектам взаимоотношений балканских народов и России в XIX–XX вв. Они базируются на неопубликованных ранее материалах (в том числе документах из российских и зарубежных архивов) и проливают свет на такие сложные и дискуссионные вопросы, приобретающие сегодня особое звучание, как балканская

политика Петра I, роль России в становлении сербской государственности, деятельность славянофилов, различные модели отношений России и Черногории, «албанский фактор» на Балканах, взаимодействие России с Болгарией и Грецией, межгосударственные и межнациональные отношения на Балканах накануне Первой мировой войны (Г.Л. Арш. «Балканы и Прутский поход Петра I», В.И. Сопов. «К вопросу о становлении сербской государственности во время Первого сербского восстания 1804—1813 гг. и позиции России», И.В. Чуркина. «Отношение славянофилов к Священному союзу (Славянофилы о врагах и друзьях России)», В.Б. Хлебникова. «“Дух раздора” или “дух единства”»: к вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия», П.А. Искендеров. «Албания, Сербия и Россия: осень 1913-го...», О.И. Агансон. «“Карфаген должен быть разрушен!”: балканская политика Австро-Венгрии в оценках держав Антанты, 1912—1914 гг.», О.В. Соколовская. «Русско-японская война 1904—1905 гг. и её герои в Греции», В.Б. Каширин. «“Мозг армии” о задачах Российской империи на Балканах: доклад Главного штаба 1902 г.»).

Особое внимание читателей, безусловно, привлечет не имеющее аналогов в отечественной историографии исследование К.В. Мельчаковой, посвященное роли России в деле просвещения женского населения Боснии в XIX в. Кроме того, в двух статьях сборника рассматриваются важные и имеющие современное звучание вопросы взаимоотношений Советского Союза и государств Восточной Европы в послевоенный период. Это исследование А.С. Стыкалина «“Дело Имре Надя” в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов» и статья Т.В. Волокитиной о роли советского фактора в «деле» румынского коммуниста Л. Пэт-рэшкану (1948—1954 гг.).

Материалы сборника, несомненно, представляют интерес как для специалистов в области истории Юго-Восточной Европы в XIX—XX вв., так и для широких читательских кругов, интересующихся европейской историей и политикой России на Балканах.

*Григорий Львович
АРШ*

Светлана Ивановна ДАНЧЕНКО

Григорий Львович Арш и его балканские исследования

Эта статья посвящена Григорию Львовичу Аршу, одному из ведущих российских историков-балканистов, специалисту в области изучения истории Албании, Греции, международных отношений на Балканах и российско-балканских связей, главному научному сотруднику Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, доктору исторических наук. У него за плечами — боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны, десятилетия научно-исследовательской работы в системе Академии наук СССР, а затем Российской Академии наук, более двухсот научных трудов. Г.Л. Арш — яркий представитель отечественной балканистики, который в значительной мере способствовал, начиная со второй половины XX века, росту ее международного авторитета.

В своей статье мне хотелось бы отдать дань уважения замечательному ученому, незаурядной личности, старшему коллеге, ветерану Великой Отечественной войны, ветерану труда, ветерану балканистики, всецело преданному своему призванию, рассказать о нем самом, его трудах и вкладе в науку.

Г.Л. Арш родился в 1925 г. в г. Архангельск. Он не успел еще окончить среднюю школу, как началась Великая Отечественная война. В январе 1943 г., в неполные 18 лет, он ушел на фронт, был тяжело ранен, долгое время находился на излечении в госпитале и в марте 1945 г. был демобилизован. За боевые заслуги Григорий Львович имеет правительственные награды: 2 ордена — Красной Звезды и Отечественной войны I-й степени — и медали.

После войны Г.Л. Арш сначала доучивался в школе, а затем, в сентябре 1946 г., поступил на исторический факультет

Ленинградского университета, который окончил с отличием в 1951 г. В Университете Григорий Львович прошел блестящую профессиональную подготовку. Его научным руководителем был Николай Павлович Полетика (1896–1988), в конце 1940-х годов – зав. кафедрой истории международных отношений Ленинградского университета. Полетика стал одним из первых в нашей стране исследователей, кто серьезно, на обширной документальной базе, изучал историю возникновения Первой мировой войны. Его книга «Сараевское убийство», изданная в 1930 г., получила громкий резонанс, а труд «Возникновение мировой войны» (1935) был переиздан в 1964 г. Один из учеников Николая Павловича в 1948–1951 г. А.Б. Давидсон вспоминал о нем: «В своих книгах Полетика очень умело анализировал документы и, сопоставляя их друг с другом, изыскивал скрытую подоплеку событий. Вот этому он и учил нас. То есть – профессионализму работы историка»¹. При таком учителе нет ничего удивительного, что стремящиеся к знаниям, трудолюбивые его ученики, и среди них Григорий Арш, уже в студенческие годы делали успехи на научном поприще. Во время учебы в Университете Г.Л. Арш являлся членом студенческого научного кружка, а в 1949 г. опубликовал в «Вестнике Ленинградского университета» свою первую статью: «Британская дипломатия и миссия Лимана фон Сандерса».

После окончания Университета Григорий Львович 3 года преподавал историю – вначале в Ленинградской артиллерийской подготовительной школе, затем в 212-й средней школе г. Ленинграда. Казалось бы, жизнь обрела стабильность и ясные перспективы: он пережил войну, получил прекрасное образование и профессию, имеет работу в замечательном городе. Но... осталась нереализованной мечта юности – стать настоящим, академическим ученым! И чтобы исполнить ее, молодой преподаватель-фронтовик уезжает в Москву, выдерживает серьезные экзамены и в октябре 1954 г. становится аспирантом Института истории АН СССР, в то время головного исторического учреждения в академической системе. В наши дни в аспирантуру академических институтов гуманитарного профиля практически нет конкурса и требования к научной молодежи, по признанию

представителей старшего поколения, весьма снижены. А в начале 1950-х годов стать аспирантом Академии наук СССР было очень большим достижением. И Григорий Львович одержал свою очередную победу.

Научным руководителем Г.Л. Арша был назначен югославист Ю.А. Писарев (затем его сменил турколог А.Ф. Миллер); научной специализацией стала история Албании и Греции, а темой кандидатской диссертации — «Некоторые вопросы истории Южной Албании конца XVIII — начала XIX вв.». Для успешного воплощения замысла аспиранту Аршу было необходимо прежде всего проштудировать огромный объем зарубежной литературы на многих языках, включая албанский и греческий (не самые легкие!), а значит, нужно было их сначала изучить. Разумеется, Григорий Львович от природы очень одарен лингвистически, и это всегда помогало ему в его нелегких трудах. Но колоссальный труд и упорство, даже научный фанатизм, были, конечно, прежде всего, тем более, что в то время в СССР еще не было соответствующих квалифицированных преподавателей. Очень помогала тогдашним академическим аспирантам кафедра иностранных языков АН СССР. Здесь молодые ученые совершенно бесплатно не только сдавали экзамены, но и могли изучить любой иностранный язык. Албанский язык Григорию Львовичу преподавал студент-албанец, обучавшийся в Москве (благо, что отношения с Албанией еще не были прерваны), а новогреческий — грек-политэмигрант. И остальные «нужные» для научной работы языки — итальянский, турецкий, румынский — Г.Л. Арш осваивал благодаря помощи вышеупомянутой кафедры.

После успешного окончания аспирантуры, в октябре 1957 г., Григорий Львович был зачислен в штат Института истории АН СССР, где он вначале работал в секторе новой истории европейских стран, а с августа 1961 г. — в секторе европейских стран народной демократии. В 1958 г. были опубликованы первые его «академические» статьи², а 9 июля 1959 г. он защитил кандидатскую диссертацию. В 1963 г. на основе этой квалификационной работы молодой ученый издал свою первую монографию — «Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи)». Это

был большой успех молодого исследователя, отмеченный его коллегами в СССР и за рубежом.

В 1960-е годы Г.Л. Арш интенсивно работал в архивах, на этот раз по теме, связанной с историей греческого национально-освободительного движения начала XIX в., не оставляя, впрочем, и «албанских» исследований — в 1965 г. была опубликована «Краткая история Албании», в которой он был одним из авторов (в переводе на албанский язык эта книга в 1967 г. была издана в Приштине, в бывшей Югославии).

Но все же в 1960-е годы, в связи с разрывом советско-албанских дипломатических отношений, главное исследовательское внимание Григория Львовича было уделено новой истории Греции и русско-греческим связям. В этот период одна за другой выходят его статьи, в том числе во «Всемирной истории» (Т. 6, 7. М., 1959; М., 1960), в «Исторической энциклопедии» (около 30 заметок), разделы в вузовском учебнике «Новая история. 1640—1789» (М., 1964) и др. В 1965 г. в издательстве «Наука» была опубликована небольшая научно-популярная работа Г.Л. Арша «Тайное общество “Филики Этерия”» (в 1966 г. она была переведена на новогреческий язык и издана в Афинах). Его имя в этот период уже известно в Греции — коллегам ученого и широкой общественности. В 1963 г. в Афинах была издана первая его статья на новогреческом языке под названием «Давние дружеские связи греческого и русского народов». Впоследствии статьи Григория Львовича стали регулярно печататься в греческих изданиях. В 1964—1965 гг. греческая демократическая газета «Авги» («Заря») опубликовала 5 рецензий и аннотаций на его работы.

В 1968 г., в связи с реорганизацией Института истории АН СССР, сотрудники сектора, в котором трудился Г.Л. Арш, были переведены в Институт славяноведения, превратившийся теперь в Институт славяноведения и балканистики. В его рамках появился сектор новой истории балканских народов во главе с будущим академиком Ю.А. Писаревым (1916—1993), где и предстояло теперь работать Григорию Львовичу. Его коллегами по сектору стали слависты, бывшие ученики профессора С.А. Никитина (1901—1979), специалисты по истории Бол-

грии и Югославии. Именно в этом научном подразделении Григорий Львович завершил и в 1969 г. на Ученом совете Института защитил докторскую диссертацию на тему: «Греческое освободительное движение конца XVIII – начала XIX вв. и русско-греческие связи». 10 апреля 1970 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук. В том же году его квалификационная работа была опубликована в издательстве «Наука» в виде монографии «Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи».

Впоследствии Григорий Львович «переживает» еще две организационные перемены – вначале в качестве сотрудника сектора общевосточных проблем, а затем Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, когда Институт вновь станет Институтом славяноведения (без добавки «балканистики»). Но эти структурные изменения не играли решающей роли для Арша-ученого, для его творческой судьбы.

В 1974 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР появилось новое серийное издание, в котором публиковались работы по балканской тематике историков, литературоведов, культурологов, лингвистов. Каждый выпуск был посвящен какой-то важной дате или крупной научной проблеме. Ответственным редактором «Балканских исследований» в 1976 г. стал Г.Л. Арш. Под его редакцией вышло 11 выпусков и среди них: «Проблемы истории и культуры». Вып. 2 (М., 1976); «Освободительные движения на Балканах». Вып. 3 (М., 1978); «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы». Вып. 4 (М., 1978); «Основные проблемы балканистики в СССР». Вып. 5 (М., 1979); «Культура народов Балкан в новое время». Вып. 6 (М., 1980) и др. И это были не рядовые сборники статей, а фундаментальные труды ведущих отечественных ученых, получавшие сразу же после выхода их из печати высокую оценку специалистов в разных странах. «Балканские исследования» читали, изучали, анализировали балканисты всех поколений. К ним обращаются до сих пор! И, конечно, такой успех и такая репутация были бы невозможны без первоклассной работы ответственного редактора этого издания.

В 1970-е годы, помимо написания индивидуальных работ – монографии «И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение» (М., 1976) и многочисленных статей, Г.Л. Арш принимает участие в масштабном научном проекте – подготовке серии трудов «Международные отношения на Балканах» (отв. редактор – В.Н. Виноградов), охватывающей период с конца XVIII в. и до начала XX в.

Григорий Львович – автор целого ряда разделов по истории Греции, Албании и балканской политики великих держав. В них анализ динамики международной обстановки на Балканах базируется на доскональном знании автором архивных материалов, отечественной и зарубежной научной литературы, других многочисленных источников, а в качестве методологической базы выступают те самые принципы регионального подхода и междисциплинарных исследований, которые ныне являются общепринятыми во всем мире. Разумеется, участие в коллективных трудах обобщающего характера (а кроме «Балканских исследований» и «Международных отношений на Балканах» были и другие, например, «Формирование независимых национальных государств на Балканах» (М., 1986) и др.) отнимало немало времени и сил у Григория Львовича, мечтавшего создавать как можно больше индивидуальных работ. Но таковы были реалии той эпохи, в которой ему пришлось жить и творить. В Институте в 1970–1980-е годы приоритетными являлись именно коллективные труды и издать индивидуальную монографию, даже для доктора наук, было чрезвычайно трудно – не было никаких благотворительных фондов, грантов, спонсоров, частных издательств, существовал лишь скудный лимит институтского листажу, который год от года урезался издательством «Наука». А литературный и исследовательский дар Григория Львовича, на мой взгляд, предполагает прежде всего «книжную» форму воплощения его творческих замыслов. Особенно наглядно это проявилось в его трудах, написанных и изданных уже в XXI веке, о чем речь пойдет ниже.

Очень важным направлением деятельности Г.Л. Арша, с самого начала его научного пути, являлось участие в отечественных и международных конгрессах, съездах, конференциях,

симпозиумах. Трудно точно подсчитать, на скольких научных форумах он представлял сначала советскую, а затем российскую историческую балканистику. Из его ежегодных отчетов, хранящихся в архиве Института, следует, что, начиная с 1970-х годов, он регулярно выступал с докладами и сообщениями, помимо СССР, в Греции, Албании, Турции, Болгарии, Венгрии, Франции, Испании, Румынии. Только в 1981–1985 гг., например, Григорий Львович принял участие в 9 международных и союзных конференциях. И его выступления вызывали неизменный интерес коллег из разных стран, побуждали к научным дискуссиям. В качестве члена Оргкомитета Г.Л. Арша участвовал в подготовке ряда международных конгрессов по изучению Юго-Восточной Европы; советско-греческой конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Иоанна Каподистрии (Москва, май 1976 г.); II-го Международного конгресса по кипрологии (Никосия, апрель 1982 г.) и др. Из значимых зарубежных научных форумов 1980-х годов, на которых прозвучали доклады Григория Львовича, хочется отметить Международный симпозиум «Образ революционной Франции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (Париж, октябрь 1988 г.) и советско-греческий симпозиум «1000-летие культурных и экономических связей между эллинизмом и Россией» (Афины, ноябрь 1988 г.).

В связи с редкой специализацией Г.Л. Арша ему в разные годы руководством Института часто поручалось делать доклады к тем или иным памятным датам. Так, в ноябре 1982 г. он выступил на заседании Бюро Отделения исторических наук АН СССР, посвященном 70-летию провозглашения независимости Албании; в апреле 1984 г. сделал доклад в Институте в связи с 60-летием установления дипломатических отношений между СССР и Грецией и т.д.

Очень непростым временем для отечественной академической науки и тех, кто самоотверженно и преданно служил ей, были 1990-е годы. Пережившие их прекрасно помнят, как научным сотрудникам месяцами не выплачивалась зарплата, как у Институтутов не было средств для издания подготовленных трудов и научных командировок, как в стране неудержимо па-

дали авторитет и престиж науки. И как неоднократно на грани закрытия (по разным причинам) был Институт славяноведения. Однако большинство ученых и в этих условиях остались верными своему призванию и специальности и продолжали исследования, несмотря ни на что. Одним из этих подвижников является Г.Л. Арш, который, не взирая на трудности, оставался самим собой, то есть Ученым с большой буквы. И в 1990-е годы научные будни Григория Львовича не изменились: все так же искал он и находил во множестве новые документы в архивах, все так же изучал научную литературу по «своим» темам на многих языках, все так же писал своим неповторимым литературным стилем (автор и редактор в одном лице!) многочисленные труды – статьи, монографии, разделы в коллективных трудах, и все так же использовал любую возможность для контактов с зарубежными коллегами и поддержания за границей престижа российской балканистики.

В 1992 г. издательство «Наука» выпустило коллективную монографию «Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней». Ее ответственным редактором и одним из авторов стал Г.Л. Арш, а само издание до сих пор является главным обобщающим трудом по албанской тематике в отечественной науке.

Несомненным научным достижением 1990-х годов явилось участие Григория Львовича в качестве автора в коллективных трудах, подготовленных и изданных Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН в рамках нового проекта – «История Балкан в XVIII веке»: «Век Екатерины II. Россия и Балканы» (М., 1998) и «Век Екатерины II. Дела балканские» (М., 2000).

Большой творческой удачей ученого стала публикация в Греции двух его трудов: греческого издания книги «Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в.» (М., 1963) – в 1994 г., с подготовленным специально для него обширным документальным приложением, а также сборника «Документы из российских архивов. Александр Ипсиланти. Неопубликованная переписка. 1816–1828 гг.» (Салоники, 1999)³ – в соавторстве с греческим ученым К. Сволопулосом. Эти труды вызвали боль-

шой резонанс в Греции. В печати было опубликовано несколько положительных отзывов, кроме того Григорий Львович получил личное благодарственное письмо Президента Греческой республики К. Стефанопулоса.

В 1990-е годы значительно реже, чем в предыдущий период, Григорий Львович выезжал за границу для участия в различных научных форумах. И тем не менее его доклады с интересом слушали участники: XVII-го Международного конгресса исторических наук (Мадрид, август 1990 г.), Международного конгресса «Диаспора греков в России» (Афины, май 1992 г.), Первой мировой ассамблеи друзей греческой культуры (Греция, июнь 1993 г.), Международного симпозиума «Греческая миграция в Европе: история и современность» (Франкфурт-на-Майне, июнь 1995 г.) и др.

И в XXI веке Г.Л. Арш не утратил интереса к науке, что видно по его многочисленным трудам. Разделы в коллективных трудах, и прежде всего в многотомной «Истории Балкан», принадлежащие перу ученого, его статьи в журналах и тематических сборниках⁴ поражают обширной документальной базой, своими мыслями и выводами, а монографии «Иоанн Каподистрия в России (1809–1822)» (СПб., 2003) и «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки» (М., 2013) являются, как и прежние его книги, академической научной классикой.

Продолжаются в XXI веке и зарубежные научные связи Григория Львовича. В 2007 г. Институт новогреческих исследований (совместно с Институтом славяноведения РАН) издал подготовленный ученым сборник документов «Россия и пашалыки Албании и Эпира (1759–1831)», в котором введены в научный оборот новые источники по истории Албании, Греции, Македонии, Сербии и Черногории. Выход в свет этого труда значительно расширил документальную основу для изучения не только взаимоотношений России и албанских мусульманских правителей, но и в целом мусульманского мира Балкан и России.

В начале XXI века Г.Л. Арш принял активное участие в целом ряде международных научных мероприятий: IX-м Конгрессе по изучению Юго-Восточной Европы (Тирана, август

2004 г.), Международном симпозиуме «Проявления европейского и международного филэллинизма» (Вюрцбург, октябрь 2004 г.), симпозиуме «Образ Греции в зеркале наций: рост филэллинизма» (Афины, декабрь 2005 г.).

* * *

Трудно сказать, истории какой из изучаемых стран — Албании или Греции — отдавал и отдает предпочтение Григорий Львович. И «албанские», и «греческие» сюжеты разработаны им детально, с привлечением уникальных, в большинстве своем открытых им самим, в результате многолетних архивных изысканий, материалов. Именно поэтому его труды заслуживают не простого перечисления, а специального рассмотрения. Принимая во внимание многочисленность и работ Г.Л. Арша, и проблем, которые им исследовались, считаем целесообразным остановиться на главных, ключевых из них.

История Албании и русско-албанские связи в научном творчестве Г.Л. Арша

Как уже отмечалось, первые научные работы Г.Л. Арша — статьи и кандидатская диссертация — были посвящены истории Албании. В 1963 г. издательство «Наука» выпустило его монографию «Албания и Эпир в конце XVIII — начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи)». Она положила начало изучению Григорием Львовичем важнейшей проблемы албанской истории — «Албания на пути к образованию национального государства». Следует отметить, что в его «албанских» трудах присутствовала и греческая тематика, так как население Эпира в рассматриваемый период в основном составляли греки.

При работе над монографией Григорий Львович тщательно изучил, помимо научной литературы на 7 языках, архивные фонды за несколько десятилетий. Круг привлеченных им материалов очень широк — здесь и переписка МИД России с его представителями в Константинополе, Вене, Венеции, Неаполе, Рагузе (Дубровнике), Ватикане, на Ионических островах, и документы по истории российского военно-мор-

ского флота и армии. Эти источники известная отечественная исследовательница истории Балкан в XIX в. И.С. Достян (1920–2011) назвала «исключительно ценными». «...Россия, — пишет она, — по сравнению с другими европейскими государствами имела в то время самую обширную консульскую сеть в юго-западной части Балканского полуострова. Поэтому русские дипломатические документы при скудости других источников служат незаменимым материалом для изучения политической истории западнобалканских земель того периода»⁵.

Монография Г.Л. Арша, как отметила в своей рецензии на нее советская исследовательница А.М. Станиславская, относится к тем работам, которые «при кажущейся узости их тематики в действительности ставят вопросы, выходящие за пределы, сформулированные в названии»⁶. Автор рассмотрел историю Шкодерского и Янинского пашалыков на фоне общих процессов, происходивших в Османской империи, подчеркнув, что разложение военно-ленной системы вело к росту политического могущества местных феодалов и, соответственно, к ослаблению власти и авторитета султанского правительства в европейских провинциях.

Для того, чтобы дать всестороннюю оценку роли пашалыков в истории Албании, исследователь провел детальный анализ деятельности шкодерских и янинского правителей, объективных последствий их внутренней и внешней политики.

История Шкодерского пашалыка, управлявшегося 75 лет представителями семейства Бушати, начиная с Махмуда-паши, до Г.Л. Арша была изучена весьма слабо, ввиду скудости источников. Автор буквально по крупицам, на основании многочисленных, но часто неполных и противоречивых источников, восстановил канву исторических событий, исправляя неточности и ошибки в датах, имевшие место в более ранних трудах западных и албанских исследователей.

Весьма подробно изучил Григорий Львович вопросы об образовании Янинского пашалыка, о его правителе Али-паше Тепелене, оваянном легендами и даже увековеченном в исторических романах, о его непрестанной борьбе за расширение своих владений и отношениях с великими державами.

Г.Л. Арш впервые в историографии поставил проблему «Россия и Албания». Отклики в Албании на русско-турецкие войны 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг., влияние их на албанцев, реакция греческого и албанского населения Адриатики и Ионического побережья на военные успехи России, тайные переговоры Махмуда Бушати с Россией – все эти сюжеты исследуются автором детально.

Так же подробно рассмотрел Григорий Львович вопрос о «русских» контактах Али-паши Янинского. В западной историографии сложилась легенда о его непримиримой враждебности к России. Обнаруженные в отечественных архивах документы помогли Г.Л. Аршу покончить с этим мифом. Он проанализировал переговоры с Россией о союзе против султана, которые Али-паша вел во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. (ранее о них было известно лишь в самой общей форме), и его попытки договориться с Россией в 1793, 1806, 1808 и 1820 гг. (о чем вообще не было известно). Для достоверной и беспристрастной трактовки русско-албанских связей установленные ученым факты и его вывод о готовности Али-паши в собственных интересах пойти на тактическое сближение с Петербургом были весьма существенны.

По выражению российского дипломата Г.Д. Моцениго, Али-паша был «человеком, стучавшимся во все двери». Материал, приведенный в книге Г.Л. Арша, подтверждает это высказывание, повествуя о заигрываниях правителя Янины также с Францией и Англией.

К 1812 г. Али-паша достиг вершины своего могущества. От Янины стала зависеть значительная часть западнобалканских провинций Османской империи. Это «политическое достижение» Григорий Львович называет выдающимся⁷.

Проанализировав многочисленные документы, ученый пришел к выводу, что ни правители из семьи Бушати, ни Али-паша Янинский не были носителями национальных идей и не ставили в своей борьбе против Порты задачу создания независимого Албанского государства. Целью их политики было превращение их пашалыков в наследственные автономные княжества Османской империи. Пашалыки же эти, особенно

Янинский, в территориально-этническом отношении далеко не были адекватны понятию «Албания». Да и почва для национального движения в албанских землях в то время еще не созрела. Вместе с тем, хотя правители пашалыков и не были носителями албанской национальной идеи, констатирует Г.Л. Арш, пашалыки все же «сыграли прогрессивную роль в истории Албании. Распространение власти янинского и шкодерских правителей на всю Албанию нанесло удар по феодальной раздробленности, что создало благоприятные условия для экономического развития страны». Наряду с этим происходил рост самосознания албанского народа. Пашалыки явились своего рода «опытом албанской государственности»⁸.

В 1965 г. в отечественной албанистике произошло знаменательное событие — издательство «Наука» выпустило первый в СССР труд, посвященный албанской истории, — «Краткая история Албании». Он увидел свет спустя всего лишь несколько лет после драматического разрыва советско-албанских отношений, вина за который лежала на обеих сторонах. «Краткая история Албании» охватывала период с древнейших времен до середины XX в.; ее авторами были уже известные в те годы историки-албанисты — Г.Л. Арш, И.Г. Сенкевич, Н.Д. Смирнова.

Г.Л. Арш, автор раздела об истории Шкодерского и Янинского пашалыков, констатирует, что во время их существования «был сделан шаг на пути экономического и политического объединения страны, оказавший впоследствии свое влияние на формирование национального движения»⁹.

С конца 1960-х годов главное внимание в своем научном творчестве Григорий Львович уделяет изучению не албанской, а греческой истории и русско-греческих связей (об этом см. ниже). Вместе с тем он продолжает интенсивные поиски в архивах по албанской тематике, результатом которых впоследствии станут новые содержательные и интересные труды.

Как уже упоминалось, в 1970-е годы Г.Л. Арш в составе авторского коллектива серии обобщающих трудов «Международные отношения на Балканах» интенсивно работал по подготовке «албанских» и «греческих» (о них см. ниже) разделов. При их написании ученый опирался на результаты собственных

изысканий, осуществленных в предшествующие десятилетия, а также на труды своих коллег-албанистов. Вместе с тем эти разделы не являются повторением предыдущих работ — они содержат как новые материалы (главным образом архивные), так и новые оценки и характеристики.

Среди наиболее значимых событий в истории Албании в конце XVIII — начале XIX вв. Григорий Львович, как и ранее, выделяет создание и существование полунезависимых пашалыков — Шкодрина и Янинского. При этом он акцентирует внимание на международном аспекте — контактах их правителей Махмуда-паши Бушати и Али-паши Тепелена с Россией, Англией и Францией, позднее с Австрией. Причем, в конце XVIII в. «центр дипломатической активности держав на Западных Балканах переместился в Янину»¹⁰. Автор подробно прослеживает все перипетии переговоров Али-паши, нуждавшегося во внешней опоре в его борьбе с султаном, с представителями великих держав, показывает стремление последних использовать янинского пашу для реализации своих военно-политических планов. Однако переговоры и контакты, о которых подробно пишет Г.Л. Арш, не привели к заключению какого-либо союза ни с одной из держав ни во время, ни после наполеоновских войн. Французская дипломатия поддерживала и в значительной степени инспирировала враждебные замыслы Порты против Али-паши. Российский же МИД не собирался поддерживать его сепаратизм, так как после 1814 г. правовой основой политики России на Балканах стала система ее мирных договоров с Османской империей, а янинский правитель был вне этой системы. Лондонский кабинет после наполеоновских войн стал рьяным защитником целостности Османской империи и, не нуждаясь больше в услугах Али-паши, оставил его на произвол судьбы и Порты. Таким образом, в преддверии начавшейся в 1820 г. войны между Али-пашой и султаном Махмудом II, первый оказался без какой-либо внешней опоры, что и предопределило его гибель¹¹.

Во время греческой революции 1821—1829 гг., по данным Г.Л. Арша, имели место рост волнений в Южной Албании, развертывание партизанской борьбы против турецких гарнизонов

и установление связей с восставшими греками. Немалое внимание он уделил драматическим событиям в Шкодринском пашалыке 1820-х — начала 1830-х годов, в период борьбы султана с последним его наследственным правителем Мустафа-пашой Бушати. При этом Григорий Львович подчеркнул, что на завершающей стадии русско-турецкой войны 1828—1829 гг. «с точки зрения международной обстановки албанское движение находилось в самой неблагоприятной ситуации»¹². Ни одна из держав не поддержала Мустафа-пашу, и в 1831 г. Шкодринский пашалык был ликвидирован.

Подводя итоги важному периоду в истории Албании, когда страна управлялась наследственными семьями местных феодалов, Г.Л. Арш констатировал, что пашалыкам принадлежало немаловажное место в истории международных отношений на Балканах. «Впервые после османского завоевания Албания стала не только географическим понятием. Через голову и вопреки Порте правители албанских “княжеств” вступали в дипломатические контакты с европейскими правительствами. Албанские правители предпринимали и попытки, продиктованные, как правило, угрозой их власти со стороны султана, отколоться от Османской империи. Попытки эти, — подчеркивает автор, — оказались безуспешными, прежде всего из-за отсутствия достаточно широкой и прочной внутренней опоры. Кроме того, мусульманская верхушка албанского общества была идеологически и политически тесно связана с османским государством и обществом»¹³.

В «Международных отношениях на Балканах» Г.Л. Арш подтверждает важный вывод, уже прозвучавший в более ранних его трудах: «...несмотря на свой ограниченный характер, борьба Али Тепелены и властителей из рода Бушати против султана способствовала развитию национального самосознания албанцев, созданию предпосылок для формирования национально-освободительного движения»¹⁴.

Обратившись к анализу положения Албании после 1830 г., Григорий Львович подчеркнул ряд моментов. Во-первых, крайне медленное развитие товарно-денежных отношений. «Страна, расположенная менее чем в ста километрах от итальянск-

кого побережья, — пишет он, — находилась еще в феодальном средневековье»¹⁵. Во-вторых, Порты, после ликвидации полунезависимых пашалыков, стремилась упрочить свою власть в Албании путем распространения на нее новой централизованной системы управления. При этом она придерживалась следующих принципов: никогда не объединять албанцев в рамках одной административной единицы и включать в эти единицы наряду с албанскими землями территории, населенные сербами, болгарами, греками и другими народами. Разумеется, подобная политика затрудняла освободительную борьбу албанского народа, но не могла ее приостановить.

Рассматривая вопрос о восстаниях 1833—1835 гг., Г.Л. Арш отмечает, что в ходе их «проявились, наряду с патриотизмом и стихийным демократизмом народных масс и политическими стремлениями албанского феодального класса, элементы демократической национальной идеологии». Ученый объясняет это влиянием революционных событий в Греции, в которых многие албанцы приняли участие¹⁶.

В 1840-е годы восстания происходят с новой силой, что было вызвано сопротивлением албанского населения реформам Танзимата. Значение этих восстаний Григорий Львович определяет тем, что они внесли свой вклад в дело освобождения Албании и явились начальным этапом албанского национального Возрождения¹⁷. При этом ученый подчеркивает следующий момент: в ходе восстаний звучали призывы к единству всех албанцев и к независимости страны; одновременно выявились большая региональная разобщенность, отсутствие общей для всей Албании политической программы и координации между отдельными освободительными выступлениями. Однако именно в 1840-е годы, по мнению Григория Львовича, зарождалась идеология албанского освободительного движения.

При отсталости общественных и культурных условий в Албании большую роль в этом процессе играли эмигрантские колонии, особенно бухарестская. Г.Л. Арш впервые в отечественной историографии изучил деятельность Наума Векильхарджи (1797—1859), жившего в Бухаресте и ставшего создателем албанского алфавита и первым идеологом албанского

Возрождения¹⁸. Это исследование, проведенное с использованием новых, открытых автором документов позволило ему прийти к важному выводу: «Национально-просветительский этап был закономерным явлением для всех национальных движений на Балканах. Значение его для албанского народа состояло в возможности противостоять как эллинизаторской деятельности греческого духовенства, так и панисламистским идеям...»¹⁹.

Период 1850-х годов рассмотрен Г.Л. Аршем в «Международных отношениях на Балканах» довольно кратко. Тем не менее он указал на особенности процессов, которые проходили в тот период в албанских землях. Важнейшей из них стало приостановление централизаторских реформ. Порта предписала турецким чиновникам быть более терпимыми и не прибегать к силе. За некоторыми местными вождями были вновь признаны их привилегии, что обеспечило их участие на стороне Турции в ее войне с Черногорией в 1852–1853 гг. В период Крымской войны 1853–1856 гг. Порта также использовала военные ресурсы Албании. Правда, горцы-католики Северной Албании, а также беи Южной Албании отказались воевать против России. Вместе с тем, подчеркивает автор, они весьма активно вмешивались в события в соседних провинциях Османской империи, особенно в Эпире²⁰.

Социально-экономическое положение Албании в 50–70-е годы XIX в., роль церкви, политика великих держав, рост экспансионистских устремлений соседних балканских государств в отношении албанских земель – все эти вопросы стали предметом рассмотрения Г.Л. Арша в следующем труде вышеуказанной серии – «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986). В этот период, по определению ученого, перед албанскими патриотами стояла нелегкая задача: «вести борьбу за ликвидацию господства османских угнетателей, защищая одновременно национальное единство и территориальную целостность страны от поплзновений новых захватчиков»²¹.

Анализируя события 1870-х годов, Григорий Львович отметил, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. дала сильный толчок росту освободительных стремлений албанского народа.

Остановился ученый и на ключевом вопросе албанской истории этого периода – о Призренской лиге. Рассмотрев основные этапы деятельности этой первой общеалбанской политической организации, которая выдвинула и пыталась претворить в жизнь широкую национальную программу, а также проанализировав развитие ширококомасштабного антитурецкого движения после 1878 г., когда власть в стране фактически перешла к местным комитетам Лиги, Г.Л. Арш показал и ее международные связи, в частности, контакты с Россией²².

Значительным достижением отечественной албанистики явился выход в свет в 1992 г. коллективной монографии под довольно скромным названием «Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней», авторами которой являются Г.Л. Арш, Н.Д. Смирнова и Ю.В. Иванова – ведущие албанисты нашей страны. Отличительная черта этого труда, хотя он и написан без сносок*, – высокий научный уровень. Ссылок на документы в книге нет, однако они обильно цитируются, убеждая читателей в ее научности и фундированности. Наряду с этим авторы используют труды албанских историков. С момента публикации первой «Краткой истории Албании» к тому времени прошло уже почти 30 лет, и, разумеется, возникла необходимость вновь вернуться к ключевым событиям албанской истории. При этом новые материалы, открытые учеными, позволили им дополнить и уточнить ранее известные факты, осветить слабоизученные ранее вопросы. Так, говоря о первом национальном идеологе и просветителе Албании Науме Векильхарджи, Г.Л. Арш, уже опубликовавший в 1974 г. о нем специальную статью (см. прим. 18), на основании обнаруженных им новых документов, сообщает, что отец Наума – Панайот Векильхарджи, находясь в 1807–1809 гг. в должности векильхарча (управляющего, эконома) при турецком паше в осажденном русскими войсками Измаиле, взял на себя роль добровольного осведомителя русского командования²³.

Анализируя перемены в социально-экономической и политической сферах в европейских провинциях Османской

* Это была единая форма для всех «Кратких историй», выпускаемых Институтом славяноведения РАН.

империи, в том числе в Албании, Григорий Львович констатирует, что шли они медленно и мучительно. Выглядевшие на бумаге либерально и прогрессивно, реформы превращались на местах в орудие произвола властей по отношению к населению. «...в Стамбуле не проявляли большой настойчивости в претворении в жизнь собственных решений, касавшихся предоставления гражданских прав немусульманскому населению. Первостепенное значение здесь придавали другому аспекту реформ — централизации власти и подавлению всякой самостоятельности, которой пользовалось население некоторых областей в дореформенные времена. И эту сторону реформ албанцы ощутили очень скоро»²⁴, — пишет автор. Существенно усилился налоговый гнет, были отменены привилегии для горцев, что привело к обострению ситуации и новым освободительным акциям албанских патриотов в 1860-е годы. В 1866—1869 гг., в связи с Критским восстанием, Портой даже обсуждался план создания особого албанского вилайета с центром в Призрене. Помимо албанских земель в состав вилайета предполагалось включить обширные территории Европейской Турции. По замыслам авторов этого проекта, албанский элемент должен был стать своего рода противовесом усиливавшемуся освободительному движению других балканских народов.

Г.Л. Арш высоко оценивает значение антитурецких восстаний в Албании в 30—70-е годы XIX в., направленных в конечном счете против упрочения власти османов. Результаты этих восстаний для различных частей страны, подчеркивает он, оказались неоднозначны: в большей мере Порте удалось утвердить свою административную систему на юге Албании, горные же районы севера фактически остались непокоренными, что имело важное значение для дальнейшего развития албанского национально-освободительного движения²⁵.

VII глава «Краткой истории Албании» посвящена Призренской лиге. Анализируя ситуацию, сложившуюся в албанских землях в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в., Г.Л. Арш отмечает важный момент: «...ввиду неблагоприятной международной обстановки вопрос о вооруженном антиосманском восстании и создании независимого албанского государства

был временно снят с повестки дня. Теперь албанские патриоты видели перед собой главную задачу в том, чтобы помешать отторжению албанской территории соседними балканскими государствами»²⁶. С этой целью предполагалось создание в рамках Османской империи автономного албанского вилайета, в который должны были войти все земли с преобладающим албанским населением. Автор подробно рассматривает вопросы о создании Лиги, которая определяется им как «военно-политическая организация с органами центрального и местного самоуправления», о ее составе, основных решениях, борьбе различных течений (радикального, умеренного, протурецкого), достижениях в разных сферах.

Статут Лиги, принятый 2 июля 1878 г. на общем собрании почти всех албанских районов, Григорий Львович считает важнейшим документом, так как, наделив ее широкими функциями в области управления, он стал «юридической базой для постепенного оформления в рамках османского государства албанской автономии»²⁷. В период деятельности Лиги на местах шло создание органов местного управления, и вскоре «во многих районах Албании, — констатирует автор, — сложилось двоевластие»²⁸.

Движение, порожденное Призренской лигой, проявилось не только в политических, военных и дипломатических акциях. Оно оказало стимулирующее влияние на культурное развитие Албании и придало новые масштабы национально-просветительному движению. Этот вопрос также рассмотрен Г.Л. Аршем в «Краткой истории Албании». Среди выдающихся деятелей албанского Возрождения он выделяет братьев Сами и Наима Фрашери и Васо Пашко, автора книги «Правда об Албании и албанцах», первого произведения, написанного албанцем о своей стране.

И как итог рассмотрения вопроса о Призренской лиге — следующий обоснованный развернутый вывод: «... после трех лет существования Лиги и Албания, и ее население во многом были уже не те. Выдвинутая Албанской лигой программа национальной автономии впервые в истории страны объединила гегов и тосков, мусульман, католиков и православных, крестьян,

горожан и патриотически мыслящих аристократов. Был сделан важный шаг на пути преодоления религиозных и региональных различий, тормозивших объединение всех патриотических сил в борьбе за национальное освобождение. Развернутая Лигой культурно-просветительная деятельность способствовала формированию единства духовной жизни народа. Благодаря Лиге национальные требования албанцев впервые стали предметом обсуждения дипломатии и общественного мнения Европы. С момента создания Албанской лиги начался отсчет времени на пути к достижению независимости. На печатях, знаменах, официальных документах новых патриотических организаций, возникших в начале XX в., стояла дата — 1878 г.»²⁹.

В начале XXI в. в Институте славяноведения РАН был подготовлен и издан ряд коллективных обобщающих трудов по балканской тематике: «История Балкан. Век восемнадцатый» (М., 2004), «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» (М., 2011) и «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856—1878 гг.» (М., 2012). В этих выполненных на высоком профессиональном уровне работах представлена история балканских народов, в том числе албанского, на протяжении почти целого столетия. Автор текстов об Албании Г.Л. Арш, уже с позиции исторической науки XXI века, с учетом достижений отечественной и зарубежной албанистики, с привлечением новых документов (в основном из российских архивов) последовательно рассмотрел главные события в истории этой страны, выделил важнейшие особенности ее развития, начиная со средневековья, дал емкие характеристики отдельным явлениям и историческим деятелям, сформулировал целый ряд интересных выводов.

Прежде всего Григорий Львович отметил то огромное значение для духовной консолидации албанцев, которое имело «преклонение их всех — православных, католиков, мусульман — перед образом Скандербега. Культ великого воина Албании, — пишет автор, — зародившийся в османскую эпоху и сделавшийся важным элементом национального самознания, способствовал сохранению албанцами своей самобытности и спасению от грозившей им ассимиляции»³⁰.

В XVIII в. берут свое начало русско-албанские связи, важная составляющая отношений России и Албании. Опираясь на открытые им документы, Г.Л. Арш уделяет этому вопросу значительное внимание. Впервые в российском политическом лексиконе, констатирует ученый, албанцы появились в 1711 г. Именно тогда, накануне Прутского похода, в воззваниях Петра I к балканским христианам с призывом поддержать Россию в ее войне с Турцией [из этих воззваний до нас дошли: «Грамота черногорскому народу» от 3 (14) марта 1711 г., «Грамота христианским народам, подвластным Турции» от 23 марта (3 апреля) 1711 г. (на греческом языке) и «Манифест Молдавии и Валахии и всем христианским народам» от 8 (19) мая 1711 г.], в числе прочих, фигурируют и албанцы. В греческом тексте «Грамоты христианским народам...» они именуются арнаутами, а в русском тексте «Манифеста Молдавии и Валахии...» — албанезами. Примечательно, что в варианте «Грамоты черногорскому народу», опубликованном известным биографом Петра I И.И. Голиковым, в качестве примера для подражания балканским христианам в их борьбе против османских завоевателей, называется «Георгий Кастриот, сиречь Скандербег», который «на шестидесяти трех главных баталиях неприятеля на голову побил»³¹.

Г.Л. Арш рассмотрел вопрос о вооруженном антитурецком восстании 1711 г., в котором активное участие приняли общины североалбанских горцев — Хоти, Кастрати, Кельменди, действовавшие в союзе со своими соседями-черногорцами. Восстание, как известно, было подавлено. Петр I в июле 1711 г., после поражения на реке Прут, был вынужден отказаться от похода на Балканы и заключить мир с турками. Однако, несмотря на неудачу, констатирует Г.Л. Арш, русско-турецкая война 1710—1711 гг. показала наметившийся поворот во внешнеполитической ориентации балканских народов, в том числе и албанцев. Теперь они всё больше смотрели не в сторону Венеции и Вены, как прежде, а в сторону Петербурга, а с середины XVIII в. уже по собственной инициативе стремились установить политические контакты с петербургским двором³².

При рассмотрении процесса складывания в Албании полунезависимых пашалыков — Шкодерского и Янинско-

го — Григорий Львович также обращается к вопросу о русско-албанских контактах, имевших место накануне и во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. (химариоты, Яков Сума из Шкодры — первый албанец, побывавший с политической миссией в России). Ценные сведения о контактах албанцев-химариотов с агентами России и с самим А.Г. Орловым, руководителем первой Архипелагской экспедиции российского флота, содержатся в обнаруженных Г.Л. Аршем прошениях и записках химариотов, хранящихся в АВПРИ³³. Во время этой войны командующий российской эскадрой в Архипелаге адмирал Г.А. Спиридов 12 (23) марта 1771 г. обратился с воззванием к христианским народам Балканского полуострова, в котором призывал их подняться против турок для освобождения от «ига агарянского». Этот призыв нашел широкий отклик на Балканах. Автор приводит следующую цифру: общее число балканских выходцев, участвовавших в 1770—1774 гг. в морской войне в Архипелаге, составило 6.413 чел. И среди них были «албанские» батальоны³⁴.

В рассматриваемом труде Г.Л. Арш приводит немало новых фактов из истории русско-албанских связей конца XVIII в., в частности, о контактах с горцами-химариотами, исповедовавшими православие. По его данным, после войны многие переселившиеся в Россию химариоты, в основном в прибрежные черноморские области, продолжили военную службу в России в составе «Албанского войска» («Греческого полка»). Часть химариотов использовалась для консульской службы на Балканах (П. Бицилли в 1785 г. получил должность — «Генеральный консул России в Албании и Химаре»; его брат Джика стал генеральным консулом на Кефаллонии; граф Антон Джика в 1785 г. — генеральным российским консулом в Рагузе). В начале XIX в. химариоты продолжали участвовать в военно-политических акциях России на Балканах. «В российских правящих кругах, — пишет автор, — к ним относились как к дружественному народу и по возможности оказывали им покровительство»³⁵.

Григорий Львович приводит данные и о том, что с конца XVIII в., в период борьбы против Порты правителя Шкодринского пашалыка Махмуда-паши Бушати, в Петербурге также

сочли возможным установить с ним политические контакты. Посланнику в Венеции А.С. Мордвинову предписывалось «открыть с ним надежное сообщение для ободрения его на дальнейшее и неослабное противоборствование туркам»³⁶.

Проанализированы в «Истории Балкан» и контакты представителей России с Али-пашой Тепелена летом 1791 г.

Говоря о значении эпохи полунезависимых пашалыков, Григорий Львович подчеркивает в этом труде следующие моменты: 1. Хотя албанское население разделялось по религиозному признаку на мусульман, православных и католиков, тем не менее «история Албании религиозных междоусобиц не знает: сознание этнической общности являлось доминирующим фактором». 2. Существование пашалыков являлось особой формой национального пробуждения албанцев. «В пашалыках укреплялось сознание своей албанской идентичности и росли сепаратистские настроения в отношении Стамбула»³⁷.

В труде «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» Г.Л. Арш продолжил рассмотрение истории албанских пашалыков (вплоть до их ликвидации). При этом он подчеркнул, что, хотя войны с султаном велись феодальными пашами, боровшимися за сохранение личной власти, однако в этих войнах принимали участие и широкие слои населения, для которых они были продолжением вековой борьбы албанцев против османских поработителей³⁸.

При рассмотрении ситуации в Албании в 30–40-е годы XIX в. исследователь отмечает значительный потенциал освободительной борьбы албанцев этого периода. Вместе с тем он считает, что национальное движение, в точном значении этого понятия, у них отсутствовало — его идеология только начала формироваться «в условиях огромных и специфических трудностей»³⁹.

В следующей книге серии — «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878 гг.» — Григорий Львович представил положение албанских земель в Османской империи в период Танзимата, рассмотрел освободительные акции 60–70-х годов XIX в., а также специально выделил вопрос о создании и деятельности Албанской (Призренской) лиги.

Автор уделил значительно большее внимание, чем в ранних своих трудах, предпринятой в 1862 г. попытке молодых шкодринских интеллигентов придать более широкий характер выступлениям горцев Северной Албании в защиту местной автономии и своих традиционных привилегий. Ареной действий представителей шкодринской патриотической группы стала Мирдита (правитель Биб Дода). Здесь они намеревались создать автономное или независимое княжество, которое, по их замыслу, стало бы ядром национального государства. Среди этих патриотов Григорий Львович выделил католического священника аббата Гаспера Красничи, чья самоотверженная деятельность была направлена на освобождение албанского народа от чужеземного ига.

Важным моментом в развитии освободительного движения албанцев в 1860-е годы автор считает то, что оно сливалось с освободительными выступлениями других балканских народов – греков, сербов, черногорцев. Эти акции подрывали мощь Османской империи и в конечном итоге вели к краху ее господства в Европе, несмотря на то, что Балканский союз в 1860-е годы так и не был создан.

Параллельно с антитурецкими восстаниями в Албании продолжалась разработка идеологии национально-освободительного движения. В этой связи Г.Л. Арш рассматривает взгляды и деятельность одного из видных интеллектуалов этого периода, последователя Наума Векильхарджи – Зэфа Юбани (1818–1880), историка, лингвиста, фольклориста, просветителя. Исследователь отмечает, что З. Юбани большое внимание уделял социально-экономическим вопросам, ратовал за развитие Албании по буржуазному пути, выступал против идеализации патриархальных норм общественной жизни североалбанских горцев, так как не одобрял их борьбу за сохранение своих привилегий и самоуправления, видя в ней проявление консервативных традиций. По мнению Г.Л. Арша, ошибка З. Юбани заключалась в том, что он не учитывал важное обстоятельство: «сопротивление горцев турецким нововведениям объективно являлось продолжением вековой борьбы албанцев за свою свободу и самобытность, и что непокоренные горцы Северной

Албании были основной боевой силой албанского национально-освободительного движения»⁴⁰. Подводя итог рассмотрению взглядов З. Юбани, автор подчеркивает, что высказывания этого деятеля о необходимости для Албании иметь особые законы и учреждения «отражали стремления нарождавшейся буржуазии к достижению национальной автономии в рамках Османской империи. И позднее многие деятели албанского национально-освободительного движения выступали за сохранение Албании в составе Османской империи при условии получения, в тех или иных пределах, автономных прав»⁴¹.

Значительное внимание, как уже отмечалось, уделил Г.Л. Арш в «Истории Балкан» вопросу об Албанской (Призренской) лиге. Он подробно изложил историю ее создания в контексте тех событий международного значения, которые происходили в регионе в конце 70-х годов XIX в. При этом автор подчеркнул, что в условиях, когда над Албанией, после окончания русско-турецкой войны, нависла угроза расчленения, идеологи албанского освободительного движения временно сняли вопрос о вооруженном антиосманском восстании и создании независимого Албанского государства. Главной задачей албанских патриотов в этот момент было помешать отторжению албанской территории соседними балканскими государствами. С этой целью ими предполагалось создание в рамках Османской империи автономного албанского вилайета, в который должны были войти все земли с преобладающим албанским населением.

Борьбу в защиту целостности национальной территории и должна была возглавить Албанская лига, объединив в одной организации представителей всех общественных слоев, всех религий, всех областей страны. При рассмотрении данного вопроса Г.Л. Арш показал отношение к Лиге османских властей, великих держав и самих албанцев; акцентировал внимание на борьбе представителей группировок внутри Лиги — радикалов и умеренных — на разных этапах ее деятельности; проанализировал ее основные программные документы. Автор подчеркнул также весьма важный момент в истории албанского освободительного движения конца 1870-х годов, а именно: движение,

вызванное к жизни Албанской лигой, проявилось не только в политических, военных и дипломатических акциях, но и в национально-просветительной сфере (создание алфавита албанского языка и опубликование букваря, деятельность культурно-просветительных обществ). Кроме того, исследователь отметил усиление в этот период политической активности как руководителей Лиги, так и представителей ее местных отделений. «Можно без преувеличения сказать, — пишет Григорий Львович, — что благодаря Лиге в Албании впервые образовался граждански активный слой общества»⁴². А это было весьма важно для будущего развития албанского освободительного движения. Убедительно звучит и вывод автора при его рассуждениях о значении Лиги: в эти несколько бурных лет ее существования был сделан буквально рывок на пути преодоления религиозных и региональных различий, тормозивших объединение всех патриотических сил в борьбе за национальное освобождение, происходило формирование единства духовной жизни албанского народа.

События в Албании конца 70-х — начала 80-х годов XIX в., связанные с деятельностью Лиги, национальные требования албанцев, ставшие предметом обсуждения дипломатов и общественного мнения Европы, привели к тому, что и западные державы меняли свое отношение к этой стране. Г.Л. Арш привел выдержку из донесения британского посла в Стамбуле Гошена (июль 1880 г.), который писал: «Албанская национальность представляет собою элемент, который не следует игнорировать при любых будущих политических комбинациях»⁴³.

К началу XXI века относятся и другие, не менее значимые работы Григория Львовича по албанской тематике. Среди них — статья обобщающего характера «Албания: исторический очерк» в первом томе «Большой российской энциклопедии» (М., 2005), а также его разделы в коллективной монографии «За балканскими фронтами Первой мировой войны» (М., 2002) — из серии «Международные отношения на Балканах». В них исследователь рассмотрел целый комплекс проблем — политических, международно-правовых, территориальных, которые возникли в связи с появлением на политической карте Балкан,

в конце 1912 г., нового независимого государства — Албании — и решением которых занялись великие державы.

Материал, приведенный Г.Л. Аршем, подтверждает его вывод о том, что «хозяйственный развал, внутренняя междоусобица, ожесточенная схватка держав за господство в стране и поползновения соседей на ее территорию — в таком положении застала Албанию мировая война»⁴⁴.

Конечно, Григорий Львович — известный историк-албанист, один из ведущих в нашей стране, однако история Албании в начале XX в. — это все-таки достаточно далеко от его научной специализации, в архивах по этому периоду он не работал. И тем не менее на существующей отечественной и зарубежной литературе и опубликованных источниках ему удалось создать масштабную картину положения Албании в годы Первой мировой войны, ставшей временем тяжелых испытаний для албанского народа, и вплоть до 9 ноября 1921 г., когда конференция посланцев Англии, Италии, Франции и Японии в Лондоне, представлявшая Парижскую мирную конференцию, приняла окончательное решение о границах Албании.

Григорий Львович убедительно показал, что сущностью албанского вопроса в годы Первой мировой войны была «сама судьба албанской государственности, завоеванной ценой огромных жертв и усилий албанским народом в 1912 г.»⁴⁵. Существовала реальная угроза расчленения Албании и утраты ею независимости. Однако, подчеркивает исследователь, эта опасность была предотвращена в результате самоотверженной борьбы албанских патриотов за целостность страны и благодаря тем изменениям в мире, которые произошли после окончания Первой мировой войны.

История Греции и русско-греческие связи в трудах Г.Л. Арша

В истории Греции внимание исследователя с самого начала привлекли наиболее значимые и слабоизученные в отечественной историографии вопросы, а именно: героическая борьба греческого народа за свое национальное освобождение, греческая революция 1821—1829 гг., открывшая новую страницу

в истории эллинской государственности, политика России в отношении Греции и русско-греческие политические, экономические и культурные связи во всем их многообразии.

Для выполнения своих исследовательских задач Григорий Львович привлек огромный, в большинстве своем открытый именно им документальный материал. Его труды — книги, статьи, публикации документов с блестящими авторскими комментариями — поистине творились в архивах, где ученый, начиная с 1950-х годов, буквально по крупицам собирал ценнейшие свидетельства, анализировал, сопоставлял, уточнял уже известные факты, обдумывал, выстраивал логику будущих повествований.

После защиты кандидатской диссертации по истории западно-балканских пашалыков Османской империи, Г.Л. Арш обратился к изучению ключевого события истории Греции XIX века — революции 1821—1829 гг. Ведущую роль в ее подготовке сыграла тайная патриотическая организация «Филики Этерия», возникшая в 1814 г. на территории Российской империи. Эта тема была уже достаточно глубоко и основательно изучена греческими историками. Вместе с тем им практически не были известны материалы российских архивов по данной теме. Их-то в первую очередь и привлек Г.Л. Арш, с начала 1960-х годов приступивший к работе над историей этеристского движения в России. Но первой была издана не та фундаментальная монография, которая будет защищена им в качестве докторской диссертации, а небольшая научно-популярная книга «Тайное общество “Филики Этерия”» (М., 1965), с подзаголовком: «Из истории борьбы Греции за свержение османского ига». Тираж ее, по сравнению с нынешними временами, был огромным — 10.500 экз. Григорий Львович подготовил ее к памятной дате — 150-летию со дня основания «Филики Этерии».

В ней он прекрасным литературным стилем, в доходчивой форме для широкого читателя изложил целый комплекс важнейших вопросов истории Греции конца XVIII — начала XIX вв.: положение греческих земель в составе Османской империи, социально-экономические предпосылки греческого национально-освободительного движения, развитие греческого

судоходства, русско-греческие связи и формирование в России филэллинских настроений и др. В центре повествования — детально изученная автором история возникновения «Филики Этерии» и деятельность ее создателей — Николаоса Скуфаса, Афанасиоса Цакалова и Эммануила Ксантоса, выработавших организационную структуру общества и завербовавших с помощью «апостолов» не одну тысячу членов в его ряды. О их роли Г.Л. Арш писал: «Освобождение Греции от турецкого рабства было неизбежным. Оно диктовалось всем ходом экономического и политического развития страны. Но нужно было, чтобы кто-то занялся идейной и организационной подготовкой восстания, чтобы нашлись люди, которые... довели это дело до конца. Такими людьми и явились основатели «Филики Этерии» и все те, кто пошел за ними. Без их энергии, патриотизма, революционной смелости греческий народ мог бы еще долгие годы терпеть беспросветное, унижительное рабство»⁴⁶.

Наряду с этой книгой в 1960-е годы одна за другой выходят статьи и публикации документов Григория Львовича по данной теме⁴⁷, а в 1970 г. — уже упоминавшаяся монография «Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи». Последовательно, по мере открытия им архивных материалов, ученый изучил весь комплекс вопросов, входящих в данную проблему. Им была создана целостная картина этого сложного явления, значительного во всех отношениях. Движение этеристов в России — это прежде всего важная составляющая истории греческого национально-освободительного движения, ее органическая часть. Но и для истории России оно не прошло бесследно: «этеристский вопрос» занял немаловажное место и в официальной балканской политике последних лет царствования Александра I, и в общественной жизни.

Важно подчеркнуть, что в монографии «Этеристское движение в России», согласно традиции, существовавшей в советской историографии, значительное место уделено анализу социально-экономического положения Греции в составе Османской империи, начиная со второй половины XVIII в., — состоянию сельского хозяйства, торговли, ремесленного производства, судоходства,

ибо, как отмечает автор, именно «социально-экономическими процессами, постепенно изменившими облик греческого общества», в конечном итоге определялось развитие освободительной борьбы греческого народа⁴⁸. Григорий Львович привлек обширный корпус разнообразных источников, прежде всего донесения консулов, которые позволили создать достоверную, впечатляющую картину положения Греции в рассматриваемый период и систему вопиющей эксплуатации бесправного греческого населения. «Лишь одна отрасль греческой экономики, — пишет исследователь, — в этих губительных условиях смогла достичь значительного прогресса. Это было греческое судоходство. Три небольших острова: Идра, Спецце и Псарра сыграли решающую роль в его развитии». Автор много внимания уделил этому вопросу, приведя целый ряд важных фактов (например, о том, что перед восстанием 1821 г. греческий флот насчитывал около 500 кораблей, совершавших дальние плавания)⁴⁹.

В предыстории этеристского движения Г.Л. Арш выделил и исследовал комплекс следующих вопросов: основные этапы греческой эмиграции в Россию, создание на юге империи греческих колоний (Нежин, Керчь, Херсон, Измаил, Одесса, Таганрог), положение фанариотских семей в Константинополе, высшее греческое духовенство во главе с Константинопольской патриархией и др.

При анализе социального состава греческих общин, появившихся за рубежом в конце XVIII — начале XIX вв., ученый делает очень важный, на наш взгляд, вывод — о преобладании в них демократических элементов, что было связано с особенностями формирования этих общин. «Они сложились, — пишет Григорий Львович, — из представителей различных местностей Греции и различных слоев ее народа: мореотов и эпиротов, островитян и горцев, крестьян и ремесленников, моряков и купцов. Одним словом, это был сгусток демократических слоев греческого народа... это была среда, особо восприимчивая к передовым, освободительным идеям своего времени»⁵⁰. Неслучайно поэтому, заключает автор, «именно в греческих зарубежных колониях зародились идеи национально-освободительной борьбы и началось практическое их осуществление»⁵¹.

Формирование греческого национально-освободительного движения было ускорено масштабными по их международному влиянию событиями той эпохи: Великой Французской революцией и русско-турецкими войнами. Последним Григорий Львович уделил значительное внимание, особенно русско-греческому боевому содружеству того периода и русско-греческим связям различной направленности.

В монографии, впервые в советской историографии, автор рассмотрел деятельность отважного греческого моряка, командующего греческой флотилией в войне с турками (начиная с 1788 г.) — Ламброса Кацониса, благодаря операциям которого в Эгейском море возник «второй морской фронт» русско-турецкой войны 1787—1791 гг. . Впоследствии борьба Л. Кацониса и его моряков за свободу Греции еще не раз станет объектом всестороннего, глубокого исследования Г.Л. Арша, чему в немалой степени будут способствовать те уникальные материалы, который он откроет во время своих архивных поисков.

Греческое национально-освободительное движение выдвинуло целый ряд выдающихся деятелей, Титанов своего времени. Одним из них, безусловно, был родоначальник революционно-демократической традиции в греческой общественной мысли, создатель первой «Этерии» — Ригас Велестинлис. В 1963 г. Г.Л. Арш обнаружил в Архиве внешней политики России (ныне — Архив внешней политики Российской империи) полный русский перевод принадлежащей его перу подпольной брошюры, содержавшей его революционные произведения, в том числе знаменитый «Военный гимн» (сам тираж в 1797 г. почти весь был уничтожен австрийской полицией при аресте Р. Велестинлиса). Этого греческого революционера Григорий Львович считает «духовным отцом “Филики Этерии”»⁵³.

Детально, с привлечением всего имевшегося в его распоряжении материала, автор изучил деятельность основателей «Филики Этерии» — Э. Ксантоса, А. Цакалова и Н. Скуфаса, хотя данный вопрос по-прежнему, из-за недостатка документов, является одной из неясных страниц в истории этой революционной организации.

Среди наиболее важных и интересных вопросов исследователи выделяют вопрос об отношении русского правительст-

ва и самого императора Александра I к «Филики Этерии». В широком историческом плане официальная русская политика объективно содействовала подготовке греческой революции 1821–1829 гг., создав благоприятные предпосылки для возникновения и процветания в России греческих колоний, ставших во втором десятилетии XIX в. основной опорной базой греческого освободительного движения. Г.Л. Арш неоднократно подчеркивал в своих работах, что царское правительство знало о существовании «Филики Этерии». Этому способствовало так называемое «дело Галатиса», члена организации, приехавшего в 1817 г. в Петербург. Однако, подчеркивает автор, открытие тайны существования «Филики Этерии» не привело к каким-либо отрицательным последствиям для нее. Статс-секретарь по иностранным делам И. Каподистрия объективно сыграл большую роль в том, что эпизод с Галатисом не нанес ей ущерба. Но вместе с тем, констатирует Григорий Львович, «Филики Этерия» не была связана с царским правительством. В историографии по этому вопросу еще в 1970-е годы велась дискуссия. Г.Л. Арш писал, что «по существу предмет этой дискуссии значительно шире и касается самой природы этеристского общества: было ли оно революционно-патриотической организацией греческого народа или политическим инструментом иностранного правительства»⁵⁴. В результате своего исследования он пришел к выводу, что позиция царского правительства по отношению к «Филики Этерии», вначале нейтральная, еще до выступления А. Ипсиланти в 1821 г. стала явно враждебной.

Против этой точки зрения Г.Л. Арша в своих работах 1970–1980-х годов выступал молдавский исследователь И.Ф. Иова, утверждавший, что подготовка греческой революции и, в частности, выступление А. Ипсиланти, проходили с ведома и согласия правительства Александра I. Однако большинство отечественных исследователей, в том числе академик А.Л. Нарочницкий и А.М. Станиславская, поддержали точку зрения Г.Л. Арша⁵⁵.

Впервые в отечественной историографии Григорий Львович поставил вопрос, тесно связанный с проблемой подготовки греческой революции 1821–1829 гг., – развитие новогреческого

Просвещения и влияние на него русской культуры. Начальный его этап, подчеркивает автор, был неотделим от России. Родоначальники новогреческого Просвещения ученые Е. Вулгарис и Н. Теотокис жили и творили на ее территории. Значительный вклад в его развитие внес также Д. Гобделас, деятельность которого в 1811–1814 гг. и в 1821–1828 гг. также подробно изучена Г.Л. Аршем. В рамках этой темы он рассмотрел и другие ее составляющие: национально-культурную деятельность греческих общин Российской империи, историю греческого книгопечатания, патриотические акции видных греков – братьев Зосима, И. Вирвакиса и др., отношение русской общественности к новогреческому Просвещению, а также начальную историю Греческого коммерческого училища в Одессе и его деятельность в 1817–1830 гг., когда оно самым неразрывным образом было связано с Грецией, с борьбой ее народа за национальное освобождение и национальную культуру⁵⁶. Новые документы, открытые им, позволили Григорию Львовичу прийти к выводу, что училище в этот период являлось важным очагом национального образования и патриотического воспитания греческой молодежи.

Значительное внимание уделил Г.Л. Арш деятельности «Филики Этерии» после лета 1818 г., когда ее штаб-квартира была перенесена в Константинополь, и отношению к этеристам Иоанна Каподистрии и Александра Ипсиланти. При этом вопрос о связях последнего с будущими декабристами исследователь рассмотрел впервые – об этом до него греческие историки не писали. И если И. Каподистрия считал этеристов авантюристами, чья деятельность угрожает навлечь на Грецию большие бедствия, то А. Ипсиланти был убежден в способности греков самостоятельно покончить с османским игом и дал согласие возглавить восстание.

Заслугой Г.Л. Арша является то, что он своими исследованиями существенно обогатил историографию «Филики Этерии» новым знанием, собрав множество фактов (почерпнутых в основном из архивных документов) о сборах средств в греческих общинах России на «патриотические цели».

В связи с главной темой – создание «Филики Этерии» – автор обратился к очень важной, на наш взгляд, проблеме

формирования идеологии греческого национально-освободительного движения, важным элементом которой была идея о способности греков своими собственными силами добиться освобождения. Широкое распространение этой идеи в греческом обществе, подчеркивает Григорий Львович, сыграло огромную роль в подготовке революции 1821–1829 гг. и помогло грекам перенести все тяготы и испытания 8-летней войны за независимость. «В то же время, — пишет он, — в ходе непосредственной подготовки освободительного восстания греческие революционеры вполне учитывали и стремились использовать благоприятствовавшие делу освобождения Греции международные факторы. Важнейшими из них были русско-турецкие противоречия и соперничество держав в Восточном Средиземноморье»⁵⁷.

В рамках периода, предшествующего греческой революции 1821–1829 гг., значительный интерес представляет вопрос о деятельности в России Иоанна Каподистрии (1809–1822 гг.), который изучен Г.Л. Аршем глубоко и всесторонне — в многочисленных статьях и двух монографиях⁵⁸.

Государственный секретарь первого греческого государства Нового времени, — Ионической республики в начале XIX в., затем, с 1809 г., — дипломат на русской службе, занимавший ряд высоких постов, в том числе статс-секретаря по иностранным делам, И. Каподистрия развернул в России активную национально-патриотическую деятельность, стараясь привлечь внимание русской общественности, а также Александра I и других европейских правителей к «греческому вопросу». В 1823–1826 гг., будучи в почетной ссылке в Швейцарии, он содействовал развитию филэллинского движения в Европе. В последние 4 года своей жизни Каподистрия пребывал на посту правителя Греческого независимого государства.

Портрет своего героя Григорий Львович, с присущей ему основательностью, дал на широком историческом фоне, в тесной взаимосвязи с развитием греческого освободительного движения, «в динамике и во взаимодействии всех основных его элементов»⁵⁹. При этом, анализируя деятельность Каподистрии в России на протяжении 13 лет, он учитывал очень важный момент: постоянные и нередко мучительные поиски им гармонии между долгом служебным и долгом патриотическим.

Труды Г.Л. Арша вошли в мировой фонд литературы о И. Каподистрии. Разумеется, он досконально изучил греческую историографию по этому вопросу, в частности, работы Т. Макриса, П. Петридиса, Е. Кукку и др. Он ссылается на них, отдает должное их авторам. Вместе с тем, открытые Григорием Львовичем материалы (личные бумаги, дипломатическая переписка, многочисленные записки) позволили ему дополнить имевшиеся к тому времени сведения о Каподистрии, а также высказать по ряду вопросов собственную точку зрения.

В 1960-е годы американская исследовательница П. Кеннеди-Гримстед, обследовавшая в поисках материалов о Каподистрии основные европейские архивы, пришла к заключению, что «большая часть личных бумаг Каподистрии, относящихся к периоду его русской службы, либо потеряна, либо уничтожена»⁶⁰. Активная изыскательская работа Григория Львовича доказала, что это не так. Теперь известно, что российский «Архив Каподистрии» весьма обширен, и эти документы позволили ученому создать труды высочайшего уровня.

В монографии, изданной в 2003 г., Г.Л. Арш последовательно представил все этапы пребывания И. Каподистрии в России — начиная с января 1809 г., прибытия в Петербург; его связи с греками и молдаванами, жившими в столице, затем — с греческой общиной Вены, где он находился на дипломатической службе; и, наконец, его деятельность в качестве статс-секретаря по иностранным делам Российской империи. В книге также опубликован целый ряд важных документов по теме, в том числе, подлинник знаменитой «Записки о нынешнем состоянии греков» (1811 г.), написанный рукой самого И. Каподистрии; его переписка в связи с деятельностью общества «Филомузос Этерия» и др.

Важно подчеркнуть, что Григорий Львович уделил значительное внимание не только биографии своего героя, но также анализу тех новых реалий, при которых стало возможным такое возвышение не родовитого русского аристократа, а «ионического графа», пусть и воспитанного, благородного и европейски образованного. Ученый подчеркнул, что для политики царизма начала XIX в., контрреволюционной по своему существу, была

характерна определенная тенденция приспособиться к тогдашней политической обстановке в Европе с ее новыми либеральными идеями. Умный, просвещенный И. Каподистрия, противник революции, либерал и демократ, был человеком нового века, и император Александр I, много общавшийся с ним во время Венского конгресса 1814 г., видел в нем «полномочного представителя духа времени»⁶¹, взгляды которого могут быть полезны при проведении политики контактов и компромиссов с новыми политическими силами Европы.

Важным вкладом Г.Л. Арша в изучение данной проблемы является анализ мировоззрения Каподистрии и его взглядов на решение «греческого вопроса». Исследователь показал, что Каподистрия выступал против революционных методов национально-освободительной борьбы. По его мнению, Греция, не прошедшая долгий путь духовного развития народа, просвещения и нравственного усовершенствования, не была готова к свержению османского ига. Но это было утопией – в рамках деспотичного управления турецких пашей, как справедливо отмечает Григорий Львович. Взгляды Каподистрии, делает он вывод, основывались на недооценке внутренних сил и возможностей греческого народа и преувеличении внешнего фактора в борьбе Греции за освобождение, прежде всего роли России.

Немало внимания уделил Г.Л. Арш ионической проблеме в дипломатической деятельности Каподистрии, показав те конкретные шаги, которые тот предпринял для обеспечения в рамках британского протектората после Венского конгресса максимально широкой национальной автономии для своей родины⁶².

Разумеется, в рассматриваемой монографии автор не мог не затронуть вопрос об отношении Каподистрии к «Филики Этерии» и выступлению в 1821 г. А. Ипсиланти. Эти сюжеты уже были подробно изучены Григорием Львовичем в более ранних его трудах. Тем не менее им были использованы новые документы по теме – о связях Каподистрии с этеристами и его отношении к готовящимся революционным акциям, позволившие подтвердить и углубить прежние выводы ученого. Среди них хотелось бы выделить следующие, на наш взгляд,

наиболее важные: «Не сообщив Александру I о замыслах греческих патриотов и удержав от этого шага Александра Ипсиланти, Каподистрия... объективно оказал большую услугу делу освобождения Греции». И далее: «Цель Каподистрии состояла в том, чтобы сделать русскую политику более благоприятной для Греции и помешать вмешательству на стороне султана Англии и Австрии, занявших особенно враждебную позицию в отношении греческой революции»⁶³.

Несмотря на отказ Александра I от решительных действий в Восточном вопросе и отставку Каподистрии, последний, тем не менее, прилагал значительные усилия для того, чтобы обеспечить восставшей Греции политическую и военную поддержку России. И это также подробно изучено Г.Л. Аршем.

Анализ «русского» этапа жизни и деятельности И. Каподистрии, его взглядов и ярких дарований позволил автору констатировать: «Пребывание Каподистрии в России является значительным событием ... в плане русско-греческих связей. Каподистрия был близок к некоторым видным деятелям русской культуры, относился с большим уважением к историческим и культурным ценностям России... И для русского общества не прошли бесследно контакты с Каподистрией и другими греческими деятелями, нашедшими убежище в России в конце XVIII – начале XIX вв. Они способствовали усилению филэллинских настроений, особенно сильно проявившихся в период греческой революции 1821–1829 гг.»⁶⁴.

Другому выдающемуся деятелю греческого освободительного движения – генералу Александру Ипсиланти – Г.Л. Арш также уделил внимание в своих исследованиях, хотя и не написал о нем отдельной монографии. Тем не менее в его работах, посвященных этеристскому движению, приведен ценный биографический материал и рассмотрен вопрос о связях генерал-майора М.Ф. Орлова – командира 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии на границе с Турцией, и кишиневских декабристов с А. Ипсиланти и другими руководителями «Филики Этерии». Значительный интерес представляет и документальный очерк Г.Л. Арша о последних годах жизни А. Ипсиланти⁶⁵. Автором был обнаружен ряд уникальных, до него не известных материа-

лов, из которых следует, что российский дипломатический представитель в Константинополе Г.А. Строганов после поражения восстания 1821 г. пытался спасти жизнь и сохранить свободу А. Ипсиланти. Однако он, его братья и друзья по распоряжению Меттерниха были захвачены на австрийской территории и оказались в плену в Мукачевском замке, а затем в Терезиене.

В конце 1990-х годов Григорий Львович вернулся к теме «Александр Ипсиланти, Россия и Греция». Как уже отмечалось выше, ему удалось издать в Салониках, в соавторстве с греческим ученым К. Сволупулосом, неопубликованную переписку А. Ипсиланти, относящуюся к 1816–1828 гг.

Вопросы внешнеполитической истории Греции, а также политики великих держав по «греческому вопросу» в 1815–1878 гг. нашли отражение в труде «Международные отношения на Балканах»⁶⁶. Автором соответствующих разделов является Г.Л. Арш. Разумеется, они были написаны на основе прежних работ ученого. Однако жанр коллективного обобщающего труда, каковым являются «Международные отношения на Балканах», предполагает иную, чем в индивидуальных монографиях, форму подачи материала. Часто это нелегкая задача для исследователя, с которой Григорий Львович, безусловно, справился.

Главной проблемой истории Греции после 1815 г. является проблема греческой революции, и автор закономерно уделил ей основное внимание. В более ранних своих трудах он досконально и глубоко изучил различные аспекты ее подготовки и начальный этап, а в «Международных отношениях на Балканах» представил греческую революцию 1821–1829 гг. как часть Восточного кризиса 1820-х годов. Впервые в отечественной историографии Г.Л. Арш проанализировал события в Греции в 1823–1825 гг., когда Пелопонесс (Морея) стал ареной гражданской войны, изучил отношение великих держав, прежде всего Англии и России, к греческой революции. Григорий Львович высоко оценил важнейший документ этого периода – «Мемуар об умиротворении Греции» (январь 1824 г.), подготовленный МИД России и являвшийся «первым конкретным предложением о новом политическом устройстве греческих земель»⁶⁷.

Анализируя внешнеполитический аспект «греческого вопроса» после 1830 г., Г.Л. Арш отмечает: «В отличие от Сербии и Дунайских княжеств, автономия которых была зафиксирована в двусторонних соглашениях между Российской и Османской империями, политический статус Греции был определен целым рядом международных соглашений с участием России, Англии, Франции и Порты»⁶⁸. Автор подчеркивает, что независимость Греции, согласно Лондонскому протоколу от 3 февраля 1830 г., Порта признала, и в немалой степени это объяснялось согласием России в этом случае снизить сумму налагаемой на Турцию контрибуции после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на 1 млн дукатов⁶⁹.

Бесспорной заслугой Г.Л. Арша является то, что он проанализировал сложный процесс формирования границ и установления государственного устройства Греции, а также выделил внешнеполитический аспект — политику великих держав и их борьбу за влияние в Греческом королевстве.

Период 1830–1856 гг. в греческой истории был динамичным, во многом драматичным, насыщенным многими важными событиями, являющимися объектом изучения историков-эллинистов. В 1833 г. началась новая эпоха — правление короля Оттона I, бывшего баварского принца. В своих исследованиях Г.Л. Арш выделил главные, на его взгляд, особенности экономической и политической жизни Греции этого периода (тяжелая финансовая ситуация, раскол греческого мира на три группировки или «партии» — английскую, французскую и русскую, сентябрьская революция 1843 г., конституция 1844 г., критская проблема), отметил падение влияния России в Греции и укрепление здесь позиций Англии и Франции.

В одном из разделов «Международных отношений на Балканах» Г.Л. Арш обратился к вопросу о зарождении в Греции мегали идея (великая идея) — греческой великодержавной доктрины. Впервые сформулированная в речи в Национальном собрании 15 (27) января 1844 г. И. Колетисом, лидером «французской партии», эта доктрина, пишет Григорий Львович, «подводила идеологическую базу под стремление правящих кругов Афин создать “Великую Грецию” — большое греческое госу-

дарство, которое включало бы в себя не только значительную часть Балкан, но и обширные территории Малой Азии»⁷⁰. Вначале, в 40–70-е годы XIX в., когда греческое государство было еще очень слабым в экономическом и военном отношении, мегали идея, подчеркивает исследователь, объективно служила обоснованием справедливой борьбы за воссоединение с Грецией Фессалии, Эпира и других греческих областей. Позднее, в последней четверти XIX – первой четверти XX вв., проявилась агрессивная, реакционная сущность мегали идея – в этот период доминирующее значение приобрела другая сторона доктрины – оправдание «историческими» и иными аргументами планов порабощения и расчленения других балканских стран, не добившихся еще государственной самостоятельности⁷¹.

Впервые в отечественной историографии Г.Л. Арш последовательно проанализировал основные аспекты развития Греческого королевства в 1840–1850-е годы: рост республиканских настроений в период европейской революции 1848–1849 гг.; восстания воинских гарнизонов в ряде греческих городов; движение на Ионических островах за воссоединение с Грецией (энозис), против британских колонизаторов; восстания на острове Кефаллония; карательная акция Великобритании против Греции – в связи с «делом донна Пачифико». Специально остановился автор на позиции Греции во время Восточного кризиса 1853–1856 гг., подчеркнув, что на первом его этапе Греция выступала союзницей России. Хотя эти отношения не были оформлены в договорном плане, тем не менее политических контактов между обеими сторонами было немало.

Русско-турецкая война дала мощный толчок национально-освободительному движению населения греческих провинций Европейской Турции – Эпира и Фессалии. Это движение получило поддержку правительства и народа независимой Греции. «Однако прямая военная интервенция Англии и Франции против Греции и в конечном итоге поражение России в Крымской войне предопределили неудачу этой первой серьезной попытки воссоединения с Грецией оставшихся после революции 1821–1829 гг. под османским игом греческих земель»⁷², – делает вывод автор.

Важнейший этап в истории Греции — от Парижского мира 1856 г. и до окончания Великого Восточного кризиса 70-х годов XIX в. и Берлинского конгресса 1878 г. Среди наиболее значимых событий исследовательское внимание Григория Львовича привлекли следующие: социально-экономическое положение страны, деятельность Международной финансовой комиссии (февраль 1857 г. — май 1859 г.), революция 1862 г., результатом которой стало свержение баварской династии, а также воссоединение с Грецией Ионических островов, ранее находившихся под протекторатом Англии.

Ключевым событием греческой истории 60-х годов XIX в. явилось Критское восстание 1866—1869 гг. Критскую проблему Г.Л. Арш определяет как «существенный фактор Восточного вопроса»⁷³, подчеркивая, таким образом, ее значимость в международном плане. При изложении хода восстания и анализе отношения к нему великих держав, автор специально останавливается на вопросе о позиции официальной России, действиях русской дипломатии и реакции русской общественности. Россия после поражения в Крымской войне стремилась не допустить нового Восточного кризиса. Вместе с тем, констатирует автор, «если национально-освободительное выступление где-то на Балканах предотвратить не удалось, то петербургский двор не отказывал ему в моральной и дипломатической поддержке. Так и произошло с Критским восстанием»⁷⁴. Многочисленные документы, выявленные отечественными историками в архивах, позволяют утверждать, что Россия поддерживала требования повстанцев — освобождение Крита и воссоединение его с Грецией, однако была вынуждена действовать в «концерте» с другими великими державами, выступавшими за автономию острова.

Следующим этапом в развитии Восточного вопроса стал Великий Восточный кризис 70-х годов XIX в. В начале его, как показал Г.Л. Арш, греческое правительство объявило о нейтралитете своей страны. В связи с этим автор привел весьма красноречивое высказывание одного из самых крупных политиков Греции того времени — Х. Прикуписа: «Наш интерес побуждает нас сохранять сейчас спокойствие. Турция рухнет и без нас;

славяне с этим справятся, а нам нужно только подождать»⁷⁵. И хотя русская дипломатия пыталась вовлечь Грецию в войну с Турцией, этого сделать так и не удалось: греческий король Георг I объявил о вступлении его страны в войну накануне подписания Сан-Стефанского прелиминарного договора. Таким образом, Греция была единственным балканским государством, непосредственно не участвовавшим в вооруженной борьбе.

Заслугой Григория Львовича, безусловно, является рассмотрение данной проблемы не только в плане событийной составляющей, но прежде всего с точки зрения формирования внешнеполитической программы правящей элиты Греции. Автор отметил несомненные достижения Греции на этом пути в конце 70-х-начале 80-х годов XIX в.: подписание двух важнейших документов — греко-турецкой конвенции (июль 1881 г.), по которой почти вся Фессалия и округ Арта в Эпире передавались Греции, и так называемого пакта Халепа (октябрь 1878 г.), по которому Криту была предоставлена ограниченная административная автономия. И, следовательно, констатирует Г.Л. Арш, «был сделан... новый важный шаг на пути национального освобождения греков и их объединения в едином государстве»⁷⁶.

Г.Л. Арш — ученый, которому посчастливилось жить и творить в двух столетиях — двадцатом и двадцать первом. При изучении его научного творчества последних лет нельзя не отметить, что оно по-прежнему значительно, ярко, современно, а его автор находится в постоянном архивном и исследовательском поиске. И это, в первую очередь, касается его «греческих» трудов. Незадолго до своего юбилея Григорий Львович подготовил монографию «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки» (М., 2013), которую он посвятил стремительно приближающемуся 200-летию юбилею начала греческой революции 1821—1829 гг. Это любимая тема ученого и в какой-то степени его итоговая книга. И хотя он обозначил очерковую форму изложения обширного фактического материала, но это не научно-популярный, а сугубо научный, фундаментальный, академический, в полном смысле этого слова, труд. А 12 глав книги — это 12 наиболее значимых проблем греческой истории указанного периода, по которым

у Григория Львовича, как у исследователя, есть что сказать. Примечательно то, что в этой монографии, помимо многочисленного, открытого в последние годы материала, присутствует немало глубоких авторских оценок, являющихся результатом размышлений автора по проблемам русско-греческих связей конца XVIII – первой трети XIX вв.

«Греческая революция 1821–1829 гг., – пишет Григорий Львович, – была заключительным этапом большого общественно-политического движения – национального Возрождения, начавшегося во 2-й половине XVIII в. и охватившего все сферы греческой жизни: политику, экономику, культуру. Движение это самым тесным образом было связано с Россией, чьи духовные и политические отношения с Грецией со времен средневековья были весьма тесными». При этом автор подчеркивает, что при изучении ряда вопросов истории греческого национального Возрождения «можно было дать ответ только посредством привлечения материалов из различных архивов бывшего СССР и России»⁷⁷.

Предыдущие монографии Г.Л. Арша посвящены истории Греции и русско-греческим связям в начале XIX в., а половина «Очерков» – эпохе Екатерины II, то есть веку восемнадцатому. И закономерно, что здесь автор обратился прежде всего к вопросу о Греческом проекте Екатерины II (1782 г.). Еще в советской историографии вокруг него развернулась дискуссия, в которой приняли участие ведущие специалисты в области балканской политики России и международных отношений – А.Ф. Миллер, О.П. Маркова, А.М. Станиславская, И.С. Достян и др. В своей книге Григорий Львович затрагивает в связи с данной темой целый ряд вопросов: источники возникновения Греческого проекта, политика Екатерины II по отношению к грекам, значение проекта для борьбы греческого народа за национальное освобождение и русско-греческих связей, русско-турецкие войны – и подчеркивает связь между появлением Греческого проекта и стратегическими внешнеполитическими целями, стоявшими перед Россией в конце XVIII в. «С первых лет правления Екатерины II, – пишет автор, – черноморско-балканское направление занимает важнейшее место в ее

внешней политике. Стратегической целью императрицы было овладеть побережьем Черного моря, так же как Петр I завоевал для России побережье Балтики. Установление тесных связей с греками – естественными союзниками России в борьбе с Османской империей – рассматривалось как важное средство достижения этой цели»⁷⁸.

Следует отметить, что в этом очерке Г.Л. Арш проанализировал отношение самих греков к Греческому проекту. Этот вопрос ранее в историографии не рассматривался. Сражаясь против турок на стороне России в русско-турецких войнах, греки были уверены, что именно она принесет им избавление от ненавистного ига, а внук Екатерины II, великий князь Константин, предполагавшийся на роль правителя будущей Греческой империи, являлся для них живым символом освободительной, филэллинской стороны Греческого проекта.

Большинство историков, писавших в своих работах о Греческом проекте, сводили его к обмену письмами между Екатериной II и Иосифом II в 1782–1783 гг. Г.Л. Арш считает, что на самом деле это была долговременная программа кардинального решения Восточного вопроса в интересах России с установлением ее преобладающего влияния на Балканах, и, что очень важно, эта программа была подкреплена дипломатическими, военными и пропагандистскими акциями, а также некоторыми мерами в области внутренней политики, относящимися, в частности, к колонизации Новороссии. Разумеется, по мнению автора, «реальность осуществления Греческого проекта была весьма проблематичной, что ни в коей мере не ставит под сомнение реальность его существования и предпринимавшихся для его осуществления усилий»⁷⁹.

Открытие Г.Л. Аршем за два последние десятилетия новых архивных материалов позволило ему разработать комплекс вопросов, до него практически не изученных или изученных недостаточно. Среди них следует выделить, например, вопрос о создании добровольческой флотилии под командованием Ламброса Кацониса и действиях ее против турок на Средиземном море в 1788–1792 гг. Григорию Львовичу посчастливилось обнаружить в отечественных архивах документы, которых не

могли найти греческие историки во французских и венецианских хранилищах.

В книге Г.Л. Арш также проанализировал основные принципы деятельности русских консулов в Греции после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и вновь вернулся к вопросам о греческой эмиграции в Россию, роли греческих колоний Новороссии в национальном освобождении Греции и развитии греческого флота, находившегося под русским покровительством.

Заслугой Григория Львовича, на наш взгляд, является то, что он представил в своей монографии исторический портрет князя Александра Ипсиланти. До сих пор его научная биография не написана. «Существующие биографии руководителя Филики Этерии, — отмечает Григорий Львович, — носят популярный характер и имеют существенные пробелы, особенно в части пребывания А. Ипсиланти в России и его взаимоотношений с русским правительством»⁸⁰. Еще в 1859–1861 гг. греческий историк И. Филимон, участник революции 1821–1829 гг., издал четырехтомный труд «Исторический очерк Греческой революции», в котором большое внимание уделил жизни и деятельности А. Ипсиланти. В нем было использовано и опубликовано много ценных документов из несохранившегося семейного архива Ипсиланти. В то же время, по словам Г.Л. Арша, изучение документов из российских архивов показывает наличие ряда неточностей в материалах, опубликованных И. Филимоном.

Одним из самых значительных событий в истории русско-греческих связей периода революции 1821–1829 гг. была Наваринская битва 8(20) октября 1827 г., явившаяся важнейшей военной акцией (наряду с русско-турецкой войной 1828–1829 гг. и высадкой французского корпуса в Морею) в поддержку восставшей Греции. Григорий Львович, разумеется, не мог обойти вниманием эту тему и посвятил ей замечательный очерк «Русские моряки в Наваринском сражении». Автор считает эту битву не только одной из самых крупных в эпоху парусного флота, но и важной страницей истории международных отношений 20-х годов XIX в., в которых доминировал греческий вопрос. Историография этого события весьма обширна, но Григорий Львович

находит свой аспект — отношение русских моряков к Греции, к борьбе греков за освобождение. «...Каждому из нас хочется помогать грекам», и «...мы более всего мечтаем о Средиземном море. Это был бы верх счастья...»⁸¹. Эти слова молодого лейтенанта Александра Рыкачева, участника Наваринского сражения, приведенные Григорием Львовичем, прекрасно свидетельствуют о настроениях русских моряков того периода.

Важным вкладом в историографию является исследование Г.Л. Аршем военной и политической деятельности адмирала Петра Ивановича Рикорда в Греции в 1828—1833 гг. Этот аспект русско-греческих связей относится к числу практически не изученных. На новых архивных материалах (из АВПРИ и РГА ВМФ) и опубликованных в XIX веке источниках из редких русских изданий автору удалось ликвидировать этот пробел. Так, впервые в историографии он изучил вопрос о 10-месячной блокаде эскадрой Рикорда в зимнее время Константинополя и Дарданелл, что способствовало успешному завершению борьбы греков за независимость. Григорий Львович привел немало фактов: о материальной помощи русских моряков грекам — беженцам с Крита и Самоса; о контактах П.И. Рикорда с И. Каподистрией и поддержке его против действий оппозиции; об акциях доблестного адмирала, направленных на прекращение междоусобиц в Греции и восстановление национального согласия.

И, разумеется, в «Очерках» Григорий Львович не мог обойти вниманием вопрос о своем любимом герое — И. Каподистрии, выбрав на этот раз в качестве предмета рассмотрения отношение к нему его русских современников: Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, И.И. Дмитриева, генерала А.П. Ермолова.

Ценным дополнением к этой монографии Г.Л. Арша является публикация в Приложении целого ряда важных, малоизвестных документов с комментариями. Среди них — обращение греческого патриота А. Джики «Желания греков к Европе христианской» (1771 г.); Манифест Ламброса Кацониса (1792 г.); письмо А. Ипсиланти Александру I от 24 февраля (8 марта) 1821 г. о его решении возглавить освободительное восстание греков.

В заключение следует отметить, что в трудах Григория Львовича по истории Греции, если прочесть их друг за другом, начиная с первой книги «Тайное общество “Филики Этерия”», убедительно показано, как формировались демократические традиции греков, являющиеся ценнейшим достоянием этого народа и спустя почти 200 лет после начала революции 1821–1829 гг., которая привела к созданию независимого Греческого государства. Ученый неоднократно подчеркивал: греки при турецком господстве считали себя не рабами, а военнопленными, всегда верили в свое освобождение и боролись за него.

Григорий Львович писал и пишет о героических страницах греческого национально-освободительного движения без дешевого пафоса и смешной патетики, сдержанно, опираясь только на факты, излагая событие за событием, как и положено в академических трудах. Но у внимательного читателя складывается впечатление, что он читает увлекательный исторический роман с элементами детектива. И главное – автор какими-то собственными «фирменными» приемами создает эффект присутствия – в той далекой исторической эпохе, в горах или на море, в отряде арматолов, на паруснике Ламброса Кацониса, в гостиной Иоанна Каподистрии или в Одессе на тайном собрании этеристов. Да, и в эпоху тотальной интернетизации научного пространства никто и ничто не заменит талантливого ученого!

* * *

Григорий Львович Арш – долгожитель в науке. Уже больше 60 лет трудится он на благо отечественной балканистики: создает (и по сей день!) уникальные труды, участвует в подготовке коллективных работ, поддерживает контакты с зарубежными коллегами и... продолжает всех удивлять. Когда в мае 2015 г. (незадолго до его 90-летнего юбилея) съемочная группа с телевидения в составе нескольких бойких молодых людей приехала в наш Институт, чтобы взять у него интервью об Иоанне Каподистрии, Григорий Львович потряс их своим выступлением. Около часа он «без бумажки», красочно, во всех подробностях рассказывал о своем любимом герое, а ошеломленные телеви-

зионщики слушали его, раскрыв рты, а после съемки не жалели слов для комплиментов.

Григорий Львович – признанный авторитет не только в отечественной, но и в зарубежной балканистике. Десятки его трудов переведены на греческий, албанский, английский, французский и другие европейские языки.

Заслуги ученого высоко оценены. Он является членом-корреспондентом Греческого фонда культуры, почетным доктором Афинского университета (с 2005 г.), а в 1997 г. был награжден весьма престижным орденом Наима Фрашери золотой степени «За выдающийся вклад в изучение истории албанского народа».

Я познакомилась с Григорием Львовичем в 1971 г., когда после окончания исторического факультета МГУ пришла на работу Институт, в сектор новой истории балканских народов. Не сразу я разобралась, что к чему и кто есть кто. Но довольно скоро мне стало ясно, что Г.Л. Арш – образец академического ученого. И хотя моя специализация – новая история Сербии – была иной, я тем не менее читала все его вышедшие или только готовящиеся к печати работы. И это являлось для меня лучшей научной школой, настоящим «мастер-классом». Никаких сомнений не было – именно так, как Григорий Львович, нужно писать статьи и книги. И по прошествии четырех десятилетий это мое мнение не изменилось. В нынешней ситуации, когда в печати появляется масса псевдонаучных «трудов» (и даже откровенная халтура) недобросовестных и малообразованных, но крайне амбициозных «авторов», творчество Г.Л. Арша и ему подобных ученых продолжает держать «академическую планку» на подобающем ей уровне и является образцом для представителей молодого поколения исследователей.

Примечания

¹ Давидсон А.Б. Полетика Николай Павлович (1896–1988) // Портреты историков. Время и судьбы. Том 5: Средние века. Новая и новейшая история. М., 2010. С. 376.

² Арш Г.Л. Русско-албанские связи в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг. // Исторические записки. Т. 63. М., 1958; он же. К вопросу об экономической политике Али-паши Янинского // Новая и новейшая история (далее – НИИ). 1958. № 6.

³ Alexandre Ypsilanti. Correspondance inédite. 1816–1828. Thessaloniki, 1999.

- ⁴ См., напр., Греция: Национальная идея, общество, государство. XVII–XX вв. М., 2002; Греки России и Украины. СПб., 2004; Санкт-Петербург и Греция. СПб., 2008; История российско-греческих отношений и перспективы их развития в XXI веке. М., 2010; В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010; Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013; Независимость Албании в общепалканском контексте. К 100-летию образования Албанского государства. М., 2014; Императорский Дом Романовых и Балканы. М., 2014; Славяне и Россия. Славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуняна. М., 2014; Славяне и Россия. Исторический контекст и проблемы историографии. М., 2015 и др.
- ⁵ См. рецензию И.С. Достян на монографию Г.Л. Арша, опубликованную в: НиНИ. 1965. № 5. С. 155.
- ⁶ НиНИ. 1965. № 3. С. 162.
- ⁷ *Арш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи). М., 1963. С. 256.
- ⁸ Там же. С. 338–339.
- ⁹ *Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 76.
- ¹⁰ Александр I, Наполеон и Балканы // Балканские исследования (далее – БИ.). Вып. 18. М., 1997. С. 128.
- ¹¹ Там же. С. 214.
- ¹² Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 278.
- ¹³ Там же. С. 283.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. М., 1990. С. 175–176.
- ¹⁶ Там же. С. 178.
- ¹⁷ Там же. С. 181.
- ¹⁸ См. также его статью: Новые данные о видном деятеле албанского национально-освободительного движения XIX века Науме Векильхарджи // НиНИ. 1974. № 6.
- ¹⁹ Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг. С. 181.
- ²⁰ Там же. С. 308.
- ²¹ Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М., 1986. С. 393.
- ²² Там же. С. 395.
- ²³ Краткая история Албании. С древнейших времен до наших дней. М., 1992. С. 147.
- ²⁴ Там же. С. 153.
- ²⁵ Там же. С. 162.
- ²⁶ Там же. С. 171.
- ²⁷ Там же. С. 176.
- ²⁸ Там же. С. 184.
- ²⁹ Там же. С. 198.
- ³⁰ История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 474.
- ³¹ Там же. С. 477.
- ³² Там же. С. 477–479.
- ³³ Там же. С. 484–485.
- ³⁴ Там же. С. 486.
- ³⁵ Там же. С. 495.
- ³⁶ Там же. С. 499.

- 37 Там же. С. 529.
- 38 История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны). М., 2011. С. 141.
- 39 Там же. С. 401.
- 40 История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878 гг. М., 2012. С. 147.
- 41 Там же. С. 148.
- 42 Там же. С. 275.
- 43 Там же. С. 281.
- 44 За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002. С. 57.
- 45 Там же. С. 412.
- 46 Арш Г.Л. Тайное общество «Филики Этерия». М., 1965. С. 124.
- 47 Арш Г.Л. Историография «Филики Этерии» // НиНИ. 1964. № 3; *он же*. Новые данные об отношении царского правительства к «Филики Этерии» // Первый конгресс балканских исследований (София, 26 августа – 1 сентября 1966 г.). Сообщения советской делегации. М., 1966; *он же*. Деятельность «Филики Этерии» в России в период восстания Ипсиланти // НиНИ. 1969. № 2; *он же*. Русское правительство и «Филики Этерия» в 1820–1821 гг. // Etudes balkaniques. 1969. № 1 и др.
- 48 Арш Г.Л. Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 77.
- 49 Там же. С. 56, 58.
- 50 Там же. С. 76.
- 51 Там же.
- 52 Там же. С. 89.
- 53 Там же. С. 21. См. также статьи: Арш Г.Л. К вопросу об идейном воздействии Великой французской революции на балканские народы (Неизвестный текст конституции и «Военного гимна» Ригаса Велестинлиса) // Французский ежегодник. 1963. М., 1964; *он же*. Великая французская революция и Греция (Политическая программа Ригаса Велестинлиса) // Европа в новое и новейшее время. Сб. памяти академика Н.М. Лукина. М., 1966; *он же*. Ригас Велестинлис – греческий революционер-демократ, борец против османского ига (Его практическая революционная деятельность) // Балканский исторический сборник. Вып. 1. Кишинев, 1968.
- 54 Там же. С. 347–348.
- 55 См. рецензии на монографию «Этеристское движение в России...»: А.Л. Нарочницкого (НиНИ. 1971. № 1) и А.М. Станиславской (Вопросы истории (далее – ВИ). 1971. № 9), а также: Нарочницкий А.Л. Греческое национально-освободительное движение и Россия (1801–1831) // БИ. Вып. 7. М., 1982. С. 119.
- 56 Помимо монографии см. также: Арш Г.Л. Новогреческое просвещение и Россия (К постановке проблемы) // БИ. Вып. 9. М., 1984; *он же*. Греческий ученый Д. Гобделас в России // БИ. Вып. 6. М., 1980; *он же*. Греческое коммерческое училище Одессы в 1817–1830 гг. (Из истории новогреческого Просвещения) // БИ. Вып. 10. М., 1987.
- 57 Арш Г.Л. Этеристское движение в России... С. 349.
- 58 Арш Г.Л. Записка о нынешнем состоянии греков (1811 г.) И. Каподистрии // Славяно-балканские исследования. М., 1972; *он же*. Иоанис Каподистрия и начало на гръцката революция // Сто и петдесет години от гръцкото въстание 1821–1828. София, 1973; *он же*. Балканские горизонты и проекты И. Каподистрии накануне революции 1821 г. // III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. Доклады и сообщения советской делегации. М., 1974; *он же*. Иоанн Каподистрия в России // ВИ. 1976. № 5; *он же*. Иоанн Каподистрия и греческая национально-освободительная революция 1821 г. // НиНИ. 1976.

№ 3; *он же*. И. Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809–1822 гг. М., 1976; *он же*. И. Каподистрия о своем пребывании в Греции накануне революции 1821 г. // *Историография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы*. М., 1986; *он же*. Иоанн Каподистрия в России. 1809–1822. СПб., 2003 и др.

⁵⁹ *Арш Г.Л.* Иоанн Каподистрия в России. 1809–1822. СПб., 2003. С. 7.

⁶⁰ Там же. С. 11, 12.

⁶¹ Там же. С. 33.

⁶² Там же. С. 114.

⁶³ Там же. С. 186, 196–197.

⁶⁴ Там же. С. 225.

⁶⁵ *Арш Г.Л.* Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // *НиНИ*. 1987. № 2.

⁶⁶ *Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.* М., 1983; *Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.* М., 1990; *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* М., 1986.

⁶⁷ *Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.* С. 168.

⁶⁸ *Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.* С. 87.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 111.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 292.

⁷³ *Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.* С. 206.

⁷⁴ Там же. С. 207.

⁷⁵ Там же. С. 322.

⁷⁶ Там же. С. 392.

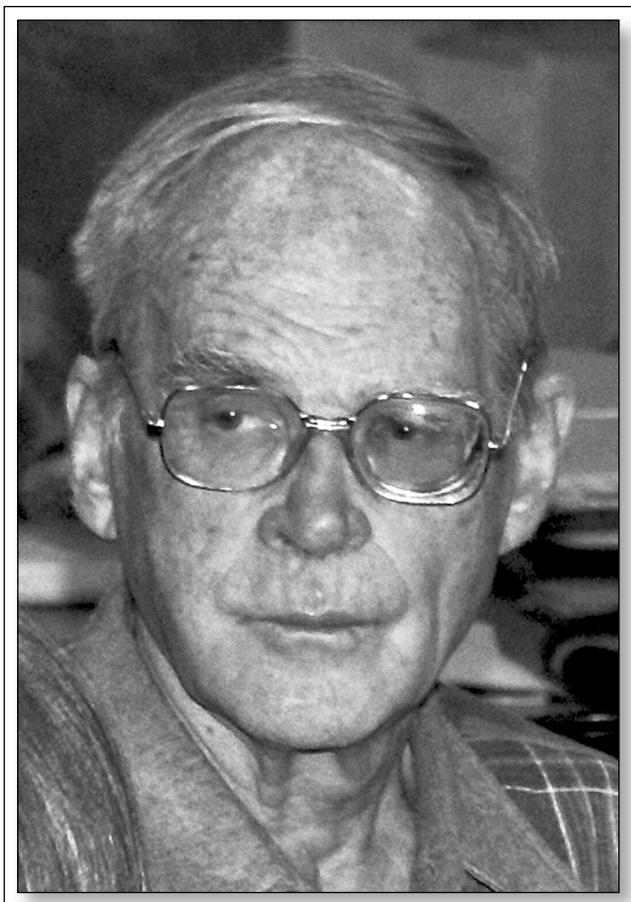
⁷⁷ *Арш Г.Л.* Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I. Очерки. М., 2013. С. 7, 9.

⁷⁸ Там же. С. 36.

⁷⁹ Там же. С. 51–52.

⁸⁰ Там же. С. 131.

⁸¹ Там же. С. 179.

Владилен Николаевич
ВИНОГРАДОВ
(1925–2017)

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

Владилен Николаевич Виноградов — корифей отечественной исторической балканистики

К числу выдающихся ученых Института славяноведения РАН, на протяжении десятилетий своими трудами определявших как лицо, так и профессиональную планку, высокий международный уровень проводимых в его стенах исторических исследований, относился, несомненно, Владилен Николаевич Виноградов (1925–2017), доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Автор около 500 научных работ, корифей отечественной балканистики и крупнейший знаток истории международных отношений в Новое время, В.Н. Виноградов своим высоким профессионализмом и громадной эрудицией снискал глубокое уважение коллег — как в России, так и далеко за ее пределами.

В.Н. Виноградов родился в Москве 18 июня 1925 г. в семье студентов, будущих инженеров-металлургов. К числу ранних детских впечатлений относилась поездка в Веймарскую Германию, куда отец был направлен в длительную командировку для освоения передового технического опыта. Окончив школу в годы войны, будущий историк поступил в Московский авиационный институт, однако через год резко изменил свой жизненный путь: перевесил интерес к гуманитарному знанию. В 1943 г. был объявлен набор на первый курс только что созданного факультета истории международных отношений МГУ, через год преобразованного в самостоятельный институт международных отношений (ныне МГИМО-Университет). Среди студентов первого набора и первых выпускников этого вуза был В.Н. Виноградов. С конца войны становилось уже все более очевидным усиление державных позиций СССР в послевоен-

ном мире. Их сохранение и укрепление требовали не только дальнейшего упрочения военного потенциала, но и немалых дипломатических усилий. Не удивительно, что сталинские власти уделяли особое внимание «кузнице» новых кадров советской дипломатии. К чтению лекций для тех, кому предстояло после победы в войне отстаивать интересы СССР теперь уже на дипломатическом фронте, привлекались выдающиеся историки, включая Е.В. Тарле. Опыт общения с такими учеными, несомненно, повлиял на профессиональное становление В.Н. Виноградова в будущем, когда он всерьез занялся наукой. Сказался он и на выборе дальнейшего пути — перед первыми выпускниками едва ли не самого престижного уже в то время советского вуза открывались перспективы работы, конечно же, не столько в науке, сколько в карьерной дипломатии и журналистике. Специализировавшийся по британской тематике В.Н. Виноградов по окончании в 1948 г. МГИМО четыре года работал в Комитете по радиовещанию, где его карьера складывалась довольно успешно — он вскоре стал заместителем ответственного редактора вещания на Великобританию, затем политобозревателем. Однако в 1952 г. вновь резкий поворот в судьбе — решив посвятить себя науке, В.Н. Виноградов уходит с радио и поступает в аспирантуру Института истории АН СССР. Он приходит в сектор новой истории европейских стран, где даже в годы поздней сталинщины сохранялась творческая атмосфера, поддерживавшаяся целой плеядой блистательных ученых, оставивших заметный след в развитии отечественной исторической науки, — здесь трудились в это время А.З. Манфред, Б.Ф. Поршнев, Б.Г. Вебер, Ф.В. Потемкин, В.М. Лавровский. Молодой историк сразу оказался в научной среде, весьма благоприятной для его профессионального становления.

Между тем, по мнению тогдашней дирекции Института, в специалистах по британской истории не было недостатка. К тому времени, в силу понятных политических причин, одним из приоритетов отечественной исторической науки становится изучение истории стран «народной демократии», и В.Н. Виноградову предлагают, выучив румынский язык, взять тему по истории Румынии. Он блестяще справляется с этой задачей,

защитив в 1956 г. кандидатскую диссертацию о крестьянском восстании 1907 г. в Румынии. В 1958 г. по этой же теме была опубликована и его первая монография.

За ней последовала другая – «Россия и объединение румынских княжеств» (М., 1961). В этой книге соединение в 1859 г. Дунайских княжеств (Молдовы и Валахии) под властью господаря А.И. Кузы при содействии России показано как столь же закономерный, обусловленный потребностями национального развития процесс, как и происходившее в те же годы создание национальных государств в Германии и Италии на основе объединения более мелких гособразований. Эта работа до сих пор активно присутствует в научном дискурсе, на нее нередко ссылаются в ходе никогда не прекращающихся дискуссий по проблемам румынско-молдавской национальной и языковой идентичности.

К началу 1960-х годов в Институте истории был создан сектор истории стран народной демократии во главе с будущим академиком Ю.А. Писаревым (1916–1993), куда переходит и В.Н. Виноградов. Среди молодых сотрудников и аспирантов сектора было немало впоследствии известных историков – Т.М. Исламов, Г.Л. Арш, А.И. Пушкаш, Л.Е. Семенова, В.П. Шушарин, А.А. Язькова, Л.Н. Нежинский, Н.Д. Смирнова, В.Я. Гросул, М.А. Мунтян, Т.А. Покивайлова, видный молдавский политик А.К. Мошану.

С именем В.Н. Виноградова было неразрывно связано становление отечественного исторического румыноведения, признанным главой которого он оставался более полувека. Причем, его фундаментальная монография «Румыния в годы Первой мировой войны» (М., 1969), вышедшая под грифом Института славяноведения и балканистики АН СССР, куда В.Н. Виноградов пришел вместе с рядом коллег вследствие реорганизации осенью 1968 г. Института истории, сразу поставила его в первый ряд ведущих советских специалистов по истории Первой мировой войны, и с тех пор без его участия на протяжении десятилетий не обходился почти ни один серьезный проект по этой тематике (особенно там, где дело касалось дипломатической истории этой великой войны).

В 1975 г. В.Н. Виноградовым были опубликованы «Очерки общественно-политической мысли в Румынии. Вторая половина XIX – начало XX в.». Его перу принадлежат также многие десятки статей по широкому кругу проблем новой и новейшей истории Румынии, ее внешней политики, общественно-политических движений, российско-румынских и советско-румынских отношений, опубликованных в сборниках, исторических журналах, энциклопедических изданиях. Под руководством В.Н. Виноградова были выполнены этапные коллективные труды: «История Румынии нового и новейшего времени» (М., 1964), «История Румынии, 1848–1917» (М., 1971), «Краткая история Румынии с древнейших времен до наших дней» (М., 1987) и др. В.Н. Виноградов в начале 1970-х годов стоял у истоков советско-румынской комиссии историков, а в начале 1990-х годов – российско-румынской комиссии, на заседаниях которых сделал множество блистательных докладов. Деятельности совместной комиссии с обеих сторон в 1970–1980-е годы придавалось немалое значение в силу того, что между двумя странами-союзницами по Организации Варшавского договора возникли серьезные разногласия в трактовке некоторых ключевых проблем общего прошлого (в том числе в вопросе об историческом праве Румынии на Бессарабию, присоединенную к Российской империи в 1812 г.), что стало фактором, реально осложнявшим межгосударственные отношения¹.

Румынию В.Н. Виноградов впервые посетил вскоре после защиты кандидатской диссертации, установив еще тогда творческие связи с широким кругом историков, которые поддерживал долгие годы. С конца 1950-х годов его работы многократно публиковались в этой стране. Принципиальность в отстаивании собственных позиций в споре с румынскими коллегами никогда не перерастала во взаимную отчужденность, мешавшую плодотворному научному диалогу.

Сосредоточившись на долгие годы на проблемах истории Румынии, В.Н. Виноградов в то же время не терял интереса к другим темам. Одной из сфер приложения его творческих сил продолжала оставаться история Великобритании, и в качестве докторской диссертации он защитил в 1966 г. монографию

«У истоков лейбористской партии (1889–1900)» (М., 1965). Без его вклада было бы невозможно написание в 1960-е годы двухтомной «Истории II Интернационала». Не утратили научной ценности его статьи разных лет о связях с фабианским социализмом и лейбористской партией крупных деятелей английской культуры (Б. Шоу, Г. Уэллса). А проблемам внешней (особенно балканской) политики Великобритании, англо-русских отношений в разные периоды истории посвящены десятки его работ, включая многочисленные статьи в журнале «Новая и новейшая история» (членом редколлегии которого он был долгие годы) и фундаментальную монографию «Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны» (М., 1985). Репутацию В.Н. Виноградова как крупного англоведа подтвердили также опубликованные в научно-популярной серии издательства «Наука» столь же блестящие книги «Британский лев на Босфоре» (М., 1991) и «Бенджамен Дизраэли и Фея на престоле» (М., 2004) – о многолетних отношениях королевы Виктории с одним из крупнейших политиков своего времени, лидером британских консерваторов.

В 1970-е годы на первый план в сфере интересов В.Н. Виноградова (в 1973–1988 гг. – заместителя директора Института славяноведения и балканистики, курировавшего исторические сектора) вышли проблемы международных отношений на Балканах и вокруг Балкан в Новое время. Он стал одним из инициаторов многотомной серии «Балканские исследования», возглавил балканскую секцию Национального комитета историков Советского Союза, принимал активное участие в деятельности Международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы (одно время в качестве вице-президента), выступал с докладами на конгрессах, организованных этой ассоциацией (как и на международных конгрессах исторических наук), редактировал сборники, публиковал многочисленные статьи. Все творчество В.Н. Виноградова пронизывает стержневая идея о необходимости комплексного регионального подхода к балканской истории. По его мнению, совместное проживание на протяжении веков привело к образованию многочисленных точек соприкосновения между балканскими народами, «так

что социальную, политическую и культурную историю Балкан просто невозможно изучать, подразделяя регион на его славянскую и неславянскую части»². При этом и в сфере, казалось бы, сугубо славистических исследований В.Н. Виноградов сумел сказать свое веское слово. Можно вспомнить, к примеру, его статью «Цена междоусобиц. Из летописи славяно-османских отношений» (в сборнике «Славянские народы. Общность истории и культуры». М., 2000). В другой статье, «Южные славяне: от статуса турецкой райи к возрождению государственности» (Славяноведение. 2004. № 5), рассмотрены проблемы государствообразования у славянских народов в контексте столкновения интересов великих держав на Балканах.

С начала 2000-х годов выдающийся российский историк, не изменяя журналу «Новая и новейшая история», вместе с тем все активнее сотрудничал с журналом «Славяноведение», каждый год публикуя на его страницах новые и весьма важные статьи. Обращение к славистическим сюжетам для него было неотделимо от осмысления многовекового османского политического и культурного наследия, а с другой стороны, сложных процессов образования государственности и формирования современных наций на Балканах.

Во второй половине 1970-х годов под руководством В.Н. Виноградова было начато осуществление его собственного грандиозного замысла — в серии коллективных монографий дать подробную картину развития международных отношений на Балканах со второй половины XVIII в. вплоть до окончания Первой мировой войны. Прогрессирующий кризис Османской империи и происходящее по мере его усугубления усиление внимания европейских держав к ее балканским владениям, роль Восточного вопроса в европейской политике, столкновение интересов главных участников «европейского концерта» на Балканах, политика России в Восточном вопросе и отношение официального Петербурга к балканским христианам, русско-турецкие войны, Крымская война 1853—1856 гг. и Восточный кризис 1870-х годов, Балканские войны 1912—1913 гг. и балканские фронты Первой мировой войны — все это предстояло изучить в неразрывной связи с внутривнутриполитическими процессами

в балканских странах, зарождением и развитием национальных движений на Балканах, становлением государственности у отдельных народов, выходом балканских государств на международную арену и их участием в европейской политике. При этом в процессе работы над проектом была значительно расширена источниковая база исследований, введено в научный оборот обилие ранее не известных документов (прежде всего из Архива внешней политики Российской империи), что позволило авторам, выйдя на широкие обобщения, достойно вписаться в контекст мировой балканистики, сказать в ней подлинно новое слово. Созданные под руководством В.Н. Виноградова коллективные монографии «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.» (М., 1983), «Международные отношения на Балканах. 1830–1856 гг.» (М., 1990), «Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг.» (М., 1986) стали важными вехами в осуществлении задуманного плана. Позднее к ним добавилась работа «Александр I, Наполеон и Балканы» (М., 1997). Завершили многотомную серию коллективные труды «В “пороховом погребке Европы”. 1878 – 1914 гг.» (М., 2003), где рассматривается история международных отношений на Балканах между Берлинским конгрессом 1878 г. и Первой мировой войной, и «За балканскими фронтами Первой мировой войны» (М., 2002). Одновременно шла работа над многочисленными статьями для «Балканских исследований», научных сборников и ведущих российских исторических журналов.

С начала 1990-х годов, когда было снято табу с изучения застарелых национально-территориальных споров и конфликтов в Дунайско-Карпатском регионе и на Балканах, В.Н. Виноградов в числе первых обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них, в частности, бессарабского конфликта в российско-румынских отношениях. Вслед за первопроходческим сборником «Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)» (М., 1994) последовал вышедший под его редакцией сборник статей и архивных документов «Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии» (М., 1996), охватывающий период от средних веков до 1940 г. — настольная книга не только для историков, но и для политических экспер-

тов, предлагающих свои способы распутывания болезненных узлов в румынско-молдавских и молдавско-приднестровских отношениях. Надо сказать, что оживление старых территориальных споров, драматические события 1990-х годов на Балканах не только способствовали повышению интереса широкой публики к историческим корням сегодняшних межэтнических распрей, но и вызвали к жизни появление огромного пласта литературы, во многих случаях грешащей легковесностью, показывающей склонность авторов к политической конъюнктуршине и далеко не всегда отвечающей серьезным научным требованиям. Тем ценнее были очень взвешенные и весомые выступления (не только в научной периодике³, но и в СМИ) такого ведущего отечественного балканиста, как В.Н. Виноградов.

Начиная с 1990-х годов все бóльшее внимание В.Н. Виноградова привлекало XVIII столетие. Вслед за коллективными трудами «Век Екатерины II. Россия и Балканы» (М., 1999), «Век Екатерины II. Дела балканские» (М., 2000), в конце 2004 г. вышла фундаментальная (более 40 п. л.) работа «История Балкан. Век восемнадцатый», увенчавшая многолетние усилия авторского коллектива во главе с В.Н. Виноградовым, причем более половины объема книги принадлежит самому инициатору этого проекта. Его логическим продолжением стали два этапных синтетических труда, выполненных под руководством В.Н. Виноградова и ставших не только «визитной карточкой» российской исторической балканистики, но по сути дела итогом пути, пройденного отечественной школой этой области исторического знания за все десятилетия ее существования. Речь идет о книгах «История Балкан. Век девятнадцатый (до Крымской войны)» (М., 2011) и «История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие. 1856–1878 гг.» (М., 2012). Наконец, в Институте славяноведения РАН фактически закончена работа над четвертой и последней книгой этой серии «История Балкан на переломе эпох (1878 – 1914 гг.)». В.Н. Виноградов успел написать для нее два раздела.

Хронологический диапазон работ В.Н. Виноградова простирался от осады турками Вены в 1683 г. до решения Советским Союзом «бессарабского вопроса» в июне 1940 г. Среди

война 1806—1812 гг.: необъявленная и предгрозовая» в журнале «Славяноведение». 2012. № 3).

В.Н. Виноградов никогда не прекращал заниматься историей Первой мировой войны и в том числе дискуссионными проблемами, связанными с ее генезисом, ответственностью каждой из великих держав, в том числе России, за ее развязывание (см., например: Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5; 1914 год: быть войне или не быть? // Новая и новейшая история. 2004. № 6). Он член авторского коллектива важнейших трудов по этой тематике, в том числе обобщающей монографии «Первая мировая война» (из серии «Мировые войны XX века». М., 2002). Яркими публикациями по проблемам дипломатической истории в период Первой мировой войны Владилена Николаевича порадовал коллег-историков и в юбилейном 2014 г.

Работы В.Н. Виноградова многократно выходили за рубежом, в том числе на иностранных языках. В 2000 г. в Льюистоне (США) опубликована его обобщающая монография «Россия и Балканы: от Екатерины Великой до Первой мировой войны», написанная на основе широкого круга архивных документов и ставшая одной из своего рода витрин современной российской историографии, обращенных к западному читателю. Следующим шагом на пути осмысления той же темы стала книга «Двуглавый российский орел на Балканах. 1683—1914» (М., 2010), подводившая итог более чем полувековым научным изысканиям автора и ставшая значительным явлением современной российской историографии. Российская политика на Балканах (и в том числе в эпоху становления современной государственности балканских народов) рассмотрена в контексте ожесточенного соперничества великих держав в их борьбе за влияние в этом регионе. Никогда ни в малейшей степени не подвергая сомнению право России на отстаивание в противоборстве с другими державами своих государственных интересов на Балканах и оставаясь в этом смысле последовательным историком-«державником», В.Н. Виноградов в то же время обладал способностью чутко воспринимать «европейский концерт» во всей полифоничности его голосов, внимательно «выслушивать» каждую из противоборствующих

Свою эрудицию и профессиональные навыки профессор В.Н. Виноградов всегда охотно передавал более молодым коллегам. Он читал курсы всеобщей истории в разных вузах (включая Литературный институт), но особенно много сил отдал подготовке аспирантов — ученики Владилена Николаевича работают не только в Москве, но и далеко за ее пределами; особенно велика его роль в становлении молдавской исторической школы. Начиная с 1960-х годов, В.Н. Виноградов участвовал в написании учебников по Новой истории Европы и Америки для университетов; принадлежащие его перу главы в этих учебниках, посвященные как балканской, так и британской истории, известны не одному поколению профессиональных историков со студенческих лет. Долгие годы Владилен Николаевич возглавлял в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, а затем и в Институте славяноведения РАН научный совет по защите диссертаций по специальности «всеобщая история», сочетая в этой нелегкой работе доброжелательность и такт с принципиальностью и научной требовательностью.

Историк счастливой судьбы, сумевший реализовать потенциал в многочисленных завершенных трудах, В.Н. Виноградов до последних месяцев жизни не переставал заниматься своим профессиональным делом, продолжая трудиться над воплощением новых замыслов. Для более молодых коллег, работавших с ним рядом, Владилен Николаевич Виноградов оставался не только большим профессионалом, вызывавшим постоянное восхищение, не только примером рыцарского служения своему делу, но и живым олицетворением той традиции, без сохранения которой российская историческая наука (и в том числе балканистика и славистика) едва ли окажется способной решать на достойном уровне стоящие перед нею задачи.

Примечания

¹ См.: *Стыкалин А.С.* Полемика советского посла и румынского функционера (март 1980 года) об освещении прошлого двусторонних отношений // *Славяноведение*. 2017. № 1. С. 12–30.

² Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 106.

³ См., например, его обобщающую статью: *Исторические корни горячих точек на Балканах* // *Новая и новейшая история*. 1993. № 4.

Балканы и Прутский поход Петра I

В XV в. бóльшая часть Греции была захвачена турками, уничтожившими греческую государственность и наложившими на греков свое тяжелое ярмо. Греки не мирились с османским игом и неоднократно поднимались на восстания. При этом их надежды на освобождение стимулировались теми войнами, которые вели против Османской империи европейские страны, в первую очередь Австрия и Венеция. Однако наибольшие надежды в деле освобождения греки возлагали на единоверную Россию, о чем имеются бесспорные свидетельства. Так, по словам мальтийского рыцаря, посланного в 1575 г. Дон Хуаном Австрийским в османские владения, все балканские народы ждали, что их освободят от турецкого рабства русские. А в следующем году венецианский посланник в Константинополе Яков Соронцо писал в своем донесении сенату: «Все народы Болгарии, Сербии, Босны, Мореи и Греции весьма преданы московскому великому князю, с которым соединяет их единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие и восстать, чтоб освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти»¹. Эти чаяния народа отражались в различных прорицаниях и пророчествах о «белокуром племени», которое избавит греков от рабства. Однако в XVI—XVII вв. шел процесс консолидации российской державы, и ее правители были не в состоянии вмешиваться в балканские дела. Русско-греческие связи ограничивались сферой религии и культуры. Но после прихода к власти Петра I ситуация изменилась: при нем была предпринята первая попытка добиться международно-правового признания права России на покровительство балканским христианам.

В 1684 г. образовалась мощная антиосманская коалиция — Священная лига в составе Австрии, Венеции и Польши, раз-

вернувшая свои операции на обширных пространствах Центральной и Юго-Восточной Европы, входившей тогда в состав Османской империи. В 1686 г. Россия также присоединилась к коалиции. Действия русских войск против Крымского ханства (1687 и 1689 гг.) и Азовские походы (1695—1696 гг.) внесли свою лепту в военные успехи союзников.

Попытка получить от Порты согласие на признание права России покровительствовать православным христианам Балкан была сделана на Карловицком мирном конгрессе (1698—1699 гг.), завершившем войну Священной лиги. Среди пунктов, предложенных полномочным представителем России на этом мирном конгрессе П.Б. Возницыным для того, чтобы быть «с Салтановым величеством турецким в дружбе и в миру», был следующий: «Церквам Божиим и монастырем, греческую веру имеющим, везде во владении его Салтанова Вел-ва сущим, также и розных народов людем Греком, Сербом, Болгаром, Словаком и иным всем, тоеж веру употребляющим, да будет всякая свобода и волности без всякаго отягчения и лишнних податей, а новокладные дани да отимутся от них, и впредь к тому принуждаемы не будут»². Однако турецкие представители, естественно, не согласились с этим пунктом: Россия тогда еще не проявила себя как мощная держава, с которой необходимо считаться.

Несмотря на неудачу демарша Возницына, Россия в первые годы XVIII века укрепляла свои связи с греками. Большим успехом политики Петра I в этом плане было признание Портой по Константинопольскому договору 1700 г. права России иметь своего постоянного представителя в Константинополе. Это была вынужденная уступка, и правящая верхушка османского государства была обеспокоена появившейся у России возможностью вступить в прямые политические контакты с его греческими подданными. Прибывший в 1702 г. в Константинополь российский представитель П.А. Толстой сообщал в одном из своих первых донесений: «Есть в турках такое мнение, что я, живучи у них, буду рассевать в христиан слова, подвигая их против бусурман, для того крепкий заказ грекам учинили, чтоб со мною не видались, и страх учинили всем христианам,

под игом их пребывающим, такой, что близко дому, в котором я стою, христиане ходить не смеют»³.

Однако, несмотря на попытки Порты ограничить связи греков с Россией, авторитет Петра I среди них продолжал расти. Большой энтузиазм вызвала у них Полтавская победа. Многие увидели в ней пролог к освобождению Греции, которое Петр I, как надеялись, осуществит, завершив теперь успешно войну со шведами.

Для султанской же верхушки результат Полтавского сражения стал сигналом тревоги, означавшим появление у границ Османской империи нового мощного и опасного противника. И Порта решила посредством превентивного удара отвлечь нависшую над нею угрозу. В ноябре 1710 г. она объявила войну России. Петр I, в тот период никак не заинтересованный в новом военном конфликте, был вынужден поднять брошенную перчатку. Его план военных действий предусматривал вовлечение в борьбу против общего врага православных народов Балкан. В воззваниях, направленных Петром I накануне Прутского похода 1711 г., — «Грамоте черногорскому народу», «Грамоте христианским народам, подвластным Турции» и «Манифесте Молдавии и Валахии и всем христианским народам», — подчеркивалось, что одной из основных целей его войны с турками является освобождение христиан от мусульманского ига⁴. «Мы, — провозглашалось в его “Манифесте Молдавии и Валахии и всем христианским народам” от 8 (19) мая 1711 г., — призвав Бога на помощь и уповая на правоту свою и приняв сие за звание Божие для освобождения ис под ига варварского христиан страждущих, смотрением Его, Всевышного, сочиненное, вознамерились со всеми нашими войски не токмо для отпору неприятелю наступающему, но и наступательно на того самого вероломнаго христианскаго супостата и искаренителя воевать, и для того войском нашим в Турецкую область и провинции, неправедно от христиан пред многими леты отторгнутые, вступили и будем против оных врагов, елико Всевышний поможет, всеми силами действовать». Царский манифест содержал также обращение к «единоверной нашей братии... [чтобы] при сем вступлении войска нашего в границы турецкие все совокупа-

лись и приходили к войскам нашим и совокупно на неприятеля Креста Господня воевали за отечество, за честь и за привращение древних свобод и вольностей своих и наследников ваших ис под ярма поганского...»⁵.

Наряду с манифестами и воззваниями, имевшими самый широкий адрес, Петр I обратился и лично к некоторым греческим церковным иерархам, в том числе — к янинскому митрополиту Клименту. Хотя эти грамоты царя до нас не дошли, очевидно, речь в них шла о том, чтобы церковные руководители побуждали свою паству поднять оружие против турок. О реакции, в целом положительной, митрополита Климента на это обращение можно судить по его письму от 8 (19) июля 1711 г. к российскому торговому консулу в Венеции Д. Боцису⁶.

Д. Боцис, назначенный на этот пост в марте 1711 г., сам грек по национальности, брат находившегося уже на русской службе контр-адмирала И. Боциса, имел среди главных своих задач установление связей с влиятельными людьми Греции для подготовки вооруженного антитурецкого выступления. На этот предмет консул установил связи не только с некоторыми греческими архиереями, но и с несколькими капитанами*, в том числе с находившимися в епархии митрополита Климента, то есть в Эпире.

Весной 1711 г. в Центральной Греции и Македонии проявились некоторые признаки брожения. Здесь появились отряды клефтов численностью около 400–500 человек, состоявшие из христиан и мусульман и нападавшие главным образом на турок⁷. Однако, в отличие от северо-западных провинций Османской империи, где воззвания Петра I и деятельность его агентов привели к широкому антитурецкому восстанию, в Греции такого рода массовые выступления не имели места. Причины, объясняющие такую «пассивность», следует искать в самом положении греческих земель. Находившиеся в центре османских владений в Европе, отрезанные от внешнего мира, они были особенно уязвимы в случае карательных действий турецких властей. Восстание здесь, при отсутствии какой-ли-

* Капитан – командир местных чет (вооруженных отрядов).

бо внешней поддержки, могло привести только к поражению, которое было бы чревато тяжелыми последствиями для населения. Несомненно, это сознавали предводители вооруженных отрядов и другие влиятельные люди Греции. Настроения эти наверняка изменились бы при продвижении русской армии в глубь турецких владений в Европе. Как писал в своем донесении Петру I от 18 (29) августа 1711 г. Д. Боцис, «ежели крепкая ваши войска чрез Дунай пройдут, то учинятся по всей Румелии, Македонии и в Греции бунты и вооружатся христиане на прогнание общаго врага христианов»⁸.

Надо сказать, что у российского консула имелись основания для такого прогноза. Еще до Прутского похода в Греции складывается культ русского царя как спасителя страны от гнета османов: в богослужениях в греческих церквах отдаленных районов упоминается его имя, распространяется выгравированный в Амстердаме портрет Петра с характерной надписью под ним: *Petrus Primus Russograecorum Monarcha* (Петр Первый, Русско-греческий монарх (лат.)). Ожидания близкого освобождения греков русской армией под предводительством Петра I воплотились и в народной песне, сложенной, по-видимому, в первые годы XVIII века:

<i>Уже этой весной,</i>	<i>Придет Московит,</i>
<i>Райя, Райя,</i>	<i>Райя, Райя,</i>
<i>Уже этим летом,</i>	<i>И войско приведет</i>
<i>Бедная Румелия,</i>	<i>В Морею и Румелию⁹.</i>

Поэтому велико было разочарование и огорчение греков и других балканских народов в связи с поражением Петра I на Пруте. Однако предсказания и пророчества о «белокуром племени», которое подаст руку помощи Греции, глубоко укоренились в душах греков. В этом плане представляется любопытным свидетельство, принадлежащее иезуитам, которые занимались прозелитизмом в Салониках. Они отмечали, что греки города были убеждены в том, что придет время, когда царь освободит их от ига турок¹⁰. Следует заметить, что свидетельство западных монахов относится к 1714 г., когда прошло всего лишь три года после неудачной для России войны с Турцией.

В воззваниях Петра I времени Прутского похода в числе прочих балканских христиан фигурируют и албанцы. В греческом тексте «Грамоты христианским народам, подвластным Турции» они именуются арнаутами (*ἀρναούτιδες*), а в русском тексте «Манифеста Молдавии и Валахии...» — албанезами. Итак, албанцы появились — вероятно, впервые — в российском политическом лексиконе. В связи с этим следует упомянуть интересный факт. В варианте «Грамоты черногорскому народу», опубликованном известным биографом Петра I И.И. Голицыным, в качестве примера балканским христианам в их борьбе против османских завоевателей называется «Георгий Кастриот, сиречь Скандербег», который «на шестидесяти трех главных баталиях неприятеля на голову побил»¹¹.

Албания присутствует и в «Мнении» — проекте, представленном Петру I в ходе подготовки к войне с Турцией. Здесь предлагалось писать «в Албанию и Македонию, к христианам, владыкам греческого и римского законов, увещевая к вооружению, понеже ныне пришло время избавления их от подданства туранского, обнадеживая их превеликими силами царского величества»¹².

Считается, что автором проекта и инициатором обращений к балканским христианам был уроженец Герцеговины С.Л. Владиславич-Рагузинский, поступивший на русскую службу и являвшийся, по всем данным, главным советником царя по балканским делам¹³. Он же был автором инструкции от 4 (15) марта 1711 г. полковнику М. Милорадовичу, посланному с грамотами Петра I в Сербию, Черногорию и Албанию для организации там антитурецкого восстания. В первую очередь он должен был обратиться к черногорцам и североалбанским горцам, призывая их «дабы собрав воевали на турков»¹⁴.

Принятые русским правительством меры дали свои результаты. Появление на западе Европейской Турции русских эмиссаров с зажигательными грамотами Петра I способствовало возникновению здесь очагов антитурецкого восстания. Об успехах и трудностях повстанцев Милорадович сообщал в феврале 1712 г. Петру I: «В Албании и Эрцоговине многия города осадили и турков в кунфузию привели, так что оне собираются

и коммуникацию между собою иметь не могли. Но города от платежа салдатам, без пушек, пороху и ядер взять не можно. Мы не имеем денег, сколько на салдат потребно»¹⁵.

В этом вооруженном восстании активное участие приняли общины североалбанских горцев (Хоти, Кастрати, Кельменди), действовавшие в союзе с их соседями-черногорцами¹⁶. Волнения распространились и на Южную Албанию. Французский и венецианский консулы в Дурресе сообщают в своих донесениях об энтузиазме, с которым поработенное население приветствовало войну русских, и о карательных мерах турецких властей. Несмотря на эти меры, волнения принимали все более широкий размах¹⁷.

Но действия повстанцев Герцеговины, Черногории и Албании натолкнулись на сильное противодействие, причем, не только турецких войск. Венецианцы, обеспокоенные усилением влияния России на Балканах, отказывались продавать повстанцам порох и ядра и установили блокаду далматинского побережья, препятствуя оказанию какой-либо помощи Черногории¹⁸.

Война 1711 г. была самой неудачной для России из всех русско-турецких войн. Двинувшийся со своей армией на Балканы Петр I в июле 1711 г. был окружен на реке Прут в несколько раз превосходившей его по численности турецкой армией. Царь был вынужден подписать невыгодный мир, лишивший Россию тех форпостов на черноморском побережье, которые были завоеваны в предыдущей войне. В ходе войны 1711 г. по внушению России вспыхнули восстания в ряде районов Балкан, в том числе в Греции и Албании. Но эти разрозненные и запоздалые выступления не могли изменить общий итог войны 1711 г., неблагоприятный для России, да и для балканских народов.

Примечания

¹ Макушев В.В. Болгария под турецким владычеством, преимущественно в XV и XVI веках // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CLXIII. № 10. СПб., 1872. С. 320–321; Достян И.С. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV – начало XIX в. М., 1956. С. 71.

² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. IX. СПб., 1868. С. 207.

- ³ *Соловьев С.М.* Сочинения в 18-ти книгах. Кн. VIII. М., 1993. С. 60.
- ⁴ Πисьма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 117–119, 151–153, 225–227.
- ⁵ Там же. С. 226.
- ⁶ Там же. С. 424.
- ⁷ *Βακαλοπούλου Α.* Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Τ.Δ. Θεσσαλονίκη, 1973. Σ. 73.
- ⁸ Πисьма и бумаги... Т. XI. Вып. 1. С. 423.
- ⁹ Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήναι, Τ. Ι. Α: Αθήναι, 1975. Σ. 56–57.
- ¹⁰ *Βακαλοπούλου Α.* Ιστορία... Τ. Α. Σ. 74.
- ¹¹ Πисьма и бумаги... Т. XI. Вып. 1. С. 118.
- ¹² Там же. С. 338–339.
- ¹³ См.: *Лециловская И.И.* Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 50–51.
- ¹⁴ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984. С. 31.
- ¹⁵ Там же. С. 40.
- ¹⁶ Там же. С. 32, 51–52.
- ¹⁷ *Буда А.* Традиции дружбы между албанским и русским народами // Доклады и сообщения Института истории. Вып. 5. М., 1955. С. 80.
- ¹⁸ Политические и культурные отношения... С. 41.

К вопросу о становлении сербской государственности во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. и позиции России

В рамках настоящей статьи будет дана характеристика отдельных аспектов влияния России на формирование публично-правовых законодательных установлений повстанческой Сербии в 1804–1813 гг.

Для решения этой проблемы в распоряжении исследователей имеются четыре наиболее значимые группы источников. Во-первых, официальные документы, свидетельствующие о правовых нормах повстанческой Сербии: документы Правительствующего совета, указы Карагеоргия Петровича. Во-вторых, служебная переписка (записки и донесения) российских официальных лиц, связанных с русской политикой в отношении Сербии рассматриваемого периода, таких как министр иностранных дел А. Чарторыйский и российский эmissар в Сербии в 1807–1809 гг. К.К. Родофиникин. В-третьих, мемуарные свидетельства участников восстания и, прежде всего, «Мемуары» М. Ненадовича, валеvского протоиерея, крупного военачальника Первого сербского восстания, руководителя военного и гражданского управления валеvской нахии. Наконец, совмещая в себе как источник, так и историческое сочинение, безусловно важны труды В. Караджича: ранние – «Первый год войны сербов с дахиями», «Второй год войны сербов с дахиями» и наиболее зрелый – «Правительствующий совет Сербский в эпоху Карагеоргия». Для решения исследовательской задачи были привлечены как опубликованные отечественными¹ и сербскими исследователями² документы, так и неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах Белграда³ и Нови-Сада⁴.

Несмотря на наличие значительного числа работ о русско-сербских отношениях в период Первого сербского восстания, историография проблемы взаимодействия России и Сербии в государственно-творческой области невелика. В сербской исторической науке этих вопросов лишь коснулся в начале XX в. Стоян Новакович – в своих работах о повстанческой государственности в Первом сербском восстании⁵. В более позднее время, в эпоху социалистической Югославии, эту проблему исследовали Мирослав Джорджевич⁶ и Драгослав Янкович⁷. Они в своих разных по методологическому подходу и источниковой базе работах пришли к единому выводу о значительном влиянии России на становление государственно-правовых норм в Сербии.

Среди работ отечественных ученых, несомненно, особое место принадлежит трудам Виктора Петровича Грачева (1926–2010). Анализируя, среди прочего, процессы взаимодействия России и повстанческой Сербии накануне Слободзейского перемирия, он указывает на то, что влияние России на государственную систему Сербии в тот период ограничивалось лишь ролью противовеса, который Карагеоргий использовал при борьбе за влияние с непокорным еще Правительствующим советом⁸. Историк сделал вывод, что вследствие этого русское воздействие не отразилось в принятых и проведенных в жизнь нормативно-правовых актах. Современный исследователь восстания Михаил Валерьевич Белов также не находит российского влияния ни на один из выделяемых им генетических «полюсов» правовой системы повстанческого государства – «примитивно-патриархальный» и «конституционный»⁹. В целом же, несмотря на значительные достижения указанных авторов, множество вопросов, связанных с природой и источниками рецепции государственно-правовых норм Сербии эпохи Первого сербского восстания по-прежнему ждут своего исследователя.

Первое упоминание о какой-либо связи России с оформлением основ повстанческой государственности датируется 28 ноября 1804 г. и связано с поездкой вождей восстания в Петербург. Вкратце отметим, что к тому моменту, несмотря на зна-

чительный срок, прошедший с начала восстания, единственным органом власти в нем, помимо предводителя Карагеоргия и ряда старейшин, были нерегулярные скупщины. Последние представляли собой 2–3-дневные собрания повстанцев разного уровня. Источники весьма скупо освещают степень репрезентативности их участников и сам ход заседаний. С уверенностью можно сказать только то, что в большинстве своем на них решались вопросы организации военного отпора дахиям, а позже и «султанским» туркам. По-видимому, скупщины были двух уровней: скупщины нахий (к примеру, скупщина валеvской нахии на Рельином поле в мае 1804 г.) и скупщины, решения которых распространялись на всю территорию восстания (ряд скупщин, проведенных в Смедерево). Никакого постоянно действующего органа власти в это время у повстанцев еще не было.

Вместе с тем, и Вук Караджич, и Матия Ненадович связывают саму идею основания Правительствующего совета (Синода) – первого органа власти в восстании – с советом, якобы данным А. Чарторыйским прибывшим в Петербург сербам, после того, как они заявили ему, что у них «в каждой нахии каждый [правитель. – В.С.] устанавливает законы и правит так, как знает и может»¹⁰. На это, согласно Караджичу, Чарторыйский просто посоветовал создать совещательный орган, а по свидетельству Матии Ненадовича – пригрозил, что «ни одна страна с вами не будет разговаривать, пока не будет Синода у вас»¹¹.

Между тем у нас есть основания считать эти свидетельства сербских авторов неточными, искажающими смысл рекомендаций А. Чарторыйского. Во-первых, Россия в 1804–1805 гг. настаивала на сохранении лояльности восставших против режима дахий сербов официальному Константинополю. Поэтому одобрение, и тем более прямой призыв к организации суверенного органа власти в восстании резко контрастировали бы с этой политикой. Во-вторых, в докладе Чарторыйского Александру I по итогам встречи с сербскими повстанцами, имеющем строго конфиденциальный характер, никаких упоминаний о санкции России на формирование органов власти в повстанческой Сербии не было. Наконец, противоречит сербской версии происхождения Правительствующего совета практика его

начального этапа работы, который, кстати, последовал лишь 1 сентября 1805 г.

На первых порах Совет, заседавший в монастыре Волявча, вынес лишь ряд определений по мелким гражданско-правовым тяжбам. Едва ли в реальности для создания такого органа нужны были воля и решение высшего руководства Российской империи. Лишь с течением времени Совет постепенно, шаг за шагом, расширял свои полномочия, становясь институтом сильной оппозиции Карагеоргию. Противодайствием стремлениям Совета к самостоятельности стало оформление личной верховной власти Карагеоргия по итогам X белградской скупщины 10–11 января 1811 г., решения которой обязали Совет присягать вождю восстания.

Следовательно, можно с определенной долей уверенности сказать, что идея Совета вызрела внутри самого восстания и отвечала его потребностям, а вовсе не была навязана или предложена Россией. Версию, предложенную Караджичем и Ненадовичем, можно рассматривать как стремление придать первому властному органу в восстании большую легитимность. При этом нельзя исключать и того, что сербские посланники все же рассказали об идее создания собственного правительства А. Чарторийскому, рассчитывая на его одобрение.

Наиболее известным эпизодом, связанным с ролью России в государственно-правовом становлении Сербии, является так называемая «миссия Родофиникина». К. К. Родофиникин (1760?–1838) — дипломатический агент русского штаба в Молдавии — прибыл в Сербию 2 августа 1807 г. Фактически сразу же после своего прибытия, 8 августа, он представил проект формирования государственных органов Сербии, вошедший в историю как «Основание правительства Сербского»¹².

Анализ этого документа свидетельствует о том, насколько плохо Родофиникин разбирался в сербских реалиях. Его план состоял из 14 пунктов. Пункт 1 предусматривал учреждение Правительствующего сената под предводительством князя, который получал титул «светлейшего князя», «но власть остается в руках суда и закона» — то есть князь не может распоряжаться по своему произволу. Судьи получают материальное содержание и

землю. В состав Сената входят полководцы восстания, представители скупщин и нахий, сам князь — его голос приравнивается к трем голосам остальных. Полководцы-сенаторы получают титул «сиятельный вождь». Князь обязательно присягает Сенату. У Сената появляется собственная гвардия. Сенат занимается государственными доходами, ведает конфискованными землями, принадлежавшими ранее бегам и агам. В каждую нахию Сенат назначает губернатора и его советников.

Этот документ всегда порождал серьезные дискуссии в сербской историографии: многие видели в нем «русское влияние», оказываемое с целью установления внешнего контроля над политическим развитием молодой Сербии¹³. Следует согласиться с Д. Янковичем, который искренне удивлялся тому, насколько неуместным, далеким от сербских реалий и трудным в практическом осуществлении был этот проект¹⁴.

С нашей точки зрения, срок в 6 дней, за который он был подготовлен, позволяет считать его «домашней заготовкой» чиновника, который до этого никогда не был в Сербии. Впервые, странной и едва ли необходимой является попытка одномоментного создания дворянства в Сербии с присвоением высоких титулов вчерашним прапорщикам фрайкора* и торговцам скотом. Не вполне понятно, почему Родофиникин считал эту меру неотложной для становления сербского государства и чего пытался этим достичь. Вполне вероятно, что русский эмиссар слепо копировал казавшиеся ему важными элементы системы империи Нового времени.

Во-вторых, едва ли нахийские лидеры, которые уже явно демонстрировали сепаратистские настроения, спокойно отнеслись бы к прибытию в их земли неких «губернаторов» и «советников». Можно, правда, считать, что Сенат, по мысли Родофиникина, должен был просто подтвердить полномочия действующих оберкнезов. Но и тут не вполне ясен смысл этой меры: зачем при заметном ослаблении власти князя еще и фиксировать раздробленность законодательно? Что касается отъема турецких земель

* Фрайкор (нем. Freikorps — свободный корпус, добровольческий корпус) — иррегулярные отряды из сербов, создававшиеся Австрийской империей в середине и второй половине XVIII в. для войн с Османской империей.

в пользу государства, этот процесс, как нам кажется, шел полным ходом и без решений Родофиникина, на что есть ряд прямых указаний у В. Караджича. Стоит сказать, что Родофиникин, скорее всего, и сам осознал невозможность приложения своего проекта к сербским реалиям, наблюдая за административной реформой в пашалыке в ноябре—декабре 1807 г.

Сохранилась его записка командующему Молдавской армией генерал-фельдмаршалу А.А. Прозоровскому, в которой он сообщал о «нынешнем» положении судов в Сербии и вносил свои предложения по совершенствованию этой системы.

Существующий Правительствующий совет Родофиникин предлагал наделить полномочиями Народного суда, учредив в нем два департамента — уголовных и гражданских дел. Верховным органом в стране по плану Родофиникина должен был стать вновь учрежденный сенат в составе Якова Ненадовича, Симы Марковича, Миленко Стойковича, Милана Обреновича, Младена Миловановича, Петра Теодоровича и Луки Лазаревича. Родофиникин особенно выделял Миловановича, который, хотя и проявлял склонность к коррупции, был, по мнению русского эmissара, «без сомнения, умнее Черного Георгия и других многих»¹⁵. Полномочия совета и князя должны быть урегулированы конституцией; она же должна определять характер прав и обязанностей официального представителя Российской империи в государственно-правовой системе Сербии.

Планировалось учредить пять министерств — судебное, военное, торговли и иностранцев, финансовое и ведомство хранителя печати. Помимо этого, Родофиникин намеревался несколько упростить систему церковного суда. Представив свой проект, он, однако, написал Прозоровскому, что пока не берется составить конституцию¹⁶.

Этот вариант государственного переустройства в Сербии был куда более консервативным, но он не был реализован уже по субъективным причинам. Охарактеризовать их поможет сопоставление второго варианта проекта Родофиникина и так называемой Первой конституции Карагеоргия, принятой в условиях очередного обострения спора вождя восстания с повстанческой олигархией на VIII скупщине в Белграде 14—15 де-

кабря 1808 г. Согласно этому проекту, Карагеоргий признавался верховным наследным правителем Сербии и обязывался вершить все дела лишь в согласии с Правительствующим советом. Как и предложил русский эмиссар, Совет получил полномочия верховного суда, однако на этом сходство заканчивалось. Карагеоргий решил не прорабатывать детально систему министерств и ведомств внутри кабинета, не стал фиксировать состав Совета. Он сделал главное – ужесточил режим собственного авторитарного управления. Не стал он учреждать и духовную консисторию в Белграде, о которой писал Родофиникин, – видимо, по причине недоверия белградскому митрополиту греческого происхождения Леонтию. Конфликт последнего с Карагеоргием, о котором Родофиникин не преминул донести в Россию, вынудил некогда влиятельного митрополита покинуть сербские земли в 1809 г.

Следует отметить особо важное отличие: к концу 1808 г. Карагеоргий уже не находил в административной системе Сербии места для русского управляющего. Карагеоргий, таким образом, с одной стороны, устранил возможность появления конкурента в борьбе за власть в пашалыке, а с другой, продолжил свой курс на создание полностью независимого государства. Исходя из этого, можно сделать вывод, что деятельность К.К. Родофиникина, весьма успешная в дипломатических спорах начавшейся русско-турецкой войны 1806–1812 гг., не дала заметных результатов для формирования повстанческой государственности.

Справедливости ради стоит отметить, что некоторое сходство с тем, что предусматривал второй проект реформы К.К. Родофиникина, можно обнаружить в уже упомянутых преобразованиях последнего периода восстания, начатых Х белградской скупщиной в январе 1811 г. Тогда был модернизирован весь комплекс функций Правительствующего совета. На следующий день после клятвы Карагеоргию, 11 января 1811 г., «Божьей милостью и покровительством Александра Павловича»¹⁷ в составе Совета впервые создавались ведомства, во главе с «попечителями» (министрами). Военные дела были поручены Младену Миловановичу, иностранные сношения – Миленко Стойко-

вичу, просвещение – Досифею Обрадовичу (вскоре умершему), внутренние дела – Якову Ненадовичу, вопросы бюджета – Симе Марковичу, вопросы суда – Петру Добриняцу. Эти назначения не должны рассматриваться как произвольное разделение обязанностей и сфер ответственности, это очень важный акт: Совет, именем которого подписывалось большинство официальных документов повстанческого государства, отныне становился всего лишь органом исполнительной власти. Этот акт показывал еще одну грань авторитарного режима Карагеоргия: 10 января он поклялся работать в согласии с Советом, состав которого сам же назначил 11 января. В Отделении рукописей Матицы Сербской в Нови-Саде хранятся документы, которые свидетельствуют о том, как было оформлено это решение Карагеоргия. Это не было простым указом: все избранные получили письма, в которых Карагеоргий извещал того или иного «попечителя», что отныне он избран членом Совета и главой соответствующего ведомства, а Карагеоргий надеется на его долгую и верную службу¹⁸. Таким образом, вопрос о верховной власти в повстанческом государстве 10–11 января 1811 г. был окончательно решен в пользу Карагеоргия. Реверанс относительно «покровительства» Александра I уместно трактовать исключительно в контексте очередного ухудшения отношений повстанческой Сербии и Вены.

Наконец, в последний раз в годы Первого сербского восстания российское влияние на эволюцию правового положения сербов Белградского пашалыка можно увидеть, проанализировав Бухарестский мирный договор 1812 г. Его восьмая статья, в которой говорилось о судьбе Сербии, отмечала, что Османская империя передает в руки сербов «управление внутренних дел их»¹⁹: этот договор был первым опытом международно-правовой фиксации автономного положения славянского народа Османской империи.

Таковы основные черты российского влияния на государственно-правовую систему повстанческой Сербии. Как следует из проведенного анализа, переоценивать его не следует. На начальном этапе восстания роль России преувеличивалась самими его участниками. Неоднозначна была и судьба замыслов

К.К. Родофиникина. Если его первый проект был попросту чужд парадигме сербского государственно-правового становления и в случае его проведения в жизнь непременно посеял бы анархию во всем пашалыке, то второй проект столкнулся с авторитарными амбициями Карагеоргия, хотя отдельные черты этого документа и можно увидеть в позднейших преобразованиях.

Примечания

- ¹ См. напр.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. М., 1960; Внешняя политика России. Серия I. Т. 3. М., 1969; Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия. Кн. I–II. М., 1980–1983; Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. М., 1984.
- ² См. напр.: Грађа бечких архива о првом српском устанку. Књ. 1. Београд, 1985; Књ. 2. Београд, 1989; Књ. 3. Београд, 1992; Књ.4. Београд, 1994; Књ. 5. Београд, 2003; Грађа из земунских архива за историју Првог српског устанка. Књ. 1. Београд, 1955; Књ. 2. Београд, 1961; Први српски устанак. Акта и писма на српском језику. Књ. 1: 1804–1808 г. Београд, 1977; Spisi bečkih arhiva o Prvom srpskom ustanku. Knj. 1. Beograd, 1935; Knj. 2. Beograd, 1936; Knj. 3. Subotica, 1937; Knj. 4. Subotica, 1938; Knj. 5. Subotica, 1939; Knj. 6. Beograd, 1965; Knj. 7–8 (sv. 1). Beograd, 1966; Knj. 7–8 (sv. 2). Beograd, 1967; Knj. 9. Beograd, 1971.
- ³ См. напр.: Архив Сербской академии наук и искусств в Белграде (АСАНУБ). Ф. Иосифа Рајачића. Д. 9313/4; АСАНУБ. Ф. Историјска збирка. Д. 375 и др.
- ⁴ См. напр.: Отделение рукописей Матицы Сербской в Нови-Саде (далее – РОМС). Ф. Писма. Д. 9994.
- ⁵ *Novaković S. Vaskrs srpske države. Novi-Sad, 1904; Novaković S. Ustavno pitanje i zakoni Karađorđeva vremena. Beograd, 1907.*
- ⁶ *Đorđević M. Srbija u ustanku 1804–1813. Beograd, 1979.*
- ⁷ *Janković D. Rusija i državno uređenje ustaničke Srbije // Jugoslovenske zemlje i Rusija za vreme Prvog srpskog ustanka 1804–1813. g. Beograd, 1983. S. 250–260; Janković D. Srpska država Prvog ustanka. Beograd, 1984.*
- ⁸ *Грачев В.П. Сербский вопрос в период Слободзейского перемирия (апрель 1807 – август 1808 гг.) // Национальное возрождение балканских народов в первой половине XIX века и Россия. М., 1992. С. 54–55; он же. Первое сербское восстание и Россия во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Ч. 1. М., 2010. С. 232–235; он же. Бухарестский мир 1812 г. и сербский вопрос // Славяне и Россия: К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 437–488.*
- ⁹ *Белов М.В. Сербская повстанческая государственность и ее идейное обоснование // Двести лет новой сербской государственности. М., 2004. С. 42–43.*
- ¹¹ *Караџић В.С. Правителствујушчи совет сербски // Караџић В.С. Историјски списи. Београд, 1985. С. 20.*
- ¹² *Ненадовић М. Мемоари. Нови-Сад – Београд, 1969. С. 177.*
- ¹³ Цит. по: *Новоковић С. Уставно питање и закони Карађорђевога времена. Београд, 1907. С. 26.*
- ¹⁴ См.: *Đorđević M. Srbija u ustanku ... S. 229.*
- ¹⁵ *Janković D. Srpska država... S. 132.*

¹⁶ Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Сербский вопрос в царствование императора Александра I // *Русский вестник*. 1863. Т. 46. С. 566.

¹⁶ К.К. Родофиникин – А.А. Прозоровскому, 2 ноября 1808 г. // *Богшиич В.* Разбор сочинения Н. Попова «Россия и Сербия» // *Отчет о Тринадцатом присуждении наград С.С. Уварова*. СПб., 1872. С. 124–132, 263.

¹⁷ *Савић В.Б.* Карађорђе. Документи. Београд, 2001. С. 861. Док. № 580.

¹⁸ РОМС. Ф. Писма. Д. 7220. Л. 2 об.

¹⁹ Русско-турецкий Бухарестский мирный договор // *Внешняя политика России*. Сер. I. Т. 6. М., 1968. С. 409.

Отношение славянофилов к Священному союзу (Славянофилы о врагах и друзьях России)

В 1815 г., после победы на Наполеоном, Россия, Австрия и Пруссия заключили Священный союз, главной целью которого было сохранение статус кво в Европе. Это привело к сотрудничеству между Россией и двумя немецкими государствами – Австрией и Пруссией. Особо тесные сношения сложились между Россией и Австрией. После революций, произошедших в 1830 г. во Франции и Бельгии, восстаний в Польше и Греции деятельность Священного союза практически прекратилась, однако русское правительство по-прежнему видело в Австрии и Пруссии своих главных союзников в Европе.

Многим представителям российской интеллигенции это не нравилось. Уже с середины XVIII в. – времени правления Анны Иоановны – в русских патриотически настроенных дворянских кругах сформировалось отрицательное отношение к немцам. Оно отчетливо проявилось в царствование Петра III и Павла I. В 1830-х годах некоторые представители российских образованных кругов побывали в славянских землях Габсбургской монархии, где в то время среди славянских просветителей были распространены идеи славянской взаимности, которым ряд русских путешественников стал сочувствовать. Так, историк Михаил Петрович Погодин, несколько раз побывавший в габсбургских владениях, писал об этом докладные записки представителям российских властных структур. В письме на имя наследника Александра Николаевича в 1838 г. он сообщал, что славяне, живущие от Венеции до Константинополя и от Балтийского моря до Мореи, «говорят одним языком и, сле-

довательно, по закону природы, нам сочувствуют ... составляют одно нравственное целое с нами по происхождению и языку»¹.

Антинемецкие настроения особенно были характерны для славянофилов. Так, один из их идеологов Константин Сергеевич Аксаков в своей магистерской диссертации «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» (1847) в числе главных заслуг Ломоносова видел его борьбу против деятельности немецких ученых в России. Подчеркнув, что Ломоносов «ревностно принимал плоды просвещения от Запада», К.С. Аксаков одновременно указывал и на отрицательную роль деятельности немецких ученых в России. «Видя как выписывают из-за моря профессоров, — отмечал он, — видя немецких ученых, приехавших за деньги в Россию, не имеющих ни малейшего к ней сочувствия, нисколько не заботящихся о просвещении и вместе с тем забирающих все ее средства, видя, что деятельность их нисколько не переходит в обладание России и остается чуждой для нас, Ломоносов негодовал всею душою... Ломоносов соединял любовь к просвещению с любовью к России и с резкой бранью нападал на немцев в России, противников своих, ведя за Россию и за ее просвещение неутомимую, ожесточенную борьбу»².

Резко критиковал немецкую политику в Прибалтике и Юрий Федорович Самарин, автор «Писем из Риги», распространявшихся в российских салонах в рукописи. За них по приказу императора Николая I Самарин был заключен в Петропавловскую крепость, где просидел 12 дней. Он принадлежал к знатной семье и являлся крестником Александра I, поэтому его допрашивал сам Николай I. Судя по записям Самарина, сделанным им спустя много лет, царь предъявил ему два главных обвинения. Первое: «Вы поднимали общественное мнение против правительства: это готовилось повторение 14 декабря». Второе обвинение было таким: идеи статьи грозят «подорвать доверие к правительству и связь его с народом, обвиняя правительство в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам». Более точно передает слова императора в своем дневнике цензор А.В. Никитенко: «Ты пус-

тил в народ опасную идею, толкуя, что русское правительство со времени Петра Великого действовало только по внушению и под влиянием немцев. Если эта мысль пройдет в народ, она произведет ужасные бедствия!»³.

Указывая, что немецкий вопрос нельзя трогать, поскольку это грозит новым 14 декабря, царь имел в виду немцев, проживавших в России. Однако это распространялось и на немцев, находящихся за рубежом, что очень ясно понимали славянофилы. Спустя 20 лет, в 1869 г., М.П. Погодин, разделявший внешнеполитические концепции славянофилов, прямо писал об этом: «Крымскою войною мы узнали, каковы друзья наши, не только англичане и французы, но даже австрийцы и пруссаки, с которыми мы составляли Священный союз и которых боялись тревожить сочувствием к славянам»⁴.

Разговор царя с Самариним указывает и на то, что он опасался, что Самарин и его друзья имеют революционные замыслы. Этот страх Николая I, однако, не имел оснований: славянофилы осуждали революцию. Уже в марте 1848 г. К.С. Аксаков писал историку А.Н. Попову: «Запад разрушается, обличается ложь Запада, ясно, к какой болезни приведет его избранная им дорога... Русским надо отделяться от Европы Западной... У нас другой путь, наша Русь — святая Русь». Спустя месяц Аксаков добавлял, что главное для России — спасение души, «поэтому революция чужда совершенно России, и существующий порядок в ней крепок». Аксаков был уверен, что одна из целей революции — создание республики — вредна. «Республика, — писал он, — есть самая вредная правительственная форма. Монархия откровенна, а республика лицемерна»⁵.

С конца 1830-х годов славянофилы уделяли мало внимания внешней политике России. Их интересовали прежде всего внутренние реформы в стране и главная из них — отмена крепостного права. Однако им с самого начала было присуще убеждение в необходимости для России избавиться от подражания Западной Европе.

Интерес к славянам и их борьбе за свое освобождение встал у славянофилов на повестку дня во время революции 1848—1849 гг. Вместе с тем российские властные структуры

были совершенно убеждены в их антиправительственных взглядах и деятельности. Во всяком случае переписка славянофилов прочитывалась в Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии (высшем органе политической полиции Российской империи в правление Николая I и Александра II). Иван Сергеевич Аксаков также был арестован, как и Самарин, за то, что в частном письме отозвался положительно о статье последнего. В Третьем отделении И.С. Аксакова заставили ответить письменно на ряд вопросов. Его ответы интересовали не только жандармов, но самого Николая I. Они сохранились, так же как и замечания, сделанные на них царем. Так, на вопрос об отношении Аксакова и его окружения к славянскому движению в Австрии, тот ответил, что славянофилы испытывают к западным славянам только участие, как к братскому народу. Вместе с тем, о хорватском бане Й. Елачиче Аксаков отзывался положительно: «Разве он не был достоин похвалы? Это признал и государь, наградивший его орденом». Что же касается идеи превращения Австрии в славянское государство, выдвигаемой чехами, то он указывал, что ей не сочувствует. «Это было бы, — писал Аксаков, — впрочем, весьма грустно, так как возникновение рядом с Россией самобытной, сильной славянской монархии привлекло бы к ней все те южные славянские племена, которые теперь мы от себя отталкиваем, и лишило бы Россию значения быть единственным сосудом православия и славянских начал на земле»⁶.

Убеждение, что Австрия не может превратиться в славянское государство, И.С. Аксаков пронес через всю свою жизнь. В газете «Москва» он писал, что русские интересы противоположны австрийским, и решительно выступал против солидарности с Австрией и Пруссией (т. е. членами Священного союза), подчеркивая, что «нам следовало избавиться от этой солидарности». Он сравнивал политику России и Пруссии по отношению к полякам: «Россия призвала к новой жизни 3,5 млн польских крестьян (Аксаков имел в виду крестьянскую реформу в Царстве Польском. — *И.Ч.*) и придала через то новую силу польской народности». В то же время, продолжал Аксаков, пруссаки стремятся не оживить польскую народность, а онемечить ее.

Относительно Австрии Аксаков выражался еще определеннее: «Насколько мы сблизимся с Австрией, настолько мы отделимся от естественных и существенных наших союзников — славян»⁷. Эту мысль он повторил в 1867 г., подчеркнув еще более решительно, что у славян не может быть искреннего союза ни с немцами, ни с мадьярами, а мечты о славянской конфедерации на немецкой закваске неисполнимы и грешны⁸. И спустя много лет, в 1881 г., Аксаков снова повторил в своей последней газете «Русь»: «Никогда славянской империей Австрия не будет, да и быть не может»⁹. Такова была позиция славянофилов по отношению к немецким государствам.

В начале 1850-х годов Австрия и австрийские славяне отходят на второй план славянской политики России. События на Балканах накануне Крымской войны и ее начало вызвали рост интереса славянофилов к балканским славянам. По словам российского историка С.А. Никитина, они ожидали разрешения Восточного вопроса и освобождения славян от турецкого гнета. Поэты Ф.И. Тютчев и А.С. Хомяков писали стихи, призывающие к победе над турками. К.С. Аксаков подчеркивал в письме от 21 июня 1854 г. к Д.А. Оболенскому: «Повторяю, необходимо объявить независимость всех православных в Турции, и необходимо сказать, что их дело принимаем мы как наше собственное и будем за него сражаться как за самих себя»¹⁰. К.С. Аксаков прямо указывал в записке, адресованной наследнику (ее переписанный экземпляр С.А. Никитин нашел в бумагах фрейлины жены наследника Марии Александровны — А.Ф. Тютчевой), на антироссийскую позицию Запада: «Независимость Турции и все другие наружные причины — все это пустые предлоги... Если не одолеть, не уничтожить, то унижить, ослабить нас общими силами мечтает Западная Европа»¹¹. В этой же записке К.С. Аксаков призывал: «Европа встает на нас всем своим миром: пусть будет так! И мы встанем всем миром славянским. Вот прямое и единственное решение задачи»¹².

Однако не все славянофилы столь восторженно относились к Крымской войне. Летом 1854 г., когда уже стала ясна позиция Австрии по отношению к России, А.С. Хомяков писал К.С. Аксакову: «Желайте одного — мира, какого бы ни было.

Лучше срам без кровопролития и разорения, чем больший еще срам с разорением и кровопролитием, а это неизбежно. Мы не можем иначе воевать, как с помощью народной войны, т. е. подняв народы в Австрии, и мы лучше согласимся половину своих отдать, чем изменить доброму принципу. При таких правилах нужен мир»¹³.

Поражение России в Крымской войне и позиция участников Священного союза, прежде всего немецких государств, во время ее окончательно разуверили российское общество в возможности опираться на них во внешней политике. После опубликования условий Парижского мира 1856 г. А.С. Хомяков, фактический лидер и главный идеолог славянофилов, согласно воспоминаниям А.Ф. Тютчевой, высказывался следующим образом: «Если бы нам удалось теперь окончательно отказаться от наших прежних ошибок и всецело соединиться с Францией, бросить Германию, обратить все наши симпатии на славянские народы, не вмешиваться в «полицейские дела» других государств, — мы бы еще все наверстали»¹⁴. Несомненно, говоря о вмешательстве в «полицейские дела» других государств, Хомяков имел в виду помощь России Австрии в подавлении венгерского восстания, а под Германией подразумевал прежде всего два главных немецких государства — Австрию и Пруссию.

Это было мнение не только славянофилов, но и многих представителей властных кругов России, в том числе и нового царя Александра II. После смерти Николая I в России стали проводиться реформы. Прежде всего они коснулись министерства иностранных дел. В результате его прежний глава К.В. Нессельроде был отправлен в отставку, а его место занял князь А.М. Горчаков, сторонник разрыва союзнических отношений с немецкими государствами; была ослаблена цензура. Славянофилы, как и другие общественные деятели, получили возможность учредить свои периодические издания. Накануне отмены крепостного права выходили несколько славянофильских журналов и газет: «Русская беседа» (1856—1859), «Молва» (1857), «Парус» (1859). В них славянофилы высказывали свое отношение не только к существующим порядкам в России, но и к ее внешней политике.

К.С. Аксаков редактировал «Молву», много писал в нее. Еще в 1856 г. в «Русской беседе» он выступал против взглядов европейских ученых и журналистов, согласно которым только европейская культура может считаться общечеловеческой. «Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение — значит лишить его участия в общем деле человечества». Русский народ имеет право на общечеловеческое сам, а не через посредство и позволение Западной Европы¹⁵. Эту мысль К.С. Аксаков развил в «Молве». Признавая, что Запад очень много сделал для развития науки, что Россия 150 лет брала у Запада научные идеи, он подчеркивал: «Думаем, что у России есть что сказать человечеству в свой черед, что у нее есть свое слово»¹⁶. Он утверждал, что общечеловеческая культура — это не западноевропейская культура, а сумма самобытных культур разных народов¹⁷. Указывая, что Европа является «повелительницей человечества», хотя занимает малую часть мира, Аксаков отмечал, что эту силу ей дало христианство. Но «просвещение, распространяемое европейцами в других странах, часто соединялось с истреблением народностей, с дикими бесчеловечными мерами». Целые племена гибли от столкновения с европейскими народами. Он был убежден, что «есть возможность иного просвещения, соединенного с уважением к каждой народности»¹⁸.

К европейским державам К.С. Аксаков относился с недоверием, особую неприязнь у него вызывала Австрия. Крымская война показала ложных друзей и истинных, писал он. Кажется, Австрия есть самая давняя союзница России, но это был друг лживый и коварный. «Наши верные друзья, — подчеркивал он, — это народы славянские и вообще народы угнетенные. Они понимают, может быть, неясно, что одно из внутренних коренных убеждений русской земли есть оправдание и признание всякой народности»¹⁹.

«Молва» была закрыта из-за статьи К.С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика — народ», опубликованной 14 декабря 1857 г. В ней автор, сопоставляя народ (крестьянство) и публику (дворянство), решительно выступал за народ, его обычаи и мировоззрение.

Во второй половине 1850-х годов основным рупором славянофилов становится журнал «Русская беседа». Его редакторами являлись А.И. Кошелев и И.С. Аксаков. Аксаков в это время стал одним из главных идеологов славянофилов, поскольку был редактором большинства славянофильских периодических изданий.

В «Русской беседе» активно сотрудничал князь В.А. Черкасский. После подписания Парижского мирного договора он утверждал в своих статьях, что восточная проблема только временно отодвинута. Черкасский отмечал, что в настоящее время сложился Тройственный союз из Англии, Франции и Австрии и от этого выиграла Австрия²⁰. Солидарен с этой точкой зрения был и М.П. Погодин. В своей записке от 8 мая 1856 г. он утверждал: «Игра не прекратилась, а игроки после партии обменялись между собою местами и расселись иначе, ожидая новой сдачи. Вопрос Восточный не решен: продолжение впереди»²¹. Однако после Крымской войны Восточный вопрос у славянофилов отошел на второй план, а на первый вышла их деятельность среди австрийских славян.

Хотя славянофильские издания не раз подвергались репрессиям со стороны властей, часть властных структур относилась к взглядам славянофилов сочувственно. Это касалось прежде всего нового министерства иностранных дел и определенных придворных кругов во главе с императором Александром II. Поэтому российские власти утвердили в 1858 г. создание Московского Славянского благотворительного комитета, ставшего центром деятельности славянофилов. Его поддержали министр иностранных дел А.М. Горчаков и министр народного просвещения Д.А. Толстой. С.А. Никитин так оценивает разрешение властей основать Славянский благотворительный комитет: «Правительство рассматривало вновь создающуюся организацию как удобное орудие для проведения русской политики на Балканах». Предполагалось, что Московский комитет в своей деятельности будет находиться в тесной связи с Азиатским департаментом МИД²².

Однако и в начале 1860-х годов внешняя политика не занимала главное место в идеологии славянофилов. Об этом прямо

писал И.С. Аксаков графине А.Д. Блудовой, активно участвовавшей в помощи православным славянам. В своем письме он сообщал о направлении газеты «День» (1861–1865), редактором которой являлся: «Пока будет существовать «День», он будет посвящен преимущественно русским нашим вопросам, перед которыми славянские имеют интерес уже второстепенный»²³. «День» стал органом Московского Славянского благотворительного комитета. По мнению Н.И. Цимбаева, это издание являлось «инструментом русской внешней политики, проводником русского влияния на славян»²⁴.

Именно на страницах «Дня» И.С. Аксаков четко сформулировал свою славянскую программу. Уже в его первом номере он писал: «Освободить из-под материального и духовного гнета народы славянские и даровать им дар самостоятельного духовного и, пожалуй, политического бытия под сению могущественных крыл русского орла – вот историческое призвание, нравственное право и обязанность России»²⁵. В письме к В.А. Черкасскому И.С. Аксаков высказывался более откровенно: «Русские интересы противоположны интересам австрийским... Австрия есть злейший враг освобождения славян... из-под турецкого ига»²⁶. «Наше значение в Европе, – продолжал он, – должно опираться преимущественно на сочувствие к нам славянских народов, находящихся под властью немцев и турок». Из-за Священного союза русские должны были препятствовать свободе Италии. Из-за него, по утверждению Аксакова, русские забыли, что их интересы противоположны австрийским²⁷.

В «Дне» сотрудничали молодые слависты, служившие в министерстве иностранных дел, – А.Ф. Гильфердинг и В.И. Ламанский, а также цензор Н.П. Гиляров-Платонов. И.С. Аксаков помещал на страницах «Дня» материалы, которые не всегда нравились российским чиновникам и духовенству. Но когда его подвергали репрессиям цензоры, за него обычно вступалось министерство иностранных дел. Об этом И.С. Аксаков писал Е.И. Елагиной 24 августа 1862 г.: «Наш посланник из Вены (Балабин) и консула* в славянских странах писали самые энергические письма о том, как неприятно подействова-

* Так в тексте.

ло на славян прекращение «Дня», в каком невыгодном свете является правительство, какое огромное значение имел этот орган славянофильства в России»²⁸. Благодаря усилиям МИД и великого князя Константина Николаевича в сентябре 1865 г. «День» был освобожден от предварительной цензуры, несмотря на противодействие министра внутренних дел Д.А. Валуева и цензора И.А. Гончарова.

В 1860-е годы славянофилы действовали достаточно согласованно с русскими властями. После поражения в Крымской войне русское правительство стремилось поднять авторитет страны в глазах Европы и своего собственного народа. Для этого было проведено два важных мероприятия: празднование Тысячелетия России (1862) и Этнографическая выставка и Славянский съезд в Москве (1867). В их организации значительную роль сыграли славянофилы. По инициативе императорской семьи был подготовлен список крупнейших культурных и политических деятелей зарубежных славян — для награждения их российскими орденами. Составить этот список было поручено протоиерею русской посольской церкви в Вене М.Ф. Раевскому, который являлся членом Московского Славянского благотворительного комитета, что он и сделал с помощью А.Ф. Гильфердинга. Всего было награждено 30 славян, в том числе 27 австрийских подданных.

Награждение австрийских славян российскими орденами явилось первым открытым выпадом российского правительства против Австрии. Оно произошло в то время, когда в Габсбургской монархии, после ее поражения в войне с Пьемонтом и Францией и потери ею почти всех владений в Италии, началась борьба за ее переустройство. Рассматривалось три варианта этого проекта: усиление централизации, за что боролось венское правительство, введение дуализма, на чем настаивали венгры, и проведение федерализации Австрии. В эту борьбу активно включились славяне, решительно выступавшие за федерализацию. Раздача русских орденов выдающимся славянским политикам и культурным деятелям означала моральную поддержку их со стороны властных российских структур. Так это восприняли сами славяне. Активный корреспондент словенских газет

купец Грегор Блаж писал в 1867 г. М.Ф. Раевскому: «Когда во время празднования Тысячелетия Российской империи Россия наградила орденами выдающихся нерусских славян и такой орден получил мой друг и соотечественник д-р Блейвейс, я почувствовал несказанную радость. С этого момента мне стало легче на душе, так как я преисполнился уверенностью, что Россия включает нас в круг своих интересов, что мы таким образом можем не опасаться быть поглощенными Италией или кем-либо другим»²⁹.

Разочарование в австрославизме постигло многих славянских национальных деятелей уже в середине 1860-х годов. Лидер чехов историк Ф. Палацкий, пользовавшийся авторитетом у австрийских славян, опубликовал серию статей «Идея австрийского государства», в которой прямо писал: «День провозглашения дуализма непреодолимо станет днем рождения панславизма в его наиболее нежелательной форме... Существовали мы до Австрии, будем существовать и после нее»³⁰.

Еще более серьезным выпадом против Австрии и отчасти Пруссии стало проведение в 1867 г. в Москве Всероссийской этнографической выставки и Славянского съезда. В этом мероприятии большую роль сыграли славянофилы: по их предложению на Этнографической выставке был открыт Славянский отдел, для которого собирал экспонаты среди австрийских славян М.Ф. Раевский. Австрийские славяне активно откликнулись на призыв славянофилов, поскольку в начале 1867 г. после поражения в войне с Пруссией в Вене был принят план переустройства Австрии на началах дуализма. Это означало, что чехи и словенцы отойдут под власть Вены, что ускорит их германизацию, а хорваты, сербы и словаки включались в орбиту венгерской государственности, что угрожало им быстрой мадьяризацией. Поэтому многие видные славянские деятели Габсбургской монархии не только помогали собирать предметы этнографии своих народов, но и приняли приглашение организаторов выставки и поехали в Москву.

Австрийское правительство и немецкие националисты восприняли поездку славян в Москву как угрозу существованию Австрии. Немецкая пресса провозглашала встречу славян

в Москве «панславистским сборищем» и подчеркивала: «Побратимство на панславистской почве — это заговор против Австрии, и вопль негодования — вот единственный ответ, который могут дать народы Австрии тем, кто примыкает к преступному покушению на ее существование»³¹. Мнение немецкой прессы отражало точку зрения венского правительства. В полицейских архивах Габсбургской монархии зафиксировано его отношение к поездке славян в Москву: «Панславистское движение, которое в российских кругах, во всяком случае, петербургским кабинетом, откровенно поощряется и поддерживается, является все более угрожающим для населения Австрии. Этнографическая выставка в Москве самым тесным образом связана с этим движением и одновременно является его выражением»³².

Венское правительство пыталось не допустить поездку славянских деятелей в Москву. Австрийский посланник в Петербурге граф Ревертера говорил об этом с министром иностранных дел России А.М. Горчаковым, но тот занял позицию невмешательства. Тогда Ревертера обратился к министру внутренних дел П.А. Валуеву. Тот в ответ попросил посланника дать ему список лиц, приезд которых в Россию был бы нежелателен для австрийского правительства. Такой список Ревертера представить не мог, ибо это поставило бы венские власти в неудобное положение перед национальными деятелями славян. Тогда министр иностранных дел Австро-Венгрии Ф. Бейст послал Ревертере инструкцию для прочтения ее Горчакову. В ней содержалось предупреждение о том, что австрийское правительство останется в стороне, если в Галиции будет проведена антироссийская манифестация с участием подданных России. Бейст намекал на поляков, ибо и галицкие поляки, и польские эмигранты в Париже выступали против Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве.

Любопытно, что такой жесткий и умный политик как О. Бисмарк, ознакомившись с положением дел, дал совет австрийским властям обвинить всех, кто поехал на Этнографическую выставку в Москве, в государственной измене и арестовать³³.

Несмотря на запугивание властей и немецких националистов, в Россию поехало 65 представителей австрийских славян

(всего приняло участие в мероприятиях 81 чел.). Эта поездка стала для них демонстрацией их негативного отношения к введению в Габсбургской монархии дуализма. Во время проезда от Вены до Петербурга славянских гостей встречали с музыкой, торжественными речами и обедами толпы народа — в Варшаве, в Ченстохове, Гродно, Вильно, Острове, Пскове. В Петербурге гости пробыли несколько дней, во время которых они не только осмотрели город, но и были приняты высокопоставленными чиновниками России: министром иностранных дел А.М. Горчаковым и министром народного просвещения и обер-прокурором Священного Синода Д.А. Толстым, представителями знати, даже самим Александром II и его дядей, великим князем Константином Николаевичем. 16 мая славянские гости прибыли в Москву. После посещения Этнографической выставки они присутствовали на заседании профессуры Московского университета, на заседании Общества любителей российской словесности, на большом приеме в Сокольниках и др. На всех этих мероприятиях выступали славянофилы. 26 мая у М.П. Погодина состоялась встреча, в которой участвовали Ф. Ригер, Ф. Палацкий, Я. Шафарик, И. Суботич, Л. Гай, В. Ламбл, А. Петрониевич, М. Маяр. Было принято решение о необходимости составления сравнительной грамматики и общего словаря всех славянских наречий, а также о создании всеславянского журнала. Из всех этих планов удалось выполнить только последний: был создан журнал «Славян», который издавал в 1873—1875 гг. в Клагенфурте (слов. — Целовец) каринтийский словенец Матия Маяр.

Во время пребывания славян в Москве группой славян, совместно со славянофилами, была составлена записка о созыве славянских съездов. В числе ее составителей были: с русской стороны — М.П. Погодин, И.С. Аксаков, М.Н. Катков, Н.А. Попов, П.А. Лавровский, Н.Б. Бугаев (профессор математики Московского университета), со стороны славян — русин Я.Ф. Головацкий, сербы И. Суботич и М. Полит-Десанчич, чехи Ф. Палацкий, Ф. Ригер, Г. Эрбен³⁴. В записке указывалось, что славянские съезды должны собираться не реже, чем один раз в два года, и на них должны обсуждаться вопросы научного, литературного, художественного и нравственного сближения славян³⁵.

И.С. Аксаков высоко оценил значение Этнографической выставки и Славянского съезда в Москве для развития идеи славянской взаимности. «Успехи славянского самосознания и подъем славянской мысли и воли, — писал он, — такие духовные деяния Славянского съезда, которые без всякого условленного плана, без всякой предумышленной сделки не замедлят сказаться сами собою живым делом в судьбе славянских народов». В России, подчеркивал далее Аксаков, славянский вопрос перешел в общественное ведение и сознание и из отвлеченного стал действительно реальным, из области книг спустился в жизнь. «Без сознания своего славянского призвания немислимы, — по его мнению, — ни правильное духовное развитие, ни истинная национальная политика для России»³⁶. И это единение славян с Россией произошло не только на основе славянской солидарности, но и на основе общей неприязни к немцам и западным странам вообще. И.С. Аксаков прямо говорил об этом в газете «День» в статье «Возврат к народной жизни путем самосознания». Он писал, что Россия и все славянские народы подверглись и подвергаются опасности утратить свою народность, многие племена уже погибли. Однако большая их часть возвращается к жизни благодаря деятельности ученых. То же происходит и с Россией³⁷. Опасность утратить свою национальность для русских исходила не от Османской империи, а от Запада, прежде всего от немцев и их влияния на высшие слои российского общества. Именно это подразумевал И.С. Аксаков, когда говорил об опасности для русских утратить свою национальность. Именно этот момент являлся главной причиной отрицательного отношения славянофилов к немецким государствам, главным образом к Австрии и Пруссии, позднее — к Германии.

Примечания

¹ *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1877. С. 131.

² *Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков.* Избранные труды. М., 2010. С. 130, 131.

³ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство (из истории русской общественной мысли XIX века). М., 1986. С. 129, 130.

- ⁴ *Погодин М.П.* Сочинения. Т. III. М., 1872. С. 589.
- ⁵ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 152.
- ⁶ *Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков.* Избранные труды. С. 337.
- ⁷ *Аксаков И.С.* Славянский вопрос 1860–1886. Т. 1. М., 1886. С. 22, 44.
- ⁸ Москва. 18.02.1867.
- ⁹ Русь. 24.10.1881.
- ¹⁰ *Никитин С.А.* Крымская война // Славяне и Россия. К 110-летию со дня рождения С.А. Никитина. М., 2013. С. 181.
- ¹¹ Там же. С. 170.
- ¹² Там же. С. 171.
- ¹³ Там же. С. 179.
- ¹⁴ Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960. С. 29, 30.
- ¹⁵ Русская беседа. 1856. № 1.
- ¹⁶ Молва. 14.06.1857.
- ¹⁷ *Ширинянец А.А., Мырникова А.В., Фурсова Е.Б.* Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // *Константин Сергеевич Аксаков. Иван Сергеевич Аксаков.* Избранные труды. С. 45, 46.
- ¹⁸ Молва. 5.07.1857.
- ¹⁹ Молва. 9.08.1857.
- ²⁰ *Никитин С.А.* Шестидесятые годы. Панславистские теории и их критика // Славяне и Россия. С. 217, 218.
- ²¹ *Никитин С.А.* Крымская война. С. 190.
- ²² *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 36, 46.
- ²³ *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 38.
- ²⁴ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 79.
- ²⁵ День. 15.10.1861.
- ²⁶ Цит. по: *Никитин С.А.* Шестидесятые годы. С. 218.
- ²⁷ *Аксаков И.С.* Славянский вопрос 1860–1886. Т. 1. М., 1886. С. 28.
- ²⁸ Цит. по: *Цимбаев Н.И.* Славянофильство. С. 37.
- ²⁹ Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80 годы XIX века. М., 1975. С. 42.
- ³⁰ *Ратнер Н.Д.* Программа и тактика чешской буржуазии в 1860–1870 годах // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. Т. 14. М., 1956. С. 116, 117.
- ³¹ Цит. по: *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 171.
- ³² *Главачка М.* Еще раз о поездке австрийских славян в Россию в 1867 г. // Славяноведение. 2007. № 1. С. 61.
- ³³ *Никитин С.А.* Славянские комитеты. С. 171–173.
- ³⁴ Там же. С. 230, 231.
- ³⁵ Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 г. М., 1867. С. 410.
- ³⁶ Москва. 1.07.1867.
- ³⁷ День. 15.10.1861.

Марина Михайловна ФРОЛОВА

Российский консул в Битоле Н.Ф. Якубовский: неизвестные страницы биографии

«Консул на Востоке — это в меньшем виде посол, а посол в Константинополе — это в большем размере консул», — писал известный философ, писатель и дипломат К.Н. Леонтьев, имевший значительный опыт консульской работы в Османской империи. «Послы при европейских Домах имеют дело только с государем и министром. Послы при Дворах восточных (особенно в Турции) имеют дело и со двором, и с *населением* (курсив Леонтьева. — М. Ф.), и к своим подданным отношения их гораздо проще в принципе и вместе с тем многосложнее в частности, чем в Европе...»¹, — пояснял свою мысль Леонтьев.

После Крымской войны 1853–1856 гг. от русского консула на Балканах, помимо выполнения им непосредственных задач по должности, в немалой степени зависело также осуществление внешнеполитических решений правительства, создание имиджа России в глазах населения и османских властей, обеспечение роста ее влияния на христианские народы Балкан.

В Азиатском департаменте министерства иностранных дел России в это время работала целая плеяда замечательных дипломатов, и среди них — Николай Федорович Якубовский. Его биография, как и биографии многих других русских дипломатов, которые долгие годы служили в непростых условиях Османской империи, являясь проводниками политики России на консульских постах на Балканах и олицетворяя собой и своей деятельностью Российскую империю, до сих пор не была предметом изучения историков. Представляемая статья, таким образом, является первой попыткой воссоздания жиз-

ненного пути Н.Ф. Якубовского и его деятельности на дипломатическом поприще. Для выполнения исследовательской задачи были привлечены уникальные, впервые выявленные материалы: из Архива внешней политики Российской империи, архива Московского университета, который хранится в Центральном историческом архиве г. Москвы, из фонда М.А. Хитрово, находящегося в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН в Петербурге, а также многочисленные опубликованные документы, воспоминания К.Н. Леонтьева, В.Б. Бланка и др.

Николай Федорович Якубовский родился в г. Орле, но установить точно год появления его на свет в настоящее время не представляется возможным в силу ряда обстоятельств. Ни в одном из двух дел, которые в свое время были сформированы в министерстве иностранных дел России и сохранены в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), не проставлена точная дата его рождения. Метрическое свидетельство о рождении и крещении, выданное Орловской духовной консисторией 11 января 1839 г., обозначено в перечне документов в личном деле Якубовского, но, к сожалению, не дошло до нас. Согласно «Свидетельству о происхождении», представленному Якубовским для поступления в Московский университет и выданному ему 6 июня 1831 г. за подписью командующего Орловским внутренним гарнизонным батальоном* майором Турбиным, ему шел 20-й год². В подлиннике этого «Свидетельства о происхождении», обнаруженного нами в архиве Московского университета, отмечается, что эти сведения были взяты из формулярного списка его отца, Ф.И. Якубовского³. Но в «Прошении в правление Московского императорского университета», подписанном 31 августа 1831 г., Якубовский указал, что он имел «от роду 19 лет»⁴. Следовательно, исходя из этих документов, он родился в 1811-м или в 1812 г. К.Н. Леонтьев, хорошо знавший Якубовского, свидетельствовал, что он умер, когда ему было

* Орловский внутренний гарнизонный батальон, сформированный в 1811 г. как полубатальон при учреждении Александром I внутренней стражи, предназначался для несения гарнизонной и внутренней службы, охраны, обороны гарнизонов и подготовки рекрутов для полевых войск.

63 года⁵, а ушел он из жизни в 1874 г., поэтому вновь 1811 год выступает как год его рождения.

Однако согласно формулярному списку, составленному в 1857 г. (судя по последней в нем записи), Якубовский был значительно моложе. Но и здесь в записях присутствует явное несоответствие, так как начало его чиновничьей карьеры в МИД приходится на 1846 год, когда ему исполнилось 24 года, следовательно, он родился в 1822 г. А в конце этого же документа указывается, что ему 31 год, что он титулярный советник и направлен в Сербию, что состоялось в 1856 г. В этом случае, он появился на свет в 1825 г.⁶ В.А. Котельников и О.В. Фетисенко, современные составители комментариев к произведению К.Н. Леонтьева «Разбойник Сотиря (из воспоминаний консула)»⁷, в котором упоминается консул Н.Ф. Якубовский, полагают годом его рождения 1825-й⁸. Правда, непонятно, откуда они взяли эту дату.

Надежда на то, что надпись на могильном памятнике Н.Ф. Якубовскому в Св. Пантелеимоновом монастыре на Афоне сможет разрешить эту проблему, к сожалению, не оправдалась. Благодаря отзывчивости генерального консула России в Салониках А.А. Попова нам были любезно предоставлены фотографии самого памятника над могилой Н.Ф. Якубовского и специально этой надписи. Следует сказать, что фотографии были сделаны монахом монастыря Св. Пантелеимона отцом Философом в феврале 2015 г. Оказалось, что в надписи не стоит дата рождения, а выбито на камне только то, что Н.Ф. Якубовский скончался на 67-м году жизни. Таким образом, получается, что он появился на свет в 1807 г. ($1874 - 67 = 1807$). Нам известно, что метрическое свидетельство должно было быть подшито в дело о выдаче Якубовскому аттестата об окончании Московского университета в 1839 г., которое пока еще нами не обнаружено. Необходимо продолжить поиски этого документа в архиве Московского университета, чтобы установить точную дату рождения Н.Ф. Якубовского.

Его отец, Федор Иванович Якубовский, происходил из польского шляхетства, но, видимо, обедневшего, так как не имел ни родового, ни благоприобретенного состояния. В 1831 г.

он служил капитаном в Брянской инвалидной команде*, входившей в состав Орловского внутреннего гарнизонного батальона⁹. Сведений о матери Н.Ф. Якубовского не сохранилось: выявлено только, что ее звали Марией Ивановной и в 1857 г. она была вдовой¹⁰. Н.Ф. Якубовский имел еще сестру – Розалию Федоровну Якубовскую, которая умерла в 1873 г. в Орле. Судя по ее фамилии и по тому факту, что после смерти Н.Ф. Якубовского его наследницами явились две двоюродные сестры¹¹, можно с уверенностью утверждать, что его родная сестра так и не вышла замуж.

Н.Ф. Якубовский закончил Орловскую мужскую гимназию. И тут опять возникают вопросы. Как известно, согласно «Уставу учебных заведений» от 5 ноября 1804 г. полный гимназический курс обучения длился 4 года, и только с 1 августа 1833 г. в Орле перешли на 7-летнее обучение – в соответствии с «Уставом гимназий и училищ уездных и приходских» от 8 декабря 1828 г.¹². В «Увольнительном свидетельстве», выданном 17 августа 1831 г. из Орловской дирекции училищ за подписями директора гимназии и учителей, сказано, что Якубовский посещал гимназию 5 лет, т. е. провел в стенах гимназии лишний год (по болезни или другим обстоятельствам?). Как правило, детей отдавали на учение в гимназию в 9–12-летнем возрасте, поскольку в 16–18 лет молодой дворянин уже поступал на службу. И Якубовский, скорее всего, не являлся исключением из общепринятой практики того времени, поэтому гимназию он закончил явно не в 1831 г. Но именно в тот год (12 января 1831 г.) было введено новое разделение губернских гимназий и училищ по округам, согласно которому Орловская губерния была причислена к Московскому учебному округу (указом от 30 мая 1833 г. она вновь была переведена в ведение Харьков-

* В 12 уездных городах Орловской губернии, включая и Брянск, в 1811 г. были сформированы так называемые инвалидные команды – для несения караульной службы (у казенных казначейств, хлебных и соляных магазинов, пороховых погребов и т. п.), охраны острогов, препровождения арестантов, первоначального обучения рекрутов, усмирения крестьянских выступлений в уезде и пр. Команды комплектовались либо из ветеранов (прослуживших не менее 15 лет), либо из признанных негодными к полевой службе. Впрочем, часто призванные по рекрутской повинности все свои 25 лет так и служили в уездных инвалидных командах. Сюда же нередко переводили людей аморального поведения (но не имевших физических недостатков).

ского учебного округа)¹³. Может быть, это обстоятельство и сыграло решающую роль в выборе столичного университета.

Ценную информацию о юном Якубовском, его характере, прилежании, успехах в учебе сообщает вышеупомянутое «Увольнительное свидетельство», аналог современного «аттестата зрелости». Этот документ начинается не с перечисления оценок познаниям выпускника, а с характеристики его нравственного облика, который вполне раскрывается через взаимоотношения с «соучащимися» («обхождением своим приобрел их расположение») и с «начальством» («вел себя прилично, и поведения был хорошего как человек воспитанный в правилах веры и хорошо изучивший Закон Божий»). Во все время пребывания в гимназии «при ревностном расположении к преподаваемым предметам Якубовский показал похвальное и твердое постоянство». И далее шли уже сведения об успеваемости.

В первой четверти XIX в. в учебных заведениях России использовалась словесная шкала характеристики уровня знаний учащихся, и она была весьма разнообразна. В «Начертании подробнейших правил касательно испытаний в учебных заведениях, коих воспитанники при выпуске имеют право на получение классного чина», изданном в 1819 г., с целью унификации были приняты «четыре различные степени успехов, кои определяются баллами, означенными цифрами 1, 2, 3, 4»¹⁴. Однако еще длительное время, вероятно, по инерции преподаватели использовали не цифровую, а описательную систему отметок успеваемости, что вполне подтверждает и «Увольнительное свидетельство» Якубовского. Уровень знания им латинского языка в Орловской гимназии удостоверяет следующая запись: «В латинском языке приобрел сведения самые удовлетворительные и с целью изучения его совершенно сообразные: может понимать латинских авторов с удобностию и довольно правильно выражать свои мысли на сем языке». Под общим названием «исторические предметы» объединялось несколько дисциплин, по которым познания Якубовского аттестовались следующим образом: «во всеобщей и российской географии — хорошие, во всеобщей истории — достаточные, отечественною историею занимался с особенным рачением, во всеобщей же и российской

статистике упражнялся с большим успехом». «В русской словесности» Якубовский, «занимавшись по особенной склонности, приобрел в оной как в теоретическом, так и в нравственном отношении сведения удовлетворительные, и цели образования его совершенно соответствующие». «В естественных науках, изучив с весьма хорошим успехом первые основания естественной истории, приобрел в физике сведения, необходимые для правильного и основательного изъяснения явлений природы». Якубовский явно имел склонность к точным наукам: «В математике, в начальной алгебре, геометрии и прямолинейной тригонометрии оказал отличные успехи». Завершали этот «аттестат зрелости» отметки по знаниям в языках: «греческом — хорошие, во французском и немецком — достаточные»¹⁵.

По получении в Орле «Увольнительного свидетельства» Якубовский поспешил в Москву и 31 августа 1831 г. подал прошение в правление Московского университета: «по надлежащему экзамену» включить его «в число своекоштных студентов медицинского отделения»¹⁶. Буквально на следующий день, 1 сентября, состоялся экзамен, который принимала весьма авторитетная комиссия: декан медицинского факультета ординарный профессор Х. Г. Бунге, экстраординарные профессора А.Е. Эвекиус и П.П. Эйnbrодт, адъюнкты А.Г. Терновский, Н.Д. Лебедев, лектор Н.С. Топоров. Якубовского испытали «в языках и науках, как требовали от вступающих в университет в звании *студента*, и нашли его *способным* к слушанию профессорских лекций в сем звании» (курсив в документе. — М. Ф.)¹⁷.

Но Якубовский недолго посещал занятия на медицинском факультете и вскоре перешел на словесное отделение Московского университета, — это следует из его прошения от 7 июля 1834 г., в котором он указал, что являлся своекоштным студентом 3-го курса словесного отделения. В тот год он не смог сдавать экзамены, так как ему по домашним обстоятельствам необходимо было отправиться в Тверскую губернию. В связи с этим Якубовский просил уволить его в отпуск и снабдить для проезда билетом¹⁸. Похоже, что дела родственников задержали его на целый год, поэтому он окончил курс только в 1836 г. по 1-му отделению философского факультета, т. е. историко-

филологическому отделению, согласно преобразованиям по новому «Общему уставу императорских российских университетов» 1835 г.

В период обучения Якубовского на словесном отделении работали яркие и интересные преподаватели: замечательный историк профессор М.Т. Каченовский читал курс по истории Российского государства, истории древних и средних веков, профессор И.И. Давыдов – по русской словесности и теории поэзии, профессор И.М. Снегирев – по римской словесности и древностям. За время учебы Якубовский показал хорошие успехи в науках «при очень хорошем поведении». В июле 1836 г., по завершении академического года и сдаче экзаменов, Совет университета удостоил его степени действительного студента¹⁹. Однако затем выяснилось, что при поступлении Якубовский не представил метрического свидетельства о рождении и крещении, поэтому в 1836 г. он не был утвержден в этом звании. Только через три года он смог предъявить необходимый документ, выданный Орловской духовной консисторией от 11 января 1839 г., и тогда, 18 сентября 1839 г., получил аттестат за подписью ректора университета М.Т. Каченовского и декана И.И. Давыдова*²⁰. И опять обнаруживается лакуна в наших знаниях биографии Якубовского, поскольку нельзя дать ответа на вопрос, чем же он занимался в течение 6 лет после окончания Московского университета, т.е. с 1836 г. до 8 февраля 1842 г., когда поступил в Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД России. В формулярном списке нет никаких записей, что свидетельствует о том, что в этот период Якубовский не состоял на государственной службе.

Студенты Учебного отделения восточных языков, как и полагалось в императорской России, носили виц-мундир МИД, а также имели квартиру и получали весьма приличное жалование. Однокурсник Якубовского В.Б. Бланк (1821–1897) в своих воспоминаниях писал, что на эти деньги он позволял себе даже некоторую роскошь, в частности, каждое лето снимал дачу. Зи-

* В справочных изданиях указывается, что И.И. Давыдов (1794–1863) был деканом 1-го отделения (историко-филологического) философского факультета с 1843 по 1847 г. Но «Аттестат» Якубовского был подписан так.

мой 1846 г. в Учебное отделение приезжал министр иностранных дел канцлер К.В. Нессельроде. По словам того же Бланка, он «сделал маленький экзамен» выпускникам и объявил, кто куда назначен за границу²¹. Якубовский и Бланк были направлены в Турцию.

Официальные документы о принятии Якубовского на действительную службу в МИД в звании действительного студента* с жалованием 800 руб. в год были оформлены с 5 июня 1846 г. На проезд в Константинополь молодые люди получили по 200 червонцев для прогона и по 2 лошади до Одессы из сумм курьеров МИД, о чем 31 мая 1846 г. было доложено наследнику цесаревичу²², с 1842 г. исполнявшему обязанности императора Николая I во время его отсутствия в столице. В Петербурге 10 июня 1846 г. Якубовский и Бланк дали две подписки: одну в том, что не принадлежат ни к какой масонской ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи, ни вне ее, а также в том, что обязывались «впредь оным не принадлежать и никаких отношений с ними не иметь». Вторая подписка бралась, в соответствии с высочайшим указом от 3 августа 1791 г., «о подтверждении, дабы никто из членов ведомства коллегии иностранных дел в дома иностранных послов, министров и прочих доверенных от других держав особ не ездили и не ходили и о делах разговоров и сношений с ними не имели»²³.

16 июня 1846 г. Правительствующим Сенатом Якубовский был утвержден в чине губернского секретаря (12 класс согласно «Табели о рангах», в армии соответствовал чину поручика), что было подкреплено соответствующим документом из Герольдии** 19 августа 1846 г.²⁴. 17 июня 1846 г. Якубовскому выписали подорожную от Санкт-Петербурга до Одессы через Орел для свидания с родителями. В Орловской губернии он мог пробыть 28 дней и далее должен был следовать в Константинополь.

* Звание действительного студента по Уставу 1835 г. получали выпускники университета, закончившие курс без отличия. Звание давало право на чин 12-го класса (с 1822 г.).

** Герольдия – Департамент Герольдии Правительствующего Сената – по министерской реформе 1802 г. состоял из ряда экспедиций: отыскание и причисление к дворянству, перемена фамилий, гербы; производство в чины; ревизия определений дворянских депутатских собраний и др.

В русскую миссию в столице Османской империи он прибыл 2 сентября, позднее сюда добрался и его сокурсник Бланк. 20 октября 1846 г. молодые люди были приведены к присяге на чин губернского секретаря настоятелем посольской церкви в Константинополе иеромонахом Амбросием. Причем, подписанную форму присяги «Клятвенное обещание» затем доставили в Азиатский департамент²⁵. Через два года, 26 апреля 1848 г., Якубовский был направлен драгоманом (переводчиком) в российское вице-консульство в Дарданеллы (современный турецкий город Чанаккале), где прослужил 5 лет.

Весной 1853 г. трудные переговоры с Портой о «святых местах» во время пребывания чрезвычайного посла князя А.С. Меншикова в Константинополе потребовали большего числа драгоманов при российской миссии, где в это время был неполный состав. Старший советник Э.Я. Аргиропуло предложил вызвать в столицу Османской империи из Дарданелл и прикомандировать к драгоману переводчика, коллежского асессора Якубовского. Накануне он был представлен своим непосредственным начальником консулом А. Фонтоном «к вознаграждению за постоянные усердные труды». Якубовского в Дарданеллах должен был временно заменить, «в виде опыта», прапорщик А. Кумани, уже известный миссии «по способностям, хорошему поведению и знанию восточных языков». Князь Меншиков заявил свое согласие на это предложение и приказал выдать Якубовскому и Кумани по 250 руб. серебром «на путевые издержки и подъем». На этом документе, датированном 14 апреля 1853 г., стоит приписка: «Приказано подождать до отъезда князя Меншикова из Константинополя»²⁶. 9 (21) мая Меншиков покинул Константинополь, но данное распоряжение так и не было приведено в исполнение. Однако позднее, 11 сентября того же года, по приказу канцлера Нессельроде состоялся перевод Якубовского на должность секретаря генерального консульства в Белград; в свою очередь, титулярный советник Попов назначался агентом МИД при Скулянском карантине в Бессарабии. Накануне, а именно 9 сентября 1853 г., высочайшим приказом по гражданскому ведомству Якубовский был произведен за выслугу лет в титулярные советники (9 класс).

Для скорейшего прибытия из Дарданелл к новому месту службы ему предписывалось отправиться через Галац на пароходе и на путевые издержки выдавалось 600 руб. сер.²⁷. 14 октября 1853 г. Якубовский достиг Белграда и уже на следующий день вступил в занимаемую должность.

Начавшаяся Восточная или Крымская война (1853–1856 гг.) выявила в действующей армии острую нехватку переводчиков. Советник русского посольства в Вене Ф.П. Фонтон, который посетил с особой миссией Белград, уведомил генерал-адъютанта князя М.Д. Горчакова, командующего войсками 3-го, 4-го и 5-го пехотных корпусов, действовавших на Дунае и в прибрежье Черного моря, о том, что секретарь генерального консульства в Белграде Якубовский, знавший турецкий язык, способен исправлять должность чиновника при начальниках отдельных отрядов. А поскольку генеральный консул в Белграде Н.Е. Мухин сам отлично владел турецким языком, то Якубовского немедленно послали в Малую Валахию. С начала апреля 1854 г. он состоял при штабе Мало-Валахского отряда генерал-лейтенанта П.П. Липранди²⁸. На войне и людям мирной профессии – переводчикам – часто приходилось братья за оружие. Так, 5 апреля 1854 г., во время рекогносцировки Калафатских укреплений, Якубовский участвовал в отражении вылазки турецких войск из Калафата и в перестрелке с неприятельской кавалерией русской конной артиллерии и фланкеров, т.е. кавалеристов, призванных охранять отряд с боков или по краю²⁹. Якубовский оказался человеком неробкого десятка, а К.Н. Леонтьев впоследствии вспоминал, что Николай Федорович очень любил «всякое удалство»³⁰. Якубовский вполне испытал тяготы бивачной жизни, следуя при отводе русских войск из Дунайских княжеств вместе с отрядом «в его передвижениях через города Крайово, Слатин, Плоешти, Фоншаны к городу Бырлату до 11 августа 1854 г.». Позднее он состоял переводчиком дипломатической канцелярии при Южной армии. Деятельность Якубовского во время Крымской войны была высоко оценена: он был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени, а также получил медаль «В память войны 1853–1856» «темной бронзы на Андреевской ленте»³¹. Для нас

важно обратить внимание на последнюю награду. Якубовский являлся гражданским чиновником, поэтому ему полагалась медаль темной бронзы, которая носилась на Владимирской ленте. Но он служил при главнокомандующем Южной армией и военными сухопутными и морскими силами, в Крыму находящимися, генерал-адъютанте М.Д. Горчакове и даже принимал участие в перестрелке. И это был тот особый случай, когда медаль темной бронзы вручалась на Андреевской ленте, на которой, как правило, носилась медаль светлой бронзы, и ею награждались военные или непосредственные участники военных действий³².

По окончании Крымской войны, по приказу нового министра иностранных дел князя А.М. Горчакова, 18 апреля 1856 г. Якубовский был командирован в международную комиссию по разграничению отошедшей по Парижскому трактату части Бессарабии Молдавскому княжеству, в распоряжение генерал-майора М.Л. Фантона де Веррайон, назначенного впоследствии бессарабским военным губернатором. Тот также по достоинству оценил «отлично-усердную службу и особенно труды» Якубовского, представив его к ордену Св. Анны 3-й степени³³.

По завершении работ этой комиссии 7 июля 1856 г. Якубовский был отправлен на свой прежний пост секретаря генерального консульства в Белграде. Через два года, 27 февраля 1858 г., его перевели в Константинополь, также на должность секретаря генерального консульства. В 1864 г. он был представлен к новой награде — ордену Св. Станислава 2-й степени, украшенному императорской короной. В декабре 1864 г. Якубовского, имевшего уже чин надворного советника (7 класс), назначили консулом в македонский город Битола (Монастырь)³⁴.

Битола являлась административным центром Румелийского (Битольского) эяйлета Османской империи. Кроме резиденции генерал-губернатора, здесь находились: Главная квартира Военного командования Румелии (III-го военного округа, в сферу действия которого входили Македония, Босния, Герцеговина, Албания, Эпир и Фессалия); Пелагонийская митрополия; дипломатические представительства Англии, Австрии и Греции. В 1861 г. здесь было открыто российское консульство, и

первым консулом стал М.А. Хитрово, который в мае 1865 г. сдал Якубовскому шифры, печати консульства, архивы, консульские книги, кассу и пр.

По своему возрасту и практической работе на Востоке Якубовский принадлежал к дипломатам так называемой «нессельродовской школы», которых отличали осторожность, безынициативность, а нередко вялость и равнодушие в исполнении распоряжений. Но Якубовский был иным человеком. Леонтьев о нем писал так: «Якубовский был старый эстетик и романтик, и во всем красивом, изящном и выразительном, и сильном знал толк и был всему подобному бескорыстно предан... Он свыкся и сроднился с Востоком, но в сердце оставался пламенно-русским человеком и всему русскому был всегда до иступления рад»³⁵.

Хатт-и хумаюн 1856 г., провозгласивший равенство народов Османской империи и курс на реформирование системы миллетов, дал право болгарам подать Высокой Порте петицию о создании болгарской самостоятельной церкви, т. е. болгарского миллета, что вело к отделению от Вселенской Константинопольской патриархии. Александр II признавал законным желание болгарских общин иметь свой национальный клир, богослужение на церковно-славянском языке и школьное преподавание на болгарском языке, что препятствовало эллинизации славянского населения Балканского полуострова. Однако император стремился сохранить единство православной церкви на Востоке. Российские дипломаты подчеркивали политический характер требований болгар, которые Константинопольская патриархия перевела в церковную сферу, и решение греко-болгарского церковного вопроса затянулось на многие годы. При этом российские консулы попали в чрезвычайно щекотливое положение, поскольку им, согласно инструкциям МИД, необходимо было, с одной стороны, направлять свое «деятельное внимание» «на потушение возникших между единоверцами ссор», а с другой — всемерно покровительствовать «успехам славянского слова и введению его в болгарских церквах»³⁶.

Македонская земля, где проживали славяне, турки, албанцы, греки и валахи, являлась одним из наиболее смешанных в этническом отношении районов Балкан³⁷. В православной

общине Битолы руководство принадлежало грекам и богатым валахам (влахам), которые, получая образование «в греческом духе», ориентировались на Афины. Славяне Битолы, составлявшие подавляющее большинство общины, еще не включились в общеболгарское движение за разрешение церковного вопроса. Энергичные действия первого русского консула в Битоле М.А. Хитрово в поддержку преподавания болгарского языка и введение церковно-славянского языка в литургию несколько расшевелили местную христианскую общину и богатых торговцев из славян. Летом 1864 г. во вновь построенной церкви в честь святой мученицы Кириакии Никомидийской, более известной на Балканах как св. Неделя (св. Воскресенье), во время отсутствия пелагонийского митрополита Венедикта впервые зазвучал церковно-славянский язык. Однако возвратившийся в город митрополит запретил это нововведение.

Якубовский явился достойным преемником Хитрово, хотя и действовал более размеренно и спокойно, не форсируя события и стараясь не вступать в трения ни с турецкой администрацией, ни с митрополитом Венедиктом. По приезде в Битолу он свидетельствовал, что все жители города — «турки, греки, влахи огреченные и болгары», кроме турок, говорили «более по-гречески» и писали «даже греческими буквами». (Якубовский подчеркнул тот факт, что болгары писали свои письма на болгарском языке, но греческими буквами.) Новый консул также отметил, что «между болгарам низшего класса выражается желание, но не совсем энергично, иметь богослужение на родном языке и завести училище болгарское»³⁸.

Якубовский продолжил деятельно поддерживать болгарских старшин города в их стремлении развивать национальное образование. В начале осени 1865 г. митрополия приняла от болгар прошение, но явно саботировала открытие болгарской школы. Делу помог Якубовский, который просил посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева (1864—1867 гг.; с марта 1867 г. — чрезвычайный и полномочный посол) выступить в защиту болгар Битолы, обратив внимание вселенского патриарха Софрония III и пелагонийского митрополита, находившегося в то время в Константинополе, на необходимость удовлетворить

требования болгар. И действительно, перед Рождеством 1865 г. в центральном греческом училище Битолы была открыта «кафедра болгарского языка»³⁹. Учителем был назначен Йован Жинзифов, отец известного публициста Райко Жинзифова. На уроки болгарского языка стали приходиться более 60 детей. Болгары надеялись закрепить успех и со временем открыть свое училище.

Якубовский и далее внимательно следил за развитием школьного дела у болгар Битолы, которое было сопряжено с решением и церковного вопроса. В епархии сложилась уникальная обстановка: митрополит Венедикт в борьбе с партией богатых валахов, стремившихся отрешить его от должности, искал поддержки у болгар города, поэтому он посвятил в священники болгарина Георгия и разрешил ввести церковно-славянский язык в литургию, а также открыть болгарские училища для мальчиков и девочек. В октябре 1868 г. болгары провели собрание, где единодушно решили избирать из своей среды эпитропов (старшин) для церкви Св. Недели. Но митрополит Венедикт не смог удержать своей епархии. Янинский митрополит Парфений, назначенный на его место в октябре 1869 г., приказал вернуть церковь Св. Недели под управление эпитропов митрополии, т. е. валахам, а также выслать из Битолы священников этой церкви. 23 октября 1869 г. болгары на собрании объявили, что они не признают ни митрополита Парфения, ни греческого патриарха Григория VI. Была образована болгарская община, которую первым признал Якубовский и в дальнейшем поддерживал ее материально⁴⁰. Кроме того, русский консул ходатайствовал о высылке для болгарских училищ книг и учебников, мотивируя свою просьбу также обеспокоенностью усилением эллинской пропаганды, которая «с неутомимым усердием действует в этом крае». 30 ноября 1871 г. Игнатъев переслал эту просьбу в Азиатский департамент МИД и, со своей стороны обращаясь к его директору П.Н. Стремоухову, подчеркивал: «Без сомнения, было бы весьма полезно, если бы лица, интересующиеся у нас славянским делом, обратили внимание на это положение дел в Битольском округе и без излишней огласки приняли участие в поддержании болгарской народности в этом крае, составляющем средоточие борьбы между греческой

и славянской народностями и имеющем огромную важность для будущности наших единоплеменников на Балканском полуострове»⁴¹.

Русским консулам также вменялось в обязанность подыскивать болгарских юношей и девушек для обучения в России. Но в Битоле создалась достаточно непростая ситуация с отбором воспитанников для российских учебных заведений. Бесплатное образование в России было чрезвычайно привлекательно для христиан Македонии, и еще в 1856 г. известный учитель и просветитель Д. Миладинов отправил учиться в Россию своего младшего брата Константина, а в 1858 г. — еще 8 «болгаромакедонцев»⁴². Арест Д. Миладинова в 1861 г. и его смерть в турецкой тюрьме произвели тяжелое впечатление на жителей Битолы. Кроме того, в 1863 г., когда юному Стерио Бояно была предоставлена вакансия в России, турецкие власти не позволили ему уехать на учебу, и русский консул Хитрово пошел в связи с этим на открытый конфликт с тогдашним вали (генерал-губернатором) Али-пашой⁴³. После урегулирования инцидента осенью 1864 г. Хитрово ходатайствовал о бесплатной вакансии для старшей дочери Д. Миладинова, 12-летней Царевки, которая обнаруживала «замечательные способности». Познакомившись с реалиями Битольского эялета, Хитрово пришел «к сознанию о необходимости для здешнего народонаселения женского образования, которое одно способно очистить их нравы и развить в них чувства долга, гражданственности и патриотизм»⁴⁴. Директор Азиатского департамента П.Н. Стремоухов принял активное участие в исполнении просьбы Хитрово, и Царевка была определена в киевский институт с пансионом графини А.В. Левашовой⁴⁵. Якубовский, который оформлял документы Царевки на выезд, в частном письме к Хитрово от 31 июля 1866 г. выражал свою обеспокоенность тем, не станут ли турецкие власти и, в первую очередь, сменивший Али-пашу «милейший»* Хюсни-паша вновь препятствовать

* Хюсни-паша отличался жестким, решительным и нетерпеливым характером. В бытность свою генерал-губернатором Салоникского эялета, он сумел обуздать разбойников и несколько смирить албанских беев. В Битольском эялете он также начал активно бороться с шайками разбойников и самоволием албанских беев. Турки в Битоле его боялись. Называя Хюсни-пашу «милейшим», Якубовский явно иронизировал.

этому, как в 1863 г.⁴⁶. Но, к счастью, все обошлось, и Царевка в сопровождении своего родственника Стефана Икономова беспрепятственно покинула Битолу. Якубовский выдал им на путевые расходы 6 турецких лир, рекомендательные письма, официально уведомил миссию в Константинополе, а также частным образом сообщил Хитрово о ее приезде⁴⁷. Возвратившийся в декабре из столицы Турции Икономов информировал битольского консула, что денег на путешествие им хватило, и Царевка была благополучно доставлена⁴⁸. Из императорской миссии она в компании с другой болгарской девушкой, Райной Рановой, была отправлена в Киев, и на путевые расходы каждой было выдано по 100 руб.⁴⁹.

В императорское консульство ежедневно приходило множество разных людей, которые искали защиты от притеснений турок, помощи в своих судебных тяжбах или просили денежного пособия. Консулы в Битоле могли заниматься благотворительностью благодаря присланной по секретному распоряжению Азиатского департамента МИД от 30 апреля 1862 г. сумме в 5 тыс. руб. серебром. Судя по отчетам Якубовского, деньги шли на поддержку болгарских училищ, церквей, больницы в Битоле, а также учителей, священников, бедных вдов, сирот, невест, арестантов в тюрьме. Семья Д. Миладинова также ежегодно получала из этой суммы весьма приличное вспомоществование, которое с каждым годом росло: например, в 1866 г. оно составляло 412 пиастров, а в 1869 г. — 570 пиастров⁵⁰. Якубовский жертвовал деньги как обратившимся непосредственно в консульство, так и во время своих посещений церквей, училищ и поездок по Битольскому эялету, в 1867 г. преобразованному в вилайет.

Для славян этого края была важна деятельность русского консула не только в поддержку их чаяний в области просвещения и в греко-болгарском церковном вопросе. Пребывание Якубовского в Битоле содействовало также некоторому улучшению положения христиан этой провинции в том плане, что несколько сдерживало фанатизм мусульман, ограничивало незаконные турецких властей. Его донесения, содержавшие обличительную информацию о коррупции администрации Битолы,

о нарушении ею провозглашенных в хатт-и хумайюне 1856 г. прав христиан, о покрытии преступлений, совершенных мусульманами по отношению к христианам, и др., своевременно поступали в российскую миссию в Константинополе, и «предосудительные злоупотребления» незамедлительно ставились на вид Высокой Порте. Последней приходилось после проверки фактов реагировать и принимать соответствующие меры, что, с одной стороны, значительно умеряло произвол чиновников, в первую очередь, генерал-губернаторов Битола, которые постоянно сменялись на этой должности, а с другой, заставляло их оставлять позицию «преступного» во многих случаях бездействия.

Так, в начале декабря 1867 г. Якубовский сообщил Игнатьеву о том, что в селении Лажец (Лашец) мусульмане, после неоднократных открытых угроз в связи со строительством православной церкви (хотя был получен фирман), последовавших затем многочисленных бесчинств в отношении уже начавшей действовать церкви (били стекла, выламывали двери, дважды обворовывали, во время богослужения дико орали и т. п.), наконец, подожгли само здание, а затем и полностью его разрушили. Христиане подали жалобу генерал-губернатору Румелии Тефик-паше, который направил ее в кебири-меджлис (провинциальный совет). После длительных судебных разбирательств обвиненным туркам разрешили вернуться в селение, а христианам заявили, что из-за отсутствия свидетелей их жалоба не может быть удовлетворена и ответчики не должны платить за причиненные убытки⁵¹.

В том же декабре 1866 г. Якубовский писал в российскую миссию на французском языке (донесение предназначалось для уведомления всей дипломатической колонии в столице Турции, а также Высокой Порты) о вопиющем факте насилия и злоупотребления властью. Каймакам г. Корчи Тексим-эфенди в сопровождении 40 жандармов приехал в селение Сачеста, где проживали исключительно греки. 14 ноября, в день Св. Филиппа, после обеда он захотел послушать музыку и приказал привести ему музыкантов, которые в это время играли на свадьбе. Его попросили не забирать всех музыкантов, чтобы не испортить

праздник. На что каймакам рассердился и ударил организатора торжества, в результате тот вскоре умер. Дом, где справлялась свадьба, был окружен турецкими жандармами, и многих гостей, которые посмели упрекнуть Тексим-эфенди в жестокости или оказать сопротивление, схватили, заковали в цепи и в Корче бросили в тюрьму⁵². Важно, что на эти злодеяния обратил внимание и австрийский вице-консул в Битоле П. Окули, который, впрочем, в отличие от Якубовского, в своих донесениях интернунцию (посланнику) графу А. Прокеш фон Остену был очень лаконичен и эмоционально сдержан. В феврале 1867 г. Окули отмечал, что битольский вали Тефик-паша был страшно зол на Якубовского, потому что Порта его строго отчитала. Через официального переводчика он попросил объяснений у Якубовского, который отвечал, что его долг состоит в том, чтобы сообщать российской миссии обо всех несправедливостях, претерпеваемых христианами от местных властей⁵³.

Особым направлением в деятельности русских дипломатов на Балканах была борьба с католической пропагандой. В Битоле с 1856 г. действовала католическая миссия св. Лазаря под руководством аббата Лепавека. Открытие в греческом училище кафедры болгарского языка составило серьезную конкуренцию школе лазаристов, где остались дети из бедных горных сел Крайницы, Скачанцы и Стругово. Лепавек, как подчеркивал Якубовский, уплатил долги их родителей, чтобы они согласились отдать своих детей лазаристам⁵⁴. Правда, дети содержались очень хорошо. В 1866 г. в Битолу приезжал болгаро-униатский епископ Рафаил Попов в сопровождении vicария о. Галамбера. Но количество прозелитов не увеличилось. Лепавек стремился превратить свою школу в гимназию, в чем его всецело поддерживал Галамбер. Однако в 1867 г., в связи с реформированием административно-территориальной структуры государства и устройством Салоникского вилайета, его административный центр был перенесен из Битолы в Салоники. Город сразу опустел. Проект Лепавека не удался. Аббата перевели на новое место. С 1869 г. миссия перестала получать из Франции значительные субсидии на школу, и ее пришлось закрыть. Только через 2 года, в 1871 г., училище было восстановлено, но обучение в

нем уже было платным. Султанский фирман о создании в 1870 г. Болгарского экзархата оказал огромное влияние на развитие униатского движения: в 1871 г. последнее село в Тыквешском уезде, остававшееся в унии, вернуло свой долг в 70 турецких лир и вышло из унии⁵⁵. Не только деятельность Якубовского в помощь христианам этого края, его беседы с привлеченными католической пропагандой людьми, в которых он разоблачал лазаристов, но и само присутствие в Битоле консула из великой православной державы умеряли желание жителей переходить в другую конфессию.

В Битоле, как уже отмечалось, размещалась Главная квартира Военного командования Румелии, здесь находились также военное училище и казармы. Во время военных конфликтов или волнений на Балканах город превращался в центр, куда стягивались войска и откуда они направлялись в «горячие точки». Якубовский внимательно следил за состоянием войск в Битоле, их выучкой, артиллерийской подготовкой. Донесения консула в период восстания на Крите 1866–1869 гг., несмотря на повышенную секретность со стороны турецкого командования, содержали важную информацию о количестве войск и вооружения, о передвижениях, о ходе кампании по набору башибузуков и их численности.

Якубовский собирал также самые разнообразные сведения об этом регионе: об экономическом развитии, церквах и монастырях, численном и национальном составе населенных пунктов, судебной системе и ее работе, проведении реформ, о настроениях жителей, принадлежавших к разным народам и конфессиям.

Следует подчеркнуть, что для Якубовского, как, впрочем, и для всех российских дипломатов в Османской империи, немалое затруднение в их работе составляло то обстоятельство, что он всегда находился под бдительным надзором турецкой администрации Битолы. Коллеги по дипломатическому корпусу из Англии, Австро-Венгрии, Греции также отслеживали действия российского консула, ставшего опорой для православного населения Македонии. Католические миссионеры ордена св. Лазаря не спускали с него глаз, чтобы воспользо-

ваться любой оплошностью или неосторожностью с целью его дискредитации.

13 ноября 1871 г. Игнатьев предписал Якубовскому временно принять на себя заведование русским консульством в Салониках в связи с 4-месячным отпуском Леонтьева, сохраняя при этом управление и битольским консульством. Много-сложность дел в Салониках требовала постоянного присутствия опытного дипломата. Консульство в Битоле, ввиду отсутствия штатного секретаря, поручалось на этот период вольнонаемному драгоману А. Лаппе, которого еще в 1861 г. взял на службу М.А. Хитрово. Отправляясь в Салоники, Якубовскому надлежало захватить с собой и шифры, так как они могли быть доверены только чиновнику МИД. Работы было много, и Якубовский писал Хитрово: «Креплюсь и держу обеими руками бразды правления двух консульств»⁵⁶. При этом ему приходилось самому составлять и переписывать донесения о делах, имевших место в Битоле и Салониках. Помощников у него не было. В августе 1872 г. он советовал Хитрово, который служил в это время генеральным консулом в Константинополе, проситься в Белград: «Там таможенных дел почти не имеется, а климат здоровее, будете иметь политическую переписку, что в Вашем вкусе, как мне известно. В Константинополь же рекомендую старую канцелярскую крысу, т. е. Вашего покорного слугу: я там уже был. Чиновников там немного, законами наполнены все полки целой комнаты — сиди себе да решай дела, да подавай свое мнение. А здесь в консульстве не находится ни одного тома свода закона»⁵⁷.

Наконец, в сентябре 1873 г. в Битоле приехал новый консул — В.А. Максимов, которому Якубовский сдал казенное имущество и шифр.

Интересные воспоминания о Якубовском оставил К.Н. Леонтьев. Он писал: «Якубовский, несмотря на свои 60 с лишком лет, был самый милый, занимательный, благородный и даже юный товарищ. Он и умер-то 63 лет от простуды после бала у английского консула, где танцевал до рассвета. Но консул он был до невероятия легкомысленный и равнодушный до тех пор, пока уже слишком глубоко не затрагивался его русский патрио-

тизм. Энергия его была неистощима. Но она была как-то личного, а не государственного характера; прослужив более 30 лет на Востоке, он хвастался, что пишет политические донесения очень редко и, большею частию, берется за перо только три раза в год, когда нужно подавать счет чрезвычайных по консульству издержек»⁵⁸. Без сомнения, это весьма преувеличенная оценка, хотя по сравнению с Хитрово Якубовский действительно писал реже, и его донесения были короче. Так, в 1862 г. Хитрово отправил из Битолы 482 документа, в 1863 г. — 324, а Якубовский в 1866 г. отослал 266 документов, а в следующем году — только 200 донесений⁵⁹.

Леонтьев рассказывал, что у Якубовского был в услужении некто Николай, «греческий молодой мужик, носивший фустанеллу», т. е. юбку, традиционную для костюма балканских мужчин, «неопытный, грубый и очень плутоватый; усердствуя, он вымыл Якубовскому рояль горячей водой с мылом и совсем было испортил его; другой раз, стирая пыль с письменного стола, навалился животом на красивую резную решетку и сломал ее вдребезги». Как-то раз, чтобы почистить клетку, Николай взял в руки любимого консульского чижики и так стиснул его, что чижики издох⁶⁰. В романе «Одиссей Полихрониадес» Леонтьев явно списал образ слуги консула Благова Колье со слуги Якубовского, а случай с роялем отобразился в сюжете с лампой. Дорогую лампу, специально окрашенную зеленоватым цветом древней бронзы, Колье очистил от патины так, что она заблестела как самовар⁶¹.

Якубовский был очень любим русскими монахами на Афоне, бывал там не раз. Он умер 16 июля 1874 г. и по его завещанию был похоронен 20 июля при церкви святителя Митрофана Воронежского в монастыре Св. Пантелеимона на Афоне. У Якубовского остались только две наследницы, его двоюродные сестры — Е.В. Неручева, вдова орловского купца, и тарусская мещанка Ф.В. Балашова. Имущество Якубовского, после уплаты всех необходимых выплат и долгов, включало: 86 173 турецких пиастров, что в русских рублях составляло 5 622 руб. 79 коп., а также небольшой пакет с разрозненным столовым и чайным серебром, картонный ящичек с бумагами и письма-

ми, коробку с орденами и коралловыми запонками, маленькую икону Св. Николая в серебряной ризе и старую неисправную карету, которую никак не мог продать Н.А. Илларионов, премьерник его на посту в Салониках⁶². Русский Св. Пантелеимонов монастырь ходатайствовал об удержании в обители орденов Якубовского, чтобы поместить их в той церкви, около которой было погребено его тело. Монахи поставили решетку вокруг могилы Якубовского, а в феврале 1876 г. из Орла через Азиатский департамент на Афон были высланы ордена покойного и деньги на устройство памятника (около 50 турецких лир)⁶³. На плите была выбита следующая надпись: «Здесь погребено тело Николая Федоровича Якубовскаго Действительнаго Статскаго Советника Российско-Императорскаго Генеральнаго Консула въ Македонии. Скончался на 67 г. жизни въ г. Солуне 1874 г. июл. 16 и погребенъ здесь 20 того же июля. Вечная ему память».

* * *

В 1917 г. генеральное консульство Российской империи было упразднено. Спустя 80 лет, в январе 1997 г., в Салониках вновь было открыто генеральное консульство, только теперь не Российской империи, а Российской Федерации. Здесь появилась новая традиция: ежегодно 10 февраля, в День дипломатического работника, сотрудники российского дипломатического представительства возлагают на Афоне венки на могилу Якубовского, а также на могилу А.А. Яковсона, бывшего в Салониках генеральным консулом в 1881—1885 гг.

Примечания

¹ *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем (далее – ПСС и писем): В 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2003. С. 161.

² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 2.

³ Центральный исторический архив г. Москвы (далее – ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 101. Д. 203. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ *Леонтьев К.Н.* ПСС и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 1. С. 440.

⁶ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3837. Л. 1–2.

⁷ *Леонтьев К.Н.* ПСС и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 1. С. 404–443.

- ⁸ *Леонтьев К.Н.* Указ. соч. Т. 6. Кн. 2. СПб., 2004. С. 472.
- ⁹ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 2.
- ¹⁰ Там же. Л. 58.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 80.
- ¹² *Трохина О.М.* Гимназии Орловской губернии (XIX – начало XX в.) // http://www.gosarchiv-orel.ru/docs/ROIA/statya_trohina_2009.pdf.
- ¹³ *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетию его юбилея. 1755–1855. М., 1998. С. 477–478.
- ¹⁴ *Жарова Е.Ю.* Экзамены в университетах Российской империи в первой половине XIX в. // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 250.
- ¹⁵ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 101. Д. 203. Л. 3 и об.
- ¹⁶ Там же. Л. 1.
- ¹⁷ Там же. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Оп. 104. Д. 72. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Оп. 253. Д. 33. Л. 2 об.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 3.
- ²¹ *Бланк В.Б.* Воспоминания // Русский архив. 1897. Кн. 3. № 10. С. 178, 182.
- ²² АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 1.
- ²³ Там же. Л. 10–11.
- ²⁴ Там же. Л. 17, 19.
- ²⁵ Там же. Л. 22–23.
- ²⁶ Там же. Л. 24–25.
- ²⁷ Там же. Л. 26.
- ²⁸ Там же. Л. 30–31.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 159. Оп. 464. Д. 3837. Л. 2.
- ³⁰ *Леонтьев К.Н.* ПСС и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 1. С. 419.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 31–32.
- ³² Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 31/1 (1856). № 30877. С. 785–796.
- ³³ АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 46.
- ³⁴ Там же. Л. 65.
- ³⁵ *Леонтьев К.Н.* Воспоминание об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря св. Пантелеймона на Горе Афонской. М., 2009. С. 11.
- ³⁶ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 1. Ч. 1. София, 1987. С. 62.
- ³⁷ *Струкова К.Л.* Обществено-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX века. М., 2004. С. 25.
- ³⁸ Из архивата на Найдено Герова. Т. 2. София, 1914. С. 923.
- ³⁹ Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Т. 2. София, 1990. С. 223–224.
- ⁴⁰ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1423. Л. 76; Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 28 об., 31.
- ⁴¹ Там же. Ф. 146. Оп. 495. Д. 6705. Л. 3 об.
- ⁴² *Ванчев Й.* Ново-българската просвета в Македония през възраждането (до 1878 година). София, 1982. С. 140–141.
- ⁴³ См.: *Фролова М.М.* «Дело Стерио Бояно»: к вопросу об отправке молодежи из Османской империи на учебу в Россию (60-е гг. XIX в.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 61–73.

- 44 АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 17. Л. 50.
- 45 Русия... Т. 2. С. 292.
- 46 Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (далее – РО ИРЛИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 672. Л. 4 и об.
- 47 Там же. Л. 11.
- 48 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1420. Л. 89.
- 49 Русия... Т. 2. С. 329.
- 50 АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 15. Л. 6 об., 27 об.
- 51 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1420. Л. 94–95.
- 52 Там же. Л. 105–106.
- 53 Македония през погледа на австрийски консули. 1851–1877/78. Т. 2. София, 1998. С. 76.
- 54 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1421. Л. 86–87.
- 55 Македония през погледа... С. 280.
- 56 РО ИРЛИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 672. Л. 26.
- 57 Там же. Л. 36 об. – 37.
- 58 *Леонтьев К.Н.* ПСС и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 1. С. 440.
- 59 АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1424. Л. 77.
- 60 *Леонтьев К.Н.* ПСС и писем: В 12 т. Т. 6. Кн. 1. С. 411.
- 61 Там же. С. 463–464.
- 62 АВПРИ. Ф. 161. Оп. 119. Д. 2. Л. 82–85, 107.
- 63 Там же. Л. 117.

Ксения Валерьевна МЕЛЬЧАКОВА

К вопросу о роли России в деле просвещения женского населения Боснии в XIX в. Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой

*Никто из православных жителей Боснии
не заслуживает почетного названия граж-
данского деятеля столько, сколько Стака
Скендерова*

А.Ф. Гильфердинг¹

Боснийский пашалык находился на окраине Османской империи. Удаленность этих славянских земель от центра государства не способствовала их развитию. В XIX в. во многих местах Боснии царило настоящее средневековье. Некогда единое славянское население разделилось по религиозному признаку на мусульман, православных и католиков. Мусульмане пользовались привилегиями от османских властей, католики находились под покровительством многочисленных миссионеров, православные же жители Боснии долгое время не получали помощи и поддержки.

До начала XIX в. в Боснийском пашалыке было всего две школы для православного населения, в Ливно и Сараеве. Для населения этого региона низкий уровень грамотности был типичным явлением. Ощущалась катастрофическая нехватка школ. Но вторая половина 1850-х годов стала временем своеобразного бума в строительстве школ. Первая средняя школа появилась в Сараеве в 1855 г., она готовила торговцев². К 1860 г. в Боснии уже насчитывалось около 30 школ для православного населения³. Вместе с тем, по данным австрийского консула в

Сараеве Зоретича, в 1860-е годы из 1200 тыс. населения только 46 тыс. детей посещали школы: 7 % из числа мусульманских детей, 0,4 % от общего числа католиков, 0,75 % от числа православных⁴. А женщины и вовсе были лишены возможности получить какое-то образование.

И вот в этот период в патриархальной боснийской среде, полной предрассудков и непонятных европейцу правил поведения, появилась удивительная личность — Стака Скендерова, которая всю свою жизнь занималась просветительской деятельностью. В 1858 г. она основала первую в Боснии школу для девочек, просуществовавшую вплоть до австрийской оккупации Боснийского вилайета в 1878 г.

В биографии Стаки Скендеровой до сих пор остается много «белых пятен». О ней сохранилось не так много сведений, которые зачастую противоречат друг другу. О своей встрече с ней в 1857 г. писал первый российский консул в Сараеве (1857—1858 гг.), историк-славист А.Ф. Гильфердинг⁵. В 1903 г. на страницах боснийской газеты «Вила» появилась статья Алексы Й. Поповича, основанная на его личных воспоминаниях о Стаке⁶. В 1932 г. ведущая сербская газета «Политика» опубликовала статью Йована Кршича, источником для которой послужили рассказы бывших воспитанниц школы⁷. В 1970 г. в Сербии вышла небольшая статья, посвященная разбору сочинения Стаки⁸ «Летопись Боснии 1825—1856»⁹. Немного внимания личности Скендеровой уделила в своей монографии английская исследовательница Селия Хоуксворт¹⁰. В последние годы все чаще имя боснийской просветительницы звучит на страницах современных газет и журналов, она становится героиней радиоэфиров Сараева.

Для работы над статьей мною были привлечены материалы российских и сербских архивов¹¹, которые проливают свет на историю школы С. Скендеровой¹². Благодаря этим источникам впервые удалось осветить многие моменты в ее биографии.

Для боснийского общества своего времени Стака Скендерова была явлением поистине экстраординарным. Она говорила на нескольких языках — сербском, турецком, греческом, русском, пела в церковном хоре, одевалась в мужскую одежду

темного цвета, удостоилась аудиенции турецкого султана Абдул-Азиза, самостоятельно совершила паломничество в Иерусалим, занималась литературным трудом и открыла в Боснии школу для девочек. Она была монахиней в городе, где не было ни одного православного монастыря, и большую часть жизни работала на светском поприще. Своим трудом она заслужила уважение современников и последующих поколений. Долгое время одна из улиц Сараева носила ее имя¹³. С. Скендерова также способствовала сближению России с боснийскими землями.

История жизни С. Скендеровой походила на роман. Она была родом из православной семьи Савичей¹⁴. Прозвище «Скендеровы» связано с тем, что они переселились в Боснию из Скадарского санджака. Отец Стаки — Петр — был небогатым торговцем. Долгое время Скендеровы жили в городе Приеполе, однако торговля в этом крае шла плохо, и тогда семейство решило перебраться в сердце Боснийского пашалыка — город Сараево. Здесь в 1830 г. и появилась на свет Стака¹⁵. С ранних лет ее увлекало учение, она освоила чтение и письмо, что для этих краев было редкостью, особенно для девочки.

«В детстве отец одевал ее в мужское платье, как часто там делают и христиане, и мусульмане со своими малолетними дочерьми. Стака Скендерова мужского платья уже не сняла; это было знаком отречения от замужества и посвящения себя жизни исключительно домашней», — писал А.Ф. Гильфердинг¹⁶. В мужском платье Стака ходила в церковь, читала Апостол, поскольку в округе не нашлось ни одного грамотного юноши.

Не совсем ясен точный состав семьи Скендеровых. А. Попович упоминает, что после смерти отца Стака осталась с матерью, двумя братьями и сестрой¹⁷. Известна история ее младшего брата. В 1841 г. с ним произошло несчастье. Об этих печальных событиях С. Скендерова поведала в своем сочинении «Летопись Боснии 1825—1856»¹⁸, которое повествует печальную историю Йована Петровича, «по прозванию Скендеровича»¹⁹. Правда, в тексте нет указаний на родственные связи автора с Петровичем²⁰.

Скендерова рисует портрет прекрасного, молодого, образованного человека, который знал турецкий язык, играл на

скрипке, тамбуре и на дудках, работал меховщиком. Влюбленный в девушку турок (т. е. боснийский мусульманин) пожаловался местному чиновнику Фазли-паше²¹, что Йован напал на него во время вечерней молитвы и изрезал его одежду ножом. Причиной навета послужила ревность к девушке, которая была равнодушна к Йовану. Фазли-паша славился своим дурным нравом и ненавистью к христианам. В результате, без суда и следствия, молодой человек подвергся жесточайшему наказанию — пыткам каленым железом. После этого измученного юношу некоторое время держали в тюрьме, а затем отпустили домой. Он прожил еще около двух лет, так и не восстановившись после страшных пыток. Скендерова сообщает, что муки сына подорвали здоровье матери, и спустя семь лет она скончалась. Другие источники свидетельствуют о том, что мать Стаки жила с дочерью долгое время и даже застала оккупацию Боснийского вилайета в 1878 г.²²

Старший брат, Илья²³, также занимался выделкой мехов. Его клиентами были видные боснийские торговцы, турецкие чиновники и военные. Стака помогала ему в торговле. Ей приходилось много ходить по турецким домам и общаться со знатью — так она выучила турецкий язык, что весьма пригодилось ей позднее в деле защиты христиан в крае. Она приходила в турецкие дома и помогала решать проблемы своих единоверцев.

Следует сказать несколько слов об упомянутой выше «Летописи Боснии». Личность Стаки Скендеровой привлекла внимание российского консула в Сараеве А.Ф. Гильфердинга. Он и предложил ей написать исторический труд о событиях 1825—1856 гг., а затем перевел его на русский язык и опубликовал²⁴. К сожалению, оригинальный текст этого труда на сербском языке не сохранился. «Летопись Боснии» Скендеровой была выполнена в стихотворной форме и напоминала по стилю народный эпос. Гильфердинг преподнес ее читателю в прозе, и текст Скендеровой дошел до наших дней только в данном варианте²⁵. В «Летописи Боснии» изложена история борьбы боснийских бегов с турецкими пашами, говорится о тяжелых мучениях, которые сносили обычные жители Боснии из-за произвола местной знати.

Заветной мечтой Скендеровой было открытие школы для девочек. Это удалось осуществить в 1858 г. Содействие в основании данного учебного заведения оказывали многие русские и сербские общественные и политические деятели. Еще в 1857 г., когда Гильфердинг находился в Сараеве, Скендерова обратилась к нему с просьбой поддержать идею открытия школы. Она обещала во всем следовать указаниям российского консульства, а главной целью школы провозглашала приобщение учениц к христианству²⁶.

Вопросом устройства школы Гильфердинг занялся по приезде в Петербург. В своем донесении в Азиатский департамент МИД в мае 1858 г. он писал: «Одним из самых полезных дел, какие мы могли бы предпринять для блага православных жителей Боснии, было бы учреждение элементарной (начальной. — К. М.) женской школы в Сараеве. Женский пол в Боснии находится в самом грубом невежестве; грамотная женщина или девица составляет там совершенную редкость. Плодом невежества и страха, в котором столько лет жил православный народ Боснии, было то, что женский пол там совершенно почти раззнакомился с церковью. Девочек в церковь не водят; взрослые же девицы считают позором показаться в храме Божьем и посещают его только один раз в году...»²⁷. В результате Гильфердинг добился от российского правительства назначения пособия на школу в размере 1384 рублей²⁸. Пожертвование в 1400 рублей внесла и русская императрица Мария Александровна²⁹.

С самого начала своей деятельности Стака Скендерова столкнулась с противодействием патриархальной сербской среды и недоверием со стороны православной общины Сараева. Дело в том, что активную поддержку оказывал ей видный османский чиновник Велиудин-паша³⁰, поэтому многие православные сербы отказывались отдавать своих дочерей на обучение в школу, которой покровительствовали турецкие власти.

С целью благоустройства школы, закупки учебных пособий и поиска учительницы С. Скендерова в сентябре 1858 г. намеревалась отправиться в Белград. Российское консульство

планировало поручить ей сопровождать герцеговинских и боснийских мальчиков, отправляемых на учебу в Россию³¹. Однако кампанию против нее развернули местные торговцы, недовольные тем, что 1400 русских рублей не попали в их карманы. Они уверили пашу, что учительница намерена устроить восстание в Посавинье, а затем отправиться в Россию. Поначалу в паспорте ей было отказано³², но, в конечном итоге, заветный документ был все же получен. В этом вопросе Скендеровой посодействовал один турок, член меджлиса, который взамен просил принять на обучение в школу его дочь³³.

Перед тем, как отправиться в Белград, Стака получила подробнейшие инструкции от нового российского консула в Сараеве Е.Р. Шулепникова (1858–1868 гг.)³⁴, и тот посоветовал ей обратиться к сербскому митрополиту Петру (1833–1859 гг.) с просьбой принять училище под свой надзор и покровительство.

Содействие Скендеровой оказывала и русская аристократка, графиня Антонина Дмитриевна Блудова (1813–1891), о чем свидетельствуют ее записи, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов³⁵. Осенью 1858 г., в тот момент, когда в Сербии разразился политический кризис и режим правления уставобранителей (1848–1858 гг.) подходил к концу, Блудова находилась в Белграде. В это же время в Сербию прибыла и Стака Скендерова. А.Д. Блудова встретила с ней и пообещала помочь найти учительницу. По этому поводу графиня беседовала с сербским митрополитом Петром и обращалась за помощью в министерство просвещения Сербии. По ее словам, мероприятие это было не простое и очень хлопотное, так как из-за критического положения дел у местных властей не было времени на то, чтобы позаботиться о благополучии сараевской школы. Однако кандидатка на должность учительницы все же нашлась и прошла собеседование у самой Блудовой. Ею оказалась скромная молодая девушка, сирота, живущая с братом. В своих записках Антонина Дмитриевна рассказала об этой встрече. На первый взгляд, соискательница на должность учительницы показалась ей чересчур молодой (девушке было 18 лет), но после беседы Блудова отметила, что

она достаточно хорошо образованна, рассуждает очень здраво и зрело. Особенно графиню впечатлило замечание юной особы о том, что учить грамоте сараевских девочек она намерена, используя кириллический алфавит, а не латиницу, которая все больше входила в моду³⁶.

С. Скендерова вернулась в Сараево с необходимым комплектом книг и учительницей Еленой Стефановой Нешкович. В Белграде ей удалось добиться расположения сербского митрополита Петра, и 19 октября 1858 г. на торжественном открытии школы он сам служил молебен, окропил дом святой водой и благословил детей на учение. Патроном школы был избран покровитель науки и образования Святой Савва. На торжество были приглашены дипломаты всех стран, имеющих представительства в Сараеве, однако присутствовали только российский консул и французский вице-консул³⁷.

Школа располагалась в небольшом двухэтажном здании. Весь первый этаж занимала семья Скендеровых. На втором этаже находились большой просторный класс, маленькая комната для занятий рукоделием и кабинет Стаки, где она молилась³⁸.

Учебная программа школы включала изучение арифметики, сербской истории, чтения и письма, часослова, псалтыри, церковного пения. Помимо этого девочкам преподавали рукоделие, что привлекало даже скептически настроенных жителей горожан.

За учебу платили только ученицы из богатых семей. На полученные средства покупались материалы для рукоделия (шелка, золотые нити). Для бедных детей Стака была не только учителем, но и защитницей. Многие сироты находились полностью на ее содержании; она им заменяла мать: одевала, кормила, воспитывала. Стака брала на воспитание даже тех девочек, матери которых пребывали в публичных домах, открывая для них новые жизненные перспективы. Она слыла строгой, но справедливой учительницей. Порицания с ее стороны ученицы боялись больше, чем телесных наказаний.

Каждый год завершался экзаменами, которые проходили публично. На них присутствовал сам боснийский паша³⁹ или его заместитель, представители церкви, родители учениц. Еже-

годно устраивалась выставка рукоделий, которыми славилась и гордилась школа. По выходным и праздничным дням под руководством Скендеровой в церкви выступал хор учениц.

Еще в 1858 г. А.Д. Блудова в беседе со С. Скендеровой заметила, что было бы неплохо обучать славянской грамоте и девочек из мусульманских семей. По ее мнению, «благодетственное влияние христианства» должно было способствовать обращению в православие магометан⁴⁰. И действительно, двери школы были открыты для детей всех вероисповеданий⁴¹. Девушки из православных, католических, еврейских, мусульманских семей на равных обучались в школе Стаки Скендеровой.

Несмотря на разного рода лишения и трудности, в том числе враждебность со стороны сараевского купечества и православной общины, школа под руководством С. Скендеровой продолжала существовать. В 1858 г. занятия в ней посещали 75 девушек, большинство из которых были из бедных семей⁴². Изначально действовало два класса.

Российское консульство в Сараеве опекало это учебное заведение. В марте 1859 г. консул Е.Р. Щулепников направил донесение на имя директора Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевского, в котором сообщал об успехах в работе школы. Хвалебный отзыв получила и учительница Е.С. Нешкович, которая успела, по словам консула, «своим кротким и привлекательным обхождением приобрести любовь всех учениц и подстрекнуть их тем к более быстрым успехам»⁴³. Был благосклонен к школе и дабробосанский митрополит Дионисий. Он вместе с французским и российским консулами устроил туда несколько девочек из Мостара, оплачивая их обучение и проживание – по 2000 пиастров (100 рублей) в год за каждую пансионерку⁴⁴.

Рост числа учениц требовал расширения учительского штата. С просьбой решить эту проблему Скендерова обратилась к сербскому правительству, и в мае 1859 г. министерство просвещения Сербии согласилось удовлетворить ее прошение⁴⁵: из Белграда приехала еще одна учительница⁴⁶.

В 1860 г. в школе занималось около 100 учениц, в августе 1861 г. количество воспитанниц увеличилось до 120, действовало уже три класса. Слава об этом учебном заведении распро-

странилась по всему Боснийскому пашалыку. Осенью 1861 г. на имя российского консула Шулепникова пришло обращение от высококовской православной общины с просьбой прислать в Высоково (местечко недалеко от Сараева) выпускницу сараевской школы в качестве учительницы и отдать свою школу под управление С. Скендеровой⁴⁷.

Покровительство школе оказывал и известный деятель на ниве просвещения сербов в Османской империи новый сербский митрополит Михаил (1859–1881 гг., 1889–1898 гг.). Документы, свидетельствующие об этом, хранятся в фонде Белградской митрополии Архива Сербии (Белград). Среди них – просьбы С. Скендеровой: прислать нового учителя, подарить книги, помочь в восстановлении школы после пожара. Однако выделенные деньги не всегда доходили до адресата – они либо присваивались посредником, либо, как не раз случилось в отношении школы Стаки, средства перераспределялись в пользу сараевской мужской школы⁴⁸. Так, в 1861 г. Стака Скендерова обратилась к сербскому правительству с просьбой помочь в строительстве нового здания школы, но обещанных денег так и не получила⁴⁹.

А между тем содержание школы обходилось весьма дорого. Все счета Скендерова предоставляла российскому консулу.

**Сводная таблица счетов
сараевской женской школы, предоставляемых
С. Скендеровой в российское консульство
(в пиастрах)**

Расходы	сентябрь 1858– февраль 1859 ⁵⁰	19.12.1859– 19.06.1860 ⁵¹	19.06.1860– 19.12.1860 ⁵²	19.12.1860– 19.06.1861 ⁵³
поездка Скендеровой в Белград	1526	—	150	—
книги для школы ⁵⁴	480	—	245	—
поездка учительницы в Белград	—	—	1535	—

продолжение таблицы

переезд в здание школы	4052	—	—	—
наем дома на 1 год	3330	—	3000	—
мебель для школы	1126,15	—	—	—
жалование учительнице	2400 (за 1 год) +560 на обустройство	2800 (за 7 месяцев)	1536	3864 (за 7 месяцев)
жалование младшей учительнице	—	—	600 (за 3 месяца)	1750 (за 7 месяцев)
обеда для учителей и пансионеров	960	2160	2260	2260
за учениц, полностью находящихся на попечении С. Скендеровой	—	—	2950+2950 (Стака оплатила сама)	—
печатные свидетельства	—	—	72	—
школьная печать	—	—	144	—
материалы для рукоделий	470	—	587	—
празднование Дня Св. Саввы	56	66,10	—	160
дрова	310	314	480	540
рубка дров	—	70	133	135
мытьё комнат	68	98		
стирка	—	140	—	—

продолжение таблицы

хозяйственная утварь	28	—	—	—
платья для бедных девушек	—	150 (для 6 учениц)	74 (для 5 учениц)	82 (для 4 учениц)
платье для помощницы учительницы	—	92,10	—	—
обувь для бедных учениц	20 (4 пары)	—	300 (12 пар)	—
2 рамы для школы	—	56	—	—
линейки, доски, бумага, чернила, карандаши, мел	48	120,20	249	130
белила	—	28	—	—
церковные свечи для детей	—	57,20	30	98
расходы на экзамен	—	48	—	216
ИТОГО:	15284,15 ⁵⁵	6199,60 ⁵⁶	17295 ⁵⁷	9235 ⁵⁸

И это лишь небольшая часть расходов школы. Кроме того, значительные средства уходили на уплату налогов.

Доходы же школы были невелики: за первые три месяца обучения родители учениц уплатили 704 пиастра⁵⁹, а в период с июня по декабрь 1860 г. — 2193 пиастра⁶⁰.

На итоговом в экзамене в 1861 г. вновь присутствовали иностранные консулы, митрополит и тогдашний генерал-губернатор Топал Шериф Осман-паша⁶¹. Российский консул Е.Р. Шулепников сообщал в Азиатский департамент МИД о значительных успехах учениц и усердной работе С. Скендеровой и просил оказать школе очередную финансовую помощь⁶².

Осман-паша по случаю экзамена подарил учебному заведению 500 пиастров. С этого момента началась регулярная финансовая поддержка школы Скендеровой турецким правительством.

А средства из России так и не были получены. Летом 1862 г. Скендерова в очередной раз направила прошение императрице Марии Александровне с просьбой оказать помощь: долги не позволяли оплатить школьный налог – вирию, которую нужно было вносить до 19 октября каждого года⁶³.

В этой ситуации боснийский генерал-губернатор Топал Шериф Осман-паша выхлопотал у султана ферман, по которому школе Скендеровой оказывалась ежемесячная материальная помощь от турецкого правительства в размере 600 грошей (пиастров). Топал Шериф Осман-паша побывал в Белграде, чтобы ознакомиться с существующей там системой образования, а затем отдал в школу Скендеровой своих дочерей; его примеру последовали и другие турецкие чиновники.

Но спокойная жизнь продолжалась недолго. В декабре 1864 г. султан пожаловал школе 5000 пиастров. Узнав об этом пожертвовании, члены сараевской православной общины попытались заставить С. Скендерову подписать бумаги об отказе когда-либо требовать от них помощь, хотя еще при открытии учебного заведения дабробосанский митрополит взял с них обязательство всячески покровительствовать этому учебному заведению⁶⁴.

В 1865 г. финансовые ресурсы школы были истощены, долги составляли около 19000 пиастров. Скендерова была вынуждена арендовать более скромный, дешевый недостроенный дом и начала готовить его к приему учениц. Прежнее здание школы занял турецкий инженер Леонардович, который потребовал немедленно освободить помещение. В этот момент за С. Скендерову заступился Осман-паша – он уговаривал Леонардовича повременить с размещением в новом доме, но не добился успеха. Тогда Осман-паша обратился к сараевской православной общине с просьбой подыскать временное помещение для школы – до окончания строительных работ. Представители общины, в основном местные торговцы, отказали в помощи и заявили, что школа Скендеровой не приносит никакой пользы

и нужна ей лишь для получения собственной выгоды. Осман-паша предложил начальнице школы и ее учительнице временно разместиться в его доме — в пустующих гаремных комнатах. Отдавая должное благим намерениям боснийского вали, Скендерова тем не менее отказалась принять его предложение, так как это могло бы послужить поводом для очередных нелюбопытных сплетен. Помощь Осман-паши данному учебному заведению уже и так вызывала много пересудов в городе, в среде православных торговцев. По свидетельству консула Шулепникова, они распространяли «гнусные слухи» о связях генерал-губернатора с ученицами школы, что, по заверению российского дипломата, было выдумкой⁶⁵.

Гонимая православной общиной и не имеющая возможности принять помощь от османского чиновника, Скендерова нашла временный приют в доме одной православной сараевской вдовы.

Иностранные дипломатические представители и турецкие чиновники с большим уважением относились к деятельности С. Скендеровой. По признанию многих из них, обучение в ее школе было более качественным, чем в учебном заведении для мальчиков⁶⁶.

Прошение об оказании помощи школе Скендеровой к сербскому митрополиту Михаилу адресовал в мае 1865 г. некий житель Сараева Г. Йованович⁶⁷, восторженно отзывавшийся о просветительской деятельности Стаки. Приехавший из Белграда епископ Виссарион также просил сербского митрополита выделить средства для школы. Консул Шулепников цитировал строки из его письма к Михаилу: «Из всего виденного мной в Сараеве до сего времени и заслуживающего внимания я могу сказать вашему высокопреосвященству только о существующей здесь женской школе. Эта школа, управляемая г[оспо]жой Стакой, так хорошо устроена и столько делает успехов, что всякий наблюдатель не может не остаться ею довольным. В науках и рукоделии девочки, которых теперь около 100, делают большие успехи. [...] Велика польза, приносимая этой школой здешней общине, и начальница ее г[оспо]жа Стака Скендерова, посвятившая всю свою жизнь на общественную пользу, достойна

всякой похвалы»⁶⁸. Неизвестно, как отреагировал митрополит Михаил на эти письма. Помощь же пришла из России: необходимая сумма для обустройства здания в 1000 пиастров была предоставлена Скендеровой от российского МИД⁶⁹. Однако и это не помогло расплатиться с долгами.

Осенью 1865 г. начальница женской школы написала в российское внешнеполитическое ведомство прошение об оказании ей содействия в организации поездки в Россию. Целью визита был сбор денежных средств для уплаты долгов и устройства женских школ в других городах Боснии. Покровительница женского образования русская императрица Мария Александровна отозвалась на это прошение положительно. Однако Св. Синод предложил отсрочить приезд Скендеровой. Дело в том, что по соглашению между Св. Синодом и МИД России только три представителя заграничных православных церквей могли осуществлять сбор в России одновременно. Подавшие заявку выстраивались в очередь и могли приехать в страну только после того, как ее покинут другие сборщики. Разрешение для С. Скендеровой было получено в начале 1867 г.⁷⁰ Между тем за два года ожидания ответа долги школы еще больше выросли, и у директрисы не было средств для того, чтобы осуществить поездку. В конце 1867 г. Шулепников обратился к чрезвычайному и полномочному послу России в Османской империи графу Н.П. Игнатьеву за позволением отправить Скендерову в Константинополь, а затем в Россию⁷¹. Тогда же Стака отправилась в Белград, готовясь к поездке⁷². Положительный ответ был получен в начале 1868 г.⁷³. Однако без финансовой поддержки Скендерова не могла отправиться в путь. Это послужило поводом для очередного конфликта с сараевской православной общиной. В том же 1868 году община получила разрешение от Св. Синода на поездку в Россию сараевского архимандрита Саввы Косановича — для сбора средств на строительство нового храма. Однако, по условиям Св. Синода, отправиться в поездку Косанович мог только после возвращения Скендеровой из России⁷⁴.

Прибывший в Сараево в 1868 г. новый боснийский вали, Омер Февзи-паша, передал Скендеровой финансовую помощь от султана в 1000 грошей⁷⁵. Но данной суммы по-прежнему

было недостаточно. Кроме того, у школы появился серьезный конкурент. Сочувствующий делу Скендеровой русский ученый, профессор Московского университета и секретарь Московского славянского благотворительного комитета Н.А. Попов в своем «Очерке религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян» (СПб., 1871)⁷⁶ поведал о попытке английской путешественницы мисс Аделины Паулины Ирби⁷⁷, связанной с обществом диаконис⁷⁸, открыть в Сараеве свою школу для девочек. В этом деле им содействовал консул Северо-германского союза Блай. В начале 1869 г. он приобрел участок земли в центре Сараева, где и была выстроена школа. Диаконисы всячески старались привлечь к своему начинанию местных жителей. Обучение в школе было бесплатным, более того, отдавшим детей в эту школу родителям обещали некое вознаграждение. Однако подобное благородство не только не вызвало сочувствия у местных жителей, но и насторожило их⁷⁹. Об этой же школе Попов говорит и в другой своей работе — «Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами» (М., 1873)⁸⁰. В ней он также негативно отзывается об учебном заведении Ирби, указывая на тот факт, что из-за религиозной пропаганды диаконис школа пребывала в кризисе и теряла своих учениц⁸¹.

Эти события вызвали беспокойство и в российском МИД. Об опасности усиления позиций протестантской и католической церкви в Боснии говорил в своем донесении новый российский консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев (1868–1877 гг.). В качестве ответных действий России он предлагал выделить средства на учреждение женской гимназии в Сараеве (требовалось 3000 рублей). Директор Азиатского департамента МИД П.Н. Стремоухов в 1869 г. обратился в Петербургское отделение Славянского благотворительного комитета с просьбой посодействовать Стаке Скендеровой в открытии гимназии. Председатель комитета А.Ф. Гильфердинг ответил, что почетный член Славянского комитета Н.А. Киреев выразил готовность выплачивать новому учебному заведению ежегодное пособие в размере 750 рублей, однако из-за финансовых трудностей предоставить сумму в 3000 рублей возможности не было⁸².

Кудрявцев, со своей стороны, пытался примирить Скендерову и сараевскую православную общину. Согласно его плану, Стака должна была отказаться от поездки в Россию в пользу Саввы Косановича и стать директрисой новой женской гимназии в Сараеве. Таким образом, все бы остались в выигрыше. Однако многолетние обиды между Скендеровой и общиной оказались сильнее.

С. Скендерова обращалась к русским благотворителям с просьбой организовать ей поездку для сбора средств в пользу будущей гимназии, но славянские комитеты не видели в этом необходимости. Об этом свидетельствуют документы из фонда А.Ф. Гильфердинга⁸³. Кудрявцев посоветовал ей отказаться от намеченных планов, но она восприняла подобные рекомендации российского консула как препятствие к поездке, и это осложнило их отношения⁸⁴.

Черная полоса в жизни С. Скендеровой продолжалась. По неизвестным причинам французское консульство перестало выплачивать ей ежегодное пособие. По-прежнему росло недоверие к ней со стороны православной общины. По мнению Гильфердинга, причиной этого были интриги иезуитов⁸⁵. Ситуация усугубилась тем, что Стака открыто выступила в поддержку учебного заведения мисс Ирби, против которой в местных газетах была развернута настоящая война. Памятуя, как в свое время открытие ее школы было воспринято в штыки местным православным обществом, С. Скендерова обратилась к церковной общине с речью о важности образования и разъясняла, что намерения английской леди носят чисто просветительский характер⁸⁶.

В июне 1870 г. гимназия все-таки открылась. Однако сараевская православная община отказалась утвердить С. Скендерову на должность директрисы. Выбор пал на Персииду Йованович, австрийскую подданную, рекомендованную сербским митрополитом Михаилом. Православная община обязалась выплачивать ей заработную плату по 100 червонцев ежегодно и по 50 червонцев за наем дома. В первую неделю работы в гимназию записалось около 40 учениц. Исполняющий в это время обязанности российского консула в Сараеве В. Якобсон с одобрением отзывался об открытии гимназии, которая, по его

словам, представляла собой «православное женское училище, долженствующее отнять монополию у г[оспо]жи Скендеровой и осязательным образом доказать сестрам-диаконисам неуместность вторжения чуждых элементов и озарения боснийских девушек светом германской цивилизации»⁸⁷.

Из православной общины поступали жалобы на то, что С. Скендерова интригует против гимназии. Османские власти отказались оказывать финансовую поддержку новому учебному заведению. Тогдашний вали Сафвет-паша предлагал объединить школу и гимназию под руководством Скендеровой⁸⁸.

Дела у гимназии с самого начала шли плохо, и уже в 1871 г. начались проблемы с финансированием. Обещавший ежегодное пособие Н.А. Киреев отказался его предоставлять в связи с финансовыми затруднениями. У славянских комитетов также не нашлось необходимых средств для выплат⁸⁹.

Конфликт с сараевской общиной и поддержка мисс Ирби способствовали ухудшению взаимоотношений Скендеровой и консула Кудрявцева. В своем письме к графу Н.П. Игнатьеву он писал: «Если г[оспо]жа Скендерова по сию пору не могла решиться ехать в Россию, тому причина, я имею основание полагать, ее угодливость и низкопоклонство перед турецкими чиновниками, выхлопотавшими ей ежегодное вспомоществование в 7000 пиастров, обеспечивающее существование ее школы и, отчасти, желание ее отомстить общине, с которой она находится в непримиримой вражде. С другой же стороны, ее манит возможность получить от русского народа несколько тысяч рублей, и оттуда-то и происходит ее непоследовательность и нерешительность, проявившиеся в том обстоятельстве, что она, оставляя обыкновенные и простейшие пути, обратилась в императорское посольство за русским паспортом и именно в то время, когда очередь ее была отдалена поездкой архимандрита Саввы Косановича»⁹⁰. Кудрявцев полагал, что лучше оказать Скендеровой финансовую поддержку, но ни в коем случае не устраивать ее поездку в Россию. В своем донесении к Игнатьеву он сообщал, что боснийская просветительница пребывает в заблуждении насчет несправедливого распределения присланной из России денежной помощи школам⁹¹.

В 1870 г. Скендерова все же отправилась в путешествие, но не в Россию, а в Иерусалим, к Гробу Господню. Путь ее лежал через Константинополь. Экс-генерал-губернатор Боснийского вилайета Топал Шериф Осман-паша добился для нее аудиенции у султана Абдул-Азиза и оплаты путевых расходов (10000 грошей). По прибытии в Святые Места Стака приняла монашество. Поездка ее длилась целый год, и это было неслыханное событие для того времени⁹². Посещать богослужения особам женского пола не в праздничные дни и не в воскресенье в тогдашнем боснийском обществе считалось неприличным. Здесь же женщина в одиночку отважилась на поездку в Святую Землю и удостоилась встречи с самим султаном. Возвращение Стаки в Сараево было триумфальным, приветствовать ее вышли толпы народа.

Во время отсутствия Скендеровой делами в школе управляли две выпускницы этого учебного заведения — Анна Каранова и Кока Джуричева. Позже они стали первыми учительницами в школе для девочек в Мостаре⁹³.

Скендерова выполняла порой и очень непростые личные поручения своих единоверцев. По свидетельствам современников, она неоднократно помогала вызволять из заключения православных сербов, а также добилась права проведения торжественного обряда похорон с церковным пением и шествием через весь город для православных жителей Сараева⁹⁴.

В 1878 г., после австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины, школу пришлось закрыть — прекратилась денежная помощь от султана, перестали поступать и средства из России, а новые власти не были заинтересованы в работе этого учебного заведения. Девочек-сирот, которые учились в школе, приняла под свою опеку мисс Ирби. Английская благотворительница взяла на пожизненное содержание также Стаку Скендерову и ее столетнюю мать⁹⁵.

Выпускницы школы Скендеровой стали первыми образованными женщинами Боснии и Герцеговины. Как правило, они считались завидными невестами и удачно выходили замуж. Эти женщины воспитывали своих детей уже в духе нового времени, прививая им охоту к учебе и иную культуру.

До конца своих дней С. Скендерова не переставала помогать людям. 26 мая 1891 г. она повела двух своих воспитанниц, девочек из бедной семьи, на праздник в пользу бедных и сирот в Сараеве. По дороге домой на них налетела повозка, запряженная лошадьми. Дети чудом не пострадали, а Стака получила смертельные ранения и на следующий день скончалась в сараевской больнице. Все расходы и хлопоты о похоронах взяла на себя Паулина Ирби⁹⁶. По свидетельствам очевидцев, она каждую неделю заходила в сараевскую православную соборную церковь и ставила свечу в память о Стаке.

В заключение следует отметить, что ни А. Попович, ни Й. Кршич, писавшие о Скендеровой в начале XX в., даже не упоминают о какой-либо поддержке ее школы со стороны России. Однако в настоящее время мы располагаем документальными данными о русской финансовой помощи школе Скендеровой — до 1870 г. Из них следует, что всего за 13 лет Россия пожертвовала на это учебное заведение 5000 рублей⁹⁷. Первоначальный план А.Ф. Гильфердинга предполагал затратить 700 рублей в первый год и по 400 рублей в последующие⁹⁸, т. е. предполагалось потратить за этот период 5500 рублей. К сожалению, план систематической поддержки этого учебного заведения не был осуществлен. В первый год работы С. Скендерова получила большую сумму — 2784 рублей⁹⁹, а затем в течение нескольких лет она получала лишь 100 рублей от российского консула на содержание учениц. Пожертвования приходили нерегулярно. Увеличилось число девочек из необеспеченных семей, выросли долги школы. Изначально в России рассчитывали на поддержку школы Скендеровой местной общиной, что было трудно себе представить в реальности. К 1870 г. испортились взаимоотношения Скендеровой с российским консульством. Православная община Сараева негативно смотрела на то, что Россия помогает женской школе.

С появлением Топал Шериф Осман-паши в Сараеве школа Скендеровой начала получать ежегодную финансовую помощь от султана, которая поступала регулярно, но не была велика — в пересчете на рубли она составила не более 3600 рублей — с 1861 г. по 1870 г.¹⁰⁰.

Стака Скендерова принимала в число своих учениц девочек всех вероисповеданий, получала помощь из разных источников. Ее главная идея заключалась в просвещении женского населения Боснии. При этом она четко понимала, что Сараево — это часть Османской империи, и старалась жить по ее законам, как подданная султана.

Несомненно, Стака Скендерова заслуживает права носить звание «просветительницы» народа Боснии. Она была первопроходцем в деле женского образования в своем крае. Ее деятельность привела к тому, что уже в 1870 г. сараевская православная община, которая раньше не допускала и мысли о важности образования для своих дочерей, способствовала созданию женской гимназии в Сараеве.

Стаку Скендерову можно назвать феноменом. Она была человеком, намного опередившим свое время, женщиной, которая представляла собой уникальное явление в жизни Боснии XIX века.

Примечания

¹ *Гильфердинг А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1873. С. 383.

² *Скарић В.* Избрана дјела. Прилози за историју Босне и Херцеговине и југословенских народа. Књ. 3. Сарајево, 1985. С. 55–60.

³ Согласно донесению в Азиатский департамент МИД российского консула в Сараеве Е. Р. Шулепникова. См.: Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2323. Л. 157–160.

⁴ *Хевролина В. М.* Документы архивов СССР об истории школьного дела в Боснии и Герцеговине в 1850–1870-х годах // Меѓународни научни скуп: проблеми историје Босне и Херцеговине 1850–1875. Сарајево, 1987. С. 108.

⁵ *Гильфердинг А. Ф.* Указ. соч. С. 383–385.

⁶ *Поповић А.* Хаџи Стака Скендерова, српска калуђерица и учитељица // Босанска Вила. 1903. №№ 23–24. С. 393–395.

⁷ *Кршић Ј.* Хаџи Стака Скендерова // Политика. 6 јануар 1932.

⁸ См.: *Maksimović V.* Ljetopis Stake Skenderove // Viđenja Bosne. 1970.

⁹ *Скендерова С.* Летопись Боснии 1825–1856 // *Гильфердинг А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 3. Босния, Герцеговина и Старая Сербия. С. 380–465.

¹⁰ *Hawkeswoth S.* Voices in the Shadows. Women and Verbal Art in Serbia and Bosnia. CEUPRESS, 2000. P. 250–252.

¹¹ АВПРИ, Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ), Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА), Российский государственный исторический архив (далее — РГИА), Архив Србије (далее — АС).

- 12 Копии архивных материалов АВПРИ были получены в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.
- 13 В 1941 г. улица Стаки Скендеровой была переименована в улицу Радойки Лачи, а ныне носит название «Каптол».
- 14 Одно из своих прошений в российский МИД Скендерова подписала: «Стака Скендерова, дочь Петра Савича». См.: АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 5 об. Есть также вероятность, что настоящая фамилия Скендеровой – Петрович или Дамьянович.
- 15 По другим сведениям, год ее рождения – 1828.
- 16 *Гильфердинг А.Ф.* Указ соч. С. 383.
- 17 *Поповић А.* Указ. соч.
- 18 *Скендерова С.* Указ. соч. С. 427–431.
- 19 Согласно А. Поповичу, имя брата – Илия.
- 20 В переводе сочинения на русский язык А.Ф. Гильфердинг указал в сноске, что речь идет о брате автора труда. См.: *Скендерова С.* Указ. соч. С. 427.
- 21 Фазли-паша – один из самых негативных персонажей «Летописи Боснии», представитель беговата, который путем интриги и предательства, после многолетнего противоборства с официальными властями, получил право надзора за порядком в Сараеве.
- 22 *Поповић А.* Указ. соч.
- 23 В некоторых источниках говорится о том, что у Стаки Скендеровой был лишь один брат, который занимался выделкой мехов и погиб после пыток турок.
- 24 *Скендерова С.* Указ. соч.
- 25 Часть оригинального текста А.Ф. Гильфердинг привел в сносках к своему переводу.
- 26 АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 5–5 об.
- 27 Там же. Л. 2–4.
- 28 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М., 1985. С. 181.
- 29 Там же. С. 201.
- 30 *Поповић А.* Указ. соч.
- 31 В итоге эта миссия была поручена иеромонаху из Мостара Прокопию Чокорило.
- 32 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. С. 201.
- 33 РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2772. Л. 9.
- 34 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. С. 208–209.
- 35 РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2772.
- 36 Там же. Л. 8–8 об.
- 37 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. С. 208–209.
- 38 *Кршић Ј.* Указ. соч.
- 39 Сараевский паша, затем вали – генерал-губернатор Боснийского пашалыка, позже вилайета.
- 40 Запись в тетради А.Д. Блудовой. См.: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Ед. хр. 2772. Л. 8–8 об.
- 41 *Поповић А.* Указ. соч.
- 42 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. С. 208.

- 43 Там же. С. 218.
- 44 Там же.
- 45 АС. Ф. МБ. 1859. 512.
- 46 Уже летом 1860 г. Скендерова из-за финансовых трудностей отказалась от услуг второго педагога. Ее место заняла одна из учениц школы в должности помощницы учительницы. См.: АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 802. Л. 59–59 об.
- 47 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. С. 355–356.
- 48 АС. Ф. МБ. 1860. 1032.
- 49 АС. Ф. МБ. 1861. 889.
- 50 АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 6668. Л. 19.
- 51 АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 802. Л. 59–59 об.
- 52 АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 803. Л. 14.
- 53 АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 6668. Л. 60.
- 54 Большая часть книг была пожертвована в Белграде.
- 55 Что составляло примерно 849 рублей.
- 56 Что составляло примерно 310 рублей.
- 57 Что составляло примерно 864 рубля.
- 58 Что составляло примерно 460 рублей.
- 59 АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. Д. 6668. Л. 19.
- 60 АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. Д. 803. Л. 13.
- 61 Топал Шериф Осман-паша (1804–1874) родился в Смирне в семье видного османского чиновника. Был хорошо образован, слыл знатоком арабской, турецкой и персидской литературы, владел греческим и французским языками. В 1861 г. стал генерал-губернатором Боснийского пашалыка. Этот пост он занимал до 1869 г. Осман-паша мечтал превратить Сараево в настоящий европейский город. Его стараниями в столице вилайета были построены больница, библиотека, большая гостиница, появились кредитные организации помощи крестьянам, почта и телеграф (Сараево – Нови-Пазар – Константинополь). Шло активное строительство дорог и мостов. На окраине Сараева была построена прекрасная вилла, которая до сих пор украшает город. Большое внимание он уделял лесопильному делу. Из Вены были приглашены инженеры, которые обучали местное население ведению лесопильного хозяйства. Его стараниями в Боснии появилась первая типография. В 1866 г. вышел первый номер официальной газеты «Босния». Осман-паша провел административную реформу в Боснии и Герцеговине – в 1866 г. Боснийский пашалык и Герцеговинский санджак были объединены в Боснийский вилайет.
- 62 АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 59–59 об.
- 63 Там же. Л. 80.
- 64 Там же. Л. 145–148 об.
- 65 Там же.
- 66 Там же.
- 67 АС. Ф. МБ. 1865. 693.
- 68 АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 145–148 об.
- 69 Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1864–1875. Документы. М., 1988. С. 17–18.
- 70 Там же. С. 37.
- 71 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2329. Л. 31–31 об.
- 72 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 1383. Л. 44–44 об.
- 73 РГИА. Ф. 797. Оп. 35. Отд. 2. Ед. хр. 269. Л. 9–9 об.
- 74 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.

- ⁷⁵ Поповић А. Указ. соч.
- ⁷⁶ Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. СПб., 1871. С. 85–87.
- ⁷⁷ Аделина Паулина Ирби (1831–1911) – английская путешественница, писательница, суфражистка. В 1862–1863 гг. вместе с Джорджиной Муир Маккензи осуществила путешествие по балканским землям. В результате на свет появилась книга: *Mackenzie G.M., Irby A.P. Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe*. London, 1867. После поездки решила основать женскую школу в Сараеве. Найти средства на воплощение этого плана ей удалось только у протестантской организации общества диаконис. Во время Герцеговинского восстания 1875–1877 гг. организовала лагерь для беженцев.
- ⁷⁸ Протестантское общество диаконис было образовано в 1836 г. в Пруссии пастором г. Кайзерсверта Теодором Флинднером. Изначально главной задачей общества провозглашалась помощь бедным и больным. Диаконисой могла стать любая незамужняя женщина не моложе двадцати пяти лет. Предлагалось на выбор работать на образовательном поприще или посвятить себя уходу за больными. За работу диаконисы получали питание, деньги на мелкие расходы и одежду. С 1849 г. начинается открытие филиалов общества по всему миру (Питтсбург, Иерусалим, Лондон, Константинополь, Бейрут, Смирна, Бухарест, Александрия). К 1864 г. в мире действовало около 100 домов общества.
- ⁷⁹ Попов Н.А. Очерки религиозной и национальной благотворительности на востоке и среди славян. С. 85–86.
- ⁸⁰ Он же. Православие в Боснии и его борьба с католической пропагандой и протестантскими миссионерами. М., 1873.
- ⁸¹ Там же. С. 19, 30.
- ⁸² Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1864–1875. Документы. С. 179.
- ⁸³ ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 2–5.
- ⁸⁴ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.
- ⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 182. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3.
- ⁸⁶ В 1871 г. школа под руководством мисс Паулины Ирби разорвала отношения с обществом диаконис. После долгих лет борьбы благотворительнице все же удалось убедить местных жителей в чистоте своих намерений. Это учебное заведение продолжало существовать и после оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г.
- ⁸⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Л. 146–148.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 1750. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 46.; Ед. хр. 69. Л. 82–83.
- ⁹⁰ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Поповић А. Указ. соч.
- ⁹³ Там же. С. 394.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Кнежић Н. Хаџи Стака Скендерова // Кишобран. Септембар 2008. С. 16.
- ⁹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2334. Л. 86–89.
- ⁹⁸ АВПРИ. Ф. 146. Славянский стол. 1858–1876. Д. 6668. Л. 4.
- ⁹⁹ Для сравнения: годовое жалованье российского консула в Сараеве составляло 2940 рублей.
- ¹⁰⁰ Без учета 10000 грошей, пожалованных Скендеровой султаном на поездку в Святую Землю.

Варвара Борисовна ХЛЕБНИКОВА

«Дух раздора» или «дух единства»: к вопросу о черногорско-сербских отношениях в начале XX столетия

Отношения Сербии и Черногории в российской и черногорской историографии¹ принято рассматривать с двух основных позиций. Первую можно условно обозначить как «дух единства». Славянская интеллигенция в XIX в. пропагандировала идею объединения югославян в будущем национальном государстве, которое должно было образоваться в результате освобождения Балкан от османского ига. В разные времена эта идея была популярной и в качестве политической программы, и как политический миф. Несмотря на скепсис прагматиков-дипломатов, уверенных, что югославизм существовал только в головах сербских поэтов, он оставил заметный след в истории общественной мысли и государственного развития славян. Вторую позицию можно назвать «духом раздора», так как славянская солидарность мало волновала балканских монархов в XIX — начале XX вв. Интересы своих престолов они ставили значительно выше народного стремления к свободе и единству. Династическое соперничество и откровенная вражда правителей были серьезным препятствием в борьбе за окончательное освобождение Балкан. В настоящей статье речь пойдет о том, как проявлялись две противоположные политические тенденции в черногорско-сербских отношениях в начале XX в. Пищу для размышлений на эту тему дают архивные и мемуарные материалы, как опубликованные, так и не введенные еще в научный оборот. Особого внимания заслуживает объемное дело, хранящееся в Архиве внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ) под названием «Сербо-черногорский конфликт по поводу заговора против князя Николая 1908 г. и в связи с заговором в Колашине в 1909 г.»².

Если говорить о «духе единства», то в двусторонних официальных дипломатических и политических контактах этнически близких государств он время от времени давал о себе знать. Много написано о сербско-черногорских отношениях в 60–70-е годы XIX в. и о планах создания единого государства. В 1866 г. был подписан тайный договор между Сербией и Черногорией, по которому князь Никола брал на себя обязательство совместно с сербским монархом бороться за полное освобождение от Османской империи и в случае создания объединенного югославянского государства отказаться от престола в пользу династии Обреновичей. На практике черногорский правитель никогда не переставал мечтать о том, что именно его семейство возглавит будущую «Великую Сербию». Но что было в душе черногорского князя, было известно только ему самому. А в славянском мире его уступка и неоднократные публичные выступления на тему славянского единства снискали ему славу последовательного борца за свободу. Всякий раз, когда на Балканах возникала угроза очередной схватки с Османской империей, на князя Николу возлагались особые надежды.

В принципе, духу единения могла бы, при определенном стечении обстоятельств, поспособствовать женитьба сербского политического эмигранта Петра Карагеоргиевича на старшей дочери князя Николы Зорке в 1883 г. В это время Сербией правила династия Обреновичей, которую неоднократно пытались отстранить от власти сторонники Карагеоргиевичей. Петр был вынужден оставить свое отечество, довольно долго жил в Цетинье, породнившись, в конце концов, с семейством Петровичей-Негошей. Правитель Черногории представил этот союз своим покровителям в России как дело сугубо семейное и к политике не имеющее никакого отношения. По словам российского дипломата А.Н. Шпейера, Никола «выразил надежду, что императорское правительство не заподозрит политических расчетов и задних мыслей в этом шаге». Но судя по замечанию российского министра иностранных дел Н.К. Гирса на полях донесения Шпейера («Дай Бог, чтобы это было так»), в неполитический характер брака никто не верил³. В мировой истории династические связи, как правило, были фактором, способст-

вовавшим упрочению контактов «породнившихся» стран. В сербско-черногорском диалоге брак Петра и Зорки мог стать и отрицательным, и положительным моментом — в зависимости от множества других политических условий.

Солидарность близких славянских народов проявлялась не столько в политической, сколько в экономической и социальной сферах. В кризисные годы, когда население Черногорского княжества жестоко страдало от неурожая и голода, относительно благополучная Сербия предоставляла черногорцам возможность поселиться в своих пределах и укорениться в новом отечестве. Так, в 1899 г. приблизительно тысяча черногорских семейств эмигрировала в Сербию, спасаясь от нужды. Также сербские власти давали черногорской молодежи возможность получать образование в своих учебных заведениях, так как в соседнем княжестве не было ни одного вуза и ни одного профессионального училища. В 1908 г. российский поверенный в делах Б.Н. Евреинов писал из Белграда в Петербург: «Однако ссоры между правительствами нисколько не испортили сношений между населением княжества и королевства. И теперь, как и всегда, перед началом учебного года Белград переполнен черногорской молодежью, являющейся сюда для поступления в гимназии и пользующейся со стороны сербского правительства различными льготами, вплоть до бесплатного обучения»⁴. Такие примеры свидетельствуют о том, что связи сербов и черногорцев не были ограничены дипломатическими формальностями. Они были важны и нужны двум народам, имевшим схожую судьбу, одинаковые проблемы и общих врагов. К чести сербов нужно отметить, что они готовы были помогать более бедным черногорцам.

«Дух раздора», судя по архивным материалам, всегда витал в сфере официальных контактов и ярко проявлялся тогда, когда речь заходила о политическом статусе династий и о границах на Балканах. Суть разногласий и трений явственно определилась уже в конце XIX в. Князь Никола сам поведал российскому министру-резиденту К.А. Губастову о том, как это произошло. Выяснение отношений двух монархов случилось во время официального визита сербского короля Александра Обреновича в Цетинье в апреле 1897 г. «Однажды утром государи-братья

заперлись в кабинете, положили на стол карту Старой Сербии, облобызались, перекрестились и приступили к проекту дележа достояния предков. Гость предоставил хозяину указать на карте свою будущую часть. Последний отделил ее красным карандашом, стараясь совершить раздел «по-братски». Когда король увидел, что Призрен должен будет отойти к Черногории, наговорил князю таких дерзостей, что дальнейшее обсуждение было тотчас же прекращено»⁵, – с горькой иронией сообщал российский дипломат своему начальству об этой неудачной попытке «разграничения». Таким образом, первой и главной причиной раздора монархов была неспособность достичь компромисса в территориальных вопросах.

Вторая причина постоянных разногласий – династические амбиции дома Петровичей-Негошей. В 1902 г. разгорелся дипломатический скандал, вызванный бестактным поведением среднего сына Николы Мирко. Княжич женился на дальней родственнице семейства Обреновичей и решил, что этот брак дал ему основания претендовать на сербский престол, о чем неоднократно он публично заявлял. В Сербии были шокированы подобными высказываниями, дело шло к разрыву отношений. Черногорскому монарху пришлось исправлять то, что натворил его чрезмерно активный отпрыск. Он послал в Белград извинительное письмо, в котором переложил ответственность за случившееся на третьих лиц. В письме говорилось, что некие сербские политики (имена не были названы) сбили Мирко с истинного пути: «Мои враги отравили мое дитя и влили в его молодую и рассеянную голову ошибочные мысли и греховные страстные желания в отношении короля, а значит, и в отношении меня <...>. Когда я понял это сплетение, а это, к сожалению, было, о чем многие знали, я его укоротил и строго запретил дурные стремления, которые, по его словам, заключались только в том, что король мог бы его назначить своим наследником до тех пор, пока ему Бог не дарует сына»⁶. Письмо заканчивалось утверждением, что Никола взял с Мирко клятву никому не позволять упоминать его имя в связи с сербским престолом; также выражалась надежда, что король Александр «милостиво простит и забудет» выходку княжича. Мы не узна-

ем, забыл ли сербский монарх эту историю, — в мае 1903 г. он был убит заговорщиками.

На престоле оказалась династия Карагеоргиевичей. Король Петр был зятем Николы, но это обстоятельство нисколько не способствовало сближению государей. Соперничество и желание занять «не свое место» дали о себе знать уже в 1903 г. Российский министр-резидент в Цетинье А.Н. Щеглов сообщал своему начальству в МИД, что князь Никола «серьезно надеялся быть избранным на сербский престол. Те же надежды питал юный княжич Мирко»⁷. Черногорский господарь не нашел поддержки у российского правительства — ему твердо дали понять, что «у сербов есть своя старая династия Карагеоргиевичей». Но мало сомнений в том, что новоиспеченный король Петр узнал о комбинациях своего тестя и платил ему той же монетой. Он ревниво отслеживал контакты черногорского и русского дворов, полагая, что княжество незаслуженно обласкано, надеялся оттеснить Петровичей-Негошей от русского трона. Об этом подробно написал в своих мемуарах министр иностранных дел Черногории Г. Вукович, который утверждал, что подобные намерения были явно продемонстрированы еще в конце XIX в. «Принц Петр Карагеоргиевич, зять нашего двора, во время многолетнего пребывания в Черногории завидовал князю из-за постоянной благосклонности России, — писал он, — поэтому постоянно причинял неприятности русским посланникам — создал вокруг себя кружок неопытных и плохо осведомленных, и в то же время злобных подрывателей наших отношений с Сербией и отчасти с Россией. <...> Он часто повторял свое язвительное изречение: «“Если бы я вернулся в Сербию, я бы вышиб вас из седла русской милости в течение полугода”»⁸.

Однако такое откровенное династическое противостояние не помешало двум монархам в 1903—1904 гг. затеять переговоры о подписании союзного договора. Их история заслуживает особого внимания. Идею будущего соглашения предложил князь Никола, но ревнивый король Петр тут же перехватил инициативу. Он решительно настаивал на том, чтобы никто, в том числе и Россия, не знали никаких подробностей будущего договора. На первых порах партнеры тщательно скрывали факт и содержание

переговоров. Однако российские дипломаты вскоре узнали об этой тайне, и К.А. Губастов, служивший в те годы посланником в Белграде, потребовал от главы сербского правительства Н. Пашича прямого ответа на вопрос, что затевается за спиной российского МИД. Пашич довольно цинично ответил, что русскому правительству лучше не знать подробностей, ибо они могут вызвать сложности в отношениях с Австро-Венгрией⁹. То есть, этот планируемый секретный договор явно расходился с курсом на сохранение статус-кво, на котором так настаивал Петербург после Берлинского конгресса. Правда, секретный стговор почувствовавших себя самостоятельными правителей так и не состоялся. Испортил комбинацию Петр Карагеоргиевич, которому явно не терпелось одержать верх над более искусственным в дипломатических играх тестем. Сербский правитель, не соблюдая протокольных приличий, прислал в Цетинье своего представителя с уже готовым текстом договора, под которым стояла его подпись. Тем самым Петр ставил перед фактом предполагаемого союзника, не дав последнему возможности внести собственные коррективы в соглашение. Подобное поведение было, с точки зрения князя Николы, недопустимо: младший по возрасту¹⁰ и политическому стажу коллега замахнулся на его авторитет и прерогативы! Князь немедленно поставил на место зарвавшегося родича. Он поспешил сообщить российскому представителю А.Н. Щеглову все подробности переговоров и эмоционально заявил, что никогда не позволит себе подписать что-либо без согласия России.

Русские дипломаты, всегда неодобрительно относившиеся к региональным маневрам балканских правителей, были очень довольны исходом провалившихся переговоров. А.Н. Щеглов писал из Цетинья в Петербург в июне 1904 г.: «Я думаю, что лучше расстроить нарождающийся союз, чем дать мелким славянским государствам возможность заключать политические сделки без ведома и контроля России»¹¹. Похожее донесение в те же дни прислал из Белграда К.А. Губастов: «Нет сомнения, что такой договор в руках впечатлительных, склонных к самообольщению югославянских государей без контроля императорского правительства рискует, вместо преследуемой ими на

бумаге пользы для их государств, причинить на деле только вред»¹². А.Н. Щеглов даже решил, что князь Никола, сообщив о деталях дела, подтвердил свою репутацию надежного партнера, который «может служить иногда в руках императорского правительства полезным регулятором своевольных порывов славянских господарей»¹³. Он с большим удовольствием помог князю составить письмо с отказом, адресованное королю Петру. Однако коллеги Щеглова сомневались в том, что провал неудобного для России проекта был подтверждением преданности черногорского монарха. Чрезвычайный и полномочный посол в Вене П.А. Капнист трезво проанализировал ситуацию 1903–1904 гг. и пришел к выводу, что не Россия направляла ход событий. Он справедливо считал, что нельзя недооценивать тех манипуляций, которые приносят князю Николе политические и материальные дивиденды. Руками российских покровителей он расстроил подписание нежелательного договора и, заодно, еще раз продемонстрировал свое показное русофильство. «Может быть, князь имел в виду ловко заручиться посредством своего отказа нашим особым благорасположением и таким образом приобрести преимущества перед Сербией на наше покровительство в случае раздела или политического переворота»¹⁴, — предполагал П.А. Капнист и оказался прав. В дальнейшем князь Никола сумел извлечь максимальную выгоду из своей показной преданности, получая от России все новые и новые субсидии и добиваясь списания своих астрономических долгов.

1904–1910 гг. были очень сложными и для России, и для Черногории. Российская империя ввязалась в войну с Японией и бесславно ее закончила, потеряв не только арендованный Ляодунский полуостров, но и собственные земли (Южный Сахалин). Черногория настолько запуталась во внешних долгах, что в любую минуту могла оказаться под внешним управлением. В обеих странах произошли крупные политические перемены, были введены конституции, появились парламенты и политические партии. Российская империя благодаря высоким темпам промышленного роста и неисчерпаемым ресурсам смогла преодолеть последствия революционных потрясений и вступила в период стабилизации. Черногорская монархия не

смогла решить внутренних проблем, главной из которых была чудовищная бедность народа. Оппозиция вела непримиримую борьбу с авторитарным режимом Николы. Не имея возможности обличать власти на родине, многие антагонисты династии Петровичей-Негошей нашли прибежище в Белграде, где издавали острые политические памфлеты против черногорского двора и резко критиковали правительство своей страны в сербских, особенно белградских газетах. Князь Никола был убежден, что такая непримиримая оппозиция появилась в результате интриг сербской политической элиты, а не его собственных просчетов. Любые обвинения в адрес черногорских правителей в Цетинье считали белградским «продуктом».

На этом фоне в 1908 г. случилась так называемая «бомбовая афера», когда члены малочисленных, но непримиримых революционных черногорских организаций решили везти в княжество взрывные устройства и использовать их против властей¹⁵. Заговорщики были схвачены, начался политический процесс, на котором сенсационные показания дал некий Джордже Настич. Это был человек с весьма сомнительной репутацией, подмоченной прочными связями с австрийскими спецслужбами. На суде Настич заявил, что организатором террористического акта против Николы и его сыновей был сербский престолонаследник, и король Петр был в курсе этого заговора. Официальный Белград не только опровергал такие провокационные высказывания, но требовал извинений на самом высоком уровне. Сербская пресса, и раньше не жаловавшая черногорский двор, выступила дружным фронтом с прямо противоположной версией случившегося. Газеты королевства твердили, что вся эта политическая авантюра была придумана князем Николой, чтобы иметь возможность самыми жестокими способами уничтожить черногорскую политическую оппозицию. Втянувшись в конфронтацию, отозвав своих дипломатических представителей, обмениваясь серьезными взаимными обвинениями, доходившими иногда до абсурда, оба правительства не отрицали, что имеют дело с подрывной деятельностью Австро-Венгрии, а Н. Пашич утверждал, что располагает на этот счет достоверными доказательствами.

Российское министерство иностранных дел неустанно хлопотало о прекращении взаимных нападков и усердно трудилось над тем, чтобы помирить поссорившихся балканских «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича». Все, начиная с министра А.П. Извольского и кончая русскими представителями в Белграде и Цетинье, энергично искали выход из создавшегося тупика. Велась оживленная переписка, щедро раздавались дружеские и тактичные рекомендации. Видя такую заинтересованность Петербурга, оппоненты впадали в еще большее раздражение и азарт. Сербь требовали отставки председателя черногорского правительства Л. Томановича. Черногорцы настаивали на выдворении из Сербии всех беглых политиков и прекращении газетной войны. Наконец, русские дипломаты утомились. Поверенный в делах в Белграде Б.Н. Евреинов в августе 1908 г. предложил начальству оставить все как есть и больше не вмешиваться в сербско-черногорский скандал. Пришло, наконец, осознание того, что внимание России – это те дрожжи, на которых пышно поднималось тесто балканских дрызг. Если не вмешиваться в эту склоку и тем самым не поддерживать ее, она сама быстро утихнет.

Действительно, политическая вражда мгновенно улетучилась, стоило 7 октября 1908 г. Австро-Венгрии объявить об аннексии Боснии и Герцеговины. Уже 12 октября в Цетинье прибыл сербский посланник с меморандумом. Речь в нем шла о совместных дипломатических действиях Сербии и Черногории против Габсбургов, о компенсациях, на которых будут настаивать князь Никола и король Петр в связи с аннексией. Черногорский правитель очень быстро согласился с предложениями сербской стороны и спешно отправил в Белград бригадира Янко Вукотича для дальнейших консультаций. Когда австрийская полиция на несколько часов задержала Вукотича на границе, в Белграде, как по взмаху волшебной палочки, ментально были организованы многолюдные антиавстрийские демонстрации. В столице Сербии посланцу черногорского князя оказали торжественный, если не сказать восторженный, прием. Однако как только аннексионный кризис ушел в прошлое, сербско-черногорские отношения вернулись в исходную точку,

противостояние возобновилось. В 1909 г. имела место попытка военного антиправительственного выступления в черногорском городке Колашин. Снова начались аресты, опять был организован политический процесс, итогом которого стала казнь пятерых оппозиционеров. Жестокие меры черногорского двора стали поводом к массовым акциям протеста в Белграде. Демонстрации в Сербии вызвали ярость князя Николы, который теперь в свою очередь требовал отставки Н. Пашича, ссылаясь на анонимное письмо, в котором сообщалось о намерении убить самого господаря, его сыновей и внука, а также самых значимых сановников Черногории. От таких резких скачков в двусторонних отношениях, от неуправляемых дипломатических качелей у российских дипломатов, работавших в Цетинье и Белграде, темнело в глазах. Никак не удавалось успокоить разбушевавшихся балканских руководителей, хотя у всех втянутых в конфликт сторон были весомые доказательства того, что появление упомянутых анонимок и прочие провокации были проделками австрийской внешней разведки.

Ярким эпизодом в истории черногорско-сербского династического противостояния стало провозглашение в августе 1910 г. князя Николы королем. Так патриарх балканской политики отметил свой пятидесятилетний юбилей пребывания на престоле. Повышение статуса самого правителя и его страны замыслилось как демонстрация единства монархии и народа. В Белграде это политическое действие воспринималось иначе: «Здесь очевидно, что возведение княжества в степень королевства есть лишь новый шаг по пути столь вредного для всего славянства соревнования династий Негошей и Карагеоргиевичей», — сообщал руководству поверенный в делах в Сербии В. Муравьев¹⁶. Казалось, надежды на примирение и сотрудничество больше нет. И вдруг ситуация в корне изменилась, причем очень быстро, когда в 1911 г. началось восстание албанских племен против турецкого султана в Старой Сербии и на границе с Черногорией. Как и в 1908 г., споры и разногласия были забыты в один миг. Новоиспеченный король Никола начал тайные переговоры с Белградом о совместных действиях против турок, если дело дойдет до войны. Тем самым черногорский монарх

нарушил взятые на себя обязательства по отношению к России. В 1910 г. была подписана российско-черногорская конвенция, в которой было записано: «Королевское правительство обязуется не предпринимать своей армией никаких наступательных операций без предварительного соглашения с императорским правительством и не заключать военных соглашений ни с каким другим государством без согласия его императорского величества»¹⁷. Но как только на горизонте возникла хоть и призрачная, но все же надежда на увеличение черногорской территории за счет Османской империи, все данные России обещания, были забыты. Весной 1911 г. сотрудники российской миссии в Цетинье сообщали начальству, что сербы и черногорцы решили воевать, несмотря на возражения России.

В Балканских войнах 1912–1913 гг. и в Первой мировой войне две монархии пытались вместе победить общих врагов в лице Австро-Венгрии и Турции, но застарелая вражда постоянно напоминала о себе. В сентябре 1912 г. между Черногорией и Сербией была подписана военная конвенция, в соответствии с которой стороны обязались вместе обороняться от нападения Австро-Венгрии (ст. 1) и вести наступательные операции против Османской империи (ст. 2). Были определены географические координаты и области, в направлении которых должна была продвигаться черногорская армия (ст. 3,4,5). Подчеркивалась необходимость согласовывать оперативные планы по ходу военных действий (ст. 6). Срок конвенции составлял три года, значит, она не потеряла силы и в начале Первой мировой войны¹⁸. В действительности, картина боевого «сотрудничества» двух славянских армий была далека от принципов конвенции: несогласованность наступательных операций, неумение вовремя прийти на помощь друг другу, нежелание следовать заранее составленным военным планам помешали союзникам добиться сколько-нибудь значительного успеха. Не помогло укреплению духа единства даже то обстоятельство, что во главе черногорской армии в годы Первой мировой войны были сербские полководцы: Божидар Янкович стал начальником Верховного главнокомандования черногорской армии, его ближайшим помощником был Петар Пешич. Король Никола, вопреки

взятым на себя обязательствам, отдавал приказы черногорским воинским подразделениям, зачастую не поставив в известность сербских генералов. Это и стало причиной отставки Б. Янковича в разгар военных действий. В 1915–1916 гг. такое положение дел на фронтах самым пагубным образом сказалось на судьбе и Черногории, и Сербии. Обе потерпели сокрушительное поражение и были оккупированы австрийскими войсками.

Подводя итог рассмотрению вопроса о том, как проявлялись в двусторонних отношениях «дух единства» и «дух раздора», приходится констатировать, что негативные тенденции в официальных контактах чаще брали верх. Несмотря на то, что сербский и черногорский народы были дружески расположены друг к другу и настроены на взаимопомощь, их элиты не разделяли подобных настроений. Напротив, постоянное соперничество двух династий, желание оттеснить конкурента на задний план политической сцены и привлечь внимание великих держав к себе в ущерб соседу серьезно затруднили достижение внутри- и внешнеполитических целей обеих стран. Во внутренней политике противостояние элит способствовало обострению общественных противоречий, жесткой полемике и взаимным обвинениям, отказу от разумных компромиссов. Во внешней политике враждебность монархов мешала выступать согласованно против тех держав, которые препятствовали полному освобождению и процветанию югославянских народов Балканского полуострова.

Своего рода историческим наказанием за такую деструктивную позицию были трагическое поражение в Первой мировой войне, оккупация, потеря народного доверия. Королевство сербов, хорватов и словенцев, появившееся после окончания войны, к сожалению, во многом унаследовало политическую традицию «раздора».

Примечания

¹ История Югославии. Т. I. М., 1963; *Хитрова Н.И.* Россия и Черногория. Русско-черногорские отношения и общественно-политическое развитие Черногории в 1878–1908 гг. Т. I–II. М., 1993; *Искендеров П.А.* Сербия, Россия и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013; *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968; *он же.* Великие державы и Балканы накануне первой

мировой войны. М., 1985; *Ражнатовић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије у XIX вијеку // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 73–88; *Ракочевић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије 1903–1918. Цетиње, 1981; *он же.* Црна Гора и Аустро-Угарска 1903–1914. Титоград, 1983 и др.

² АВПРИ. Ф. Политически архив (далеко – ПА). Оп. 482. Д. 3363.

³ Там же. Д. 1524. Л. 30.

⁴ Там же. Д. 3363. Л. 149 об.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Књаз Никола Краљу Александру. 1902 // Записи. 1936. Књ. XVI. Октобар. С. 232–235.

⁷ Архивско Одељење Народног Музеја Црне Горе. Ф. Приновљени рукописи. 1903. Фас. IIA.

⁸ *Вуковић Г.* Мемоари. Одломак из дипломатских односа с Русијом. Т. 1. Цетиње-Титоград, 1985. С. 92.

⁹ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3363. Л. 61.

¹⁰ Король Петр был на три года моложе Николы.

¹¹ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3363. Л. 24 об.

¹² Там же. Л. 46.

¹³ Там же. Л. 36.

¹⁴ Там же. Л. 41.

¹⁵ *Хлебникова В.Б.* Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016.

¹⁶ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3363. Л. 234.

¹⁷ *Перазих Г., Распоповић Р.* Међународни уговори Црне Горе 1878–1918. Зборник докумената са коментаром. Подгорица, 1992. С. 624–628.

¹⁸ Там же. С. 675–677.

Петр Ахмедович ИСКЕНДЕРОВ

Албания, Сербия и Россия: осень 1913-го...*

Изучение истории Албании в нашей стране традиционно испытывает источниковый дефицит. Тем большее значение приобретают неопубликованные дипломатические документы, хранящиеся в российских архивах — в первую очередь, в Архиве внешней политики Российской империи. Они позволяют по-новому взглянуть на ключевые периоды албанской истории — в том числе относящиеся к периоду формирования государства в начале XX в.

Осень 1913 г. стала одним из самых сложных периодов в истории становления албанской государственности. Нерешенность вопросов территориального разграничения с Сербией и Грецией, отсутствие в стране международно-признанной власти, контролирующей всю ее территорию, своекорыстные интересы великих держав и общее ухудшение международных отношений в Европе превращали Албанию в очаг перманентных конфликтов и противоречий. В сложившейся ситуации многое зависело от позиции и шагов России и, в частности, ее представителя в Международной контрольной комиссии в Албании, генерального консула во Влере Александра Михайловича Петряева (1875—1933). Данная комиссия была создана в конце 1912 г. согласно решению Лондонского совещания послов великих держав. В ее состав вошли представители от России, Англии, Франции, Австро-Венгрии, Германии и Италии.

Петряев был вынужден действовать в буквальном смысле на линии сербо-албанских противоречий — учитывая интере-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта «Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан», № 14-01-00264.

сы традиционной российской союзницы и одновременно содействуя становлению Албанского государства. Тем более, что для Сербии албанский вопрос оставался одним из ключевых внешнеполитических приоритетов, и правительство премьер-министра Николы Пашича стремилось развернуть вектор международных усилий по решению албанской проблемы в нужном для себя направлении.

В ответ на очередное обращение Белграда к великим державам с изложением собственного видения путей нормализации обстановки в Албании и, в частности, предотвращения нападений албанских вооруженных отрядов на Сербию министерство иностранных дел России запросило компетентное мнение своего главного специалиста в албанских делах, коим, безусловно, в то время являлся Петряев. В депеше в МИД от 7 ноября 1913 г. российский дипломат подчеркнул, что предлагаемая сербской стороной в качестве первоначальной меры международная оккупация Албании представляет собой чрезвычайно сложную и на деле трудновыполнимую задачу, и что державы могут решиться на осуществление подобной операции «в самом крайнем случае, и не столько для ограждения сербской границы, сколько по соображениям “высшей политики”»¹. При этом, по оценкам Петряева, оккупация реально достижима лишь в узкой прибрежной полосе албанской территории, и в связи с этим она не принесет Сербии никаких выгод.

Организация администрации и жандармерии, по мнению Петряева, является действенным средством установления порядка в пограничных с Сербией албанских областях, но фактически едва ли возможно в ближайшем будущем надеяться на установление прочной власти среди албанских племен, проживающих в труднодоступных горных местностях, прилегающих к новой сербской границе.

В силу указанных топографических и этнографических особенностей Албании, установление в ней политической стабильности и нейтрализация многочисленных вооруженных группировок, по мнению консула, могут начаться лишь от адриатического побережья и распространяться в глубь страны исключительно медленными темпами и в конечном итоге займут

несколько лет, несмотря на все усилия Контрольной комиссии и иностранных инструкторов жандармского корпуса.

По мнению Петряева, в данных условиях сербское правительство должно само предпринять необходимые усилия для нормализации сербо-албанских отношений и поставить дело охраны своих границ на сугубо практическую почву. Петряев считал, что Сербия должна извлечь для себя уроки из того обстоятельства, что последнее восстание албанцев было во многом подготовлено извне при помощи специально направленных к албанцам профессиональных агитаторов и выделенных им значительных денежных средств. В связи с этим сербское правительство могло бы немедленно попытаться установить доброжелательные отношения с приграничными албанскими племенами. В этих целях ему необходимо вступить в тайные сношения с влиятельными албанскими байрактами (руководителями албанских отрядов) и за известную плату поручить им охрану сербо-албанской границы. По словам российского представителя, этот метод уже был опробован в находившихся под турецкой властью областях Старой Сербии для обеспечения охраны монастырей и сел и принес там успешные результаты. Что же касается предъявления сербской стороной денежных претензий, то, по мнению Петряева, белградское правительство могло бы немедленно оговорить для себя данное право, передав впоследствии указанный вопрос на рассмотрение созданного в 1899 г. Международного суда в Гааге, как только в Албании будет образовано единое и признанное европейскими державами правительство².

Пока же говорить о наличии в Албании подобного правительства явно не приходилось. Приступая к работе, Международная контрольная комиссия «констатировала существование нескольких “локальных властей”»: временное правительство во главе с Исмаилом Кемали во Влере (Валоне. — *П. И.*); правительство «Сената Центральной Албании» во главе с генералом Эссад-пашой Топтани; Шкодер, управляемый международными оккупационными властями под командованием британского полковника Дж.Филлипса; горные районы Великая Мальсия и Мирдита на севере, жившие по «законам гор»; никому не под-

чинявшиеся “автономные администрации” Лежи и Шенгина; занятые греками южные районы»³.

25 октября 1913 г. Петряев изложил в отдельной депеше из Влеры ситуацию, сложившуюся в это время в Албании, и обрисовал усилия Австро-Венгрии и Италии, направленные на укрепление в ней собственных позиций. По его данным, «временное правительство, председательствуемое здесь Измаил Кемаль Беем (Исмаил Кемали. — *П. И.*), поспешило до прибытия Контрольной комиссии в Валону раздать разные концессии австрийским и итальянским предпринимателям.

На открытие Албанского банка, с приданием ему характера государственного учреждения, выдана концессия австро-итальянской группе, дающей в равных долях около 20.000.000 франков. Соответствующее обязательство было подписано Измаил Кемаль Беем в Вене около шести месяцев тому назад. Последние же формальности были выполнены позже, накануне прибытия европейских делегатов. Финансовые группы, подписавшие это соглашение, выговорили себе право окончательного утверждения его в течение трех месяцев.

Вторая концессия выдана на производство изысканий по проложению железнодорожного пути от Скутари через Эльбасан на Валону.

Техническая комиссия, состоящая из австрийских и итальянских инженеров, уже выехала из Валоны.

Затем временное правительство, по-видимому, обещало предоставить австрийским предпринимателям преимущественное право на открытие и оборудование в Валоне албанской государственной типографии, некоторые машины для которой уже доставлены из Триеста. Четвертая концессия на проложение электрического трамвая от Валонской бухты до города, на протяжении приблизительно 4 километров, отдана итальянцам»⁴.

«Если не считать этой последней концессии, имеющей местный характер, — продолжал Петряев, — три остальные затрагивают жизненные интересы Албании, имеют громадное политическое значение и ставят Австрию и Италию в особое преимущественное положение. Не говоря уже о Банке, который

будет держать в своих руках всю экономическую и финансовую жизнь страны, будущая государственная типография несомненно получит право выпуска марок, денежных знаков и государственных бумаг.

Главная роль в раздаче всех этих концессий принадлежит Кемалю Бюю. Когда вопрос этот обсуждался в здешнем Совете министров, то некоторые члены кабинета отказались дать свои подписи.

Известие о выдаче концессий австрийцам и итальянцам вызвало взрыв негодования в большей части населения. Во многих местах были устроены митинги протеста. В письменных и словесных жалобах на Измаил Кемаль Бюя, поступающих в Комиссию, одним из главных пунктов обвинения стоит вопрос о незаконной выдаче концессий иностранцам.

Французский, английский делегаты и я, — писал Петряев, — согласно полученным нами инструкциям, предполагаем поднять в Комиссии вопрос о признании всех этих обязательств. Надо думать, что мы встретим очень сильную оппозицию со стороны австрийского и итальянского делегатов. Когда на одном из заседаний Комиссии (протокол № 3) Краевский (представитель Франции в Комиссии. — *П. И.*) заявил о том, что французское общество «Эрсан э Менье» представило ходатайство о предоставлении ему концессии на устройство портов в Валоне и Санти-Кваранта и подъездных к ним путей и просил о занесении этого обстоятельства в протокол, то гг. Леони и Петрович (представители Италии и Австро-Венгрии. — *П. И.*) были очень встревожены этим заявлением и пытались как бы устранить Комиссию от касательства к делам этого рода. Однако, вопрос по существу не обсуждался.

Мне кажется, — продолжал Петряев, — что концессии в Албании должны быть разделены на два рода — общегосударственного значения, как Банк, типография, и коммерческого характера, как постройка трамваев, дорог, оборудование портов и т. п. Первого рода концессии должны быть интернационализированы с предоставлением каждой великой державе соответствующей доли, а второго рода концессии должны лишь подлежать контролю Комиссии»⁵.

Тема особых отношений Исмаила Кемали с Веной и Римом получила свое дальнейшее развитие. 8 ноября 1913 г. Петряев сообщил из Влеры в МИД нижеследующее:

«Кроме тех более или менее официальных сношений, которые по разным делам Контрольная комиссия установила с председателем временного валонского правительства, австрийский и итальянский делегаты постоянно ведут с ним частные переговоры от имени своих правительств, в целях обеспечения за ними разных особых прав и привилегий.

Из моих предыдущих донесений... уже известно о концессиях, предоставленных валонским правительством итальянским и австрийским предпринимателям.

На днях до сведения английского делегата дошло, что итальянское правительство по соглашению с австрийским вступило в негласные переговоры с Измаил Кемаль Беем о приглашении им на службу австрийских и итальянских советников для устройства и упорядочения различных отраслей администрации и юстиции.

Посетив частным образом председателя валонского правительства, гг. Ламб (представитель Германии в Международной контрольной комиссии. — *П. И.*), Краевский и я запросили его по этому поводу»⁶.

Ответ Исмаила Кемали заслуживает того, чтобы изложить его теми же словами, какие прочли на Певческом мосту после получения депеши Петряева от 8 ноября 1913 г.:

«Измаил Кемаль Бей очень смутился, стал давать сбивчивые объяснения и, наконец, на наше категорическое заявление о недопустимости каких-либо соглашений по этим вопросам помимо Комиссии сказал нам приблизительно следующее:

Я очень рад, что мне, наконец, представляется случай говорить совершенно откровенно с представителями держав Тройственного согласия и убедиться в том, что Европа не желает оставить албанцев под исключительную опекою Австрии и Италии. Меня обвиняют и подозревают в каких-то особых корыстных симпатиях к этим двум державам. Но ведь Европа только последнее время проявила интерес к Албании, а до этого нам не оставалось ничего другого, как только сговариваться и

устраиваться с глаза на глаз с двумя сильными и наиболее заинтересованными в албанских делах державами Тройственного союза. Для нас, албанцев, вне всякого сомнения, эта опека, равносильная политическому и экономическому порабощению, очень тяжела, и мы счастливы от нее освободиться и передать все дело возрождения Албании в руки всей Европы. В вопросе о советниках действительно Австрия и Италия настаивают предомно, чтобы я негласным образом обратился к ним с просьбой о присылке соответствующих лиц. Отныне я прекращу все переговоры по этому поводу и передам все дело на рассмотрение и решение Контрольной комиссии.

Мы подтвердили ему, — продолжал Петряев, — что самый факт введения в Албании европейского контроля ставит ее под опеку всех держав и налагает на ее временных правителей обязательство избегать каких-либо сепаратных соглашений по делам, касающимся преобразования этой страны.

Коснувшись вопроса об уже выданных концессиях, мы выразили Измаил Кемалю сожаление по поводу поспешности, с какою эти концессии, накануне приезда Контрольной комиссии, были предоставлены австро-итальянским предпринимателям, и указали ему, что это обстоятельство в значительной степени подорвало его нравственный авторитет в глазах албанского населения и скомпрометировало в мнении Европы.

Оправдываясь тем, что он был вынужден к этому силою вещей, председатель Временного правительства обещал дать нам подлинный текст соглашения об устройстве Албанского Национального Банка, а также текст первоначальных австро-итальянских предложений, из сопоставления коих якобы видно, что ему удалось в этом деле отстоять интересы Албании как независимого государства.

В заключение нашей продолжительной беседы Измаил Кемаль Бей просил нас приложить все усилия вывести из тяжелого и трудного положения страну, раздираемую анархией и почти поделенную между Италией и Австрией»⁷.

Первое заседание Международной контрольной комиссии состоялось 16 октября 1913 г. Сообщая о нем в Петербург, Петряев указывал: «Обсуждали вопрос о выборе албанского

делегата, предусмотренного Лондонскими постановлениями. Разногласие обнаружилось относительно способа его избрания. Австрийский и итальянский представители настаивали на предоставлении права выбора Временному правительству в Валоне, прочие делегаты — на необходимости придать этому делу общеалбанский характер и снести с... властями в Скутари (Шкодер. — *П. И.*) и Дураццо (Дуррес. — *П. И.*) как центров северной и средней Албании»⁸.

Другой албанский лидер, Эссад-паша, оперативно отреагировал на начало дискуссий в рамках Международной контрольной комиссии. Как сообщал 19 октября Петряев, «Эссад по телеграфу предупредил, что он не будет признавать делегата, избранного валонским правительством. По поручению своих правительств австрийский и итальянский делегаты подняли вопрос о примирении Эссада с Измаилом, но Комиссия отклонила от себя эту неблагодарную и почти неразрешимую задачу. На мой взгляд, практическим исходом из создавшегося положения было бы побудить того и другого выйти в отставку и распустить временные правительства, сделавшиеся излишними с прибытием Комиссии, которая может назначить, по примеру Скутари, губернаторов в Дураццо и Валлону (Влера. — *П. И.*). Мой французский коллега разделяет этот взгляд. Другие готовы по-видимому отнестись к нему сочувственно»⁹.

«Раскаленные» взаимоотношения Эссад-паши и Исмаила Кемали как двух наиболее влиятельных албанских лидеров, придерживавшихся диаметрально противоположных взглядов по многим вопросам обустройства Албании, в том числе по принципам и характеру взаимоотношений с Сербией, закономерно заняли одно из центральных мест в деятельности Международной контрольной комиссии. За какую бы проблему ни брались дипломаты, перед ними неизменно вставали противоречия между этими без преувеличения выдающимися албанскими деятелями своего времени. И если Исмаил Кемали благодаря своим связям с австрийцами и итальянцами был достаточно стоворчивым, то ведущий даже не двойную, а тройную игру Эссад-паша Топтани выглядел настоящим восточным военным и государственным деятелем — корыстным, непредсказуемым и

изошренным... «Австрийский и итальянский делегаты делают частные попытки примирить Эссада с Измаилом, который будто бы готов перенести резиденцию Временного правительства в другое, более нейтральное место, как того требовал несколько времени тому назад Эссад, — телеграфировал в Петербург 20 октября 1913 г. Петряев. — Еще не выяснено, удовольствуется ли последний этой уступкой теперь, после формирования им особого правительства в Дураццо»¹⁰.

Выражая готовность к уступкам по одним вопросам, Исмаил Кемали с еще большим энтузиазмом спорил с международными дипломатами по другим поводам. В частности, «камнем преткновения» стало назначение европейцами губернатора в Шкодере. По свидетельству Петряева, «в беседе с одним из коллег Исмаил Кемаль заявил между прочим, что вопрос о назначении губернаторов подлежит решению не Комиссии, а Временного правительства, которое в крайнем случае готово сговориться с ней по этому делу»¹¹. «Из этого видно, что Комиссии необходимо как можно скорее определить свое положение среди нескольких правительств, существующих в Албании, на что я обратил внимание коллег, иначе мы рискуем только увеличить анархию», — справедливо заключил российский дипломат¹².

Однако австрийцы и итальянцы не собирались отказывать в поддержке правительству во Влере и приравнивать его к другим аналогичным институтам — к чему, по сути, призывал российский дипломат, явно не питавший особых симпатий к Исмаилу Кемали. По сообщению Петряева от 23 октября 1913 г., очередное (пятое по счету) заседание Международной контрольной комиссии было напрямую посвящено ее взаимоотношениям с кабинетом Кемали: «Обсуждался вопрос об отношении Комиссии к Временному правительству. Австрийский и итальянский делегаты старались заручиться хотя бы косвенным согласием Комиссии на признание авторитета Исмаил Кемаль бея обязательным для всей Албании.

После подавления албанского восстания, вспыхнувшего осенью 1913 г. в присоединенных к Сербии областях, сербские военные власти приняли по отношению к его участникам жест-

кие меры. Это вынудило многих жителей Охрида, Дибры (Дебар. — П. И.) и Люмы спешно покинуть места своего проживания и искать спасения во внутренних и прибрежных районах Албании, в частности, в городах Эльбасан, Тирана и Дуррес, куда уже фактически пришла зима. Общее число беженцев из Сербии достигло 40.000 человек. Среди них, наряду с мусульманами, находились и лица христианского вероисповедания, главным образом, болгары из Охрида и Струги, но они составляли незначительное меньшинство¹³. В секретной телеграмме Петряева, отправленной 21 октября, сообщалось о том, что в тот же день его посетила «делегация албанцев из Охрида, Дибры, Струги и Приштины», которые «умоляли о заступничестве России против жестокостей сербов в занятых ими местностях. По их словам, экзекуции производятся массами без разбора пола и возраста. Депутаты выразили уверенность, что только воздействие России на Сербию может остановить эти ужасы. По имеющимся здесь сведениям, в разных городах Албании действительно теперь находятся несколько десятков тысяч беженцев из пограничных областей»¹⁴.

В сложившейся ситуации Эссад-паша обратился с телеграфным запросом к членам Контрольной комиссии с настоятельной просьбой об оказании им срочной материальной помощи. Тем не менее, данный вопрос, вследствие отсутствия у Комиссии денежных средств, не получил никакого разрешения в рамках указанного органа. Тем временем, австро-венгерский и итальянский делегаты в Комиссии сообщили о выделении их правительствами по 10.000 франков для раздачи беженцам, которые прибыли в Дуррес. Данная операция осуществлялась через Эссад-пашу под контролем австро-венгерского и итальянского консулов в данном городе. Наряду с этим, австро-венгерское правительство направило в Дуррес и Тирану специальную миссию Красного Креста с полным материально-техническим оборудованием для организации передвижного военно-полевого лазарета. Во главе этой миссии, имевшей военно-медицинский характер, был поставлен полковой врач из военного госпиталя в городе Перемышль (Восточная Галиция) Л. Поппер, при котором состояли два других врача из военных

госпиталей Вены и Линца. С ними отправились 10 сестер милосердия, 3 унтер-офицера и 10 солдат санитарной службы¹⁵.

Одновременно английское правительство выступило с предложением к другим великим державам принять участие в организации совместного займа в 60.000 фунтов стерлингов «для оказания без замедления помощи нуждающимся албанцам-беженцам через посредство консулов в Скутари совместно с командующим международным отрядом»¹⁶.

В памятной записке от 2 декабря 1913 г., переданной на Певческий мост британским посольством в Петербурге, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества получило достоверные доклады о плачевных бедствиях, испытываемых тысячами беженцев в Албании, и ясно, что без немедленной помощи очень многие из них не смогут пережить зиму. Правительство Его Величества будет готово принять участие совместно с Россией, Францией, Германией, Австрией и Италией (если эти державы изъявят аналогичное желание) в гарантировании займа на общую сумму в шестьдесят тысяч фунтов стерлингов (60.000 ф. ст.), то есть по десять тысяч фунтов (10.000 ф. ст.) на каждую державу, и оно искренне верит, что императорское правительство будет готово гарантировать эквивалентную долю»¹⁷.

4 декабря 1913 г. вопрос об оказании помощи беженцам из областей, вошедших в состав Сербии, обсуждался на заседании Контрольной комиссии. Как сообщал Петряев, «оказание помощи албанским беженцам, число коих доходит до 30.000 человек, признано Комиссией настоятельной необходимостью... Комиссия решила пригласить пока местные правительства в Валоне (Исмаила Кемали. — *П. И.*) и Дураццо (Эссад-паши. — *П. И.*)... в ее распоряжение (часть текста не была расшифрована. — *П. И.*) часть свободной кассовой наличности, всего около 10.000 турецких лир, причем нашла, что лучшим способом оказания помощи были бы не денежные выдачи, но организация общественных работ. Денежное содействие Европы весьма желательно, — писал Петряев, — но я считал бы более практичным не специальный благотворительный, а общий денежный заем на нужды Албании, из которого могла бы быть выделена необходимая сумма на помощь беженцам»¹⁸.

На следующий день, 5 декабря, российский дипломат в своей депеше в Петербург нарисовал более полную картину ситуации, сложившейся вокруг проблемы албанских беженцев:

«Число укрывающихся ныне на албанской территории албанцев и македонцев достигает приблизительно 30.000 человек, из коих громадное большинство мусульмане. Они проживают в Эльбасане, Дураццо и Скутари. По словам недавно посетившего меня корреспондента «Times», положение их ужасное. Они в полном смысле слова осуждены на голодную и холодную смерть. Местные правительства в Дураццо, Валоне, Эльбасане и Скутари, по мере сил, поддерживают их, но находящиеся в их распоряжении средства далеко не достаточны.

Контрольная комиссия получила уже от Эссада Паши, Измаил Кемалья и командующего международным отрядом в Скутари уведомления о том, что у них не хватает средств для спасения от голода такой массы несчастных людей.

Итальянское, австрийское и английское правительства уже пришли на помощь в этом деле, предоставив в распоряжение консулов в Дураццо и Скутари в общей сложности около 30.000 франков. Но эта частичная благотворительность не могла существенным образом изменить положение беженцев.

Контрольная комиссия на нескольких заседаниях обсуждала вопрос, изыскивая способы, коими могла бы быть облегчена их участь. При обмене мнений, мы пришли к заключению, что оказание денежной помощи в розницу не принесет действительной пользы, тем более, что установление контроля за расходованием денег представляет большие затруднения. Нет никакой гарантии в том, что они не попадут попросту в руки обыкновенных разбойников. По мнению Комиссии, самое лучшее было бы организовать на пожертвованные средства общественные работы и соединить таким образом благотворительность с пользой.

Как мы могли заметить, местные автономные правительства относятся к этой идее очень сочувственно. Весь вопрос заключается лишь в средствах. Валонское правительство уже согласилось предоставить в распоряжение Комиссии из имеющейся у нее свободной наличности 2000 турецких лир. Эссад

Паша мог бы дать, по расчетам Комиссии, от 8000 до 10000 турецких лир; ответа от него на наш запрос еще не получено.

Разумеется, этих денег не достаточно и без помощи Европы в этом деле трудно обойтись. Предположение о выдаче Албании на беженцев заимообразно 60000 фунтов стерлингов заслуживает полного сочувствия, но, как я уже позволил себе заметить... специальный благотворительный заем не практичен. Рано или поздно Европе придется вести такие же переговоры об общем займе для Албании, так как на очереди стоят вопросы о содержании князя, организации жандармерии и администрации. Ввиду этого, может быть, было бы целесообразнее поднять теперь же вопрос об общем займе, гарантированном всеми великими державами, а из него могла бы быть уже выделена сумма на оказание помощи беженцам»¹⁹.

Таким образом, британская идея была в принципе поддержана правительством России, которое, однако, сообщило кабинетам европейских стран, что, по его мнению, более целесообразным является постановка вопроса об общем албанском займе на насущные потребности Албании как в деле организации жандармерии, так и на покрытие других расходов, в том числе и на помощь беженцам. В связи с этим министр иностранных дел России С.Д.Сазонов предложил одновременно рассмотреть вопрос об участии всех великих держав в организации албанского Национального банка, иначе «при равномерном распределении доли, выпадающей на державы, не будет равномерного распределения их прав и участия в контроле»²⁰.

Контрольная комиссия пыталась координировать усилия по организации помощи албанским беженцам из Сербии, однако ее деятельность осложнялась отсутствием собственных финансовых возможностей. Активнее других в этом отношении действовала Великобритания. 21 декабря на заседании Комиссии ее представитель сообщил о выделении английским правительством 5.000 фунтов стерлингов в счет предложенной Лондоном суммы в 10.000 фунтов, которую каждая из великих держав должна была выделить на гуманитарные нужды. Еще до этого английский комиссар в Албании перевел около 2.000 фунтов стерлингов в Шкодер,

где к тому времени находилось большинство албанских беженцев. Эти деньги были собраны различными частными и благотворительными обществами Великобритании. На том же заседании австрийский делегат поставил своих коллег в известность, что «его правительство тоже готово дать немедленно такой же аванс Албании в 5.000 ф. ст., если все другие державы сделают это»²¹.

А что же местные правительства и в первую очередь «заклятые друзья» Исмаил Кемали и Эссад-паша? Вот, что сообщал в Петербург Петряев:

«Как только Контрольной комиссией были получены еще первые сведения об ужасном положении албанских эмигрантов, — писал дипломат, — она решила объединить в своих руках дело оказания денежной помощи и с этой целью обратилась к правительствам в Валоне и Дураццо, предложив им предоставить в ее распоряжение часть свободной наличности.

Измаил Кемаль Бей сейчас же согласился перевести на имя Комиссии две тысячи турецких лир, а Эссад Паша, после некоторых пререканий и оговорок, выдал сумму в три тысячи пятисот турецких лир, хотя у него испрашивалось семь тысяч турецких лир»²².

Примечательная оговорка российского дипломата, лишней раз свидетельствующая о той антипатии, которую междунациональные дипломаты испытывали к Эссад-паше, даже по сравнению с не столь уж любимым ими Исмаилом Кемали! Но вернемся к депеше Петряева...

«Он (Эссад-паша. — *П. И.*) главным образом опасался, как бы потребованные у него деньги не были истрачены в Валонском округе, управляемом его врагом — Измаилом Кемалем Беем.

Комиссия перевела часть этого благотворительного фонда в Скутари, где с ее согласия он расходуется полковником Филиппсом на содержание голодающих албанских семейств. Приступить к организации общественных работ (что ранее предлагал Петряев. — *П. И.*) возможно будет только тогда, когда Комиссия будет располагать более определенными и крупными средствами»²³.

Инструкция, отправленная министром иностранных дел России С.Д. Сазоновым российским послам в Париже и Лондоне 25 декабря 1913 г., была преисполнена тревоги за сложившуюся в Албании ситуацию, особенно в свете политики Вены и Рима. Министр напомнил, что «делегаты держав в Контрольной комиссии неоднократно уже возбуждали перед своими правительствами ходатайства об ассигновании или гарантировании более или менее значительных сумм на разные расходы, связанные с организацией Албании. К числу таковых принадлежат: пособие албанским беженцам из занятых Сербией территорий, расходы самой Комиссии, расходы на организацию жандармерии и, наконец, испрашиваемая ныне делегатами гарантия займа в 4000 фунтов стерлингов для города Скутари. Кроме этих, сравнительно небольших, сумм возникает вопрос об обеспечении материального положения будущего албанского князя путем ассигнования ему гражданского листа и, главным образом, об организации всей финансовой жизни страны учреждением Национального банка»²⁴. «Нельзя не предвидеть возможности, — продолжал Сазонов, — обнаружения Контрольной комиссией в течение ее дальнейших работ и новых, требующих удовлетворения, потребностей. Мы не можем, однако, признать такого рода способ работы нормальным, как вследствие отсутствия в нем всякой системы, так и ввиду затруднительности для держав с бюджетной точки зрения постоянного испрашивания кредитов на отдельные нужды Албании, лишаящего главу финансового ведомства возможности судить об общих размерах предстоящих на организацию этой страны затрат.

Эти соображения побудили меня высказаться в телеграмме от 9 сего декабря (22 декабря по новому стилю. — *П. И.*)... за необходимость установления Контрольной комиссией суммы общего албанского займа, предназначенного на покрытие всех нужд государства. Необходимость эта обнаруживается ныне самым ярким образом ввиду замыслов Австро-Венгрии в вопросе об албанском банке... Акт концессии на означенный банк... отдает в руки австро-итальянских финансистов всю экономическую жизнь страны. Подобная постановка вопроса представляется, конечно, совершенно недопустимой и в корне проти-

воречащей как букве, так и духу выработанных совещанием послов в Лондоне принципов организации Албании.

Я считаю поэтому необходимым, ввиду категорического предписания, данного австро-венгерским правительством его делегату в Контрольной комиссии, уклоняться от обсуждения вопроса об албанском банке и неизбежности, вследствие этого, возникновения острого и неразрешимого противоречия между делегатами двух групп держав, в случае возбуждения самой Комиссией вопросов, касающихся финансовой организации Албании, чтобы ныне же было приступлено к обмену мнений между кабинетами касательно определения суммы общего албанского займа в связи с учреждением национального банка, при неперменном условии равномерного участия всех держав в управлении оным, в соответствии с параграфом четвертым Лондонских постановлений...

Покорнейше прошу Вас, — заключал Сазонов, — безотлагательно объяснить в этом смысле с министром иностранных дел (соответственно Франции и Англии. — *П. И.*), обратив его внимание на всю важность достижения возможно скорее полного единения по настоящему вопросу между державами Тройственного Соглашения, дабы предотвратить возможность опасного его обострения»²⁵.

Помимо организации помощи албанским беженцам, российский МИД продолжала занимать и проблема австро-итальянских концессий в Албании, причем, Петербург встретил поддержку со стороны Лондона. Как сообщал 27 декабря 1913 г. российскому министру иностранных дел поверенный в делах в британской столице Эттер, «вполне разделяя Ваш взгляд относительно недопустимости единоличного австрийского или итальянского контроля над финансовой организацией и управлением банком, Кро (представитель Англии в Международной контрольной комиссии. — *П. И.*) уже высказался в этом смысле пред австрийским и итальянским представителями. Он также телеграфировал английскому делегату в Валоне, настаивая на необходимости участия Контрольной комиссии в обсуждении этих вопросов. Австрийская концессия к тому же, по его мнению, не может считаться действительной для всей Албании,

так как дарована лишь Валонским временным правительством. Итальянский посол высказал на днях возможность принятия Австрией и Италией на себя реализации всего албанского займа в случае под... (не расшифровано. — *П. И.*) державами Тройственного соглашения гарантировать ... (не расшифровано. — *П. И.*) 16 миллионов в его личное распоряжение. Кро сомневается в практической выполнимости подобного плана, но считал бы желательным, чтобы Россия, Англия и Франция сговорились относительно их дальнейшего образа действий. Точное отношение к вопросу Франции ему еще не известно. По имеющимся здесь сведениям, гарантированные австро-итальянские условия займа обеспечивают интересы банка всеми доходами страны. Это поставило бы Албанию в полную от них зависимость в случае возникновения непредвиденных событий, особенно возможных до тех пор, пока не упрочится личное положение князя»²⁶.

Отдельного рассмотрения, безусловно, заслуживает создание албанской жандармерии. Эта задача стала для международных представителей едва ли не основной, и уже к концу декабря 1913 г. были достигнуты первые успехи, связанные не в последнюю очередь с обострившимся противостоянием Исмаила Кемали и Эссад-паши. Глава правительства во Влере явно рассчитывал в перспективе использовать подразделения жандармов против нерегулярных формирований своего главного оппонента в борьбе за власть в Албании. Слово А.М. Петряеву:

«Пребывающие теперь в Валоне голландские офицеры энергично приступили к формированию пробного жандармского отряда на случай посылки его в южно-албанские провинции.

Мы имели с ними и председателем Валонского правительства несколько совещаний для установления общих начал организации жандармерии. По мнению полковника де Веера и майора Томсона, набор людей должен теперь производиться на пятимесячный срок по контрактам. Они высчитали, что содержание отряда в тысячу человек, при 30 албанских офицерах, обойдется около 115.000 франков в месяц, считая в том числе и расходы на фураж и лошадей. Вчера здесь были уже расклеены объявления, призывающие охотников записываться в жандар-

мерию, и таким образом набор фактически начался. Ввиду невозможности обзавестись теперь же форменной одеждою для нижних чинов, решено, что они будут носить отличительный знак на рукаве — красную повязку с черной лентой (национальные албанские цвета).

Деньги и оружие дает временное Валонское правительство. 150 жандармов будут присланы из Скутари.

Из 68 находящихся здесь албанских офицеров около 20 человек выразили уже желание поступить на службу, и после тщательного испытания были приняты.

Сегодня полковник де Веер уведомил Контрольную комиссию, что нидерландское правительство разрешило ему и майору Томсону принять временное командование над формируемым отрядом, не предрешая однако вопроса о положении и обязательствах офицеров-инструкторов к албанскому правительству, о чем будут вестись особые переговоры между голландским правительством и великими державами.

Нельзя не признать, что начало организации здесь жандармерии является одним из реформенных мероприятий, имеющих действительно практическую цену. Существовавшие до сих пор кадры жандармов представляли из себя какой-то сброд разбойников под командою известных разбойников вроде Хусни Тоски и Салих Мурада, которые при турецком управлении были приговорены даже к смертной казни за убийства и разбои. На наши замечания председателю правительства, что жандармерия из бывших разбойников не может внушать большого доверия населению, Измаил Кемаль Бей обыкновенно отвечал нам, что он нарочно привлек их на службу, чтобы не давать им возможности образовывать шайки и скрываться в горах, где преследование их было бы вне сил администрации. Голландские офицеры заявили нам, что они не могут руководствоваться такими соображениями местного правительства и постараются составить отряд исключительно из надежных элементов.

Готовность, с которою Измаил бей согласился отпускать необходимые средства на пробную организацию жандармерии в Валоне, объясняется, с одной стороны, тем, что он рассчитывает на нее в случае столкновения с Эссадом пашою, а с другой —

возможная посылка валонского отряда на юг Албании как бы предreshает вопрос о зависимости этих провинций от Валонского правительства»²⁷.

О первых неделях работы Контрольной комиссии позволяет судить депеша Петряева, датированная 29 ноября 1913 г. Сообщенные им факты во многом воссоздают яркую и характерную атмосферу тогдашней Албании:

«Собрания наши происходят 4 раза в неделю пока во временной квартире, предоставленной Комиссии бесплатно одним албанским беом. Отсутствие у Комиссии специальных средств, об отпуске которых мы уже ходатайствовали, препятствует ей обзавестись собственным помещением и штатом служащих, главным образом опытным секретарем, переводчиками и инспекторами, без которых правильное функционирование Комиссии очень затруднительно.

Последние 6 заседаний Комиссии были между прочим посвящены обсуждению следующих вопросов: назначению губернатора в Скутари, ныне задержанному вследствие притязаний австрийцев на установление зоны в 10 километров; улажению территориальных недоразумений между Эссадом пашой и Дедом Цоку, правителями Дураццо и Алессио; ревизии денежных операций Валонского правительства со времени вступления его во власть и рассмотрению разных жалоб на действия Измаила Кемалья бей, причем особенное внимание Комиссия обратила на дело разгрома имения, принадлежащего беям Цакрани, произведенного жандармами.

До сего времени все существующие в Албании правительства дают охотно Комиссии все требуемые ею справки и объяснения.

Измаил Кемаль бей сам даже обратился в Комиссию с просьбой проверить его управление финансами Валонского округа, для чего мы назначили из своей среды комиссию из трех членов, которая на днях представит свой рапорт. Это будет первым крупным шагом в контрольной деятельности Комиссии»²⁸.

В российской печати также начали появляться статьи, в которых делались попытки объективного анализа ситуации в

Албании. Так, в петербургской газете «Речь» 12 декабря 1913 г. была опубликована обширная статья лично познакомившегося с албанскими реалиями журналиста В. Викторова, в которой, в частности, говорилось: «Если коренная реформа социально-экономического строя Албании вырвет из рук беев их исключительные полномочия, если албанское крестьянство познакомится с прелестями работы не на беев, а на самих себя, если коренная извне пришедшая революция модернизирует устои этой страны, то все те положительные качества, которые я видел у албанцев, быстро приведут их к полному национальному самоопределению и обеспечат за ними в будущем самостоятельное национальное существование»²⁹. Однако такие статьи все-таки были исключением для российской прессы, которая в основном отстаивала точку зрения о неспособности албанцев к самостоятельному государственному развитию и поддерживала территориальные претензии сербского правительства.

Впрочем, не стоит слишком уж строго судить российские и вообще европейские средства массовой информации за их неспособность разобраться в албанской действительности и во всей исторической подоплеке сербо-албанских взаимоотношений. Слишком сложной и запутанной была — да и остается сегодня — ситуация в этом уголке Европы, представляющем собой настоящий «перекресток» целых эпох и народов, район их активного взаимовлияния, взаимопроникновения и взаимообогащения — иными словами, именно той «взаимозависимости», которая, по мнению современного турецкого историка С. Бакана, является одним из ключевых факторов понимания динамики развития отношений в мировой политике³⁰.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 15.

² Там же.

³ *Смирнова Н.Д.* История Албании в XX в. М., 2003. С. 60.

⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2113. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 10–11.

⁶ Там же. Л. 12.

⁷ Там же.

- ⁸ Там же. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 5.
- ⁹ Там же. Л. 7.
- ¹⁰ Там же. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Л. 10.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 16.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 19. Л. 11.
- ¹⁵ Там же. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2908. Л. 16.
- ¹⁶ Там же. Д. 2113. Л. 25.
- ¹⁷ Там же. Л. 23.
- ¹⁸ Там же. Л. 27.
- ¹⁹ Там же. Л. 28.
- ²⁰ Там же. Д. 2908. Л. 35.
- ²¹ Там же. Д. 2113. Л. 53.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. Л. 60.
- ²⁵ Там же. Л. 60–61.
- ²⁶ Там же. Л. 66.
- ²⁷ Там же. Л. 52.
- ²⁸ Там же. Л. 22.
- ²⁹ Речь. 12.XII.1913.
- ³⁰ *Bakan S.* Foreign Policy in the Light of Theories // *Diş Politika*. 1–4. Istanbul, 1999. P. 6.

Ольга Игоревна АГАНСОН

«Карфаген должен быть разрушен!»: балканская политика Австро-Венгрии в оценках держав Антанты, 1912–1914 гг.

Эта фраза, позаимствованная французским послом в Вене Альфредом Дюменом у римского сенатора Катона-старшего¹, как нельзя лучше характеризует моноориентированность внешней политики Австро-Венгрии. Только в отличие от римского сенатора, ратовавшего за полное уничтожение главного геополитического соперника республики и установление безраздельного господства Рима в Средиземноморье, правящие круги Дунайской монархии преследовали куда более скромные цели: все их внешнеполитические построения сводились к расправе над малой страной Балканского полуострова – Сербией. Такая феноменальная региональная концентрация внешней политики великой державы, являвшейся неотъемлемым элементом баланса сил в Европе и важной частью существовавшей в начале XX в. системы союзов, становилась предметом детального анализа дипломатов Антанты, а также некоторых представителей гуманитарного сообщества стран Тройственного соглашения, обладавших довольно глубокими познаниями по истории и политике государств Юго-Восточной Европы. Понимание внутривосточных коллизий, разворачивавшихся в Австро-Венгрии, давало ключ к правильной и взвешенной оценке ее позиции на международной арене. Разумеется, комплекс балканских проблем занимал неодинаковое место в шкале внешнеполитических приоритетов России, Великобритании и Франции, что обуславливалось разной степенью их вовлеченности в дела Юго-Восточной Европы. Тем не менее, такое различие

ракурсов позволяет составить более нюансированную картину формирования внешнеполитического курса Австро-Венгрии на Балканах. Рассуждения дипломатов Антанты и экспертов по Юго-Восточной Европе преимущественно вращались вокруг трех ключевых сюжетов: во-первых, это национальная проблематика во внутривнутриполитической жизни Дунайской монархии в целом и югославянский вопрос в частности; во-вторых, соотношение реальных и мнимых угроз для интересов Австро-Венгрии на Балканах; в-третьих, проблема взаимодействия Вены с партнерами по Тройственному союзу (Италия и Германия) в Балканском регионе и возможность военного выступления Монархии против Сербии. Трактовка вышеперечисленных сюжетов лицами, ответственными за принятие внешнеполитических решений в странах Тройственного соглашения в период, непосредственно предшествовавший Июльскому кризису, представляет особенный интерес, ибо она во многом объясняет логику поведения Петербурга, Лондона и Парижа во время напряженнейшего международно-политического кризиса, переросшего в мировую войну летом 1914 г.

В силу набора причин исторического характера, связанных как со спецификой политического развития Юго-Восточной Европы, так и борьбой различных цивилизационных моделей за доминирование на этом пространстве, монархия Габсбургов традиционно присутствовала в северо-западной части Балканского полуострова. Западные авторы отмечали «посреднические» функции Австро-Венгрии в процессе взаимодействия балканских народов с внешним миром и, прежде всего, с Европой. Французский военный аналитик Ж. Нио в конце XIX в. писал о том, что Австро-Венгрия была связующим звеном между Балканами и «европейской цивилизацией»², а известный британский историк-славист Р.У. Сетон-Уотсон, активно поддерживавший борьбу югославян против Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны, в самом начале XX в. указывал на особую миссию многонациональной монархии Габсбургов, призванной распространить на Балканы свет европейской культуры³.

В отличие от других великих держав, обладавших обширными геополитическими интересами, внешнеполитические ам-

бии Австро-Венгрии ограничивались лишь одним регионом: империя Габсбургов увязывала свой великодержавный статус с доминированием на Балканах. Однако усиление Сербии и изменение ее удельного веса в межбалканских взаимодействиях в обозначенный период воспринимались правящими кругами Австро-Венгрии как преграда на пути к достижению гегемонии в Юго-Восточной Европе. Так, существование в регионе государства, стремившегося проводить самостоятельный внешнеполитический курс, а также его национальный состав, который потенциально мог катализировать югославянский ирредентизм в рамках Монархии, вели к тому, что Вена и Будапешт считали Сербское королевство главной угрозой национальной безопасности Австро-Венгрии — как с точки зрения ее балканской стратегии, так и внутривнутриполитической стабильности.

События Боснийского кризиса 1908—1909 гг. превратили югославянский вопрос в ключевую внутри- и внешнеполитическую дилемму Дунайской монархии. Как верно подметил британский историк А.Дж.П. Тэйлор, обращаясь к сюжетам, связанным с аннексией Боснии и Герцеговины, антисербская политика Австро-Венгрии не просто не урегулировала югославянскую проблему, но, напротив, создала ее. Как и в случае с итальянским Пьемонтом, по заключению Тэйлора, агрессивный тон Вены способствовал возвышению позиций Сербии и потере их Австро-Венгрией, которая в начале XX в. обвиняла во всех своих промахах «Пьемонт» югославянский, тем самым опускаясь до уровня столь ненавистного ей малого балканского королевства⁴. Однако сама Вена была склонна рассматривать итоги Боснийского кризиса как несомненный внешнеполитический успех: на страницах кадетской газеты «Речь» цитировались слова австро-венгерского министра иностранных дел А. Эренталя, который утверждал, что обладание Боснией делало империю Габсбургов «балканской державой»⁵. Таким образом, оккупация, а затем аннексия Боснии и Герцеговины отразили стремление Австро-Венгрии закрепить за собой системообразующую роль в Балканском регионе.

Однако гегемонистские замыслы правящей элиты Дунайской монархии приходили в объективное столкновение с

существовавшими балканскими реалиями. Как свидетельствовали крупные международные кризисы последней трети XIX — начала XX вв. (Восточный кризис 1875–1878 гг. и Балканские войны 1912–1913 гг.), ключевым фактором формирования регионального порядка в Юго-Восточной Европе были подъем национально-освободительного движения на территории европейской Турции и стремление малых балканских стран реализовать свои национальные программы. Становление регионального порядка на Балканах, таким образом, сопровождалось отторжением из его организма многонациональной Османской империи. В 1913 г. этот процесс был завершен. Однако вопрос о присутствии в Юго-Восточной Европе другой полиэтничной империи — Австро-Венгрии — так и остался нерешенным.

Разумеется, Дунайской монархии, в отличие от Османской империи, никто категоричных диагнозов не ставил: Австро-Венгрия не являлась неизлечимо «больным человеком Европы». К началу 1914 г. в целом не утратило своей актуальности суждение, высказанное еще в 1906 г. российским публицистом Л.М. Василевским относительно судеб империи Габсбургов: «решить вопрос о том, распадется ли она (Австро-Венгрия. — О.А.) на составные части или пойдет и дальше по пути централизации — дело почти невозможное. Уместнее ставить вопрос так: дряхлеет ли уже Австрия или она еще не соорганизовалась»⁶. Похожая постановка проблемы отличала историко-аналитические исследования специального корреспондента «Таймс» в Вене Г.У. Стида, который указывал на резистентность Австро-Венгрии внутренним и внешним угрозам, на скрытые запасы ее жизненных сил⁷.

Такая осторожность в прогнозах иностранных экспертов обуславливалась тем, что на протяжении долгого времени жизнеспособность и развитие Дунайской монархии определялись слаженной работой целого комплекса политических и социально-экономических институтов, каковыми выступали династия и аристократия, бюрократия и армия, католическая церковь, а также единый внутренний рынок. Однако к началу XX в., ввиду роста национального самосознания и производственных сил народов, населявших Дунайскую монархию, исчерпывал-

ся объединяющий потенциал перечисленных институций⁸. В политической жизни страны на передний план выдвинулись вопросы, связанные с усилением дезинтеграционных тенденций в Австро-Венгрии, которые после Балканских войн в восприятии австро-венгерского руководства начали принимать угрожающий размах. Проблема заключалась не только в том, что сопредельные с Австро-Венгрией Сербия и Румыния расширили свою территорию и упрочили позиции в регионе, хотя это и требовало от Вены поиска ответа на новые внешнеполитические вызовы, но и в том, как сербы, и в целом югославяне, а также румыны, населявшие империю, на это реагировали. Положение усугублялось тем, что отсутствие консенсуса среди правящих кругов Австро-Венгрии по вопросу реформирования государственно-политической структуры полиэтничной империи затрудняло выработку сбалансированной и адекватной политики на Балканах. Эта тесная корреляция внутри- и внешнеполитических сюжетов, собственно, и обуславливавшая драматичность всей ситуации, была точно зафиксирована иностранными наблюдателями. Так, сэр Эйр Кроу, помощник заместителя британского статс-секретаря по иностранным делам, в разгар Первой Балканской войны даже обязал посла в Вене и генерального консула в Будапеште готовить ежемесячные отчеты о местных событиях, указывая на размытость грани между внутренней и внешней политикой Дунайской монархии⁹. Это мнение высокопоставленного чиновника Форин оффис заочно разделял и кн. Н.А. Кудашев, российский поверенный в делах в Вене, ибо, по его словам, «весьма трудно обходить молчанием такие факты, которые в любом другом государстве не заслуживали бы быть отмеченными в дипломатических донесениях»¹⁰. Принципиальным становилось понимание подвижек, происходивших на политической сцене Двуетной монархии, ведь они существенным образом могли сказаться на выработке ее внешнеполитического курса.

Таким образом, острота национальных противоречий, сотрясавших Австро-Венгрию, была весьма распространенной темой для размышлений среди дипломатов и публицистов: система дуализма, языковой вопрос, избирательная реформа

в Транслейтании, итальянский, румынский и югославянский ирредентизмы — эти чисто внутренние перипетии Австро-Венгрии были на слуху у современников. Но даже столь неполный перечень вопросов свидетельствовал о многослойности и многоаспектности национальной проблемы в империи Габсбургов и ее проекции на внешнюю политику страны.

Действительно, национальный вопрос в Австро-Венгрии был тем стержнем, вокруг которого вращалась вся внутренняя и внешняя политика монархии. Если на протяжении большей части XIX в. политическая жизнь государства Габсбургов определялась австро-венгерским антагонизмом, то в начале XX в. актуализировались проблемы, связанные с правами и статусом невенгерских и негерманских народов монархии. Особой остротой и запутанностью отличалась национальная проблема в Транслейтании, где против политики «мадьяризации» с разной степенью интенсивности выступали сербы и хорваты, румыны и словаки. Национальный вопрос в Венгрии, как писал Р.У. Сетон-Уотсон, подготовивший ряд трудов по этой теме, «затрагивает буквально все проблемы Ближнего Востока, и то, каким образом он будет решен, окажет решающее влияние на баланс сил на Балканах»¹¹.

И для иностранных наблюдателей, и для австро-венгерских правящих кругов было очевидно, что перед империей стояла жизненно важная задача, заключающаяся в реорганизации ее политической системы на более современных и рациональных началах. Одним из вариантов модернизации прежней политической конструкции являлась трансформация Австро-Венгрии из Двуетидной монархии в Триветидную, где славяне были бы уравнены в правах с немцами и венграми. Британские дипломаты в своих донесениях довольно подробно описывали подобного рода проекты. Если говорить о «югославянском» аспекте создания Триветидной монархии, то авторы этой идеи, как виделось британскому консулу в Будапеште Гранту Даффу, призывали к формированию югославянского королевства в рамках империи Габсбургов на базе слияния Хорватии-Славонии, Далмации и Истрии, а также Боснии и Герцеговины, что подразумевало выход из состава Венгрии Хорватии-Славонии.

В качестве примера такого замысла Грант Дафф приводил меморандум члена Хорватского сабора Загораца и депутата рейхсрата Сефордича, ссылавшихся на жалованную грамоту Франца Иосифа I от 26 февраля 1861 г., в которой австрийский император отмечал желательность объединения в будущем Далмации с Хорватией-Славонией и «воссоздания древнего королевства Хорватия-Славония-Далмация»¹². В условиях, когда даже в самой Транслейтании венгры не представляли этнического большинства, Будапешт яростно критиковал любые инициативы государственно-административных реформ, могущих в перспективе лишить венгров их привилегированного положения в рамках империи¹³. Так, эрцгерцог Франц Фердинанд, являвшийся сторонником федерализации Австро-Венгрии, был крайне непопулярен среди венгерской знати.

Теоретически Лондон считал сербо-хорватское сотрудничество решающим фактором успешного противостояния югославян жесткой национальной политике венгров. В начале 1912 г. британские консулы в Рагузе (Дубровник) и в Сараево сообщали о совместных демонстрациях сербов и хорватов, осуждавших действия венгерских властей и солидаризировавшихся со своими соплеменниками, проживавшими в Транслейтании. Такие акции, как правило, заканчивались публичным сожжением венгерского флага¹⁴. Тем не менее, конструктивное сербо-хорватское взаимодействие казалось как сотрудникам Форин оффис, так и ученым-славистам весьма неопределенной категорией. Оценивая эффективность упомянутых выше манифестаций, британский консул в Сараево Фримен отмечал, что «они показывают, насколько в южных славянах глубоко укоренена любовь к политике, сколь велик в них энтузиазм, но насколько безнадежно они разделены религией»¹⁵. Еще в 1908 г. Сетон-Уотсон, оценивая способность двух югославянских народов к политическому объединению, писал о том, что невозможно совместить друг с другом представления о средневековых «империях» Звонимира и Стефана Душана¹⁶. В свете этих суждений британских специалистов югославянский вопрос, хотя и обладал значительным деструктивным потенциалом с точки зрения внутривнутриполитической устойчивости многонаци-

ональной империи Габсбургов, не угрожал ее территориальной целостности.

Однако, как продемонстрировали Балканские войны, изменение политической конфигурации в регионе оказывало мощное давление на расклад сил внутри самой Дунайской монархии. Помимо собственно активизации сербского населения Австро-Венгрии и пополнения за счет ее сербских подданных армии соседнего воюющего королевства, наблюдались рост югославянского движения в целом, а также открытая демонстрация ее славянскими подданными своих просербских симпатий. Так, на страницах парижского журнала «Ревю дэ дё Монд» описывалась сцена, в которой чешские пехотинцы под впечатлением от сербских побед бросали ружья с криками «Да здравствует Сербия!»¹⁷. Проекция правительством монархии подобных настроений на общевалканскую обстановку побуждала его держать армию в состоянии постоянной боеготовности. Была проведена частичная мобилизация войск; запасные не отпускались с военной службы, в результате чего довольно большое количество людей было отвлечено от своих рабочих мест, что, как констатировал российский генеральный консул в Будапеште М. Приклонский, наносило урон экономике страны¹⁸.

Причем, австро-венгерские власти, по донесениям дипломатов держав Антанты, своими действиями не только не способствовали разрядке внутривалканской напряженности, а, напротив, сгущали краски и усугубляли обстановку, обращаясь к мерам военного времени. В Боснии, по сообщениям британского консула Фримена, получила разгул шпиономания: повсеместно, с подачи местной администрации, производились аресты и задержания невинных людей¹⁹. Сараево, да и вся Босния, как констатировал русский генеральный консул Игильстром, были превращены в военный стан: все училища, музей и другие общественные здания были заняты войсками. Столь удручающая картина, разумеется, наталкивала современников на один принципиальный вопрос, а именно: насколько оправданными выглядели опасения австро-венгерского правительства в восприятии дипломатов Антанты? Не были ли они умышленно

преувеличены правящими кругами Дунайской монархии, дабы развязать себе руки для максимального ослабления потенциального противника в регионе?

Расширение Сербского королевства в ходе Балканских войн, как констатировали западные дипломаты, поставило Австро-Венгрию в патовую ситуацию, при которой война становилась чуть ли не единственным способом затормозить центробежные тенденции на территории Дунайской монархии. По словам французского посла в Вене А. Дюмена, стремительный марш сербской армии к Адриатике порождал у Австро-Венгрии желание стереть это балканское королевство с карты Европы²⁰. В отличие от своего французского коллеги, не скрывавшего просербских симпатий, британский посол Ф. Картрайт расценивал военную тревогу в Дунайской монархии как весьма обоснованную и полагал, что бездействие ее руководства обернется для империи катастрофическими последствиями. Ибо укрепление Сербии в Санджаке, как отмечали британцы, создавало барьер на пути Австро-Венгрии к Салоникам, а приобретение этим славянским королевством порта на Адриатике делало его независимым от северной соседки в экономическом плане. Все это было чревато молниеносным падением престижа Двуетной монархии в регионе и перспективой откола от нее южнославянских провинций и их вхождения вместе с Сербией и Черногорией в состав единого югославянского королевства²¹. Вена, угрожая пресечь военными методами территориальное расширение Сербии, как полагали британский статс-секретарь по иностранным делам Э. Грей и его помощник А. Никольсон, действовала правильно с точки зрения своих интересов²².

Эти рассуждения высокопоставленных чиновников Форин оффис позволяют обозначить одну из центральных проблем международных отношений – проблему сосуществования и взаимодействия великих держав и малых стран в рамках одного региона, границы экспансии и диктата великой державы и право малой страны отстаивать свой суверенитет и защищать свои интересы. Довольно показательным является тот факт, что профессиональные дипломаты и представители гуманитарной общественности имели различные подходы к рассматривае-

мым вопросам. Так, например, в русле бытовавшей в ту эпоху системы внешнеполитических представлений Ф. Картрайт не был склонен рассматривать давление Двуетиной монархии на Сербию как проявление «агрессии». Подобно другим великим державам, Австро-Венгрия, на взгляд британского дипломата, использовала «право соседства» («le droit de voisinage»), дабы поддерживать порядок на своем «заднем дворе», т. е. в западной части Балканского полуострова. В соответствии с этой логикой, монархия Габсбургов была не только вольна определять расстановку сил в регионе, но и вмешиваться во внутренние дела соседствовавших с ней малых стран. Подобным же образом, как указывал Картрайт, действовали Россия в Северной Персии и Маньчжурии и США в Центральной Америке.

Британские и французские обозреватели, наоборот, указывали на то, что Балканские войны породили новые тенденции в развитии международных отношений, продемонстрировав жизнеспособность малых стран региона, их решительность и самоотверженность в отстаивании собственных национальных интересов, в том числе, это относилось и к Сербии. В период Балканского кризиса 1912–1913 гг., как отмечал Сетон-Уотсон, современники в полной мере могли наблюдать последствия национального возрождения Сербии, которое являлось наиболее поразительной чертой недавней балканской истории и которое осталось незамеченным внешним миром²³. Констатировалось нежелание австро-венгерского руководства замечать новые веяния в международной жизни. Авторитетный французский журналист Рене Пино указывал на примитивность, «стереотипность» балканской политики Австро-Венгрии. «В Австрии, — замечал он саркастически, — говорят о сопротивлении Сербии так, как во Франции о восстании в Дагомее»²⁴.

В аналитических обзорах, появлявшихся в европейских периодических изданиях, французских и британских, Вена зачастую изображалась как сторона, потерпевшая поражение в Балканских войнах. И это при том, что монархия Габсбургов не лишилась никаких территорий, а ее жесткая, агрессивная дипломатия «балансирования на грани войны», казалось бы, приносила свои плоды, например, в виде образования Албан-

ского государства. Чем было вызвано такое несоответствие «реальной» картины и ее журнальных интерпретаций? На взгляд уже цитировавшихся Р. Пино, Г.У. Стида и Р.У. Сетон-Уотсона, итоги Балканских войн, и прежде всего усиление и укрупнение Сербского королевства, — событие внешнее с точки зрения политической жизни Австро-Венгрии — оказало дестабилизирующее воздействие на сложный организм многонациональной монархии Габсбургов²⁵. Так, Сербия, как выражался Пино, «этот постоянный объект насмешек венской бюрократии», превращалась в центр притяжения югославян империи²⁶. И усиление гравитационного поля между югославянским ядром в лице Сербии и югославянским элементом в рамках Дунайской монархии грозило взорвать последнюю изнутри. Однако, в отличие от законов физики, упомянутые авторы считали главной причиной движения частиц, т. е. югославян, не столько формирование мощного центра, сколько распад прежних политических связей и структур в самой империи Габсбургов, а также желание ее руководства игнорировать этот процесс. И если политики не имеют возможности повлиять на действия физических сил, то Вена, как это представлялось европейским авторам, вполне могла помешать притяжению югославян к Сербии, инициировав перестройку Двуетной монархии²⁷.

Безусловно, оперировать абстрактными категориями вроде «национального возрождения», «морального права» — это прерогатива гуманитарного сообщества, тогда как за выработку конкретного внешнеполитического курса отвечают представители МИД и военных структур. Дипломатов держав Антанты, в первую очередь, волновало то, как изменение соотношения сил в Юго-Восточной Европе должно было отразиться на стратегии Австро-Венгрии, ее внешнеполитических шагах в данном регионе, а также взаимодействии с союзниками по Драйбунду* на балканском пространстве.

В условиях усиления Сербского королевства, а также преобладания на Балканах, по итогам войн 1912–1913 гг., коалиции в составе Сербии, Греции, Румынии и Черногории, заинтере-

* Драйбунд, или Тройственный союз — военно-политический блок Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившийся в 1882 г.

сованных в поддержании статус-кво, Австро-Венгрия стремилась создать противовес этой группировке. Вся ее балканская политика была направлена на предельное ослабление Сербии, которой предстояло интегрировать вновь присоединенные территории, весьма разнородные по своему этническому составу. Инструментами реализации этого курса должны были стать ревизионизм Болгарии и Албании, имевших территориальные противоречия с Сербией, а также группы болгарского и албанского населения, оказавшиеся в составе Сербского королевства по итогам Балканских войн. В этой связи русские дипломаты сообщали о щедром снабжении албанцев оружием со стороны Австро-Венгрии²⁸.

Вена стремилась найти или создать удобный предлог, который оправдал бы в глазах великих держав австро-венгерскую интервенцию в Албанию. Руководство Дунайской монархии, как явствует из донесений русской военной разведки, планировало путем широкой агитации в Албанском княжестве, где происходила нескончаемая борьба за власть между представителями различных политических групп, «вызвать в этой стране серьезные внутренние осложнения, могущие дать повод к вмешательству»²⁹. Кроме того, австро-венгерское правительство рассматривало возможность вторжения в Албанию в случае возникновения конфликта между Сербией и новым княжеством из-за неурегулированности вопроса о границе: Белград стремился к ее корректировке в соответствии со своим пониманием безопасности, а албанцы требовали вернуть им территории, которые по решению Лондонской конференции послов отошли сербам³⁰. Традиционное позиционирование себя Австро-Венгрией в качестве покровительницы албанцев-католиков, а также ее непосредственное участие в создании Албанского княжества и формировании его государственных структур позволяли ей, как это представлялось высокопоставленным чиновникам на Балльплац, действовать решительно во исполнение своих международных обязательств, т. е. гарантировать независимость Албании в случае, если ее попыталось бы попятить третье государство. Очередные сербо-албанские пограничные столкновения в октябре 1913 г., а также наруше-

ние сербами албанской границы привели к одностороннему выступлению Вены, в ультимативной форме потребовавшей от Белграда в кратчайшие сроки очистить албанскую территорию³¹. «Силовая дипломатия» австро-венгерского министра иностранных дел графа Л. фон Берхтольда, если судить по депеше кн. Кудашева, была нацелена на решение трех задач: во-первых, «дать почувствовать Сербии свою силу», т. е. указать Белграду на пределы его внешнеполитической активности; во-вторых, «поднять свой авторитет в Европе», продемонстрировав способность навязать региональным игрокам на Балканах свои правила игры; в-третьих, этот агрессивный демарш предназначался для «внутреннего потребления», дабы удовлетворить общественное мнение Австро-Венгрии, далеко не всегда одобрявшее балканскую политику официальной Вены³². Причем, как российские дипломаты, так и военные отмечали рискованность такой манеры ведения дел, ибо сербо-албанское вооруженное столкновение и последующая дестабилизация ситуации в новоявленном Албанском княжестве несли в себе угрозу вмешательства Италии — союзницы и принципиальной региональной соперницы Дунайской монархии в одном лице. Интервенция Рима повлекла бы за собой итальянскую оккупацию Южной Албании с перспективой доминирования Италии на обоих берегах Адриатики и превращение ее в «итальянское море», что для Вены было неприемлемо³³.

Еще один важный момент, который высветили события Балканских войн, заключался в том, что фактор общественного мнения начинал все сильнее воздействовать на процесс принятия внешнеполитических решений в Австро-Венгрии. Особенно жаркие дискуссии по вопросам балканской политики Дунайской монархии разгорелись в Транслейтании, что неоднократно фиксировали в своих донесениях русские и британские дипломаты. Как передавал из Будапешта британский генеральный консул У. Макс Мюллер, во время заседания венгерской делегации оппозиция довольно резко критиковала Берхтольда за непоследовательный внешнеполитический курс на Балканах в период кризиса 1912—1913 гг.: провал попыток защитить интересы Австро-Венгрии в регионе и непомер-

ные военные затраты, связанные с частичной мобилизацией войск³⁴. Более того, звучали призывы, правда, не разделяемые подавляющим большинством правящей элиты, о смене внешнеполитической ориентации Двуетидной монархии: отход от Драйбунда и развитие сотрудничества с державами Антанты. Одним из выразителей этой точки зрения был видный лидер оппозиции граф М. Каройи³⁵.

Неудовлетворенность венгерского общества балканской политикой Вены, с одной стороны, и отсутствие внутри него единодушия по внешнеполитическим сюжетам — с другой, также нашли отражение в венгерской прессе. Как констатировал русский генеральный консул в Будапеште М. Приклонский, на страницах венгерских печатных изданий прослеживались две тенденции: приверженность конфронтационной модели взаимодействия с Россией и ее «балканскими протеже» (Сербией и Черногорией) и осуждение этих провокационных публикаций. Причем, как подчеркивал Приклонский, в будапештских изданиях констатировалась нетождественность интересов Венгрии и Дунайской монархии: «Наше отечество Венгрия, а не монархия, и чем сильнее монархия, тем слабее наше отечество»³⁶. От Вены требовалось доказать обоснованность ее балканской политики, общность интересов обеих частей Дунайской монархии в Юго-Восточной Европе. На деле это означало, что сближение позиций Транслейтании и Цислейтании зависело от обострения ситуации на Балканах, ибо оно предполагало консолидацию усилий Вены и Будапешта для противодействия сербской угрозе военными методами. Таким образом, как можно заключить из донесений иностранных дипломатов, общественное мнение вносило изрядный элемент непредсказуемости в выработку балканской политики Австро-Венгрии.

Тем не менее, русские дипломаты и военные агенты в Двуетидной монархии указывали на некоторые моменты, которые, на их взгляд, удерживали Вену от развязывания войны на Балканах. Одним из таких сдерживающих обстоятельств являлось тяжелое финансовое положение империи. Так, во время октябрьского кризиса из-за австро-венгерского ультиматума Сербии российские военные аналитики констатировали крайне

низкую вероятность мобилизации войск монархии даже при условии неподчинения Сербии требованиям Вены. Отмечалось «затруднительное положение австрийского правительства в отношении возможности выполнения в настоящее время призыва и критическое экономическое положение государства»³⁷.

Другим немаловажным фактором, несколько охлаждавшим воинственный пыл австро-венгерских правящих кругов, была позиция Германии. Во-первых, развитие в этот период англо-германской «разрядки» на международной арене и реализация Лондоном и Берлином этой политики на балканском уровне не позволяли Вене быть абсолютно уверенной в безоговорочной поддержке империи Гогенцоллернов в случае обострения обстановки в Юго-Восточной Европе³⁸. Кроме того, британские дипломаты в Австро-Венгрии и Германии довольно часто телеграфировали о несовпадении взглядов правительств двух стран на принципы проведения балканской политики Драйбунда. Так, Вильгельм II критиковал Берхтольда за его попытки привлечь Болгарию на сторону Тройственного союза и за дальнейшее отчуждение от него Румынии и Греции. Кайзер считал, что интересам австро-германского блока на Балканах в наибольшей степени соответствовало формирование коалиции в составе Румынии, Греции и Сербии. Вильгельм II даже направил румынскому монарху Каролу I телеграмму с поздравлениями по поводу заключения Бухарестского мира, что в свою очередь вызвало раздражение Австро-Венгрии. По словам Берхтольда, формулирование балканской политики Тройственного союза являлось прерогативой Вены, а не Берлина³⁹.

Подводя итоги нашим рассуждениям, мы можем констатировать, что как в донесениях дипломатических представителей держав Антанты, так и в работах публицистического характера была четко зафиксирована тенденция практически тотальной «балканизации» внешней политики Австро-Венгрии. Для Вены проблемы поддержания своего международного престижа и внутривосточная дилемма в форме неурегулированного югославянского вопроса были неотделимы друг от друга, и возможность их разрешения увязывалась с доминированием на Балканах, которое предполагало включение

Сербского королевства в сферу влияния империи Габсбургов и, соответственно, ликвидацию самой идеи «югославянского Пьемонта». Такая «запрограммированность» австро-венгерской политики на сербском направлении резко лимитировала Вене пространство для дипломатического маневрирования и подталкивала ее к использованию силовых методов для реализации своих целей, заключавшихся в сохранении территориальной целостности империи и ее великодержавного статуса. Вместе с тем специфика существовавшей системы международных отношений: ее многополярный характер, довольно зыбкая граница между противостоявшими друг другу военно-политическими блоками, наличие противоречий в рамках самих блоков (например, австро-итальянское соперничество на Балканах) — все это сдерживало Австро-Венгрию от военного выступления против Сербии. У современников событий создавалось впечатление некоторой непредсказуемости, поливариантности развития событий на Балканах.

Еще один важный момент, который нельзя не отметить, заключается в том, что перспектива исчезновения Австро-Венгрии и образования в Центральной Европе геополитического вакуума не вызывала восторгов у британской, французской и российской дипломатии, хотя державы Антанты и были заинтересованы в подрыве международных позиций Драйбунда. Такая точка зрения была особенно распространена среди британского политического истеблишмента. Предполагалось, что распад империи Габсбургов повлек бы за собой дальнейшее усиление Германии за счет поглощения ею немецких провинций Дунайской монархии и ее выхода к Средиземному морю, а также образование на ее руинах ряда славянских государств, которые составили бы зону перманентной нестабильности в Европе. В свете этого существование Австро-Венгрии являлось важным фактором поддержания силового равновесия на европейском континенте⁴⁰. Однако летом 1914 г. Дунайская монархия, уже мыслившая исключительно категориями балканской политики и, соответственно, постепенно трансформировавшаяся в региональную державу, непредумышленно сама сделала первый шаг к тому, чтобы обрушить общеевропейское равновесие.

Примечания

- ¹ *Dumaine A.* Dernière Ambassade de France en Autriche. Notes et souvenirs. Paris, 1921. P. 81.
- ² *Niox G.L.* Géographie militaire. Autriche-Hongrie et péninsule des Balkans. Paris, 1887. P. VI.
- ³ *Seton-Watson R.W.* The Southern Slav Question and the Habsburg Monarchy. New York, 1969. P. VIII.
- ⁴ *Taylor A.J.P.* The Habsburg Monarchy, 1809–1918: A History of the Austrian Empire and Austria-Hungary. London, 1948. P. 217.
- ⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 539. Водовозов В.В. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.
- ⁶ *Василевский Л.М.* Австро-Венгрия. Политический строй и национальные вопросы. Спб., 1906. С. 51–52.
- ⁷ *Steed H.W.* The Hapsburg Monarchy. London, 1914. P. 282–283.
- ⁸ *Jászi O.* The Dissolution of the Habsburg Monarchy. Chicago, 1929. P. 133.
- ⁹ The National Archives, Kew, UK (далее – TNA). FO 120/894/636. Crowe to Cartwright. 23.12.1912; FO 371/1297/12. Min. by Crowe, 29.03.1912.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 172. Посольство в Вене. Оп. 514/2. Д. 859. Л. 140. Деша поверенного в делах в Вене. 28.08(11.09). 1913.
- ¹¹ *Seton-Watson R.W.* Racial Problems in Hungary. London, 1908. P. 418.
- ¹² TNA. FO 120/1296/206–208. Grant Duff to Grey. 9.02.1912.
- ¹³ По данным военной теоретика Б.М. Шапошникова, этнический состав Венгерского королевства выглядел следующим образом: венгры – 45,4%, немцы – 11,1%, словаки – 10,5%, русины – 2,2%, сербы и хорваты – 14,2%, румыны – 14,5% // *Шапошников Б.А.* Мозг армии. Кн. 1. М.–Л., 1927.
- ¹⁴ TNA. FO 371/1296/271–272. Lucas Shedwell to Cartwright. 22.01.1912; FO 371/1296/281. Freeman to Grey. 26.02.1912.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ *Seton-Watson R.W.* Die Zukunft Österreich-Ungarns und die Haltung der Grossmächte. Leipzig, Wien, 1908. S. 31.
- ¹⁷ *Pinon R.* L'Autriche et la guerre balkanique // Revue des deux mondes : recueil de la politique, de l'administration et des mœurs. Période 6. T. 13. P. 592.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 605. Л. 4. Приклонский – Гирсу. 13(26).02.1913.
- ¹⁹ TNA. FO 120/911. Freeman to Palairet, 9.02.1913.
- ²⁰ *Dumaine A.* Op. cit. P. 45–46.
- ²¹ British Documents on the Origins of the War 1898–1914 (далее – BD). Vol. IX (2). London, 1934. № 104. Paget to Nicolson. 2.11.1912; № 347. Paget to Grey. 19.12.1912.
- ²² BD. Vol. IX (2). № 176. Paget to Grey. 26.11.1912. Minutes by Nicolson and Grey.
- ²³ *Seton-Watson R.W.* New Phases of the Balkan Question // The Contemporary Review. 1913. Vol. 104. № 573 (September). P. 323–225.
- ²⁴ *Pinon R.* Op. cit. P. 585.
- ²⁵ *Steed H.W.* Op. cit. P. 282. Как писал Г.У. Сид, в различных частях Австро-Венгрии было широко распространено убеждение в том, что победы балканских союзников над Турцией нанесли монархии Габсбургов смертельный удар.
- ²⁶ *Pinon R.* Op. cit. P. 588–596.

- ²⁷ *Seton-Watson R.W.* New Phases of the Balkan Question. P. 328.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 2281. Л. 77. Деша комиссара в Албании. 29.12.1913;
- ²⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 2000. Оп. 15. Д. 324. Л. 76. Рапорт о военных приготовлениях Австро-Венгрии на южном фронте. 18.05.1913.
- ³⁰ См. подробнее: *Искендеров П.А.* Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб., 2013.
- ³¹ *Агансон О.И.* Глобальное видение локальной проблемы: подходы Великобритании к урегулированию албанского вопроса в начале XX в. // *Независимость Албании в общевалканском контексте. К 100-летию образования Албанского государства.* М., 2014. С. 269.
- ³² АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 859. Л. 199. Деша поверенного в делах в Вене. 10(23).10.1913.
- ³³ Там же. Л. 160 и об. Деша поверенного в делах в Вене. 12.09.1913.
- ³⁴ TNA. FO 371/1898/412. Max Mueller to Grey. 5.01.1914.
- ³⁵ TNA. FO 371/1898/477. Summary of political events in Hungary during the month of May. 8.06.1914.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. 172. Оп. 514/2. Д. 605. Л. 25. Приклонский – Гирсу. 13(26).03.1913.
- ³⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 256. Л. 8. 16.10.1913.
- ³⁸ См. подробнее: *Crampton R.Y.* The Hollow Détente: Anglo-German Relations in the Balkans 1911–1914. London, 1980.
- ³⁹ TNA. FO 800/370/19–20. Goschen to Nicolson. 27.09.1913.
- ⁴⁰ TNA. FO 800/366/42–43. Cartwright to Nicolson. 25.04.1913.

Ольга Владимировна СОКОЛОВСКАЯ

Русско-японская война 1904–1905 гг. и её герои в Греции*

О русско-японской войне написано немало научных и научно-популярных книг, особенно в последние годы, когда вновь вырос интерес к истории российского флота¹. О героях войны, русских морских офицерах, отдельные работы появились лишь в последнее десятилетие. Так, имя одного из наших героев, М.С. Рошаковского, встречалось ранее лишь в художественной литературе о русско-японской войне, например, в романе А.С. Новикова-Прибоя «Цусима», который сам Рошаковский считал примитивным, а также в книге воспоминаний советского писателя Л.Э. Разгона (1908–1999), который оказался в одной камере с Рошаковским в ГУЛАГе². Воспоминания, написанные Л.Э. Разгоном в очень пожилом возрасте, грешат ошибками, домыслами о царской семье, но, при этом, о самом Рошаковском Разгон пишет с нескрываемым восхищением. В последнее время забытое имя почти одновременно привлекло морских историков. Норвежский историк Бьорн Братбак посвятил ему целую монографию³, в которой впервые были использованы документы из семейных архивов потомков М.С. Рошаковского, проживающих в Норвегии, а в книге писателя-мариниста капитана 1-го ранга В.В. Шигина «Последние герои империи»⁴, вышедшей в 2013 г., целая глава называется: «Этот неугомонный Рошаковский», но повторяет многие сведения из книги Бьерна Братака. Интересны сведения, которые Шигин приводит о советском периоде жизни нашего героя. Во всех перечисленных работах практически отсутствуют сведения о молодом Рошаковском: они скупы или ошибочны. При этом авторы приводят одни и те же сведения о том, что он обучался

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект 15-01-00145а.

в Морском кадетском корпусе с великим князем Кириллом Владимировичем и «поддерживал хорошие отношения с великой княгиней Ольгой, ставшей позднее королевой Греции». Известно, что великие князья обучались дома по программе Морского корпуса, а Ольга Константиновна была на 25 лет старше Рошаковского и в период его учебы в Морском корпусе в 1890-х годах уже 30 лет как была королевой эллинов. Они познакомились в Греции, и с тех пор Рошаковский стал любимцем королевы и последних Романовых. О М.Ю. Гаршине имеются отдельные сведения в наших работах⁵. В данной статье использованы неизвестные ранее документальные материалы из Российского государственного архива военно-морского флота (далее – РГАВМФ) и Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), которые позволяют пролить свет на неизвестные факты биографии наших героев.

С конца XIX в. основное внимание европейской внешней политики было на время перенесено со Средиземного моря (с Балканского полуострова) на Дальний Восток. Россия собиралась встать твердой ногой на побережье Великого океана, хотя выполнение этой задачи упиралось в неблагоприятные экономические и политические обстоятельства. Главным соперником России становилась все более укреплявшаяся империя Микадо, которая к 1903 г. успешно завершила программу усиления флота и армии. В противовес этому император Николай II утвердил план постепенного усиления Тихоокеанской эскадры; Россия приступила к перестройке Порт-Артура, но в целом страна оказалась слабо подготовленной к неотвратимой войне с Японией. Агрессивную политику Японии в отношении России поддерживали Великобритания (которая исполняла заказы на постройку кораблей и снабжала японцев вооружением и топливом) и Америка, стремившаяся ослабить Российскую империю где бы то ни было; Китай также относился более благожелательно к Японии, чем к России.

Военные действия японцев застигли русскую Тихоокеанскую эскадру врасплох: 24 января 1904 г. Япония объявила о разрыве дипломатических отношений с Россией, в тот же день захватила несколько российских торговых судов, а через два

дня, без формального объявления войны, произвела успешную минную атаку нашей эскадры на Порт-Артурском рейде⁶. Затем, в ночь с 26 на 27 января 1904 г., японцы напали на крейсера «Варяг» (командир капитан 1-го ранга В.Д. Руднев) и «Кореец» (командир капитан 2-го ранга Г.П. Беляев), которые находились в Чемульпо в распоряжении российского посланника в Корею в качестве стационаров и не выходили из порта. Несмотря на то, что атака была неожиданной, поскольку связь с Порт-Артуром была прервана (японцами), командиры крейсеров приняли вызов японцев выйти в море и вступили в неравный бой утром 27 января, который продлился всего 20 минут. Он был очень кровопролитным для «Варяга», потерявшего более 500 человек убитыми и ранеными, после чего личный состав принял решение вернуться в гавань и затопил свой корабль. Командир и офицеры «Корейца», поняв, что бой проигран, взорвали свою лодку. Экипажи обоих судов были спасены иностранными стационарами, стоявшими в Чемульпо⁷. Подвиг «Варяга» и «Корейца» был воспет в стихах и песнях, звучащих до сих пор.

Контр-адмирал С.О. Макаров, назначенный командующий Тихоокеанским флотом, неоднократно предупреждал об опасности пребывания русского флота на открытом рейде Порт-Артура, и его худшие опасения оправдывались. Начавшиеся действия японцев в Порт-Артуре сначала сводились лишь к морским операциям, но летом 1904 г. японские войска на Ляодунском полуострове перешли к длительной осаде русского порта, которая закончилась его капитуляцией, подписанной 20 декабря 1904 г., т.е. после 328 дней героической обороны. Россия потеряла 153 офицера, 6481 нижних чинов убитыми и около 4 тыс. умершими от болезней, а ранеными и без вести пропавшими считались 24 146 человек⁸.

«У нас в Афинах, — вспоминал 2-й секретарь российской дипломатической миссии Ю. Я. Соловьев, — война проявилась прохождением на Дальний Восток русских военных судов, которые неизменно посещала королева Ольга Константиновна ... Почти половина офицеров, с которыми я познакомился и отчасти подружился в Афинах, погибла в Желтом или Японском

морях, под Порт-Артуром или Цусимой»⁹. Новости о начавшейся русско-японской войне в Греции в то время, даже в королевском дворце, узнавали в основном из иностранных газет. «Боже! Как больно и как великолепно дело «Варяга» и «Корейца» в Чемульпо!! Если иностранные вести верны, то они шли в бой двое против 14, расцветившись флагами и играя «Боже Царя храни». Я знаю командиров — оба милые, симпатичные; убитые и раненные мичманы совсем дети!» — писала Ольга Константиновна брату, великому князю Константину Константиновичу¹⁰. Греческая королева опасалась, что ей придется отпустить обратно в Россию главного врача и сестер из недавно построенного в Пирее Русского военно-морского госпиталя. Но врачи остались, а русский госпиталь вскоре принял на лечение раненных моряков, участников и героев русско-японской войны.

Сама королева возглавила сбор вещей для российского Красного Креста и отсылку их в Петербург в Мраморный дворец. «Я все время думаю о морях и о войске и молюсь — ... как тяжело!!! — писала она. — Столько чувствуешь в себе запаса любви, которую нельзя излить...»¹¹. Русские моряки, служившие в это время на судах в греческих водах, также принимали посильное участие в сборе пожертвований. «Третьего дня мы отправили 50 ящиков в Мраморный для Красного Креста; в одном вещи (теплые) от команды канонерской лодки «Кубанец» — «ангелы» сложились, купили вещи и просили меня послать их, а четыре ящика заключают наше скромное приношение; теперь мы все только вяжем теплые вещи, пока не узнаем из Красного Креста, что именно посылать; я вяжу колпак за колпаком, пот[ому что] они оказались практичными — я получила из Порт-Артура письмо от сигнальщиков штаба заместника¹² и благодарности за колпаки»¹³. Вскоре пришло сообщение из России, что все присланные из Греции вещи для раненых одобрены.

После трагических событий первых месяцев войны отношение греков к единой стране резко переменилось. Ольга писала брату, что «здесь относятся сочувственно к России — наконец-то!!!». По всей стране служили молебны о даровании победы России. Греческий Красный Крест передал королеве

17 тыс. драм для русского Красного Креста, и она закупила и отправила в Петербург много полезных вещей, начав «с полного комплекта для 100 кроватей»¹⁴.

Интерес греческой королевы и русской колонии в Афинах к деталям происходящего на Дальнем Востоке не был праздным, ведь они знали большинство морских офицеров, сражавшихся теперь с японцами, еще по их службе в Отдельных отрядах судов Средиземного моря, часто заходивших в греческие порты и неоднократно бывавших в Афинах. «Опять бомбардировка Порт-Артура 26-го февраля и стычка миноносцев; миноносец «Властный», моего экипажа (12-го флотского экипажа ее величества королевы Эллинов. — О. С.), отличился, потопив японский миноносец, а «Сторожевой» погиб; ... уцелевший экипаж взят в плен!!! Боже мой! Как-то японцы обращаются с нашими пленными? Вероятно, хорошо — как ты думаешь? — спрашивала Ольга Константиновна брата. — Нашел ли ты маленького Руднева?»¹⁵ Если б я только могла видеть его отца и команду «Варяга» и «Корейца», когда они будут в Средиземном море на пути в Россию; подумай, если б государь прислал сюда пожалованные всем им Георгиевские кресты и поручил мне раздать их ... Ты знаешь, что «Дмитрий Донской», «Ослябя», «Аврора» и много миноносцев вернулись из Джибути и стоят в Суде — говорят, что они возвращаются в Россию; 3 маленьких миноносца, кажется, останутся здесь — а четвертый — № 221 потонул недалеко от Крита, и слава Богу, что еще удалось спасти всех людей! Эти миноносцы построены не для бурной погоды в открытом море»¹⁶.

Королева целыми днями читала газеты и страшно волновалась при описании подвигов русских моряков. «Что они за молодцы, я ими горжусь и благоговею перед их мужеством, и вместе с тем сердце замирает и болит “при каждой новой жертве боя”». Погиб лейтенант Сергеев, которого королева хорошо знала по его службе на броненосце «Император Николай I» в 1903 г. Восхищение вызывали матросы, «которые потопили «Стерегающий», взятый японцами на буксир»: «Вот подвиг! Самим погибнуть такой ужасной смертью, только чтоб не отдать свое судно в руки врага!»¹⁷

Отряд судов под командованием контр-адмирала Р.Н. Вирена¹⁸ ушел на Дальний Восток, а в греческих водах остались миноносцы № 212, № 213 и № 222, которые стояли в разных портах, чтоб не привлекать внимания, особенно, как писала Ольга, «со стороны господ англичан — пакостников»¹⁹. В конце ноября 1904 г. Р.Н. Вирен был ранен; после взятия Порт-Артура японцами в декабре 1904 г. он разделил участь его защитников и добровольно пошел с ними в плен, как генерал-лейтенант Смирнов, капитан 1 ранга Н.О. Эссен и многие другие офицеры. В плену он был почти год и вернулся на службу в ноябре 1905 г.

Вскоре пришло известие, потрясшее всех, о гибели броненосца «Петропавловск». Ольга Константиновна писала: «Бедная наша матушка Россия! ... Сегодня утром Вилли (король Греции Георг I. — *О. С.*) получил телеграмму от Минни (вдовствующей императрицы. — *О. С.*), что погиб Макаров, на которого возлагалось столько надежд, и все, кроме Кирилла²⁰, командира, 6-ти офицеров да матроса и что все более или менее ранены. Их приблизительно 700 человек, спасено 40! Вот ужас!!! Потеря Макарова, право, незаменима! Теперь японцы на время полные хозяева моря. Милый С[тепан] Осип[ович] Макаров — я его очень любила; папа его очень ценил, он был молодец — живой, предприимчивый, работающий и очень симпатичный. Боюсь, что с ним погиб и Молас²¹, чудный человек и всеми любимый!»²².

По просьбе Ольги Константиновны ей привезли списки офицеров, находившихся в Тихом океане, по которым она отыскивала тех, кто погиб, а кто спасен. «Адмирал Молас, капитан Васильев, много других, лучших наших офицеров — страшно жаль! — сокрушалась королева. — Вот скорбь по всей России!!! Вчера я была на лодке «Кубанец», и мы там отслужили первую панихиду ... Я так плакала, что у меня сегодня отвратительная рожа; один офицер, Акимов, потерял брата. Я душевно радуюсь за родителей и Елену²³, что Кирилл спасен, но что касается общего дела, России, то потеря Кирилла ничего не значила бы в сравнении с потерей Макарова, Моласа, Васильева и многих других!»²⁴. В следующем письме королева

спрашивала брата: «Не странно ли что Кирилл возвращается [...] А что делают другие, да тяжело раненные? Если б только великие князья понимали, что, им-то именно, не следует пользоваться исключениями ... Маленький мичман (видимо, М.С. Рошаковский. — *О. С.*) мне говорил, как вообще великие князья усиливают недовольство на Руси своим поведением, начиная с Алексея (великого князя Алексея Александровича, руководившего флотом. — *О. С.*) [...] это грустно, но я думаю, что он прав»²⁵.

Королева особенно восхищалась поведением на войне матросов. «Вообще — это такой подвиг, какого выше не может быть! И это простые мужики, которые так понимают, так охраняют честь родины! Этим-то наша матушка Россия и сильна! Вчера я читала в «Le Maten» описание всего дела в Чемульпо, описывает его корреспондент со слов наших офицеров с «Australie» и видно, что он сам преисполнен восторга. Воображаю, что у вас деется сегодня при встрече команды «Варяга» и «Корейца» — я всей душой там с вами [...] мне ужасно жаль, что я не могу присутствовать при этой встрече!!! Только бы Ники (Николай П. — *О. С.*) дал всем офицерам «Корейца» Георгиевские кресты — ведь они не виноваты, что вернулись целы из боя [...] Я не очень люблю слово «герой» — оно иностранное, не сложившееся из русских понятий — русский «герой», прежде всего, исполнитель того, что он считает своим долгом, а что он ставит этот долг очень высоко, это уже прямо свойство русского человека и его совсем особенной любви к родине — стоять за родину, то же, что стоять за Бога — недаром в русских понятиях Бог, Царь и Отечество нераздельны»²⁶. «Не могу описать моей радости, — писала королева, — узнав, что офицеры «Корейца» тоже получили Георгиевские кресты — именно то, что я так желала»²⁷.

Одним из просчетов русского правительства накануне войны был отказ от покупки военных судов в Аргентине или Чили, которые успели заказать и построить новейшие корабли, но после подписания между ними мирного соглашения, решили от них избавиться и делали выгодные предложения России. Ю.Я. Соловьев рассказывал в своих «Воспоминаниях дипло-

мата» о «необыкновенной афере, затеянной из Петербурга в Греции», связанной с флотом. «Во время войны как японцы, так и мы старались пополнить свои силы покупкой военных судов за границей. Японцы купили два крейсера в Аргентине, а мы в свою очередь делали всё возможное, чтобы приобрести несколько судов в Чили. Зимой 1904—1905 г. в Афинах появились два секретных агента: морского министерства и Главного управления по делам торгового мореплавания и портов. В то время во главе морского ведомства стоял великий князь Алексей Александрович, а во главе Главного управления по делам торгового мореплавания и портов — великий князь Александр Михайлович. Оба старались склонить греческое правительство, притом путем подкупа отдельных лиц, к предоставлению греческого флага купленному нами у чилийцев флоту, так как после объявления войны Греция не сделала заявления о нейтралитете. Комбинация состояла в том, чтобы чилийские суда после покупки их нами перешли бы временно под греческий флаг и лишь затем были включены в состав нашего флота». Они хотели разрешить эту сложную комбинацию путем секретных переговоров с королем Георгом I или с главой его кабинета, «но окружавшим обоих “морских” великих князей дельцам подобный подход не сулил бы никаких выгод». Поэтому был выбран окольный путь через секретных агентов. Миссии в Афинах была прислана телеграмма, из которой было понятно, что никто в Петербурге не хотел противодействовать великим князьям, но «предлагали содействовать обеим группам дельцов, но скрывая их переговоры друг от друга». «Как ни серьезно было само по себе задание, — пишет Соловьев, — но манера его выполнения носила характер настоящего фарса». Между прочим, главным действующим лицом в Афинах стал некий греческий банкир Георгиадис. Он вел переговоры с обеими группами, обещая им даже смену министерства. Это будто бы должно было облегчить осуществление шаткого плана «покупки греческого флага». Положение миссии в этом деле было двусмысленно. Соловьев вспоминал: «У нас не было инструкции из Петербурга взять дело в свои руки, мы должны были оставаться лишь передатчиками фантастических зашифрованных телеграмм, посылаемых

великокняжескими агентами. Последние давали грекам совершенно необыкновенные обещания, например, уступали им находившийся еще в международной оккупации Крит и даже Македонию». Соловьеву запомнился его разговор на площади перед королевским дворцом с помощником российского морского агента в Константинополе, прибывшим на подмогу секретным агентам. «Указывая на стоявшую перед дворцом карету первого министра Т. Делияниса, он выражал надежду на то, что декрет о предоставлении флага будет подписан, и телеграмма об этом пойдет в Сантьяго (столицу Чили) своевременно. Это было-де необходимо, так как в этот день распускалась палата, а без нее продажа флота не могла состояться. Наш моряк учитывал даже и то обстоятельство, что в Афинах в этот момент было одиннадцать часов утра, а в Сантьяго — только три часа пополудни. Дело, конечно, кончилось ничем, но на нем нажилось несколько человек, в том числе и упомянутый выше банкир Георгиадис. Я встретил его на пароходе при моем отъезде из Афин в Черногорию, и он признался мне, что ему было выплачено предварительно за будущие услуги 400 тысяч драхм. Как бы то ни было, греки не пошли на эту фантастическую комбинацию, но они соблюдали в течение всей войны благоприятный для нас нейтралитет. Вернее говоря, они для нашего удобства не сохраняли никакого нейтралитета. Русские военные суда стояли в Пирее без ограничения времени. Это было облегчено полным отсутствием дипломатических сношений между Японией и Грецией, где в то время дальневосточные страны вовсе не были представлены»²⁸.

Стратегической ошибкой русского командования впоследствии было признано и то, что перед войной с Японией флот оказался сосредоточен не в Тихом океане, а разбросан²⁹. Но постепенно военно-морские суда, в том числе стоявшие в Греции и на Крите, были перенаправлены на Дальний Восток. Многие моряки добровольно уходили со службы в теплых и спокойных морях на войну. Одним из них был командир миноносца № 222, стоявшего в критских водах, А.М. Веселаго, который отправлялся на войну флагманским штурманом. Ольга описывала трогательную сцену прощания: «Мы долго разго-

варивали, конечно, всё только о том, что делается на Дальнем Востоке, потом я сказала ему: «Вот вам маленький образок», но я не знаю, слышал ли он это, пот[ому что] в ту же минуту он стал на колени и сказал: «Благословите меня», что я и сделала этим образочком; я страшно волновалась; уходя он еще раз оглянулся и сказал «До свиданья!», и это меня так и кольнуло в сердце; я ответила: «До свиданья, до свиданья, храни вас Бог!» и горько расплакалась, когда он ушел»³⁰.

После очередного боя в Порт-Артуре 18 апреля 1904 г. Ольга послала за русским военным агентом И.А. Хольмсенем³¹, который по картам объяснял ей все военные действия, более или менее вероятный план компании и т. д., но вскоре и он уехал на войну³². С замирием сердца в эти дни в Афинах читали приходящие телеграммы, поскольку все были в ожидании большого сражения. Даже старший сын королевы переживал за русские крейсера. Так, «Богатырь» встал на мель, а на нем служил сын самой близкой подруги Ольги В.В. Бутаковой — Александр (Сашик) Бутаков, а командиром — Афанасий Стеман, также хороший знакомый королевы³³. Переживали за контр-адмирала В.К. Витгефта, который, по словам Ольги, был «милый, добрый, хороший человек, нечаянно очутился там начальником в такое трудное время». Это были издержки закона о морском цензе, когда даже морским чиновникам для получения пенсии необходимо было какое-то время послужить на боевом корабле. Писала Ольга и о Н.Л. Кладо³⁴, который также был отправлен на войну; и, хотя она не сомневалась, что он там будет полезен, «потому что он не Кладо, а Клад», но все-таки считала, что «такими людьми жалко рисковать»³⁵, ведь Николай Лаврентьевич Кладо был выдающимся теоретиком русского флота, профессором Морского корпуса, Николаевской морской и Инженерной академий, да еще моряком-писателем.

Конечно, никто не чувствовал так тонко морского человека, как королева Ольга. Вот пример. «Вчера я видела одного из офицеров «Корейца» лейтенанта Левицкого, присланного сюда командовать миноносцем № 222; я была очень взволнована и радовалась непомерно, что наконец увижу одного из молодцов боя Чемульпо; он у меня сидел чуть ли не два часа и мно-

го рассказывал, и очень красноречиво говорил. [...] Высокий, красивый, но чем более я вспоминаю его рассказы и вообще наш разговор, тем более мне становится ясно, что мне все время слышалась какая-то нотка, которая мне приходилась не по душе; он не тот тип простого моряка, как я люблю, — он делает впечатление салонного моряка, хотя он самый боевой, т. к. до Чемульпо он уже воевал в Китае и получил ордена и медали. Нет, но то, что мне было прямо неприятно, — это его отзывы о команде. На мой вопрос о матросах, т. к. я хотела слышать о них, в полной уверенности, что он будет мне с умилением о них рассказывать, он мне сказал, что глядя на них во время боя, он подумал: «Вот они какие, я их до сих пор не знал!» Потом они пришли в Сайгон и там, проникнувшись сознанием (!) своего «героизма», избалованные приемом, лаской и угощениями французов, они стали пьянствовать и безобразничать! Тут он подумал: «Нет, вот теперь они такие, какие есть, а во время боя они мне втирали очки!» Я возмущалась, но ничего не возражала, хотя внутренне сознавала всю исковерканность его умозаключений. Матросы пьют, буянят, безобразничают, пот[ому что] такие люди, как Л[евицкий] не умеют с ними обращаться, не умеют заслужить их доверия, чтоб повлиять на них, воспитать их настолько, чтоб они поняли, что так вести себя не хорошо; но отчего те же люди идут в бой, не моргнув, не шадят своей жизни и проливают кровь свою до последней капли за то, что есть самое отвлеченное, самое возвышенное и святое — за свой долг, за Бога, царя и родину — и кто им внушает это? Уже, вероятно, не Л[евицкий] и не такие, как он. Офицеры очень храбры, но у иных, по моему пониманию, храбрость выработанная, воспитанная, сознательная, а у солдат и матросов она стихийная; это такое чувство, которое с ними рождается на свет и которое вытекает из многих веков народного существования (как бы «атавизм»), — русская мощь! «Будь верен даже до смерти и дам тебе венец жизни...» — вот что воплощает наш народ, а что он пьет и буянит, это, конечно, нехорошо [...] Господин Л[евицкий] со своей благовоспитанностью, геройством, орденами, вероятно, никогда не думал, что он может чему-нибудь научиться от этих «серых» и часто пьяных матросов. [...] Впро-

чем, всё это не умаляет личного достоинства [Левицкого] (пока он не трогает моих «ангелов»)»³⁶.

Узнав о гибели «Полтавы» и других русских кораблей, Ольга Константиновна писала: «Милые, милые эти суда, кот[орые] больше не существуют. [...] Я их всех знала, все они были у нас, о каждом хорошие воспоминания»³⁷.

Королева очень волновалась за своего любимца, лейтенанта М.С. Рошаковского, с которым познакомилась в госпитале в Афинах в 1899 г. и помогла ему вылечиться от туберкулеза. Она поддерживала постоянную переписку с ним и знала, что накануне войны его бросила невеста. «Он такой несчастный и рад будет смерти — я уверена, что он будет находиться в самых опасных местах»³⁸. Ольга Константиновна не ошибалась: на войне он проявил неподдельный героизм. В трагический для русского флота день — 31 марта (13 апреля) 1904 г., когда недалеко от Порт-Артура взорвался эскадренный броненосец «Петропавловск», на котором погибла большая часть команды и 55-летний командующий флотом вице-адмирал С.О. Макаров (который незадолго до этого отметил храбрость и ум молодого офицера), именно М. Рошаковский, командуя гребным катером, вытащил из воды и спас 18 моряков с броненосца, в том числе великого князя Кирилла Владимировича, когда тот уже захлебывался. Рошаковский нашел и поднял шинель Макарова. Но свой главный подвиг он совершил, командуя миноносцем «Решительный» Порт-Артурской эскадры (за свою юркость миноноски называли «ласточками войны»). По указанию контр-адмирала В.К. Витгефта³⁹, который стал командующим Тихоокеанской эскадрой после гибели С.О. Макарова, он должен был прорвать японскую блокаду, прибыть в китайский порт Чифу, доставить секретную депешу русскому консулу, а затем разоружиться. Всё было проделано по плану. Но японцы, поправ все морские законы, ночью атаковали в нейтральном порту разоруженное китайцами судно. Поняв обман, Рошаковский отдал приказ команде вступить в рукопашный бой и взорвать миноносец. Силы были неравны, и вскоре все оказались в воде и еле доплыли до берега. Рошаковский пытался безуспешно спастись на китайской джонке, но ему, раненному в бедро, при-

шлось вплавь добираться до берега. Из 57 человек команды не досчитались лишь двоих. Никто из них не знал, что к этому моменту корабли нашей эскадры так и не прорвались во Владивосток, а посылавший Рошаковского в Чифу контр-адмирал Витгефт погиб. Европейцы, проживавшие в Чифу, восхищались храбростью русского командира миноносца и его команды и сделали его всемирно известным героем, который повернул общественное мнение Европы в сторону России. Едва залечив рану, Рошаковский через Америку вернулся в Россию, где его весьма холодно встретил вице-адмирал А.А. Бирилёв, ставший к этому времени морским министром (с 29 июня 1905 г. по 11 января 1907 г.). Он придрался к тому, что Рошаковский нарушил международное правило, по которому, будучи интернированным на территории нейтрального государства, он должен был оставаться там до конца войны. Но после захвата «Решительного» свое обязательство не воевать с японцами Рошаковский посчитал недействительным и еще с дороги подал рапорт морскому министру о зачислении в 3-ю Тихоокеанскую эскадру адмирала Н.И. Небогатова, которая готовилась к отправке на Дальний Восток, вдогонку 2-й эскадры З.П. Рожеественского⁴⁰. Зато Николай II встретил лейтенанта замечательно и разрешил ему снова отправиться на войну, неся службу на броненосце «Адмирал Сенявин», входившем в состав 3-й эскадры.

Эскадра Небогатова появилась 28 февраля 1905 г. перед входом в Судскую бухту на Крите совершенно неожиданно для всех, и даже для всеведущих поставщиков угля — греков. «Стройно, в отличном порядке вошел и стал на рейде отряд, видом своим произведя самое хорошее впечатление не только на наши суда, бывшие в Суде, но и на иностранцев», — писал в своем строевом рапорте командир эскадренного броненосца «Адмирал Ушаков». При отряде находились небольшой буксирный пароход «Свирь» и транспорты: «Курония», «Ливония», «Ксения» и «Герман Лерхе», а на Крите к ним еще присоединились огромный водоналивной пароход «Граф Строганов» и оборудованный в Одессе под госпиталь пароход Добровольного флота «Кострома». В рапорте сообщалось также, что «королева Эллинов Ольга Константиновна, желая проститься с уходящи-

ми на войну моряками, прибыла на Крит и посетила все корабли, благословив каждый из них иконой»⁴¹. Греческая королева описывала это событие так: «Сегодня еду в Суду прощаться с тремя броненосцами-адмиралами и завтра с остальными. На эскадре, кроме Рощаковского, кот[орому] я телеграфировала, никто не знал, что я приеду и что я нахожусь на входящем в гавань пароходе; мы ушли из Пирея в час ночи, а в Суде были в 4 ½ дня. Суда грузят уголь повсюду, где он может поместиться, чуть ли даже не в карманы, так что я пока у них не была». И далее: «Я там держала себя исправно и не ревела; на каждое судно привезла по образу — довольно большому, с Афона, с греческими надписями — других у меня не было; команду собирали, я их благословляла и говорила несколько слов, приблизительно так, но очень нескладно: “Счастливого пути, ребята, храни вас Господь, вернитесь здоровыми, невредимыми и победоносными!”. Храни их Бог, милых, родных!» Единственным огорчением для Ольги было то, что ее сын, принц Георг, верховный комиссар четырех держав на Крите, «приезжал к ним напутствовать их, но так, что потом офицеры, а потом и даже матросы говорили: “И к чему он приезжал?” — так он был холоден и безучастен»⁴².

На броненосце «Император Николай I», после обедни, королева беседовала с капитаном 1-го ранга Николаем Оттовичем Эссенем⁴³, «чудо-богатырем», который отличился, командуя крейсером «Новик», а потом броненосцем «Севастополь», когда он вывел его на внешний рейд и дрался с японскими миноносцами, уничтожив несколько из них. «Я разревелась, когда увидела его, — вид порт-артурцев так действует на меня, — писала Ольга брату. — Ты не можешь себе представить, до чего он скромн, настоящий богатырь. После обедни был большой завтрак, я сидела между адмиралом Небогатовым и командиром «Адмирала Ушакова» Миклухой⁴⁴, кот[орый] мне ужасно понравился — он настоящий, старый морской волк и страшно любит море и свою службу; он с умилением вспоминает папа⁴⁵, кот[орый] так ценил его брата. ... После завтрака было прощание с офицерами и командой, а потом и на крейсере «Владимир Мономах», на котором очень симпатичная кают-компания, и моя большая симпатия лейтенант Нозиков (о котором его

командир когда-то сказал мне, что он — святой — такой он хороший). Нозиков показывал мне новые оптические прицелы, которых не имела порт-артурская эскадра, а японцы имели — чтоб им пусто было. На крейсере «Владимир Мономах» команда опустила на колени, когда я передавала икону. Я крепилась все время и держала себя хорошо от страха навести на них тоску. [...] Потом мы еще осматривали госпитальное судно «Кострома», на котором 9 сестер, премилых; там мне с благодарностью показывали белье из склада Мраморного дворца. Вечером я обедала на броненосце «Адмирал Синявин», на кот[ором] находится молодец Рошаковский; большое счастье, что приехал Эссен, знающий его и его службу». Адмирал Н.О. Эссен от-рекомендовал М.С. Рошаковского адмиралу Небогатому как выдающегося офицера⁴⁶.

Даже в далекой Греции были видны ошибки и просчеты морского руководства России. Было непонятно, почему Рожественский не мог дожидаться у Мадагаскара 3-й эскадры Небогатого. «Куда же он пошел? Ведь теперь, после Порт-Артура, и спешить нечего, как мне кажется [...]». Ольга, соглашаясь со статьями Кладо, который осуждал деятельность Морского министерства, «благодарила Бога, что Папа не дожил до нашего времени, чтоб видеть, что сделали и делают с его флотом и его моряками [...]»⁴⁷.

На борту «Адмирала Сенявина» М.С. Рошаковскому довелось принять участие в Цусимском бою, где он снова отличился, стоя на башне миноноски с биноклем в руках и командуя ее огнем, что было практически самоубийством. «Я уверена, — писала Ольга Константиновна, — что мой бедный Рошаковский погиб [...] а если он попал в плен, то и это ужасно; он мне несколько раз говорил: «Только бы не попасть в руки японцам — они меня повесят из-за происшествия на мин[оносце] “Решительный”»⁴⁸. Он и правда вторично попал в плен, а конце войны Рошаковского вместе с другими военнопленными освободили, и он вернулся домой в Петербург, где его заслуги в войне были отмечены орденами. Однако вскоре великий князь Алексей Александрович, оскорбленный запиской, составленной Рошаковским в плену, в которой делались выводы о причинах

поражения России в войне с Японией и говорилось о бездарности руководителей флота и лично великого князя, отправил героя в отставку. Николай II, желая выручить Рошаковского, предложил ему стать дипломатом по особым поручениям, и он был отправлен, по просьбе греческой королевы, в Афины. Ольга убедила императора, что Рошаковский — «выдающийся по уму и образованию человек»⁴⁹. В Афинах он пробыл в должности 2-го секретаря российской миссии до Второй Балканской войны, а после убийства греческого короля Георга I в марте 1913 г. был переведен на должность 1-го секретаря дипломатической миссии в Дармштадте, где и встретил Первую мировую войну.

Удивительный факт: в феврале 1905 г. греческая королева получила из Японии письмо от моряков, находившихся уже полгода в плену: «Ваше Королевское Величество! Спасенная команда крейсера 1-го ранга «Рюрик», находящаяся в плену у Японии, поздравляет Ваше Королевское Величество с Новым годом и посылает свой горячий привет! Япония, г. Химиджи, 16 декабря 1904 г. Писал машинный держатель Константин Лисиченко»⁵⁰.

В Афинах произошла еще одна встреча с порт-артурцами, когда на несколько часов в Пирей зашел по пути в Одессу пароход РОПиТ⁵¹. Королева Ольга вспоминала, что на нем было человек 30 или 40 порт-артурцев, а один из них — капитан 2-го ранга Е.В. Клюпфель⁵² — даже приехал во дворец по ее просьбе. 18 июня 1904 г. Клюпфель был награжден правительством России «за чрезвычайно энергичную и плодотворную деятельность по установке орудий на берегу и организацию обороны» Порт-Артура. «Он долго и до самого конца командовал рядом фортов, на которых были морские орудия; были форты, оставленные стрелками, в них засели моряки. Генерал Кондратенко⁵³ (как он выражался, «душа всей обороны») говорил ему: “Ваших матросов клещами не вытащишь оттуда!”». Клюпфелю надо было спешить обратно на пароход, а я, от волнения и половины не спросила того, что хотела», — вспоминала Ольга Константиновна⁵⁴. В мае королева писала брату: «Так страшно и больно. Сколько у меня там милых, хороших приятелей! — Др. Косинский, флаг-офицер бедного старика фон Фёлькерзама, который

был так болен и умер до сражения; у него, т. е. у Косинского, молодая жена и двое крошек. А милый маленький Нозиков — артиллерист на крейсере «Владимир Мономах» — моя большая симпатия, добрый, милый, благочестивый. Я ему и некоторым другим написала из Крита, и это меня теперь радует; где они родные? Может быть, Господь уже воздал им за их самопожертвование и верность долгу, и им теперь очень хорошо?»⁵⁵.

В Афинах продолжали принимать русских моряков, возвращавшихся из японского плена, которые нуждались в серьезном лечении и даже операциях. «Здесь стоит, по пути в Россию, крейсер «Диана», кот[орый] 16 месяцев провел в Сайгоне после боя 28 июля 1904 г. Командир крейсера светлейший князь Ливен⁵⁶ очень болен, и ему предстоит операция (придется вырезать желчный пузырь), он свезен в русскую больницу в Пирее ... Его жена должна прибыть на днях — она оставалась в Порт-Артуре сестрой милосердия. Она была на госпитальном судне «Монголия», кот[орое] следовало за эскадрой 28 июля, присутствовала при сражении, в котором ее муж принимал участие и, не зная ничего об участи своего мужа, вернулась с эскадрой в Порт-Артур; через неделю, или 10 дней, она узнала, что муж невредим, но потом до падения Порт-Артура они ничего больше друг о друге не слышали»⁵⁷.

Ольга Константиновна, не изменяя своим привычкам, 15 декабря 1905 г. провожала крейсер «Диану», стоя на маяке в бухте Фемистокль, пригласив туда раненных офицеров и сестер милосердия из Русского госпиталя, а также других. «После этого, — пишет Ольга, — я полезла на гору, за Фемистоклем, где находится сиротский дом; я должна все время соблюдать дипломатию, чтоб нельзя было придраться, что я рус[скую] больницу навещаю чаще греческих заведений; это утомительно, но необходимо; вот сегодня утром я была в военном госпитале, после завтрака в моем, Благовещенском, завтра утром опять в последнем на дамском комитете, а после завтрака поеду к раненым и к моим матросикам»⁵⁸.

Особым вниманием, естественно, были окружены тяжело-раненные порт-артурцы, которыми так восхищалась королева Ольга. В январе 1906 г. по пути в Россию в Русский госпиталь

был направлен раненный в голову 24-летний мичман М.Ю. Гаршин. Королева сообщала брату Константину Константиновичу: «В четверг у меня был маленький мичман Гаршин (родной племянник писателя Всеволода Гаршина), которого надо развлекать и наводить на другие мысли — он так страдает от тяжелой раны на голове и очень бывает грустный. В годовщину Порт-Артура у него был опять один из обычных припадков, когда он часами лежит без памяти; к этой годовщине прибавилось еще то, что его обошли производством и произвели за отличие других, младше его; а Гаршин отличился не меньше и во всяком случае вынес все ужасные 11 месяцев Порт-Артурского ада»⁵⁹. С этого времени королева почти в каждом письме к брату рассказывала о «маленьком мичмане» Гаршине, который стал ее любимцем и настоящим другом на всю оставшуюся жизнь, как и М.С. Роцаковский.

Михаил Юрьевич Гаршин родился 23 сентября 1882 г. в семье потомственных дворян Харьковской губернии. Он был воспитанником Морского кадетского корпуса, который окончил в 1903 г. накануне русско-японской войны, когда и получил свое боевое крещение. Так, 19 апреля 1904 г., находясь на сигнальном катере с эскадренного броненосца «Севастополь», он участвовал в сражении с японскими заградителями в Порт-Артуре, затем в охране флангов отступавших русских войск с 10 по 23 мая 1904 г. находился на передовых позициях Порт-Артура и 13 мая после боя при Цзын-Чжоу участвовал в охране флангов отступающих русских войск. Вскоре он оказался на передовых позициях Порт-Артура и 10 июня 1904 г., находясь на эскадренном броненосце «Севастополь», которым командовал контр-адмирал Эссен, в ночном бою с неприятельскими миноносцами, при взрыве мины под эскадренным броненосцем был ранен в голову. Согласно условиям капитуляции крепости Порт-Артура и при потоплении броненосца «Севастополь» он лишился всего своего имущества. Позже «за храбрость, проявленную в сражениях», молодой Гаршин был награжден орденом Св. Анны 4-й степени и другими наградами. Ольга Константиновна горячо привязалась к молодому моряку, который к тому же был очень похож на ее любимого поэта М.Ю. Лермонтова. Гаршин на всю

оставшуюся жизнь стал для нее еще одним сыном (у нее было пятеро сыновей и две дочери). «Подумай, — писала она брату, — его так искалечили в Порт-Артуре за нас, сидящих дома, за нашу беззаветно любимую общую родину. Он для меня святыня и что-то такое удивительно близкое, родное»⁶⁰. После операций на голове, которые Гаршину были сделаны в Афинах в ее присутствии, Ольга каждый день дважды навещала его, часто беря с собой младшего сына принца Христофора. Гаршин рассказывал о войне и учебе в Морском кадетском корпусе. Христо болтал с ранеными офицерами и Гаршиным по-русски. В январе 1906 г. Гаршин, не без ходатайства греческой королевы, был произведен в лейтенанты «за отличие», о чем королеве лично сообщил морской министр А.А. Бирилёв. Ольга писала брату: «Ну, слава тебе Господи! Я повезла ему в тот же день копию телеграммы, и он в самом деле бодрее с тех пор; бедный маленький!»⁶¹. В июне 1906 г. М.Ю. Гаршин отправился обратно в Россию⁶², где был определен на службу на миноносец № 212, на Балтийский флот; затем некоторое время служил на канонерской лодке «Кореец II»⁶³ под командованием весьма строгого капитана 2-го ранга Римского-Корсакова. Службу свою он нес с честью до 1908 г. Когда здоровье его сильно ухудшилось, он был переведен во «второй флотский ее величества королевы эллинов» экипаж. Ольга переживала, что Гаршин мог лишиться службы на флоте, а, значит, и средств к существованию, и через три года после их знакомства выхлопотала ему должность ее личного секретаря (штаб-офицера морского министерства). В сентябре 1909 г. старший лейтенант М.Ю. Гаршин по высочайшему приказу по Морскому ведомству за № 380/937 был назначен секретарем при ее величестве королеве эллинов Ольге Константиновне. Произошло это к великому неудовольствию греческого короля, многих родственников и друзей королевы, которые считали, что нельзя помогать всем несчастным. Сам Гаршин был чрезвычайно привязан к королеве, которая, по его собственному признанию, заменила ему рано умершую мать. Вскоре М.Ю. Гаршин женился, и греческая королева крестила двух его сыновей: Юрия — 14 мая 1912 г. и Кирилла — 29 ноября 1913 г.⁶⁴. Известно, что их потомки живут и поныне. Гаршин

был кавалером многих орденов, в том числе св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; итальянской серебряной медали в память спасения жителей Мессины (в 1908 г.)⁶⁵, греческого Спасителя кавалерского креста (14 сентября 1910 г.).

Страшно тяжелы были потери императорского флота России в русско-японской войне, и в афинском дворце составили перечень погибших кораблей, которые бывали в разное время в Греции, а моряки с которых встречались с греческой королевой. Неполный список включал более 20 различных военно-морских судов.

В феврале 1909 г. в России был обнародован рескрипт Николая II о решении построить в центре Санкт-Петербурга памятник воинам, погибшим в русско-японской войне. Им стал уникальный храм-памятник Спаса-на-Водах, освященный в 1911 г. Греческая королева Ольга, дочь великого князя Константина Николаевича, кому принадлежала заслуга возрождения флота после Крымской войны, известная своей любовью к императорскому флоту и морякам без разделения на звания, стала почетным председателем «Особого комитета для повсеместного в России сбора пожертвований на постройку храма в память русских моряков, погибших в Цусимском и других боях». Ольга очень ответственно отнеслась к своим обязанностям: она обратилась к морякам, находившимся в греческих водах, а бывший в то время 3-м секретарем афинской дипломатической миссии М.С. Рошаковский начал подписку на постройку памятника от ее имени среди русской колонии в Афинах и быстро собрал около 700 драхм⁶⁶.

Храм строили и расписывали лучшие архитекторы и художники своего времени; греческая королева активно участвовала в утверждении присылаемых в Афины эскизов и проектов, вникая во все детали. Иконы для церкви «приносили команды всех приходящих в порт русских кораблей». Начало традиции положила сама Ольга Константиновна, пожертвовав храму те образа, что подносились моряками лично ей. А таковых собралось немало⁶⁷. Храм-памятник был очень популярен в народе, но его ждала печальная участь, как и многие другие русские храмы: весной 1932 г. храм Спаса-на-Водах — неотъемлемая часть

истории российского военно-морского флота — был взорван, священнослужители и часть прихожан были репрессированы как контрреволюционеры-заговорщики⁶⁸.

Греческая королева, несмотря на все тяготы ее личной судьбы, сохранила до конца жизни любовь к флоту. Над постелью умиравшей в 1926 г. в Риме Ольги Константиновны висели фотографии моряков и кораблей.

Катастрофическая для русского флота русско-японская война (когда был фактически уничтожен Балтийский и Тихоокеанский флоты) была названа русскими военными «Маньчжурским уроком», который заставил российское руководство всерьез заняться улучшением состояния вооруженных сил — армии и флота. Военно-морские реформы укрепили вооруженные силы России накануне более грозного столкновения с Германией. Как свидетельствовал генерал А.И. Деникин, «не будь тяжелого маньчжурского урока, Россия была бы раздавлена в первые же месяцы Первой мировой войны»⁶⁹.

Примечания

¹ Бельков В.А. Сильнее смерти. Итоги русско-японской войны 1904–1905 гг. и судьба храма-памятника морякам Спаса-на-Водах. СПб., 2007; История российского флота. М., 2015; Скрицкий Н.В. Адмиралы России. Гордость императорского флота. Ростов-на-Дону, 2013; и др.

² Разгон Л.Э. Плен в своем отечестве. Сборник. М., 1994. Глава «Рощаковский». С. 129–166.

³ Бьорн Братбак — норвежский писатель-историк. Родился в 1937 г. Получил военное образование, после службы в армии работал в государственных и коммерческих предприятиях Норвегии, связанных с нефтедобывающей индустрией. После ухода на пенсию целиком посвятил себя журналистике и историческим исследованиям // Братбак Б. Герой Порт-Артура и узник ГУЛАГа: капитан I ранга Михаил Сергеевич Рощаковский. Перевод с норвежского Елены Гончаровой. <http://flot.com/history/personalities/roschakovsky/>.

⁴ Шигин В.В. Последние герои империи. М., 2013.

⁵ Соколовская О.В. Греческая королева Ольга — «Под молотом судьбы». СПб., 2011.

⁶ История российского флота. С. 460–461.

⁷ Там же. С. 645.

⁸ Там же. С. 528.

⁹ Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 136.

¹⁰ Письма греческой королевы Ольги, великой княжны Ольги Константиновны Романовой, к брату великому князю Константину Константиновичу, как незаменимый источник по истории российского флота, легли в основу данной статьи. Хранятся в ГАРФ в фонде великого князя Константина Константиновича (Ф. 660. Оп. 2).

- ¹¹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 7. Афины. 16 (29) февраля 1904 г.
- ¹² Имеется в виду штаб Наместника его императорского величества на Дальнем Востоке генерал-адъютанта Е.И. Алексеева, облеченного правами главнокомандующего армией и флотом.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 8. Афины. 23 февраля (7марта) 1904 г.
- ¹⁴ Там же. № 13. Афины. 1 (14) апреля 1904 г.
- ¹⁵ Сына хорошего знакомого королевы, героя русско-японской войны Всеволода Федоровича Руднева (1855–1913), контр-адмирала Российского императорского флота, командира знаменитого крейсера «Варяг», который под его командованием принял неравный бой у Чемульпо.
- ¹⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 9. Афины. 1 (14) марта 1904 г.
- ¹⁷ Там же. № 12. Афины. 22 марта (4 апреля) 1904 г.
- ¹⁸ Вирен Роберт Николаевич (1857–1917) – российский адмирал (с 1 марта 1915 г.). Убит революционными матросами во время Февральской революции 1 марта 1917 г. (заколот штыками на Якорной площади Кронштадта).
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 12. Афины. 22 марта (4 апреля) 1904 г.
- ²⁰ Великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938, Париж) – второй сын великого князя Владимира Александровича, третьего сына императора Александра II, и великой княгини Марии Павловны; двоюродный брат Николая II. Закончил Морской кадетский корпус и Николаевскую морскую академию, с 1 января 1904 г. – начальник военно-морского отдела штаба командующего флотом в Тихом океане вице-адмирала Макарова. Прибыл в Порт-Артур 3 марта 1904 г. Служебными обязанностями фактически не занимался. Отличился пьянством (вместе с другим великим князем, Борисом Владимировичем) и хамством по отношению к офицерам эскадры.
- ²¹ Молас Михаил Павлович (1852–1904), контр-адмирал. В начале русско-японской войны был начальником штаба у адмирала С.О. Макарова на броненосце «Петропавловск», погиб вместе с художником В.В. Верещагиным и адмиралом Макаровым при взрыве броненосца «Петропавловск» в марте 1904 г.
- ²² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 13. Афины. 1 (14) апреля 1904 г.
- ²³ Имеется в виду сестра великого князя Кирилла Владимировича Елена Владимировна (1882–1957), великая княгиня, в замужестве принцесса Греческая и Датская, супруга греческого принца Николая, невестка королевы эллинов Ольги.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 13. Афины. 1 (14) апреля 1904 г.
- ²⁵ Там же. № 14. Афины. 7 (20) апреля 1904 г.
- ²⁶ Там же. № 16. Афины. 25 апреля (7мая) 1904 г.
- ²⁷ Там же. № 17. 30 апреля (12 мая) 1904 г.
- ²⁸ *Соловьев Ю.Я.* Воспоминания дипломата. С. 136–138.
- ²⁹ История российского флота. С. 668.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Хольмсен Иван Алексеевич (1865–1941, Осло) – русский генерал норвежского происхождения, участник Первой мировой войны. В 1901–1906 гг. – военный агент в Афинах.
- ³² ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 17. Татой. 4 (17) мая 1904 г.
- ³³ Там же. № 18. Татой. 10 (23) мая 1904 г.
- ³⁴ Кладо Николай Лаврентьевич (1862–1919) – историк, теоретик русского флота, писатель, генерал-майор по Адмиралтейству.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 19. Татой. 17 (30) мая 1904 г.
- ³⁶ Там же. № 21. Татой. 1 (14) июня 1904 г.

- 37 ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 245. № 21. Татой. 1 (14) июня 1904 г.
- 38 Там же. № 7. Афины. 16 (29) февраля 1904 г.
- 39 Витгефт Вильгельм Карлович (1847–28 июля (10 августа) 1904, Желтое море, на борту броненосца «Цесаревич»).
- 40 См.: *Шигин В.В.* Последние герои империи. С. 129.
- 41 См.: *Дмитриев Н.Н.* Броненосец «Адмирал Ушаков» (Его путь и гибель) // *Корабли и сражения.* Вып. VII. СПб., 1997.
- 42 ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 234. № 10. Крит. Халепа. 5 (18) марта 1905 г.
- 43 Эссен Николай Оттович (1860–1915), адмирал, герой обороны Порт-Артура, выдающийся морской деятель. В марте 1905 г. вернулся из плена в Петербург // *Скрицкий Н.В.* Адмиралы России. Гордость императорского флота. С. 227–237; *Зуев Г.И.* Историческая хроника Морского корпуса. 1701–1925. М.-СПб., 2005. С. 340.
- 44 Миклуха Владимир Николаевич (1853–1905), капитан 1-го ранга.
- 45 Имеется в виду великий князь Константин Николаевич, долгие годы руководивший императорским флотом и сделавший много для его возрождения после Крымской войны.
- 46 ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 234. № 11. Халепа. 12 (25) марта 1905 г.
- 47 Там же. № 3. Афины. 18 (31) января 1905 г.
- 48 Там же. № 21. Татой. 22 мая (5 июня) 1905 г.
- 49 Там же. № 8. Афины. 12 (25) февраля 1908 г.
- 50 Там же. № 5. Афины. 1 (14) февраля 1905 г.
- 51 Российское общество пароходства и торговли (РОПит), созданное в 1867 г.
- 52 Клюпфель Евгений Владиславович (1860–1934) – русский контр-адмирал (с 1913 г.).
- 53 Кондратенко Роман Исидорович (1857 – 2 (15) декабря 1904 г., Порт-Артур), русский генерал-лейтенант (посмертно), военный инженер, герой обороны Порт-Артура.
- 54 ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 234. № 8. Афины. 22 февраля (7 марта) 1905 г.
- 55 Там же. № 21. Татой. 22 мая (5 июня) 1905 г. Позже из Петербурга сообщили, что Роцаковский и Нозиков живы, но находятся в плену // ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 234. № 22. Татой. 27 мая (19 июня) 1905 г.
- 56 Светлейший князь Александр Александрович Ливен (1860–1914) – вице-адмирал Российского императорского флота. В русско-японскую войну командовал минной обороной Порт-Артура, затем дивизионом миноносцев, канонерской лодкой «Бобр», крейсером I ранга «Диана». За отличие в боях награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». В 1905 г. произведен в чин капитана 1-го ранга. В 1906 г. командовал крейсером I ранга «Память Азова».
- 57 ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 234. № 25. Афины. 6 (19) декабря 1905 г.
- 58 Там же. № 27. Афины. 19 декабря (1 января) 1905 г.
- 59 ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 235. № 1. Афины. 5 (18) января 1906 г.
- 60 Там же. № 18. Афины. 30 апреля (13 мая) 1906 г.
- 61 Там же. № 3. Афины. 17 (30) января 1906 г.
- 62 Там же. № 21. Татой. 22 мая (4 июня) 1906 г.
- 63 «Кореец II» – канонерская лодка Балтийского флота, названная так в честь своей героической предшественницы, канонерской лодки «Кореец».
- 64 Подробнее см.: *Соколовская О.В.* Греческая королева Ольга – «Под молотом судьбы». С. 155–161.

⁶⁵ В декабре 1908 г. случилось небывалой силы землетрясение на о. Сицилия в г. Мессина. Гаршин оказался свидетелем и участником спасения мирных жителей. 15 декабря 1908 г. эскадра контр-адмирала В.И. Литвинова в составе броненосцев «Слава» и «Цесаревич», крейсеров «Богатырь» и «Адмирал Макаров» принимала уголь в порту Аугуста на Сицилии. Внезапно адмиралу сообщили о сильном землетрясении в городах Мессина и Реджо-де-Калабрия. Литвинов приказал прекратить погрузку и идти в Мессину. На рейде разрушенного города русские моряки увидели стоявший на якоре британский крейсер «Сетлей», команда которого, опасаясь эпидемий, лишь наблюдала за происходившим на берегу. Со стороны моря открывалась страшная картина. Город лежал в руинах. Во многих местах бушевали пожары. Набережная была заполнена толпами обезумевших от страха людей. Немедленно с русских кораблей была отправлена спасательная группа. Вскоре в Мессину пришли канонерские лодки «Гиляк» и «Кореец», экипажи которых тоже высадились в разрушенный город. Русские моряки, первыми пришедшие на помощь, извлекали пострадавших мессинцев из-под обломков, оказывали раненым первую помощь и доставляли их на медицинские пункты, оборудованные на набережной. Многих пострадавших жителей и детей, оставшихся сиротами, на русских кораблях перевезли в Неаполь. Вслед за русской эскадрой на помощь мессинцам пришли корабли итальянского флота и другие. Как пишет в книге воспоминаний контр-адмирал Г.К. Граф (тогда лейтенант на крейсере «Адмирал Макаров»), «для русского имени этот случай сыграл большую роль, так как русский авторитет после Японской войны и революционных вспышек был сильно поколеблен в Европе». См.: *Граф Г.К. Императорский Балтийский флот между двумя войнами. 1906–1914 гг. М., 2013. С. 190–191; Буркин В.В. Русские моряки-герои Мессины. М., 2009.*

⁶⁶ ГАРФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 238. № 26. Мраморный дворец. 26 июня (9 июля) 1909 г.

⁶⁷ *Гришин Д.Б. Великий князь Константин. Пред вечной красотой. М., 2008. С. 110–111.*

⁶⁸ *Бельков В.А. Сильнее смерти. Итоги русско-японской войны 1904–1905 гг. и судьба храма-памятника морякам Спаса-на-Водах. С. 39.*

⁶⁹ <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/vojni-rossijskoj-imperii.html>; *Шефов Н.А. Самые знаменитые войны и битвы России. М., 2000.*

Василий Борисович КАШИРИН

«Мозг армии» о задачах Российской империи на Балканах: доклад Главного штаба 1902 г.

Для историка едва ли возможно достаточно глубоко постигнуть суть и ключевые особенности политики Российской империи в отношении народов и стран Балканского полуострова без должного внимания к военному фактору. Его исключительно важная роль была обусловлена самим характером стратегических усилий России на балканско-черноморском направлении, главным инструментом которых неизменно, из поколения в поколение, служили армия и флот. Постоянные войны с участием России (8 русско-турецких войн с 1710 г. по 1878 г., а также экспедиции флота в Архипелаг и неоднократная оккупация Дунайских княжеств) преобразовали политическое пространство Балкан и тем самым формировали повестку и ставили всё новые задачи для русской дипломатии. В некотором смысле, череда войн России на Балканах создавала ситуацию, противоположную канонической формуле Клаузевица о том, что «война — это продолжение политики другими средствами». Политика Российской империи на Балканах во многих отношениях была продолжением и результатом минувших войн и именно посредством этого становилась предпосылкой к новым вооруженным конфликтам.

Изучение военной политики и стратегии России на Балканах является важной и до сих пор пока еще не решенной научной задачей. Особый интерес в этом отношении представляет период от русско-турецкой Освободительной войны 1877—1878 гг. до Первой мировой войны включительно, когда на смену традиционному противостоянию Российской и Османской империй на Балканах пришел сложный комп-

лекс отношений с молодыми независимыми государствами полуострова, в условиях продолжающегося и усиливающегося соперничества между великими державами за влияние в регионе.

Несмотря на жестокую и обескураживающую неудачу русской дипломатии на Берлинском конгрессе 1878 г., казалось, что в де-факто независимом Болгарском княжестве Россия все же приобрела важный плацдарм своего военно-политического влияния. Однако затем в результате совокупности вынужденных и невынужденных ошибок руководства Российской империи после кризиса 1885 г. и переворотов в Болгарии 1886 г. отношения России с этой страной оказались разорваны. Сербия и Румыния еще раньше вошли в орбиту влияния Австро-Венгрии. После этого Российская империя, по справедливому выражению академика С.Д. Сказкина, «принуждена была временно уйти с Балкан»¹. Эта ситуация продолжалась до конца правления императора Александра III. Смерть двух непримиримых антагонистов – российского самодержца и бывшего болгарского «железного диктатора» Стефана Стамболова, а также уход из политической жизни страны сербского экс-короля Милана Обреновича открывали возможности для нормализации отношений с Болгарией и Сербией.

Однако в то время интересы России, как и других великих держав, были обращены к Дальнему Востоку, где после японо-китайской войны 1894–1895 гг. началась своеобразная гонка колониальных захватов в Китае. Австро-российское соглашение 1897 г. о консервации политического положения на Балканах вполне отвечало интересам Петербурга на тот момент. Однако в 1900–1901 гг. по каналам дипломатии и, главным образом, военной разведки в Петербурге были получены тревожные сведения об активизации военного сотрудничества Австро-Венгрии и Румынии, что противоречило духу соглашения 1897 г. Между дипломатическим и военным ведомствами Российской империи развернулась дискуссия о целесообразных ответных действиях на Балканах, причем именно МИД настаивал на активной линии поведения и не стеснялся добиваться этого от военных, обращаясь непосредственно к императору. В

итоге военное ведомство, не будучи в тот момент заинтересовано в «разогревании» ситуации на Балканах и в усилении военных приготовлений государств полуострова, было вынуждено в качестве ответной меры начать разрабатывать собственную амбициозную программу подготовки создания военно-политического блока балканских славянских государств под эгидой России. Этот союз в случае большой европейской войны или очередного военного кризиса в рамках решения Восточного вопроса должен был послужить ценным орудием России².

В документах русского Главного штаба, других ведомств и учреждений данный план не получил никакого конкретного названия, но представляется уместным называть его Большой балканской программой Главного штаба Российской империи. Важным шагом по реализации этого плана стало заключение секретной русско-болгарской военной конвенции 31 мая 1902 г.³ Одновременно намечалось укрепление военно-политических связей с режимом короля Александра Обреновича в Сербии, чему благоприятствовал встречный интерес сербской стороны.

Однако уже совсем скоро череда неблагоприятных событий и обстоятельств нарушила все планы по реализации Большой балканской программы. Переворот 29 мая 1903 г. в Белграде привел к кровавому концу короля Александра и всей династии Обреновичей и началу периода относительной политической нестабильности и изоляции Сербии. Одновременно в Болгарии пало русофильское правительство цанковистов, и к власти в Софии временно пришли русофобские силы. Но главное — менее чем через год, в начале 1904 г., Россия оказалась втянута в тяжелую и неудачную для нее войну с Японией в Корее и Маньчжурии, а затем — и в пучину революции 1905—1907 гг. Балканская программа русского Главного штаба была забыта ее разработчиками, однако некоторые ее идеи снова оказались востребованы в период Балканских войн 1912—1913 гг. и, затем, накануне и в начале Первой мировой войны.

В последующие годы историки не уделяли достаточного внимания балканским стратегическим планам и взглядам военного ведомства поздней Российской империи, а потому сейчас немалый интерес и новизну представляют документальные пер-

воисточники по этой теме. В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в Москве хранится документ, который следует считать наиболее полным и подробным теоретическим отражением Большой балканской программы военного ведомства Российской империи. Этим документом является весьма секретный доклад под заглавием «Вооруженные силы Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии. Привлечение армий этих государств к совместным действиям с русскими войсками в случае войны»⁴.

В советское время архивисты обозначили этот документ как «Записку генерал-квартирмейстера Главного штаба Жилинского», что отражено и на титульном листе дела, и в описи фонда Главного штаба. Однако объем документа — 90 машинописных страниц — явно не позволяет называть его «запиской». Более подходящим представляется понятие «доклад», и именно так мы и будем называть этот документ (здесь далее — «Доклад»). Что же касается авторства текста, то под документом стоят подписи трех лиц: начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова, генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майора Я.Г. Жилинского⁵ и начальника оперативного отделения Главного штаба полковника М.В. Алексева⁶. Таким образом, авторами Доклада формально выступили первые лица Главного штаба, непосредственно возглавлявшие процесс его работы над стратегическими планами. В любом случае, это был результат коллективного труда офицеров «мозга армии», в значительной мере основанный на донесениях военных агентов в столицах балканских государств и, затем, на обработке их в соответствующих аналитических подразделениях Главного штаба.

Подлинная беловая копия документа хранится в фонде Главного штаба (ф. 400); данная копия содержит 90 машинописных страниц⁷. Именно этот экземпляр был доложен императору Николаю II. На титульном листе доклада стоит надпись военного министра генерала А.Н. Куропаткина: «Его Величество изволил читать 10 ноября 1902 года»; также на полях документа содержится несколько пометок и надписей царской рукой. Существовали ли другие копии доклада и со-

хранились ли они — неизвестно. Из других найденных документов следует, что непосредственно распоряжение о начале подготовки Доклада Куропаткин отдал 13 августа 1901 г., когда узнал, что глава МИД В.Н. Ламздорф заручился одобрением императора по поводу идеи активных действий на Балканах⁸. Иными словами, работа над текстом заняла больше года, что представляется вполне нормальным для документа такого объема и такого уровня (а писался он явно в расчете на прочтение самим императором).

Рассматриваемый документ уже попадал в руки историков-архивистов. В частности, его фрагменты, относящиеся к Черногории и Сербии, использовали составители замечательного сборника документов русского военного агента в Черногории Н.М. Потапова⁹. Однако разделы, относящиеся к Болгарии, Румынии и их вооруженным силам, в данном сборнике опущены. И до сих пор никто из исследователей не ставил перед собой задачи проанализировать этот документ как единое целое и ввести в научный оборот, в контексте обширной и сложной темы военно-политической стратегии поздней Российской империи на Балканах. В настоящей статье мы попробуем отчасти восполнить этот пробел.

Доклад состоял из короткого введения и трех основных разделов, содержащих, соответственно, очерки организации вооруженных сил балканских стран, описание их возможных действий в качестве союзников России в случае войны, а также варианты их территориального вознаграждения за счет побежденных противников. Примечательно, что в докладе рассматривались лишь три балканские славянские страны — Болгария, Сербия и Черногория, а также Румыния. Греция на страницах доклада никак не фигурировала, что отражало отсутствие у русского Главного штаба в тот момент любых планов по военному сотрудничеству с этим маленьким королевством, обладавшим незначительным военным потенциалом и, к тому же, недавно потерпевшим поражение в войне с Турцией — в 1897 г.

В первом разделе «Введение и основные положения записки» (с. 1–5) был дан краткий очерк современной политической ситуации на Балканах и названы важнейшие цели политики

России в отношении государств региона. Отправным тезисом авторов Доклада стало утверждение о том, что Румыния, руководство которой находится под влиянием «бесправного по смыслу конституции», но «авторитетного по личным качествам и характеру» короля Кароля I, явно встала на сторону Тройственного союза и «в настоящее время ... должна считаться в числе врагов России, если только ближайшее столкновение произойдет на нашей западной границе». Как об установленном факте говорилось о существовании между Румынией и Австро-Венгрией военной конвенции, по которой румынские войска должны были действовать совместно с силами Центральных держав, еще больше увеличивая их численное превосходство над русской армией. Это лишний раз подтверждает, что именно упомянутые выше сведения об углублении австро-румынского военного сотрудничества и послужили непосредственным толчком к разработке Большой балканской программы.

«Славянские государства полуострова по симпатиям и убеждениям массы своего населения, без всякого сомнения, должны быть причислены к числу естественных союзников России», — говорилось в Докладе¹⁰. В случае борьбы России с Тройственным союзом или с Турцией они не смогут сохранить роль зрителя и, так или иначе, будут втянуты в конфликт, «причем, конечно, не может быть и речи об открыто враждебном отношении какого бы то ни было из упомянутых славянских государств к России». Далее авторы с сожалением констатировали, что над балканскими славянами тяготеет сербско-болгарская рознь — антагонизм в вопросе о Македонии, а также и политические противоречия между Сербией и Черногорией. Отмечалась нестабильность и переменчивость политической ситуации в Белграде и Софии, а также присутствие в рядах правящей элиты обеих стран лиц, находящихся под сильным влиянием австро-венгерской дипломатии¹¹. Авторы Доклада не сомневались, что если в начале войны с участием России Сербия и Болгария попытаются свести счеты между собою, то их значение как потенциальных союзников для России будет сведено на нет и их вооруженные силы не смогут принести никакой пользы русскому делу.

Далее руководство Главного штаба формулировало основные цели политики России на Ближнем Востоке. Первой из них признавалось «уничтожение следов печального прошлого в отношениях Болгарии, Сербии и Черногории и тех взаимных недоверия и подозрительности, при которых мы не можем с полным убеждением рассчитывать на содействие нам вооруженных сил балканских славян». Для преодоления давнего антагонизма между Софией и Белградом признавалось необходимым установить «основные принципы вознаграждения за будущее участие в борьбе, определив возможно справедливее теперь же сферы влияния Болгарии и Сербии в Македонии и Старой Сербии на тот случай, если при заключении мира возникнут препятствия к более полному вознаграждению». Под «более полным вознаграждением» явно подразумевался вероятный сценарий раздела балканских владений Австро-Венгрии, населенных южными славянами. Только в случае примирения славянских государств для России было выгодно содействовать равномерному развитию их вооруженных сил.

Второй задачей называлось «стремление парализовать деятельность руководящих слоев Румынии, склоняющихся всецело на сторону Тройственного союза». Считалось возможным, что в недалеком будущем румынское общество осознает пагубность идеи союза с Австро-Венгрией, в первую очередь из-за репрессивной и ассимиляционной политики венгерской короны в отношении румынского населения Трансильвании. При этом симпатии средних и низших классов Румынии, якобы, были направлены более в сторону России¹².

Авторы Доклада подчеркивали, что Россия не имеет намерения по своему почину развязывать агрессивные войны в Европе, но может быть втянута в вооруженный конфликт в результате нападения Тройственного союза либо «силою тех обстоятельств, которые вынудят нас приступить к окончательному решению Восточного вопроса, начав это решение захватом проливов»¹³.

Затем в Докладе следует раздел «Организация вооруженных сил» (с. 6–42), в котором подробно излагались данные об организационном устройстве и численности балканских армий,

их комплектовании, обученном запасе, резервных частях, командных кадрах, материальном обеспечении и т. д. Содержание этой части Доклада заслуживает более детального разбора, поэтому в рамках данной статьи отметим лишь, какие общие оценки давали авторы документа военному потенциалу четырех рассматриваемых ими стран.

В разделе об армии Болгарии в Докладе отмечались выдающиеся качества пехоты и артиллерии болгарской армии, а также энергичная работа по обучению войск, которая была основана на началах, заложенных еще русскими офицерами. Война 1885 г. показала, что молодая болгарская армия способна не только к обороне, но и к быстрому передвижению, деятельному преследованию разбитого противника. В военное время общий состав мобилизованной действующей армии должен был достигать 130 тыс. человек, при 378 орудиях, с запасом до 150 тыс. человек и 456 орудий. Резервная армия должна была иметь 6 резервных бригад, по 2 полка в 4 дружины, по 3 батареи и 1 пионерной роте каждая, а всего 48 дружин, 18 батарей и 6 пионерных рот, или 41,4 тыс. человек и 108 орудий. Обмундирование и снаряжение в надлежащем количестве имелись только для действующей армии; для резервных частей их практически не было.

Намеченный болгарским Генштабом срок полной мобилизации в 8–9 дней и срок сосредоточения на границах в 10–17 дней, по оценке русских экспертов, следовало бы правильнее оценивать в 2 недели для мобилизации и в 3 недели для полной готовности на границах. Опыт войны 1885 г. показал, что только двухмесячное промедление сербов позволило болгарам полностью завершить мобилизацию своей армии.

Одновременно отмечалась слабость высшего командного состава, его недостаточная подготовленность к командованию и руководству войсками. «Другим органическим недостатком армии является горячее ее участие в разьедающих страну политических распрях и раздорах (подчеркнуто машинописно в тексте. — В. К.) [...] Особенно глубокие следы положили в армии македонский вопрос и вопрос о возвращении в строй из России офицеров-эмигрантов»¹⁴.

Авторы писали: «Настроение армии по Македонскому вопросу (громадный ее процент числится членами Македонского комитета), по мнению некоторых исследователей болгарской армии, например, таково, что существуют серьезные сомнения в возможности удержать наиболее пылкую часть сторонников присоединения Македонии к Болгарии от самовольного вторжения в Македонию при какой бы то ни было войне. Затем нельзя не отметить непопулярность в армии князя Фердинанда, основанную на малом его внимании к нуждам армии и даже к самому ее существованию»¹⁵.

Далее говорилось, что победа в войне 1885 г. породила в болгарской армии самомнение и своего рода головокружение от успехов, в чем проявился пылкий и увлекающийся национальный характер.

В целом сложность мобилизации армии, устарелость и недостаточность материальной части артиллерии заставляли авторов Доклада сомневаться в способности болгарской армии к сложным и активным операциям вне пределов страны. Однако денежная помощь могла преодолеть материальные недостатки, а популярная в обществе война должна была сгладить политические противоречия. Главный вопрос заключался в том, «как уравновесить интересы других наших вероятных союзников на Балканском полуострове, не разрушая в то же время надежд болгар на присоединение к ним всей Македонии?».

Более критическую оценку в Докладе получила сербская армия. Отмечалось негативное влияние на вооруженные силы частых перемен во внутренней и внешней политике Сербии. При каждом новом военном министре и при каждой смене политического режима в армии происходили большие изменения. Наблюдалась огромная нехватка офицерского состава. При потребности в военное время в 6 тыс. офицеров налично имелось только 3 тыс., и взять недостающих в тот момент было неоткуда.

Организация сербской армии признавалась весьма сложной и изощренной по замыслу, однако войска 2-го и 3-го призывов назывались существующими лишь на бумаге. Планы сербского руководства мобилизовать полевые войска за 5–8 дней,

обозы за 10 дней, 2-й призыв за 2 недели и 3-й призыв за 2,5 недели оценивались как абсолютно неосуществимые, при такой сложной организации, нехватке 50 % офицеров и 20 % конского состава. В качестве примера приводилась война 1885 г., когда сербы почти на два месяца затянули свою мобилизацию.

Всю систему обучения и боевой подготовки войск сербская армия заимствовала у австрийцев. В их учебных заведениях получили подготовку некоторые сербские офицеры. «Но собственные интересы австрийского правительства подсказывали ему ту скромную границу совершенствования сербской армии, далее которой вести ее представлялось совершенно нежелательным [...]». Проблемы с обучением войск наблюдались также из-за слабости кадров, малых сроков службы под знаменами (1,5–2 года), финансовых трудностей (редкие сборы резервистов). Авторы Доклада писали: «Таким образом, недостатки милиционной по существу своему сербской армии далеко не могут быть восполнены той слабой боевой подготовкой, которую придают ей нынешнее обучение и воспитание»¹⁶.

Как и в Болгарии, в вооруженных силах Сербии отмечалось тлетворное влияние политики. Много офицеров было воспитано в духе враждебного России режима Милана Обреновича. Почти все сербы, а, значит, и армия, были сторонниками агрессивной политики в Македонии. Авторы Доклада заключали, что денежная помощь на перевооружение артиллерии, советы в вопросах организации, подготовки офицерского состава и руководства армией и, главное, целесообразное размежевание сербских и болгарских интересов на Балканском полуострове, несомненно, смогут повысить боеспособность сербской армии и подготовить ее к совместным с Россией действиям.

«Но во всяком случае боевую силу сербской армии надо считать много меньше, нежели считают ее сербы, и при недостатке людей, хороших пушек и лошадей для запасных частей и 2-го и 3-го призывов, более надежной силой для каких-либо активных предприятий вне пределов своего отечества могут быть только 5 дивизий действующей армии. На прочие же категории вооруженных сил нужно смотреть лишь как на ополчение, которое может принять на себя только оборону страны»¹⁷.

Черногорская армия характеризовалась в Докладе как всецело милиционная военная сила, способная выставить в течение недели 25–30 тыс. человек пехоты и артиллерии к любому участку границы. Отсутствие обоза практически лишало ее способности к наступательным действиям. Однако в обороне черногорское войско обладало большой силой, основанной на легендарных традициях национального духа, на «вековых преданиях почти сказочного непобедимого героизма»¹⁸ (редкое для русских генштабистов эмоциональное высказывание).

О румынской армии говорилось, что она, при своей многочисленности, имеет очень сложное устройство, применить которое на практике в военное время едва ли будет возможно. Особо остро стоял вопрос обеспечения армии конским составом, из-за чего в случае войны румынская полевая артиллерия должна была запрягаться быками и волами (беспрецедентная ситуация для всех прочих армий Европы того времени). Милиция и ополчение Румынии не имели никакой правильной организации. Авторы Доклада заключали: «В общем, краткость службы и сроков обучения, слабость кадров и недостаток офицеров делают подготовку румынской армии в мирное время весьма несовершенной, а отсутствие денег не дает пока возможности исправлять существующие недостатки»¹⁹. «В общем выводе, вооруженные силы Румынии носят еще более милиционный характер, нежели армии других балканских государств, и, частью малоподвижные (часть артиллерии на волах), обученные в краткие сроки и не вполне обеспеченные личным и конским составом, представят более прочную активную силу лишь в действующей армии... Поэтому-то, быть может, не считывая на одну доблесть своих войск, румынское правительство и загромоздило внутренность страны дорогими стоящими и вряд ли оправдываемыми другими соображениями обширными укреплениями»²⁰.

Далее шел следующий раздел Доклада, под заглавием «Задачи, которые могут быть возложены на армии балканских государств. Условия сосредоточения войск». В нем анализировались возможные и желательные для России действия балканских армий.

Одним из базовых сценариев был вариант войны России с Тройственным союзом, к которому, вероятно, должна была примкнуть и Румыния. В этом случае союзные России балканские славяне должны были отвлечь на себя возможно большие силы войск противника. «В частности же на болгар должна лечь обязанность — возможно полнее парализовать румынскую армию, дабы освободить нас от необходимости иметь в Бессарабии значительное число войск в ущерб силе тех армий, кои предназначаются действовать на главном театре войны»²¹.

Наиболее выигрышным, со стратегической точки зрения, направлением наступления болгарской армии против Румынии была бы Добруджа. Захват этой области установил бы прямую связь между болгарской и русской армиями и позволил бы охватить правый фланг румынской оборонительной линии Фокшаны—Немолоаса—Галац по реке Серет. Потеря Добруджи нанесла бы Румынии огромный материальный и нравственный урон, лишив ее выхода к Черному морю, порта Констанцы и Черноводского моста, на строительство которых румыны потратили огромные средства. По оценке русских генштабистов, для Румынии сохранение контроля над нижним течением и дельтой Дуная представляло важнейшую задачу. Именно для этого румыны, в нарушение положений Берлинского трактата 1878 г., возвели сильные береговые укрепления у Галаца, а также начали строить военный флот и закончили систему укреплений у Черноводского моста. В случае предполагаемого наступления болгар в Добрудже первоочередной задачей для них должно было стать завладение железнодорожной линией Черноводы—Констанца и самим Констанцским портом — важнейшими пунктами Добруджи в стратегическом, политическом и торговом отношении. Содействие в этом им мог оказать русский Черноморский флот.

Направлять в Добруджу все силы болгарской армии признавалось неосмотрительным и опасным. Основное их ядро следовало бы сосредоточить в четырехугольнике крепостей Русзук—Силистрия—Добрич—Разград, откуда они, в зависимости от обстановки, смогут подкреплять наступающие войска в Добрудже, наносить удар во фланг наступающим румынам

или самостоятельно развивать отвлекающие действия на левом (северном) берегу Дуная.

Авторы Доклада исходили из предположения, что политическая подготовка обеспечит, в самом неблагоприятном случае, по крайней мере нейтралитет Сербии и исключит ее враждебные действия против Болгарии, которая сможет не оставлять значительных сил прикрытия на своей западной границе и направить основную массу своих войск против Румынии.

Более сложную задачу представляло прогнозирование событий на границе с Турцией. В докладе говорилось, что положение, которое могла занять Порта в случае европейской войны, предвидеть было сложно. Признавалось усиливающееся влияние германской дипломатии в Константинополе. И всё же высказывалась надежда, что личные качества султана Абдул-Хамида II и его здравый взгляд на интересы своего государства позволят Турции в начальный период борьбы сохранить нейтралитет.

При реализации данного сценария русские стратеги считали возможным и желательным следующую группировку болгарской армии. Главные силы болгарской армии (1-я, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я пехотные дивизии, отдельная кавалерийская дивизия; 6 резервных полков, 16 батарей резервной артиллерии и 3 горные батареи; всего 104 батальона, 27 эскадронов, 384 орудия, 105 тыс. штыков, 4100 сабель) должны были сосредоточиться в районе Рушук-Силистрия-Добрич-Разград, с передовыми отрядами в Силистрии и Добриче и отдельным гарнизоном в Варне.

Для охраны линии Дуная выше Рушука предполагалось выделить Верхнедунайский отряд в составе 11-го и 12-го резервных полков с двумя батареями, до смены их дружинами ополчения. Всего по Дунаю между Видином и Никополем должны были разместиться 8 батальонов, 12 орудий, 8 тыс. штыков. Силы прикрытия на турецкой границе должны были состоять из двух отрядов, Западного и Восточного. В Западный отряд должны были войти 2-я пехотная дивизия, два отделения 3-го артполка и отделение горного артполка, всего 16 батальонов, 2 эскадрона, 54 орудия, 16 тыс. штыков, 320 сабель, 54 орудия. Отряд

должен был располагаться на линии Дубница-Кюстендиль, с общим резервом у Филиппополя и Софии. Восточный отряд в составе 4-х резервных полков, 1 отделения 3-го арtpолка и 1 отделения горного арtpолка (всего 16 батальонов, 1 эскадрон, 16 тыс. штыков, 320 сабель, 54 орудия) должен был расположиться в долинах Марицы и Тунджи примерно на линии Тырново-Семенли-Кизил-Агач. Принимая во внимания слабое на тот момент развитие железнодорожной сети Болгарии, русские стратеги исходили из оценки, что, при завершении мобилизации к ее 8-му дню (M8), сосредоточение войск займет период от M8 до M20²².

Если главным противником Болгарии по рассмотренному сценарию была Румыния, то сербской армии выпадала задача борьбы с группировкой австро-венгерских войск на Балканах. Вариант крупномасштабных действий сербов против румын в Докладе не рассматривался как маловероятный. Авторы писали: «Чем больше войск, кроме XV (Босно-Герцеговинского) корпуса, выставят австрийцы против Сербии, тем полнее будет решена последнею та вспомогательная задача, которая должна лечь на обязанность балканских славянских государств-союзников России». Важным фактором в начальный период военных действий должно было стать развертывание против австрийцев партизанской борьбы небольшими четами сербского населения Боснии. Поддержка этих отрядов и нанесение ряда отдельных поражений австрийским частям представляло, по оценке русского Главного штаба, заманчивую цель для сербской армии. «Наступление сербов с берегов р. Дрины к Дольней-Тузле, Добою и Баньялуке с захватом Сараева угрожает XV австрийскому корпусу потерю прямой и ближайшей связи со своею главною базою»²³. Поражение этого корпуса должно было повлечь столь нежелательные для австрийцев последствия на Балканах, что для предотвращения этого они должны были выделить против Сербии еще другие, более или менее значительные силы. Это и составляло главное желание стратегов Петербурга. При этом в русском Главном штабе хорошо понимали всю сложность задачи, которая должна была встать перед Сербией в случае ее противоборства с монархией Габсбургов. «Опираясь на луч-

шую организацию и качественное превосходство своих войск, пользуясь своим охватывающим положением, австрийцы могут поставить себе целью начать кампанию решительным наступлением в пределы Сербии, нанести быстрое поражение ее войскам и принудить ее к отдельному миру».

Положение осложнялось тем, что столица королевства, Белград, находилась на самой границе, то есть под угрозой. Ее возможная потеря в первые же дни войны могла произвести огромный моральный и материальный эффект. Быстрое продвижение противника по долине Моравы от Смедерева до Ниша (около 150 верст) угрожало разрезать территорию Сербии на две части и существенно ограничить ее возможности продолжать борьбу. Как следствие, для Сербии было насущной необходимостью сосредоточение значительных сил на Дунае и Саве, и вообще основной идеей стратегического развертывания сербской армии была оборона северной и западной границ, имея в виду возможность быстрого перехода в наступление в случае благоприятного развития событий на основном русско-австрийском театре войны в Галиции и Польше.

Предполагалось следующее развертывание сербской армии: часть сил на линии Белград-Пожаревац, часть у Вальева с отрядом у Ужицы, общий резерв у Крагуеваца. Для наблюдения за турецкой границей предполагалось оставить небольшой отряд у Враньи-Ниша. Общая численность мобилизованной сербской армии представлялась величиной достаточно неопределенной, и авторы Доклада исходили из максимального числа в 150 тыс. человек. Отмечалось, что успех сосредоточения сербской армии как к северной, так и к западной границе королевства будет всецело зависеть от работы главной железнодорожной линии Белград-Ниш-Цариброд. Отсутствие ветки железной дороги к западной границе, к примеру, на Вальево, замедлит сбор войск в этом направлении и затруднит желательное наступление в Боснию. Исходя из условной пропускной способности этой железной дороги в 13 пар поездов в сутки, русские генштабисты предполагали, что перевозка войск может быть исполнена за 7 дней, а все сосредоточение — за 12–13 дней.

Милиционный характер черногорской армии и бедность страны в перевозочных средствах практически исключали возможность привлечения черногорской армии к широким активным предприятиям для совместных действий с сербами в пределах Боснии и Герцеговины. Однако черногорцы своей обороной могли отвлечь достаточно значительные силы австрийцев. Главной задачей было возможно более скорое нанесение удара по авангарду австрийцев – XV армейскому корпусу – до подхода подкреплений.

В докладе говорилось: «Нужно воспользоваться прекрасными боевыми качествами черногорского милиционера, его способностью к движению и действиям в горах, наконец, быстротой сбора и организации шести бригад первого призыва (в течение недели готовы к действиям до 25 т. человек с 24 горными орудиями), 42 батальона и 136 орудий XV австр.[ийского] корпуса (ссылка внизу «вместе с Зарским округом») разбросаны на значительном пространстве страны, бедной путями сообщения вообще, а железными дорогами в особенности. Единственная линия Меткович – Мостар – Сараево – Добой – Брод с ветвью Добой – Тузла должна обеспечить и мобилизацию, и сосредоточение австрийских войск к границам и Сербии, и Черногории.

Захват этой линии у Мостара или Сараева, лежащих только в трех переходах от северо-западной границы Черногории, казалось бы, должен составить первую боевую задачу для черногорских войск.

Притянув на себя значительную часть XV корпуса, черногорцы облегчили бы первоначальное положение и сосредоточение сербов и содействовали бы скорейшему переходу их от оборонительного положения к наступательному.

Последующие действия будут всецело зависеть от успехов сербов, но во всяком случае Черногория никогда не потеряет значения горного плацдарма, лежащего на фланге наступления австрийцев в Македонию по узкому 50-верстному перешейку, разделяющему ныне владения Сербии и Черногории»²⁴.

Про Румынию в разделе о возможных действиях авторы Доклада вновь писали, что в настоящее время это королевство находится во враждебном лагере и что его политические устрем-

ления направлены на приобретение Бессарабии и болгарской Южной Добруджи. Но если бы вдруг политические обстоятельства переменялись и Румыния заняла бы позицию нейтралитета, это сильно изменило бы обстановку на Балканах в пользу России и ее союзников. Болгария смогла бы оставить сравнительно незначительные силы для прикрытия против Румынии и Турции и направить основную массу своих полевых войск (до 125 тыс. человек) для действий против главного неприятеля — австро-венгерской армии. Наиболее перспективным назывался вариант совместных с сербами действий против австрийцев в Боснии и Герцеговине. В ретроспективе подобный сценарий представляется неоправданно оптимистическим и трудно реализуемым. Однако сами авторы Доклада признавали, что с ним был связан ряд трудностей. Серьезным препятствием было отсутствие достаточно авторитетного лица, которое смогло бы объединить действия сербской и болгарской армий, вселить в них взаимное доверие, изгладить из памяти события войны 1885 г. Кроме того, отмечалось, что при сценарии войны против одной Австро-Венгрии, без Румынии, Болгария не имела возможности территориальных приращений, в отличие от Сербии. По оценкам русских экспертов, 5–6 болгарских дивизий могли быть переброшены к Крагуевцу частью по железной дороге София–Пирот, частью походным порядком. Переброска могла бы начаться с М19 и окончена в течение 17 дней. К Вальево болгарские силы могли бы прибыть в период М24–М41.

Самым интересным и ценным для понимания политических взглядов и планов русского Главного штаба по Балканам является заключительный раздел Доклада Сахарова–Жилинского–Алексеева, под заглавием «Условия вознаграждения Россией ее союзников». В этом разделе были рассмотрены три варианта возможного будущего конфликта с участием блока балканских союзников России — война против Тройственного союза, война против Османской империи или против них обоих одновременно.

Авторы доклада сразу подчеркивали, что если Румыния будет воевать на стороне австро-германского блока, то отчуждение от нее Добруджи в пользу Болгарии будет справедливо.

В случае сохранения Турцией нейтралитета при войне России и ее балканских союзников против Тройственного союза, сам собой отпадал, по мнению авторов, наиболее сложный и обостренный вопрос – о разделе Македонии и Старой Сербии. За участие Сербии в войне против Австро-Венгрии на стороне России признавалось справедливым включение в ее состав Боснии и Герцеговины, с населением численностью около 1,6 млн человек. Авторы доклада писали: «Вообще, как было бы кстати оговорить именно здесь, славяне раз навсегда должны быть освоены с мыслью, что никакие их приращения не могут быть получены иначе, как с соизволения и одобрения России, ибо только ее победой над немцами германскими и австрийскими и могут быть эти приращения получены славянами и закреплены за ними». Напротив этого предложения на полях император Николай II собственноручно написал на полях: «Верно»²⁵.

Далее авторы Доклада переходили к изложению сути самого сложного, по их мнению, вопроса – о притязаниях сербов и болгар на Македонию. Отмечались высокая пристрастность и тенденциозность всех исторических и этнографических исследований этого вопроса сербами, болгарами и большинством европейцев, а также противоречивость русской научной литературы по той же теме. Болгары, говорилось в Докладе, постоянно ссылаются на желание России, выраженное в условиях Сан-Стефанского мирного договора. В действительности же процесс национальной самоидентификации македонских славян отнюдь не был завершен, и на этом поле шло активное противоборство Сербии и Болгарии. «Литературная борьба постепенно перешла в действительную жизнь: сербы и болгары столкнулись в своем стремлении просветить славянское население Македонии и привить ему сознание о принадлежности к сербскому или болгарскому племени. Но здесь болгары ушли значительно вперед, так как имели в своем распоряжении 30 лет никем ненарушимой деятельности болгарского экзархата»²⁶.

Авторы Доклада утверждали, что вариант решения македонского вопроса должен быть предложен именно Россией, основываясь на данных как этнографической науки, так и современной национальной политики. Далее рассматрива-

лись конкретные варианты такого решения. По мысли авторов Доклада, предоставление Македонии автономии было бы равнозначно уступке ее целиком Австро-Венгрии или же Болгарии, с учетом упомянутого 30-летнего преимущества в виде работы экзархии. Поэтому территорию Македонии следовало разделить между Сербией и Болгарией. При этом проведение простой границы по меридиану представляло бы плохое решение: в этом случае пути к Эгейскому морю пересеклись бы, а фактический контроль над Салониками все равно достался бы австрийцам.

Поэтому единственным прагматичным решением признавался следующий вариант раздела. Сербия получала бы всю Старую Сербию (т. е. Косово и Метохию) с городами Ипек (Печ) и Дечаны, а также округ Скопье и Куманово, как бывшую резиденцию сербских королей (кравлей). Кроме того, Сербии отходил бы округ Дебара. В случае войны с Австро-Венгрией Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, с выходом к Адриатическому морю в Далмации. Также выход к морю Сербия могла получить через Дебру и албанские земли, на участке берега южнее черногорско-албанской границы до р. Шкумби. Болгария же получала все остальные земли Вардарской и Эгейской Македонии, включая Салоники.

Обеспечить сербам выход к Адриатике, по мысли руководства русского Главного штаба, можно и нужно было путем вытеснения албанцев с тех земель, которые должны были отойти к Сербии и Черногории. Исторической родиной албанцев и их разбойничьим гнездом называлась дикая гористая Бератская область между р. Шкумби, Адриатическим морем и Охридским озером. Здесь они и должны были получить свое национальное княжество, с побережьем от р. Шкумби до г. Ликурси и Дельвин. В Докладе говорилось: «[...] Искусственность расселения албанцев на чисто-славянских землях в целях угнетения последних требует, во имя исторической правды, внедрения албанцев в основные их пределы, с предоставлением славянам очищенного таким образом нового пути к Адриатике»²⁷.

Завершался Доклад следующими достаточно пафосными словами: «Задачи России сложны, трудны, сопряжены с ма-

териальными жертвами, требуют умелой, беспристрастной и самоотверженной деятельности ее представителей, — но ожидаемые результаты в свое время окупят труды России, как старшего и могущественного члена в семье будущих свободных и прочных славянских организмов»²⁸.

Доклад Сахарова—Жилинского—Алексеева 1902 г. является ценнейшим историческим источником, потому что он объединил в себе совокупность наиболее важных фактических сведений, оценок и теоретических представлений русского Главного штаба о Балканах на рубеже XIX—XX вв. Этот документ стал самым полным и подробным выражением того, что мы обозначили как Большая балканская программа военного ведомства Российской империи.

Как известно, воплотить в жизнь эту обширную и амбициозную программу не удалось. Однако это отнюдь не значит, что стратегическая концепция русского Главного штаба в отношении Балкан была неумной, наивной, основанной на незнании балканских реалий или на прекраснодушных иллюзиях. Как мы видели, Доклад содержал много верных и глубоких оценок и достаточно точных прогнозов. При этом его авторы прекрасно сознавали масштабы задачи и трудность ее решения.

Уже в первые годы XX в. руководство Главного штаба было убеждено, что только разрешение застарелого антагонизма между Сербией и Болгарией и сближение двух этих стран вплоть до образования военно-политического союза под эгидой России способны прочно обеспечить защиту российских интересов в регионе на долгосрочную перспективу. Практически неременным условием этого примирения и сближения было достижение компромисса в вопросе о территориальном вознаграждении сторон.

В известном смысле, стратеги русского Главного штаба, подготовившие Доклад 1902 г., за 10 лет до того предсказали создание Балканского союза 1912 г. Мощный и неудержимый совместный натиск болгарской и сербской армий во Фракии и Македонии осенью 1912 г. показал, что в военном отношении их союз обладал достаточными силами для решения самых серьезных стратегических задач в пределах Балканского полуострова.

Еще одним успешным стратегическим прогнозом следует признать предсказание потенциальной способности сербской армии отвлечь значительные австро-венгерские силы на Балканский театр войны, что в полной мере сбылось в кампанию 1914 г.

Наконец, верной была и мысль о том, что решительный удар болгарских войск в Добрудже и овладение линией Черноводы-Констанца позволят сковать значительные румынские силы и причинить Румынии огромный ущерб. Однако эта мысль воплотилась в жизнь в 1916 г. уже в совершенно иных условиях, когда, по воле судеб, русской армии пришлось помогать румынам сдерживать этот самый болгарский удар в Добрудже.

Самой крупной ошибкой Доклада 1902 г. следует признать то, что его авторы сильно переоценили способность Российской империи оказывать политическое влияние на славянские государства Балкан с целью сглаживания противоречий и достижения компромисса между ними. В действительности процессы образования Балканского союза в 1911–1912 гг., развязывания им войны против Османской империи и, наконец, агония и распад этого блока весной-летом 1913 г. протекали практически без влияния и контроля со стороны России. Признание за нею статуса арбитра со стороны членов Балканского союза изначально было имитационным, а под конец с мнением русской дипломатии просто перестали считаться.

Авторы Доклада полагали, что одновременное или близкое по времени получение Сербией выхода к Адриатике (за счет Австро-Венгрии и/или Албании, в тот момент турецкой) и Болгарией – выхода к Эгейскому морю (за счет Османской империи) сохранит равновесие сил между двумя славянскими государствами и позволит примирить их интересы. Но при этом в русском Главном штабе осознанно или неосознанно уклонились от решения задачи: что же будет, если одна из союзниц России в результате войны получит желанный выход к морю, а для другой приобретение такого отложится на неопределенное время. Именно такой сценарий реализовался, когда в 1912 г. Балканский союз начал и выиграл войну против Турции,

но Сербия и Греция (вообще исключенная русским Главным штабом из расчетов в 1902 г.) воспротивились устремлению Болгарии завладеть Вардарской Македонией и Салониками. Равным образом не был рассмотрен и несбывшийся гипотетический сценарий, при котором война с Центральными державами, раздел Австро-Венгрии и выход Сербии к Адриатике в Далмации произошли бы прежде разрешения македонского вопроса и приобретения Болгарией выхода к Эгейскому морю. Как представляется в ретроспективе, оба эти сценария обладали равно высоким потенциалом конфликта между Сербией и Болгарией. И главное, русские генштабисты роковым образом недооценили ослепляющую и разрушительную силу балканских «великих национальных идей» с их стремлением к максимально возможной территориальной экспансии и отрицанием любых компромиссов при определении судьбы областей с этнически перемешанным или недоопределившимся населением.

Доклад 1902 г. можно охарактеризовать как образец рационального милитаристского прагматизма военного руководства империи. Важно подчеркнуть, что, обстоятельно затрагивая проблему застарелого антагонизма Сербии и Болгарии, авторы Доклада ни на малую долю не отдавали идейного и морального предпочтения или своих личных симпатий ни сербской, ни болгарской стороне. И сербы, и болгары рассматривались русскими генштабистами как желательные и полезные союзники для решения военных задач на Балканах. Если говорить просто, то в Главном штабе считали, что балканские славяне в будущей неизбежной войне должны будут проливать кровь за дело России, но при этом также и за свои собственные интересы, при обязательном условии справедливого и пропорционального территориального вознаграждения, в целом не выходящего за границы естественных этнографических притязаний сторон. Этот простой и прагматичный подход русских военных представляется во многих отношениях предпочтительным и более честным, чем иные интеллектуальные построения дипломатов, ученых и публицистов того времени.

В целом же Доклад 1902 г. доказывает, что уже на самой заре XX века у Главного штаба Российской империи была впол-

не сложившаяся и достаточно цельная концепция стратегической работы на Балканах. И именно этот в высокой степени интересный документ может служить отправной точкой для дальнейшего исследования проблем выработки и проведения в жизнь балканской стратегии военного ведомства России.

Примечания

¹ *Сказкин С.Д.* Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974. С. 228.

² Подробнее об обстоятельствах начала разработки русским Главным штабом Балканской большой программы в 1901 г. и об информации разведки, послужившей толчком к этому, см. в моей статье на румынском языке: *Kaşirin V.B.* Circumstanțele pregătirii convenției militare ruso-bulgare, din 1902, în contextul planificării strategice a Rusiei // In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credință / îngrijire de ed. Laurențiu Constantiniu. București, 2013. P. 340–370. На русском языке эта статья пока не выходила.

³ Об этой конвенции подробнее см.: *Валентинов Н.* Военные соглашения России с иностранными государствами до войны // Военно-исторический сборник. Вып. 2. М., 1919. С. 94–128; *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М., 1926. С. 84; *Мартынченко А.К.* Русско-болгарские отношения в 1894–1902 гг. Киев, 1967. С. 270–285; *Попов Жеко.* Към предисторията и сключаването на българско-руската военна конвенция от 1902 година // Военноисторически сборник. 1992. № 6. С. 54–65; *Палангурски Милко.* България в балканската политика на Русия (1899–1903). Велико Търново, 2005.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 111. Л. 1–46 об. Доклад «Вооруженные силы Болгарии, Сербии, Черногории и Румынии. Привлечение армий этих государств к совместным действиям с русскими войсками в случае войны». Не позднее 10 ноября 1902 г.

⁵ Будущий начальник Генерального штаба и главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта в 1914 г.

⁶ Будущий начальник штаба Верховного главнокомандующего в 1915–1917 гг.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 111. Л. 1–46 об.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 311. Л. 7–7об. В.Н. Ламздорф – А.Н. Куропаткину. Письмо 12 августа 1901 г. № 628. Надпись А.Н. Куропаткина от 13 августа 1901 г.

⁹ Н.М. Потапов: Русский военный агент в Черногории. Т. I. Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг. Москва; Подгорица, 2003. С. 30–43.

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 111. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 2 об.

¹² Там же. Л. 3.

¹³ Там же. Л. 3 об.

¹⁴ Там же. Л. 8

¹⁵ Там же. Л. 8–8 об.

¹⁶ Там же. Л. 14 об.

¹⁷ Там же. Л. 15.

-
- 18 Там же. Л. 16.
19 Там же. Л. 20 об.
20 Там же. Л. 20 об.–21.
21 Там же. Л. 23.
22 Там же. Л. 23–26 об.
23 Там же. Л. 27 об.
24 Там же. Л. 30–30 об.
25 Там же. Л. 38.
26 Там же. Л. 38 об.
27 Там же. Л. 43 об.
28 Там же. Л. 46 об.

Людмила Васильевна КУЗЬМИЧЁВА

Воспоминания С.Н. Смирнова как источник по истории сербско- русских отношений в годы Первой мировой и Гражданской войн

В 2012 г. на Ломоносовских чтениях в МГУ мною был прочитан доклад «Сергей Николаевич Смирнов на службе при Дворе Карагеоргиевичей». За этим довольно сухим названием крылось довольно сильное для меня эмоциональное потрясение, связанное с работой в Рукописном отделении Народной библиотеки Сербии. Там я получила возможность увидеть и частично отсканировать подлинные сокровища для историков российско-сербских связей, Первой мировой войны, революционных потрясений 1917 года в России и Гражданской войны. Это десятки коробок, в которых, пока еще не до конца разобранные, хранятся документы, созданные и собранные одним фондообразователем — Сергеем Николаевичем Смирновым (1877—1958).

В 2011 г., благодаря содействию профессора философского факультета Белградского университета доктора Сузаны Раич и сотрудника Народной библиотеки Сербии Немани Калезича, которым я искренне признательна, мне удалось ознакомиться с частью материалов этого фонда. Значение хранящегося там колоссального собрания документов еще предстоит оценить. Фонд включает не только труды самого Сергея Николаевича, его обширную переписку, но и материалы, проливающие свет на многие до сих пор неясные сюжеты Первой мировой и Гражданской войн. Хранятся здесь и мемуары русских эмигрантов, в том числе участников трагических событий революционной поры в России. Можно надеяться, что вскоре материалы этого бесценного фонда будут доступны исследователям. Об этом

свидетельствует статья российской исследовательницы Юлии Станиславовны Гудович¹, которая входит в сербско-российскую группу по обработке личного архива С.Н. Смирнова из собрания Народной библиотеки Сербии. Сотрудники этой библиотеки, Оливера Стефанович и Ясмина Ахметагич, в двух небольших обзорах дали историю приобретения и общую характеристику фонда Смирнова², содержащего приблизительно 5 тыс. единиц хранения, в том числе его дневники и мемуары.

С.Н. Смирнов для моих изысканий был чрезвычайно важной фигурой. Инженер, архитектор, нумизмат, коллекционер древностей, искусствовед, он был личным архитектором семьи великого князя Константина Константиновича Романова и управляющим дворцового комплекса Павловск.

Брак сербской принцессы, дочери короля Петра Карагеоргиевича Елены Петровны, с великим князем Иоанном Константиновичем был заключен в августе 1911 г. и имел важное политическое значение. В России в это время много внимания уделяли укреплению и развитию монархической системы в Сербии, и одной из главных задач являлась поддержка престола династии Карагеоргиевичей.

В 1918 г. Елена разделила ссылку своего мужа в Алапаевск. Она, единственная из сосланных членов императорской фамилии, чудом избежала мученической смерти. Елене Петровне за месяц до алапаевского убийства удалось уехать в Екатеринбург. Она просила разрешить ей ехать дальше, в Петроград, чтобы отыскать своих детей, оставшихся на попечении бабушки, великой княгини Елизаветы Маврикиевны. Для того, чтобы получить пропуск, надо было ждать решения новых властей. В Екатеринбурге она узнала о переводе ее мужа, двух его братьев – Игоря и Константина, а также других алапаевских заключенных из семьи Романовых на тюремный режим. Она решила вернуться к мужу, но 7 июля 1918 г. была арестована³. В конце концов, ей все же удалось в 1919 г. вырваться из России и воссоединиться в Швеции со свекровью и детьми.

Занимаясь изучением династических связей Романовых и Карагеоргиевичей, и прежде всего заключением брачного союза сербской принцессы Елены Карагеоргиевич и русско-

го князя императорской крови Иоанна Константиновича Романова⁴, я заинтересовалась личностью и деятельностью С.Н. Смирнова, управляющего Двором в изгнании Елены Петровны Романовой.

Этот весьма незаурядный человек оставил существенный след в культурной и научной жизни двух стран — России и Сербии. Это был придворный высокого ранга и одновременно талантливый инженер, архитектор, нумизмат, библиофил и археограф, историк искусства и активный общественный деятель. В России до революции он был членом Общества возрождения художественной Руси (ОВХР)⁵, действительным членом императорского Археологического института, участвовал как инженер в строительстве известного в Петербурге храма Спаса на-Водах, возведенного в память о воинах, погибших во время русско-японской войны, и ряда других сооружений.

Значительная часть жизни и плодотворной деятельности С.Н. Смирнова прошла на сербской земле, в Белграде. Останова на основных вехах его жизненного пути⁶.

Сергей Николаевич Смирнов, удостоенный в России придворного звания камер-юнкера и высокого чина статского советника, родился 4 (16) марта 1877 г. в Петербурге, а умер 28 июня 1958 г. в Монтевидео (Уругвай). Он происходил из семьи, сравнительно недавно получившей потомственное дворянство, — благодаря боевым заслугам его деда, Василия Ивановича Смирнова, проявившего храбрость в годы Отечественной войны 1812 года. Смирновы были внесены в Родословную книгу потомственных дворян Воронежской губернии. Отец нашего героя Николай Васильевич Смирнов (1851—1925) был военным инженером и архитектором, служившим архитектором Петербургских военных учебных заведений. После выхода в отставку в 1892 г. он продолжил инженерную деятельность, участвуя в строительстве и реконструкции многих зданий и сооружений Москвы и Петербурга.

С.Н. Смирнов продолжил дело отца и также стал инженером и архитектором. Он окончил Первый кадетский корпус в Петербурге в 1893 г. и поступил в Институт инженеров путей сообщения, основанный в 1809 г. по указу императора

Александра I. В 1898 г. С.Н. Смирнов закончил это петербургское высшее учебное заведение, которое славилось отменной подготовкой инженеров высокой квалификации, и вскоре был назначен вторым помощником начальника работ по строительству Троицкого моста в Петербурге. Работы вела французская фирма Батиньоль, которой Смирнов был известен по его участию в качестве практиканта в строительстве моста Александра III в Париже. После окончания строительства Троицкого моста С.Н. Смирнов участвовал в строительстве Дома с квартирами для чинов министерства императорского Двора, где, по-видимому, был замечен чиновниками дворцового ведомства, которое с тех пор стало активно его задействовать.

По карьерной лестнице молодой инженер поднимался быстро и уверенно: в 1903 г. он еще титулярный советник, а спустя 6 лет, в 1909 г., уже надворный советник. Он награжден орденами — св. Станислава 3-й степени и св. Анны 3-й степени.

В 1909 г. Смирнов был привлечен в качестве инженера-строителя храма Спаса-на-Водах в Петербурге⁷. Храм был построен очень быстро, в течение одного года, что потребовало серьезных усилий и напряженной работы. Его внутреннее убранство было продумано и реализовано во многом самим Смирновым⁸. Строительство велось под покровительством императрицы Марии Федоровны и греческой королевы Ольги, которая была родной тетушкой Иоанна Константиновича Романова.

Именно при строительстве этого памятника российским морякам, погибшим под Цусимой во время русско-японской войны, С.Н. Смирнов сблизился с греческой королевой Ольгой Константиновной, ее братом, великим князем Константином Константиновичем (известным в русской литературе поэтом и драматургом, писавшим под псевдонимом «К.Р.») и его детьми, в том числе и с Иоанном Константиновичем (1886–1918). После успешного окончания строительства храма Смирнов был приглашен греческой королевой Ольгой построить два храма, в Салониках и Афинах, в память ее погибшего мужа. Позже, в 1915 г., великий князь Константин Константинович Романов

пригласил Смирнова построить часовню в память о своем погибшем на фронте сыне Олеге в подмосковном имении Осташево.

В 1911 г., когда храм Спаса-на-Водах был построен и освящен, С.Н. Смирнов был пожалован в придворное звание камерюнкера двора его императорского Величества, и с этого времени он становится придворным. Интересно отметить, что Смирнов получил этот придворный чин в том же возрасте (33 года), что когда-то и А.С. Пушкин. Но если для великого русского поэта это младшее придворное звание казалось оскорбительным, то для С.Н. Смирнова оно стало прочной ступенькой в его карьерной лестнице при дворе.

Молодой архитектор становится известным в придворных кругах, его активно привлекают и к общественной деятельности. Уже с 1907 г. он — почетный член при Главном комитете для сбора пожертвований в пользу детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии, а 1 июня 1916 г. он назначается директором детского приюта имени Елисаветы и Марии в г. Павловске. Полагаю, что опыт, приобретенный в этих учреждениях, чрезвычайно пригодился Смирнову в последующей жизни в Югославии, где ему пришлось заниматься работой по организации помощи русским беженцам.

Наряду с активной инженерной и общественной деятельностью, С.Н. Смирнов занимался и научной, изыскательской, искусствоведческой работой. В ходе подготовки проекта интерьера храма Спаса-на-Водах он изучил множество памятников русской средневековой архитектуры. Для пополнения своего образования он в 1909—1910 гг. учится и активно работает в Археологическом институте и становится его действительным членом. Известен Смирнов и как предприниматель, строивший стекольные заводы в России.

Семейная жизнь С.Н. Смирнова складывалась также вполне успешно. В 1904 г. он женился на Н.А. Масловской, дочери действительного статского советника, и у них родилось двое детей: в 1905 г. дочь Елена и в 1911 г. сын Михаил.

Революционные события в России тяжело сказались на судьбе С.Н. Смирнова: ему пришлось пережить месяцы тюрьмы

в Перми и Москве, угрозу расстрела, тревогу за судьбу семьи, застрявшей в ходе бегства в Таганроге. Но после всех испытаний ему удалось вместе семьей перебраться в 1919 г. в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), где он находился до 1945 г. Затем Смирнов был вынужден бежать от новых коммунистических властей в Уругвай, где и умер в результате несчастного случая при невыясненных обстоятельствах.

* * *

Судьба личных фондов Смирнова прояснена еще не до конца. Часть документов дореволюционного периода хранится в его личном фонде в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга⁹. Однако, по-видимому, большая часть его личного фонда находится в архивохранилищах Сербии. Прежде всего, это огромный, пока еще не разобранный и не описанный фонд С.Н. Смирнова в Народной библиотеке Сербии. Среди его материалов я обнаружила машинописные авторизованные копии мемуаров Смирнова в форме писем к жене о перипетиях его поездки на Урал в июле 1918 г. — к Елене Петровне и Иоанну Константиновичу Романовым, закончившейся арестом как сербской принцессы, так и самого Смирнова и тюремным заключением до февраля 1919 г. Сразу подумалось, как было бы хорошо, если бы этот источник стал общедоступным. Необходимость публикации материалов из фонда Смирнова была отмечена мною и на конференции «Русский некрополь» в Белграде в 2014 г.¹⁰. С радостью узнала я, что в 2016 г. мемуары Смирнова были опубликованы в Сербии на русском языке¹¹.

Эта книга воспоминаний была начата Смирновым в марте 1919 г. в Стокгольме, через несколько дней после освобождения из Бутырской тюрьмы и эмиграции из России, и закончена в мае 1919 г. в Париже.

Смирнов начинает свое повествование с того, что он прибыл с юга России в Петроград 21 мая (3 июня) 1918 г. и сразу отправился в Павловск, а затем в Мраморный дворец, откуда выселяли мать Иоанна Константиновича — великую княгиню Елизавету Маврикиевну с детьми Верой и Георгием и внуками

Всеволодом и Екатериной, детьми Елены Петровны и Иоанна Константиновича, единственными внуками сербского короля Петра и племянниками принца-регента Александра Карагеоргиевича. Смирнов пишет, что дети «сидели на самой скромной пище. Изредка из деревни кое-кто из бывших служащих присылал яиц или муки»¹². При этом Смирнов, несмотря на революционные события, продолжал выполнять свои обязанности управляющего Двором Иоанна Константиновича: «Надо было налаживать хозяйство, надо было доставать деньги, надо было сговориться с Еленой Петровной о том, как устраивать новую жизнь детей, узнать ее планы»¹³.

Для поездки в Алапаевск необходимо было разрешение управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича. Смирнов решил получить его через сербского посланника М. Спалайковича¹⁴, который вместе со всем дипломатическим корпусом находился в Вологде. Однако Спалайковича там не оказалось — тот выехал, как он пишет, «в Москву хлопотать о какой-то большой сумме сербского правительства, которую нужно было вытащить из Государственного банка из опасения, что немцы наложат на нее руку»¹⁵. В Вологде Смирнов еще не до конца понимает надвигающуюся катастрофу. Он гуляет, беседует и шутит с великими князьями Николаем и Георгием Михайловичами и Дмитрием Константиновичем (через несколько месяцев все трое будут казнены большевиками), приценивается к «великолепной коллекции икон», параллельно добывает через знакомого антиквара полпуда хлеба для детей Елены Петровны.

Мемуары Смирнова предоставляют нам новые факты о работе в Вологде иностранных представительств. Сербский посланник Спалайкович, по словам Смирнова, не очень был заинтересован в поездке последнего в Алапаевск и предлагал ему дожидаться возвращения Елены Петровны в Вологде. Однако Смирнов, несмотря на дурные предчувствия, о которых он пишет, решил ехать на Урал. Спалайкович советовал ему ехать с русским паспортом, но Смирнов взял с собой «сербский паспорт от 13/XI—1917 г. атташе посольства и управляющего делами княгини Елены Петровны, а также удостоверение посольства от того же числа о том же». Вообще, Спалайкович в

характеристике Смирнова выглядит настроенным очень критически по отношению к России и русским, которых он обвиняет в трусости, и сочувствует революционерам¹⁶.

Интересны характеристики, которые дает Смирнов сопровождавшим его членам сербской миссии. Майор Мичич, по его мнению, болтливый и легкомысленный. Он рассказал Смирнову, что «сербская миссия переправляла массы русских офицеров с сербскими паспортами за границу», которые сумели вывезти с собой даже свои семьи. Смирнов уверяет, что и Керенский выехал из «Москвы через Мурман по сербскому паспорту как Милутин Маркович. Фамилия эта довольно обычная в Сербии, а один Маркович был шпионом у Спалайковича против большевиков и, по признанию Мичича, выкрал из министерства иностранных дел какие-то сербские договоры времени Сазонова*»¹⁷.

Ранее Смирнову не приходилось тесно общаться с сербами, хотя он неоднократно ездил на Балканы, и они вызывают у него недоумение: «странные люди эти сербы, какие-то арнаулы даже в салоне, даже в политике».

В Екатеринбург члены сербской миссии прибыли 4 (17) июля 1918 г. и сразу отправились к Елене Петровне, которая заявила им, что, несмотря на разрешение заместителя народного комиссара по иностранным делам РСФСР Л.М. Карахана ехать в Петроград, она вернется к мужу в Алапаевск, поскольку узнала, что всех великих князей перевели на тюремный режим. Как известно, на следующий день всех алапаевских узников живыми сбросили в шахту и забросали гранатами, там погиб и ее муж, князь Иоанн Константинович, вместе с двумя братьями и другими родственниками. О его гибели Елена Петровна узнает только через полгода.

Подробно, со слов Елены Петровны, описывает Смирнов жизнь великокняжеских узников в Алапаевске. Она рассказала ему также многое из жизни Николая II и его семьи в Екатеринбурге.

Елена Петровна по просьбе Спалайковича в Екатеринбурге пользовалась покровительством американского вице-консула

* С.Д. Сазонов – министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг.

по распоряжению американского посла. Но это покровительство не спасло ее от ареста и тюрьмы.

Общение Смирнова и сербской миссии с представителями Уральского Областного Совета окончилось категорическим отказом дать разрешение на отъезд Елены Петровны¹⁸ и ее арестом вместе с сербской миссией 7 (20) июля.

В Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) мне удалось обнаружить следующий документ:

«15 июля [191]8

Представитель сербской миссии Божичич и гр. СМИРНОВ, явившись в областной Совет Урала в гор. Екатеринбурге, и в категорической форме заявили, что разрешение на въезд в Петроград и Москву Елене Петровне Романовой со всеми гарантиями беспрепятственного проезда дано тов. Карахан, и выразили свое недоумение по поводу неполучения до сих пор распоряжения Центра Областному Совету.

По наведению справок, это оказалось вымыслом. Упомянутые лица были арестованы.

Председатель Областного Совета»¹⁹.

Смирнов боялся разоблачения, что он не сербский подданный, грозившего ему расстрелом. Спас его бывший австрийский солдат, серб Божичич, который солгал, что видел Смирнова еще 10 лет тому назад в Белграде, где, по его словам, тот служил в министерстве путей сообщения. В то же время майор Жарко Мичич заявил, что никогда Смирнова не знал. Это страшно возмутило Смирнова, ведь майор был выпускником русской кавалерийской школы. В очередной раз Смирнов искренне пытается понять сербов и их историю. Он пишет жене: «Вообще странная эта страна Сербия. Ты знаешь, как я ею всегда интересовался, как несколько раз путешествовал по ней, собирал литературу о ней, хотел подарить в Белградский музей после его разгрома австрийцами все мои коллекции, как собирался с Бутковской* организовать экспедицию на свои средства для

* Бутковская Н.И. (1878–1948) – актриса, режиссер, переводчица. В 1918 г. эмигрировала в Париж, где открыла театральную школу.

собрания материалов о древних памятниках зодчества, как я работал в комитете Петрограда, жертвовал еще и в 1912 г., сколько мог, ты знаешь, что благодаря принятию меня в подданство этой страны я спас свою жизнь, но ... но все-таки я не могу понять, как могла эта страна, имевшая с начала своего, хоть и не вполне самостоятельного существования, т. е. с 1804 года, восстания Кара-Георгия, – 10 властителей, вождей, князей, королей, только двум дать доцарствовать спокойно»²⁰.

Вся сербская миссия, Смирнов и Елена Петровна были перевезены в пермскую тюрьму. На слова Елены Петровны: «Вот куда вас привела Ваша преданность» – Смирнов ответил, что он не изменил себе. Он очень переживает за свою подопечную, которую считает «нервной и экспансивной натурой». Невероятно трогательно, что в августе 1918 г., в день 7-й годовщины венчания Иоанна Константиновича и Елены Петровны, Смирнов упросил надзирательницу принести для сербской принцессы букет маков, растущих на картофельном поле за тюремным окном.

В тюремном заключении они оказались вместе с А.В. Гендриковой, Е.А. Шнейдер и А.А. Волковым, находившимися в Тобольске вместе с царской семьей. Фрейлина императрицы графиня Гендрикова, гофлектрисса императрицы Шнейдер (обе были расстреляны в начале сентября 1918 г.) и камердинер Волков разделили ссылку с царской семьей в Тобольск и Екатеринбург. Смирнов с их слов подробно описывает жизнь Николая II и его семьи в Тобольске.

В пермской тюрьме 27 июля, то есть через десять дней после алапаевской трагедии, Смирнов прочел в местной газете о якобы бегстве великих князей из Алапаевска, в чем будто бы замешаны он и сербская миссия. Эта страшная ложь и клевета грозили им расстрелом. Характерно, что в России и по сей день Смирнов считается расстрелянным в 1918 г. вместе с остальными заключенными пермской тюрьмы, проходившими по делу об организации побега великого князя Михаила Александровича. По крайней мере, так гласят материалы комиссии по реабилитации. Так, в Постановлении о прекращении уголовного дела № 18/123666–93 «О выяснении обстоятельств гибели членов

Российского императорского дома и лиц из их окружения в период 1918–1919 годов» говорится: «Несмотря на то, что руководителям Пермского Чрезвычайного Комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем были в деталях известны обстоятельства похищения и убийства великого князя Михаила Александровича Романова, материалы расследования Пермской ЧК были сфальсифицированы и за «участие в организации побега» великого князя Михаила Александровича (Романова) и его секретаря Джонсона Н.Н. в различное время без суда как «организаторы и пособники побега» Михаила Александровича Романова были взяты в качестве заложников, а затем по постановлению Пермской губчека от 9 октября 1918 г. незаконно расстреляны:

[...]

б. Смирнов Сергей Николаевич – секретарь и управляющий делами княгини Елены Петровны, дочери короля Сербии Петра I (дата и место рождения не установлены) [...]»²¹.

По-видимому, Смирнов, действительно, был на волосок от гибели во время пребывания в Пермской тюрьме, раз он оказался в списках расстрелянных.

Описание тюремного заключения в Перми и узников, которых Смирнов там встретил за 5 месяцев, представляет собой живую и яркую картину хаоса и неразберихи первого года советской власти. Среди этих узников была и девушка, выдававшая себя за дочь Николая II Анастасию. Смирнов пишет о сокамерницах княгини: «Я считаю долгом отметить, что все узницы, сидевшие с Еленой Петровной, всегда очень хорошо относились к ней. Когда они видели, что она сама стирает белье, они предлагали ей помочь. Они пели ей тюремные, заунывные, но такие сердечные песни. Некоторые из них, убийцы и воровки, откровенно говорили с ней о прошлом»²².

Наконец, вся миссия и Елена Петровна были переведены из Перми в Москву, куда они прибыли 1 ноября и были доставлены в ВЧК на Лубянку к Я.Х. Петерсу, которого Смирнов характеризует так: «Ну и сволочь. Бескровное, злобное лицо, попытки пронизывающего взгляда в упор, бритый; в костюме комиссара»²³.

Именно Петерс дал характеристику отношения новых властей к Сербии в ноябре 1918 г., на завершающем этапе Первой мировой войны. На вопрос Елены Петровны – почему их не отпускают, он ответил: «что один ваш батальон находится на Мурмане с союзниками. И пока они, наши бывшие союзники, не прекратят наступление на Россию, до тех пор вы будете задержаны в России как заложники». «Да ведь батальон застрял на Мурмане, потому что французы не подали пароходы, а ведь своих у сербов нет. Да ведь и Сербия не станет воевать с Россией». «Да, это мы понимаем, что Сербия не нападет на Россию, но она все же и не оставляет наших бывших союзников»²⁴. Любопытно, что наиболее конкретные сведения о комиссарах и их политике Елена Петровна в кремлевской тюрьме узнала от сидевшей с ней вместе эсерки Спиридоновой. Они подружились, и после освобождения Спиридонова «отдала Елене Петровне все цветы, которые поднесла ей публика, бывшая на суде»²⁵.

Там, во внутренней тюрьме ВЧК, они узнали и о судьбе сербской военной миссии, которая была «вся арестована, сидела в Бутырке дней 12, пока не дала подписку, что не будет вмешиваться в дела Российской республики, и не поместила в «Известиях» заявление (почти за всеми подписями), что лучший строй для России – Федерация».

Наконец, Елена Петровна получила из Кремля разрешение покинуть Россию. А Смирнов еще до февраля 1919 г. находился в Бутырской тюрьме, заключенным которой он дает в мемуарах яркие и очень информативные характеристики. Среди них было немало иностранцев, представителей различных миссий, которые многое рассказали ему об обстоятельствах начала и ходе Первой мировой войны²⁶.

Только благодаря усилиям выехавшей в Стокгольм Елены Петровны удалось заставить сербского представителя в Москве Бошняковича начать хлопоты об освобождении Смирнова, которое произошло 28 февраля 1919 г., и вскоре он покинул Россию. По приезду в Королевство сербов, хорватов и словенцев Смирнов не только продолжил руководить всеми делами Елены Петровны, приехавшей с детьми к отцу и брату, но и активно включился в культурное строительство нового государства.

С.Н. Смирнов был глубоко потрясен алапаевской трагедией и позже издал об этих событиях в Париже на французском языке книгу «Autour de l'Assassinat des grands-ducs» («Вокруг убийства великих князей») ²⁷.

Трагические события революции и убийство хозяина Павловска Иоанна Константиновича, семимесячное тюремное заключение самого С.Н. Смирнова сначала в пермской губернской тюрьме (с 23 июля по 29 октября), а затем в московских тюрьмах (до 28 февраля 1919 г.) нашли отражение как в изданной в Париже книге, так и в его ответах во время Предварительного следствия 1919–1922 гг., проводимого в Париже комиссией по расследованию обстоятельств расстрела царской семьи бывшим судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н.А. Соколовым в г. Фонтенбло (Франция), куда Смирнов был вызван в качестве свидетеля и изложил обстоятельства своих действий по спасению Елены Петровны в 1918 г. ²⁸.

Материалы, хранящиеся в архивах Сербии, дают возможность реконструировать весь спектр многообразной деятельности С.Н. Смирнова на службе при Королевском Дворе Карагеоргиевичей.

Часть официальных и личных бумаг Смирнова находится в Архиве Югославии в фонде № 74 (Двор Королевства Югославии) ²⁹, где сохранился огромный массив материалов, связанных с его служебной, научной и творческой деятельностью. Изучение этих документов в 2011–2013 гг. позволило мне не только восстановить обстоятельства жизни и деятельности С.Н. Смирнова при Дворе Карагеоргиевичей, но и получить информацию по многим сторонам общественно-политической и культурной жизни Королевства Югославии 1920–1940-х годов. Особое место занимает в бумагах Смирнова его деятельность по оказанию помощи русским эмигрантам, как в Югославии, так и за ее пределами.

Пребывание в Королевстве СХС стало важным этапом в жизни С.Н. Смирнова. Здесь прошли его наиболее плодотворные годы с 40 до 67 лет, здесь выросли его дети, здесь он приобрел репутацию исполнительного, квалифицированного, инициативного придворного.

Смирнов трудился при Дворе Карагеоргиевичей чрезвычайно напряженно. Во-первых, на протяжении всего своего пребывания в Югославии, он выполнял обязанности *управляющего двором Елены Петровны*, которая после смерти в 1921 г. своего отца, короля Петра, большую часть времени проводила в Англии, где учились ее дети. Ведение дел Елены Петровны включало в себя организацию и контроль за ее имущественным положением, защиту интересов ее детей, организацию ее официальных визитов, урегулирование ее статуса в Доме Романовых и в европейской монархической семье в целом. Документы Архива Югославии свидетельствуют о том, что всю эту работу осуществлял С.Н. Смирнов³⁰.

Колоссальную работу вел он как представитель фонда княгини Елены Петровны в деле помощи организации жизни русских эмигрантов. В Архиве Югославии отложились многочисленные материалы, связанные с деятельностью этого фонда³¹. Из них следует, что С.Н. Смирнов от имени княгини Елены и из ее личных средств оказывал помощь русским беженцам. По большей части это были небольшие суммы в 200—500 динаров (прожиточный минимум составлял тогда около 400 динаров в месяц), выдававшиеся в первую очередь больным женщинам и детям³². К Смирнову поступали письма с просьбами о помощи от частных лиц и организаций. Сами по себе они уже являются свидетельствами трагедии, которая постигла Россию и ее народ в годы революции и Гражданской войны, но одновременно и повествуют о той великой помощи, которую оказала русским эмигрантам королевская семья Карагеоргиевичей.

В качестве одного из тысяч примеров процитируем фрагмент письма Попечительского совета Земунской русской гимназии Королевскому Двору с просьбой о помощи (май 1926 г.): «... В городе Земуне собралось 40 русских юношей, желающих пройти матуранский (*гимназический*. — Л. К.) курс и получить права зрелости. Одни из них были офицерами великой и гражданской русской войны, другие остались круглыми сиротами после страшной смерти (расстрела) своих отцов-офицеров русской армии. Некоторые из них окончили в России гимназии и другие школы, но потеряли все свои документы о том; иные же

только теперь хотят получить матуру и права на получение высшего образования. Большинство из них собственным трудом приобрели некоторые средства для своего содержания. Они работали или в рудниках, или на пробивке тоннелей, или на устройстве железных дорог и шоссейных путей. Но собранных ими самими средств недостаточно для сколько-нибудь сносного содержания». Далее говорится, что юношей кормят на «пожертвования от е. к. в. княгини Елены Петровны, министерства социальной политики и Русского Красного Креста»³³. Король Александр в свою очередь в качестве единовременной поддержки отправил этим юношам на Пасху 3.000 динаров.

В Архиве Югославии хранится множество документов о помощи королевской семье в целом и фонда Елены Петровны, в частности, русским беженцам. Поддержка оказывалась как частным лицам, так и организациям, целый ряд которых находился под личным покровительством Елены Петровны и ею финансировался. Это, например, «Общество помощи русским сиротам под высоким покровительством княгини Елены». Его председательница Зора Боди в письме на имя маршала двора от 10 декабря 1937 г. пишет, что общество было создано в 1925 г. и содержало два детских приюта — в Белой Церкви и в монастыре Хопово, и что многие питомцы этих приютов выведены на широкую жизненную дорогу и уже заканчивают высшие учебные заведения³⁴.

С.Н. Смирнов вел громадную организационную работу по приему прошений к Елене Петровне от русских беженцев, проверке условий их жизни и распределению денежных сумм из личных средств княгини. В Архиве Югославии хранятся сотни и сотни расписок русских эмигрантов, получивших денежную помощь от Елены Петровны через С.Н. Смирнова³⁵. Деньги получали и вдовы бывших участников сербо-турецкой войны 1876 г., и жены инвалидов Первой мировой войны, а также генерал Иван Широков, князь Иван Енгаличев и больной туберкулезом студент Флор Петровский. Прошения о помощи — это драматические истории великого исхода русских людей из охваченной революционным пожаром и Гражданской войной страны.

Оказание помощи русским эмигрантам стало вторым важным делом Смирнова при Дворе³⁶. Он не только выполнял поручения Елены Петровны, но и занимал официальный пост в Государственной комиссии по делам русских беженцев. Можно сказать, что вклад его в дело организации их жизни и трудоустройства был немалым. Об этом свидетельствуют многие мемуаристы. И даже составленная спецслужбами СФРЮ в 1955 г. книга о русской эмиграции, в целом враждебно характеризующая Смирнова, как убежденного монархиста, позитивно оценивает его деятельность по организации помощи русским беженцам³⁷.

С.Н. Смирнов работал параллельно и в сотрудничестве со специальными представителями из числа бывших российских дипломатов С.Н. Палеологом и В.И. Штрандманом. Интересный материал об этой стороне его деятельности, хранящийся в бумагах С.Н. Палеолога (Гуверовский фонд) в Стэнфордском университете, представил в своей работе Андрей Владимирович Квакин³⁸. Это 22 листа писем-отчетов Сергею Николаевичу Смирнову, написанных Глебом Васильевичем Алексеевым 20 октября – 14 ноября 1920 г. Последний совершил по заданию и при финансовой поддержке С.Н. Палеолога и С.Н. Смирнова поездку в Белград, Нови-Сад, Сомбор, Осиек, Загреб, Сараево и Дубровник «с целью ознакомления с положением и бытом русских колоний на местах». Эти чрезвычайно подробные аналитические отчеты, полные ярких характеристик и глубоких социально-психологических размышлений, адресуются С.Н. Смирнову. По тону автора записок видно, что он высоко ценит мнение Смирнова и рассчитывает, что тот сумеет использовать полученные сведения для доклада королю Александру.

С.Н. Смирнов активно занимался устройством дел русских беженцев не только в Югославии, он много ездил по Европе и хорошо знал положение русских эмигрантов в других странах, что позволяло ему ходатайствовать перед королем Александром об оказании помощи и тем из них, кто жил вне пределов Югославии.

Участие Смирнова в организации всех сторон жизни русской эмиграции в Югославии еще ждет своего исследователя,

поскольку деятельность его продолжалась и после расчленения страны в 1941 г. — как на оккупированных территориях, так и в новых государствах. Документы свидетельствуют о его переговорах с немецкими властями по проблемам русских эмигрантов вплоть до 1944 г.

Третьим направлением деятельности при Дворе Карагеоргиевичей была работа Смирнова в качестве придворного инженера и архитектора. С апреля 1925 г. по февраль 1935 г. он как инженер «Строительного отдела Двора», а затем и как инженер управления Двором получал по 2.000 динаров в месяц плюс дополнительные выплаты за командировки³⁹.

Документы свидетельствуют, что он не только руководил постройкой новой королевской резиденции в пригороде Белграда Дединье, но ему была поручена и ответственнойшая работа по организации возведения мемориального комплекса Карагеоргиевичей в Тополе (Опленац). Эта работа давала ему еще 2.000 динаров ежемесячно с 1924 г. по 1935 г.⁴⁰

Ему было поручено королем Александром оформление храма-усыпальницы Карагеоргиевичей в Опленце. Этой стороной деятельности русского ученого и инженера занимается в последнее время упомянутая выше исследовательница Ю.С. Гудович⁴¹.

В Архиве Югославии хранится большая папка документов, где содержатся все счета и расписки по постройке и оформлению храма в Опленце⁴². Их анализ показывает, что С.Н. Смирнов привлек к оформлению храма русских архитекторов, художников, фотографов. Расписки за выполнение работ Владимира Предоевича, Николая Краснова, Николая Маендорфа, Бориса Образкова, Виктора Шевцова, Ивана Дикого, Бориса Ивашенцева свидетельствуют, что на протяжении более чем десяти лет они получали за свою работу стабильное и солидное вознаграждение из фондов Двора. Таким образом, Смирнов не только способствовал созданию замечательного памятника архитектуры, но и дал работу и средства к существованию своим талантливым соотечественникам.

Одновременно с марта 1924 г. по февраль 1935 г. он получал еще по 2.000 динаров в месяц за работу в Библиотеке Двора⁴³.

Эта деятельность включала не только систематизацию королевской библиотеки, но и серьезный научно-изыскательский труд. Документы, включающие расписки и отчеты о командировках, свидетельствуют о том, что Смирнову были поручены сбор и анализ древних письменных памятников как сербской, так и в целом югославянской культуры. Отложились здесь и документы о деятельности Русского Археологического общества в Королевстве СХС. Примечательно, что это общество находилось под высоким покровительством княгини Елены Петровны Романовой.

С.Н. Смирнов – автор объемного исследования «Сербские святые в русских летописях», который вошел в Юбилейный сборник Русского Археологического общества в Королевстве Югославии (Белград, 1936). Автор изучил для написания этого труда большой источниковый и историографический материал, привел полный список упоминаний сербских святых в русских рукописях, представил биографии митрополитов Киприана и Григория Цамблака, а также Пахомия Логофета.

Особое место занимает научная командировка группы русских специалистов во главе с С.Н. Смирновым по заданию короля Александра летом 1922 г. для изучения 29 сербских монастырей и церквей. Экспедиция проделала огромную работу по описанию сербских памятников. В ней наряду с учеными участвовали архитекторы, художники, чертежники и фотографы. Были сделаны копии фресок, привезено около 500 чертежей храмов. Это была первая масштабная комплексная исследовательская работа по изучению средневекового наследия Сербии.

Смирнов совершал и личные экспедиции с целью изучения средневековых памятников, в том числе на Косово и в Албанию, что дало ему повод начать работу над большим историческим трудом о средневековой сербской правительнице Елене. Рукопись эта находится в фонде Смирнова в Народной библиотеке Сербии.

В марте 1935 г. С.Н. Смирнов вышел на пенсию. Его пенсия составила 3.000 динаров ежемесячно, и он получал ее вплоть до 2 января 1941 г.⁴⁴.

Выплаты, которые он получал от Двора Карагеоргиевичей, позволили С.Н. Смирнову, его жене и детям жить вполне обеспеченно. Он даже сумел построить для своей семьи по собственному проекту весьма солидный дом в Белграде — на Пожаревацкой улице, 26. Финансовая стабильность, в отличие от большинства русских эмигрантов, постоянно ищущих заработка, позволяла Смирнову уделять много времени научной и научно-исследовательской работе, а также продолжать комплектовать свою уникальную библиотеку и, главное, работать над мемуарами. Наряду с тем, что он сам написал несколько объемных фолиантов о событиях русской революции, Смирнов начал собирать коллекцию рукописей мемуаров о революции и Гражданской войне своих соотечественников, находившихся в эмиграции.

Характеризуя деятельность Сергея Николаевича Смирнова при Королевском Дворе Карагеоргиевичей, следует сказать, что, прежде всего, он оставался последовательным сторонником монархии, преданным Дому Романовых. Верой и правдой служил он и Дому Карагеоргиевичей. Как придворный инженер, архитектор и библиотекарь С.Н. Смирнов использовал все свои знания, навыки и опыт для выполнения порученных ему заданий — по оформлению храма в Опленце, строительству королевской резиденции, сбору материалов по средневековой сербской истории и культуре.

Заканчивая очерк о С.Н. Смирнове, хотелось бы привести еще одно свидетельство особого отношения короля Югославии к деятельности русских людей в его стране. Известный исследователь русско-югославянских отношений В.А. Маевский, который жил в Уругвае в одно время со Смирновым, по-видимому, с его слов пишет в своей книге «Русские в Югославии» (Нью-Йорк, 1966) о «близко стоявшем ко двору русском инженере С.Н. Смирнове»: «В конце тридцатых (*ошибка в дате.* — Л. К.) годов Смирнов был командирован королем с особыми поручениями во Францию, Бельгию и Англию. И вот, когда он возвратился, король расспрашивал его о том, как в разных государствах живут русские люди. Смирнов, рассказав всё, что видел и слышал о жизни русских за границей, добавил: «Все-таки, благодаря заботам вашего величества нигде так хорошо

не живется русским людям, как в Югославии». На это король Александр ответил: «Может быть, да ... Но и русские люди не останутся у нас в долгу»⁴⁵.

Публикация воспоминаний С.Н. Смирнова, безусловно, имеет важное научное значение и дает основание полагать, что и другие материалы его фонда станут доступны широкому кругу исследователей. Первые шаги в этом направлении уже сделаны⁴⁶.

Примечания

¹ *Гудович Ю.С.* Инженер и археолог С.Н. Смирнов (1877–1958) на службе при дворе Карагеоргиевичей (к вопросу о вкладе русской эмиграции в культуру и науку Югославии) // *Руска дијаспора и изучавање руског језика и руске културе у инословенском и иностраном окружењу* (Београд 1–2 јун 2011). Београд, 2012. С. 223–233.

² *Стефановић Оливера.* Заоставштина Сергеја Смирнова у посебним фондovima Народне библиотеке Србије // *Гласник народне Библиотеке Србије*. Београд, 2000. № 1. С. 89–93; *Ахметовић Јасмина.* О мемоарима Сергеја Николаевича Смирнова // *Гласник народне Библиотеке Србије*. Београд, 2000. № 1. С. 95–99.

³ Расследование цареубийства. Секретные документы. М., 1993. С. 252–253.

⁴ *Кузьмичева Л.В.* Русское платье сербской принцессы. Свадьба Елены Карагеоргиевичи и Иоанна Константиновича Романова // *Родина*. Март 2006. Спец. выпуск. Черногория и Россия; *она же.* Балканские принцессы в семье европейских монархов (К вопросу о признании равнородности черногорской и сербской династий) // *Человек на Балканах. Социокультурные измерения модернизации на Балканах (последняя четверть XIX – начало XX в.)*. СПб., 2007. С. 342–373; *она же.* Представители Императорского Дома Романовых о Карагеоргиевичах и Петровичах // *Нововековне Српске династије у мемоаристици*. Београд, 2008. С. 261–284; *она же.* Правящие династии Сербии и Черногории в восприятии представителей Дома Романовых в конце XIX – начале XX в. // *Человек на Балканах: Власть и общество: опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.)*. СПб., 2009. С. 189–201; *она же.* Семья великого князя Константина Константиновича Романова на балканских дорогах // *Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу*. М., СПб., 2016. С. 219–233.

⁵ Члены Общества возрождения художественной Руси (ОВХР): 276. Смирнов Сергей Николаевич (1877–1958, Уругвай) — инженер путей сообщения. Разряд Художественный и издательский <http://natalya-ugliadelckina.narod2.ru/>.

⁶ Биография С.Н. Смирнова составлена на основании его личных бумаг, указанных выше изысканий Ю.С. Гудович, а также статей А.Н. Журавской и Е.П. Раздобурдиной: *Журавская А.Н.* Сергей Николаевич Смирнов. Неизвестное об известном. (По материалам фонда С.Н. Смирнова в Историческом государственном архиве Санкт-Петербурга) <http://pavlovsk-spb.ru/upravlyaushie-pavlovskom/smironov/>; *Раздобурдина Е.П.* С.Н. Смирнов – последний управляющий Павловска // *Последние Романовы и императорские резиденции в конце XIX – начале XX века: матер. конф.* СПб., 2009. С. 181–186; *она же.* К биографии последнего управляющего Павловском С.Н. Смирнова (1877–1958) // *Константиновский дворцово-парковый ансамбль: исследования и материалы (сборник статей) 2012 год* – <http://www.konstantinpalace.ru/index.php?menu=20&id=51&lng=2&book=40>.

⁷ «В 1908 году сбор пожертвований на создание морского храма-памятника возглавила княжна Ольга Константиновна, дочь создателя парового флота великого князя Константина Николаевича, внука императора Николая I. Храм строился чуть более года. В сентябре 1910 года на купол храма подняли крест. 31 июля 1911 года храм торжественно освятили в присутствии императорской семьи. В 1932 году храм взорвали». http://www.on-line.spb.ru/archive/enc_spas-na-vodah.shtml.

⁸ Храм-памятник морякам, погибшим в войну с Японией в 1904–1905 гг. Издание Высочайше утвержденного комитета по сооружению Храма / Сост. С.Н. Смирнов. Петроград, 1915.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 2185. Смирнов С.Н. 33 ед. хр., 1893–1917.

¹⁰ Доклад опубликован в сербском и русском издании материалов конференции: *Кузмичева Људмила*. Активност Сергеја Николајевића Смирнова при Краљевском Двору Југославије (1918–1941) // Руски некропол у Београду. Знамење историјског пријатељства. Београд, 2014. С. 122–140; *Кузмичева Л.В.* Дејателност Сергеја Николаевича Смирнова при Кралевском Дворе Југославије (1918–1941) // Русский некрополь в Белграде. Символ исторической дружбы. Белград, 2014. С. 128–146.

¹¹ Смирнов Сергей. В плену у царевубийц. Белград, 2016. Подготовка текста, комментарии и общая редакция – Корнелии Ичин.

¹² Там же. С. 12.

¹³ Там же.

¹⁴ Спалайкович Мирослав (Спалајковић Мирослав) (1869–1951) – сербский дипломат, в 1913–1918 гг. – посланник Сербии в России.

¹⁵ Смирнов Сергей. В плену у царевубийц. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 83–84.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Там же. С. 29.

¹⁹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1913. Д. 16. Л. 173.

²⁰ Смирнов Сергей. В плену у царевубийц. С. 43.

²¹ <http://forum-history.ru/showthread.php?s=79971ed4f68c6dee3d57f7ee2fc2923e&t=24&page>.

²² Смирнов Сергей. В плену у царевубийц. С. 117.

²³ Там же. С. 123.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 256.

²⁶ Там же. С. 146–177.

²⁷ Autour de l'assassinat des grands-ducs. Ekaterinbourg, Alapaievsk, Perm, Pétrograd [Par] Serge Smirnoff. Notes et souvenirs traduits du russe par Eugène et Marc Semennoff. – Préf. de M. Spalaikovitich. Published 1928 by Payot in Paris. 281 p., nombreuses illustrations hors texte.

²⁸ Протокол допроса С.Н. Смирнова, 16 марта 1922 г. // Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг.: [Сб. материалов] / Сост. Л.А. Лыкова. – М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 1998. С. 337–346 (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. [Т.] VIII).

²⁹ Архив Југославије (АЈ). Фонд 74 (Двор Краљевине Југославије).

³⁰ Архив Југославије. Ф. 74. Д. 324, 544.

³¹ Там же. Д. 276. Л. 130–147; Д. 544. Л. 407–568.

³² Там же.

- ³³ Архив Југославије. Ф. 74. Д. 491. Л. 32–33.
- ³⁴ Там же. Л. 177.
- ³⁵ Там же. Д. 544. Л. 407–568.
- ³⁶ В Архиве Југославије хранятся документи, свидетельствующие о неустанной работе С.Н. Смирнова по оказанию помощи соотечественникам // Архив Југославије. Ф. 74. Д. 490, 491.
- ³⁷ Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Приредили др. Тома Миленковић, др. Момчило Павловић. Књ. 1. Т. II. Београд, 2006. С. 158, 220–222.
- ³⁸ *Квакин А.В.* «Путевые заметки» и судьба литератора Глеба Алексева // *The New Review*. Нью-Йорк, 2000. Т. 219. С. 155–172. См. также публикацию А.В. Квакина: «Дело № 32». Путевые заметки литератора Глеба Алексева. 1920 г. // Исторический архив. 2001. № 5. С. 79–103.
- ³⁹ Архив Југославије. Ф. 74. Д. 491. Л. 368–449.
- ⁴⁰ Там же. Д. 519. Л. 629–764.
- ⁴¹ *Гудович Ю.С.* Указ. соч.
- ⁴² Архив Југославије. Ф. 74. Д. 519.
- ⁴³ Там же. Д. 491. Л. 450–526.
- ⁴⁴ Там же. Л. 527–580.
- ⁴⁵ *Маевский В.А.* Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. С. 58–59.
- ⁴⁶ См., например, одну из публикаций материалов, извлеченных из фонда Смирнова: *Ичин К.* Петроград в 1919 году в воспоминаниях Ольги Ивановны Вендрих // Русское зарубежье и славянский мир (составитель Петр Буняк). Београд: Славистичко друштво Србије, 2013. С. 75–92.

Александр Сергеевич СТЫКАЛИН

«Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов

17 июня 1958 г. в газете «Правда», как и в прессе других стран, было опубликовано довольно пространное Сообщение министерства юстиции Венгерской Народной Республики (ВНР) о состоявшемся судебном процессе по делу Имре Надя «и его сообщников». На закрытом суде, проходившем в венгерской столице, в качестве главного обвиняемого выступал бывший премьер-министр страны, ветеран компартии Имре Надь, в октябре-ноябре 1956 г. не сумевший овладеть ситуацией в условиях глубокого внутривластного кризиса и предотвратить сильный сдвиг вправо, реально угрожавший утратой коммунистами власти и переходом их в оппозицию¹. Обнародованное обвинительное заключение вменяло ему в вину организацию заговора и развязывание контрреволюционного мятежа, направленного на свержение законного строя в ВНР. Приговор был зачитан 15 июня и уже на рассвете следующего дня приведен в исполнение, о чем в тот же день скупыми информационными сводками сообщили венгерская пресса и радио. Речь в данном случае шла не о полностью вымышленном, сфабрикованном деле (как это было в период больших московских процессов 1936–1938 гг. или в случае с «делом Райка» в Венгрии 1949 г.²), а «всего лишь» о нарочитой попытке придать криминальную окраску действиям (пусть во многом ошибочным) облеченного властью политика, предпринятым в целях безотлагательного разрешения острого внутривластного конфликта, охватившего страну. Тем не менее многие западные наблюдатели расценили суд по делу И. Надя как первый в советской сфере влияния и, как потом оказалось, в сущности пос-

ледный громкий концепционный (т.е. искусственно сконструированный в соответствии с определенной схемой) судебный процесс, проведенный уже в иной политической атмосфере, после XX съезда КПСС и разоблачения на нем Сталина и его политической практики.

Весть о казни Имре Надя, в считанные часы разнесенная мировыми информагентствами, вызвала в международном общественном мнении настоящий взрыв негодования (в том числе и в левых кругах). И это понятно, ведь слишком очевидной была надуманность обвинений, выдвинутых против бывшего венгерского премьера, главная «вина» которого в сущности заключалась в последовательном отстаивании курса на суверенитет своей страны, что вступало в слишком резкое противоречие с характером отношений внутри советского лагеря, сложившимся еще при Сталине и остававшимся в силе и после его смерти. Главным виновником расправы над бывшим премьер-министром Венгрии априорно называлась Москва³, причем эту точку зрения, как правило, разделяли и левые на Западе, в том числе прокоммунистически настроенные интеллектуалы, не склонные афишировать своих разногласий с руководством КПСС. Мать известного русского писателя Виктора Ерофеева, Галина Ерофеева (в 1958 г. жена советского дипломата, работавшего в Париже), вспоминает в своих мемуарах, как крупный французский поэт, член компартии Луи Арагон (незадолго до этого получивший основанную в Москве международную премию «За укрепление мира между народами»), прочитав в «L'Humanité» сообщение о смертном приговоре, уже приведенном в исполнение, прибежал в советское посольство, возмущенный до глубины души. «Неужели у вас не хватило бы чечевичной похлебки, чтобы прокормить Надя до конца его дней?!» — гневно вопрошал он принявшего его атташе по культуре⁴.

Надо сказать, что вплоть до июня 1958 г. ни политические эксперты, ни более широкая публика на Западе не проявляли большого интереса к фигуре И. Надя — он воспринимался (и надо сказать, не без оснований) как достаточно заурядный коммунистический политик, который в силу своей непоследова-

тельности и слабости не смог, в отличие от куда более сильного польского лидера В. Гомулки, овладеть ситуацией в собственной стране и при этом потерял доверие Москвы⁵. Ситуация в корне изменилась лишь после вынесения ему смертного приговора. С этого времени выходит множество публикаций об Имре Наде. Споры вокруг личности этого сохранившего верность национальным идеалам коммунистического политика органично вошли в контекст более широких дискуссий о перспективах «национального коммунизма», развернувшихся в свете решений XX съезда КПСС и советско-югославского сближения, с учетом опыта польских и венгерских событий осени 1956 г.

Заметное место в потоке западной литературы о И. Наде занимали публикации, в которых доказывалась несостоятельность предъявленных ему обвинений. Большой отклик получила книга «Правда о деле Имре Надя», вышедшая на французском, английском, немецком, венгерском языках. Своим появлением на свет она была обязана непосредственным участникам и свидетелям революции 1956 г. в Венгрии, эмигрировавшим после ее подавления на Запад публицистам, придерживавшимся в то время левых взглядов, — Тамашу Ацелу, Петеру Кенде и Тибору Мераи. В этой книге на основе доступных в то время источников (прессы, свидетельств участников событий) была предпринята реконструкция деятельности Имре Надя и его сторонников в дни революции, пункт за пунктом разоблачавшая подтасовку фактов в официальных сообщениях и полностью опровергавшая предъявленные им в июне 1958 г. на судебном процессе обвинения. Предисловие к книге написал один из самых ярких европейских интеллектуалов своего времени — лауреат Нобелевской премии по литературе 1957 г. Альбер Камю⁶.

В год проведения судебного процесса по делу И. Надя вышла также нашумевшая книга Т. Мераи «Тринадцать дней, которые потрясли Кремль (Имре Надя и венгерская революция)»⁷. Она также была полемически заострена против обвинений, предъявленных бывшему премьер-министру на несправедном суде. Так, реконструируя события первого дня восстания, 23 октября, автор полностью опровергал версию о преднамеренной

подготовке мятежа и захвата власти, показывал, что И.Надь вел себя в начале восстания предельно осторожно и сдержанно.

Суд над Имре Надем поставил в крайне неудобное положение западноевропейских коммунистов. Так, газета британской компартии «Daily Worker» выступила 19 июня 1958 г. с редакционной статьей, в которой фактически выражалось сожаление по поводу вынесения смертного приговора Надю и двум его соратникам. «Выступить со статьей другого содержания — означало бы совершить самоубийство английской компартии, а мы на это никогда и ни при каких условиях не пойдем», — откровенно сказал в те дни советскому дипломату председатель компартии Великобритании Гарри Поллит, напомнивший также, что поддержка (пусть даже не очень решительная) в ноябре 1956 г. советской военной акции в Венгрии стоила в то время компартии 20 % членского состава⁸.

На судебный процесс по делу Имре Надя и вынесенный смертный приговор не могла не откликнуться и советская интеллигенция. В это время в советской прессе достигла своего апогея кампания критики руководства Союза коммунистов Югославии (СКЮ), принявшего в апреле на партийном съезде в Любляне новую программу СКЮ, признанную в Москве ревизионистской. Прошедший на этом фоне суд по делу Имре Надя показал, что любой «ревизионистский» уклон (а И. Надь всего за считанные месяцы до этого упрекался советской пропагандой не более чем в ревизионизме) при желании можно раздуть до масштабов уголовного преступления, караемого смертной казнью, и что методы устранения политических конкурентов, вошедшие в норму при Сталине, не ушли в прошлое после его смерти и вполне могут быть применены теми, кто публично отрекся от бывшего вождя. Профессор исторического факультета МГУ, известный специалист по истории России XIX в. С.С. Дмитриев записал 25 июня 1958 г. в своем дневнике: «Казнить людей за политические взгляды присуще любому недемократическому правлению: Ивану IV Грозному, Сталину, испанским королям прошлого. Присуще и современному советскому правлению. Скажут: такова природа диктатуры пролетариата; в казнях выражается сила диктатуры. Но сила ли

выражается в том, что против идей применяют пушки, против критиков расстрелы? «Ревизионистов», конечно, можно переловить, засадить в лагерь, расстрелять, облить помоями. Но взгляды их, идеология «ревизионизма» будут такими приемами побеждены?» Нет, отвечает на самим собой поставленный вопрос Дмитриев, они лишь перестанут на какое-то время внешне обнаруживаться, и только⁹. Как видно из этих заметок, даже в сущности рядовой советский наблюдатель, имевший возможность черпать информацию лишь из открытых, общедоступных в СССР источников, получил, читая «Правду», повод задуматься над явной взаимосвязью между вынесенным смертным приговором по делу И. Надя и ранее звучавшими обвинениями его в ревизионизме. Причем, поскольку главной мишенью в ходе массированного антиревизионистского наступления в советской и восточноевропейской прессе¹⁰ была в это время титовская Югославия, критика идеологии СКЮ и казнь Имре Надя логично выстраивались в сознании многих современников в один ряд как два элемента единой кампании, направленной на утверждение «правильной», свободной от ревизионизма линии в мировом коммунистическом движении. Чтобы более четко понять реальную взаимосвязь проблемы Имре Надя с динамикой советско-югославских отношений во второй половине 1950-х годов, следует обратиться к более ранним событиям.

Начатый после смерти Сталина процесс советско-югославского сближения¹¹ достиг, как известно, своей кульминации к началу лета 1956 г. В июне югославский лидер Й. Броз Тито был принят с большой помпой в СССР, и мало что предвещало новую ссору между Москвой и Белградом. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы 19 июня на стадионе «Динамо» был призван символизировать полное преодоление взаимного недоверия. Правда, в Москве не были удовлетворены подписанной межпартийной декларацией, носившей явно компромиссный характер со стороны КПСС¹². При утверждении текста этого документа на Президиуме ЦК КПСС было решено «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»¹³. В самом деле, в этом документе отсутствовали какие-либо положения

об идеологическом единстве двух партий, о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю и координации действий двух стран в сфере внешней политики. Председатель Совета Министров СССР Н.А. Булганин, который на завтраке в честь югославской делегации поднял тост за Тито как за ленинца, был подвергнут потом критике в узком партийном кругу. («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен — сказать об этом надо»¹⁴.) События, развернувшиеся в те недели в советской сфере влияния в Восточной Европе (познаньские волнения в Польше 28 июня 1956 г.^{*}, активизация Кружка Петёфи в Венгрии^{**}), усилили в Москве раздражение по поводу позиции руководства СКЮ — сознательного и последовательного стремления пропагандировать преимущества югославской модели социализма и поощрять (в том числе при поддержке своей дипломатии) проюгославские устремления в обществах стран-сателлитов СССР. Все возрастающая активность в восточноевропейских столицах югославских дипломатов и все растущая популярность в среде коммунистов-реформаторов стран советского блока югославского опыта, зачастую ими идеализировавшегося, вызывали в Кремле обеспокоенность, по сути даже воспринимались как некоторый внешнеполитический вызов. В сентябре — начале октября в ходе ряда неформальных встреч в Крыму и на Адриатике советский лидер Н.С. Хрущев мягко пытался «образумить» Тито: югославскую сторону призвали воздержаться от проявления открытых симпатий к оппозиционерам в странах Восточной Европы и противопоставления югославского опыта строительства социализма советскому¹⁵.

В середине октября новый венгерский партийный лидер Э. Герё (преемник низложенного в июле М. Ракоши) ездил в Белград по настоянию Н.С. Хрущева — в целях окончательного примирения югославской и венгерской коммунистических элит, остроту конфликта между которыми предопределили шум-

* Более 70 человек стали в тот день жертвами разгона демонстрации рабочих, выступавших, в сущности, только за улучшение условий жизни.

** Молодежный дискуссионный клуб в Венгрии. Обсуждение на его заседаниях весной — летом 1956 г. актуальных политических и социальных проблем приобретало все большую остроту.

ное судебное дело Ласло Райка (1949 г.) и другие масштабные политико-пропагандистские акции антиюгославской направленности, предпринятые в Венгрии после разрыва СССР и его сателлитов с Югославией в 1948 г. Причем, день возвращения венгерской делегации в Будапешт 23 октября совпал с началом мощнейшего восстания, потрясшего сами основы коммунистической власти. Реформаторски настроенная молодежь, вышедшая в этот день на улицы венгерской столицы, воспринимала титовскую Югославию как своего потенциального союзника в поисках путей социализма, отвечающего национальным условиям, а югославские дипломаты, наблюдавшие за происходившим со стороны, могли видеть в руках демонстрантов плакаты с лозунгами типа «С Югославией и Польшей наша сила втрое больше!», что не могло не внушать им гордости за югославскую модель социализма и ее международное признание. Как бы то ни было, дальнейшее развитие событий у северных соседей внушало коммунистической элите Югославии уже не столько чувство гордости силой югославского примера, сколько опасения, с каждым днем все усиливавшиеся. Надеясь на усиление в Венгрии позиций коммунистов, выступавших за более независимую линию в отношениях с Москвой, верхушка СКЮ воспринимала реформаторов из команды Имре Надя как своих потенциальных союзников, что еще с лета 1956 г. находило отражение в югославской прессе. Вместе с тем югославская политическая элита совсем не хотела падения коммунистической власти в соседней, связанной с Югославией тесными историческими узами стране. Принятое руководством КПСС 31 октября решение о масштабной военной акции, направленной на смену власти в Венгрии, получило в конце концов (хотя и с некоторыми оговорками) поддержку лидеров ФНРЮ, что проявилось на их встрече с Н.С. Хрущевым и сопровождавшим его Г.М. Маленковым на о. Бриони в Адриатике в ночь со 2 на 3 ноября¹⁶.

Последующие события внесли, однако, серьезный диссонанс в отношения СССР и Югославии. На рассвете 4 ноября, с началом решающей советской военной акции по смене венгерского правительства, не способного в условиях глубочайшего внутривластного кризиса удержать власть в руках комму-

нистов, действующий премьер-министр Имре Надь, осудив перед всем миром эту акцию в своем выступлении по радио, укрылся затем в югославском посольстве¹⁷. В Москве это восприняли как явное нарушение договоренности, достигнутой буквально накануне на Брионах, где Хрущев и Маленков всю ночь напролет обсуждали с И. Брозом Тито и его ближайшими соратниками Э. Карделем и А. Ранковичем пути решения венгерского вопроса¹⁸. Ведь тогда речь шла о возможном содействии Белграда в нейтрализации неугодного руководству СССР венгерского правительства. Лидеры Югославии, имевшие определенное влияние на венгерских коммунистов-реформаторов из команды И. Надя, фактически, по согласованию с Москвой, взялись за то, чтобы уговорить их добровольно самоустраниться, уступив место у руля другому правительству, которое железной рукой пресекло бы анархию и навело порядок. Об укрытии же в югославском посольстве политиков, перед этим выступивших с антисоветскими заявлениями, стороны, разумеется, не договаривались.

Прошла неделя, и 11 ноября Тито на партактиве в Пуле решил сыграть на опережение, информировав публику о некоторых подробностях советско-югославских встреч на высшем уровне, не дожидаясь, когда весь мир узнает о сделке, направленной на свержение венгерского правительства, из уст лидеров КПСС (это нанесло бы слишком сильный удар по репутации Югославии как нейтрального, внеблокового государства). Между тем, несогласованная утечка информации была воспринята в Москве как грубое нарушение утвердившейся в мировом коммунистическом движении этики межпартийных взаимоотношений. Но мало того, выступая в Пуле, Тито, вызвав тем самым острое раздражение Москвы, назвал венгерский кризис в определенной мере следствием политики СССР, ставившей в неравноправные отношения партнеров по социалистическому лагерю, что в свою очередь порождало антисоветские настроения в странах Восточной Европы. Ввод советских войск в Будапешт в ночь на 24 октября для разгона массовой демонстрации, уже начавшей к тому времени перерастать в вооруженное восстание, он назвал неоправданным. Обозначившиеся резкие

расхождения лидеров КПСС и СКЮ в оценке венгерских событий не затушевал и тот факт, что Тито осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать новое правительство Я. Кадара, сформированное в Советском Союзе, — ведь надо было не только отмежеваться от официальной Москвы в целях «сохранения лица» в глазах международного общественного мнения, но и каким-то образом обосновать свое согласие с интервенцией.

Прошло еще три недели, и 7 декабря второе лицо в СКЮ и его главный идеолог Э. Кардель, выступая в Союзной скупщине ФНРЮ, раскритиковал бюрократический социализм советского образца, противопоставив ему венгерские рабочие советы¹⁹. Тогдашний посол Югославии в СССР В. Мичунович позже вспоминал, что никогда не видел Хрущева столь взбешенным, как во время их встречи, состоявшейся в тот декабрьский день 1956 г., когда ему принесли информацию о программной речи Карделя, к тому же распространенной югославской делегацией в ООН²⁰. Через считанные дни, на декабрьском пленуме ЦК КПСС, советский лидер дал волю эмоциям: «Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза под руководством Ленина, пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Советский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во вторую мировую войну, и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии»²¹.

Между КПСС и СКЮ развернулась острая полемика в закрытой переписке²², дискуссия перекинулась и в прессу²³. Правда, при всей жесткости некоторых, главным образом рассчитанных на внутривластьную аудиторию, заявлений, в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимость возвращения к конфликтной ситуации сталинских времен. Как из писем, так и в ходе бесед с послом СССР в Югославии Н.П. Фирюбиным²⁴ югославские лидеры, вовсе не желавшие отказываться от выгодного для страны экономического сотрудничества с Советским Союзом, а тем более вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что с советской стороны, хотя и не собираются сдавать принципиальных идеологических позиций, предпримут тем не менее все усилия для улучшения двусторонних отношений. О необходимости держаться в полемике с «неверными утверждениями» югославов спокойного тона, не обостряя межгосударственных отношений с ФНРЮ, говорилось и в письмах лидерам компартий социалистических стран²⁵.

Тем не менее, с югославской стороны существовали реальные опасения возвращения к ситуации 1948 г. Пригласив 27 января 1957 г. советского посла Н.П. Фирюбина на охоту, Тито много говорил о том, что он «очень обеспокоен нашими теперешними отношениями» и много думает над тем, «каким образом поправить и развивать дальше добрые отношения между обеими партиями и нашими государствами»²⁶. Обеспокоенность возросла после того, как в конце марта советский премьер Н.А. Булганин в речи на митинге советско-венгерской дружбы в Москве заявил о причастности югославов к идейной подготовке венгерской «контрреволюции»²⁷. В Венгрии в это время уже начали готовить судебный процесс по делу И. Надя²⁸. В титовской Югославии очень внимательно следили за его подготовкой, резонно опасаясь, что «дело Имре Надя» может сыграть ту же черную роль, как в свое время «дело Ласло Райка». Ведь известно, что состоявшийся в сентябре 1949 г. показательный судебный процесс по делу этого коммунистического политика вывел антиюгославскую кампанию, инициированную Сталиным, на новый виток: югославов стали называть уже не просто

ревизионистами и националистами, но шпионами и убийцами. «Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», — доносил 21 июня 1957 г. в Москву из Будапешта дипломат В.А. Крючков, будущий председатель КГБ СССР²⁹. Проявившаяся в этих условиях склонность Белграда к далеко идущим уступкам не укрылась и от венгерского лидера Я. Кадара. 6 июня он говорил новому послу СССР Е.И. Громову, незадолго до этого сменившему Ю.В. Андропова, о том, что югославы в последнее время предпринимают очевидные попытки улучшить отношения с СССР и его союзниками. Посол следовал сохранявшейся линии официальной Москвы на укрепление единства мирового коммунистического движения (а в это время уже была начата работа по подготовке большого совещания компартий, первого после XX съезда КПСС). Он заметил в ответ, что если эти попытки являются искренними, надо предпринять встречные шаги, но не идти вместе с тем на идеологические компромиссы³⁰. Зная о большом международном авторитете маршала Тито (в том числе в рамках начавшего формироваться с Бандунгской конференции 1955 г. Движения неприсоединения) и о популярности югославской модели социализма среди коммунистов-реформаторов всего мира, отлучать СКЮ от мирового коммунистического движения в Кремле сочли нецелесообразным, ибо югославская схизма потенциально угрожала привести к более глубокому расколу в лагере борцов за коммунизм. Кроме того, Хрущев лично предпринял, начиная с 1954 г., много усилий в целях приближения Югославии к советскому блоку, и признание тщетности проделанной огромной работы было бы для него равнозначно признанию своего полного провала на одном из важнейших внешнеполитических направлений.

3 июня 1957 г. Тито принял советского посла Н.П. Фирюбина, заверив его в том, что руководство Югославии готово со своей стороны укреплять и развивать двусторонние отношения с СССР³¹. Провал антихрущевского путча в июне 1957 г. привел к удалению из партийного руководства В.М. Молотова (всегда скептически относившегося к перспективам советско-югослав-

ского сближения), что, вне всякого сомнения, благоприятно повлияло на готовность лидеров СКЮ активизировать контакты с КПСС. В июле 1957 г. в СССР по приглашению Хрущева отдыхали и были им приняты наиболее влиятельные соратники Тито — Э. Кардель и А. Ранкович.

Первая после брионских переговоров начала ноября 1956 г. встреча Хрущева и Тито состоялась 1–2 августа 1957 г. на нейтральной территории — в Румынии. Был обсужден широкий круг проблем, предприняты небезуспешные попытки сблизить позиции по спорным вопросам (суть событий в Венгрии, проблема рабочих советов и т. д.), выражена решимость и дальше работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений³². Советское руководство заверило своих югославских собеседников в отсутствии намерений использовать дело И. Надя для раздувания антиюгославской пропагандистской кампании. Тогда же, в августе 1957 г., оно настояло на том, чтобы новые венгерские лидеры не проводили судебный процесс до предполагаемого совещания компартий с участием югославов³³, а перенесли бы его на более поздний срок, причем и позже тоже не следовало выпячивать антиюгославских обвинений (т. е. акцентировать внимание на югославских связях и проюгославских симпатиях людей команды Надя)³⁴. Руководство СКЮ со своей стороны в принципе выразило готовность принять участие в запланированных на ноябрь как широком совещании всех компартий мира, так и в более узком совещании компартий социалистических стран — приглашение придавало уверенности в том, что повторения ситуации 1948–1949 гг. не будет, до шумной антиюгославской кампании, а тем более до разрыва с советским лагерем дело не дойдет.

Что же касается позиции Москвы в деле Имре Надя, то она была, как нам представляется, не совсем однозначной, меняясь с течением времени и находясь при этом в некоторой зависимости от состояния советско-югославских отношений. В начале 1957 г. в Кремле демонстрировали довольно жесткий подход, призывая Кадара усилить репрессии. Начало судебного расследования по делу И. Надя было одобрено советской стороной, каждый новый шаг в этом деле согласовывался между Москвой

и Будапештом. Вместе с тем после разгрома в июне 1957 г. внутрипартийной оппозиции Маленкова — Кагановича — Молотова Хрущев значительно укрепил свои позиции в руководстве КПСС, что избавляло его от прежней необходимости и дальше демонстрировать предельную жесткость в венгерском вопросе, дабы нейтрализовать возможные обвинения своих оппонентов в нерешительности и непоследовательности, ведущих к сдаче позиций СССР. Гораздо более, чем мнение внутри собственной партии, его теперь заботил международный отклик на свои действия, и суд дважды откладывался по инициативе Москвы — именно по тем соображениям, что международная обстановка была не совсем благоприятной для его проведения. Для того, чтобы продемонстрировать всему миру мощь СССР, вполне хватало теперь спутника, запуск которого в начале октября стал главной мировой сенсацией 1957 года (Хрущев стал «человеком года», по версии журнала «Time», сменив в этой роли собирательный образ венгерского «борца за свободу».) Проведение на этом фоне суда над Имре Надем, напротив, могло подпортить имидж «страны Советов» в глазах тех, кто, восторгаясь техническими достижениями СССР, в той или иной мере был склонен распространить свои симпатии на ее политическую и экономическую системы. Еще важнее, пожалуй, было то, что этот суд мог охладить решимость югославов к сближению с советским лагерем, причем, в самый канун международного совещания компартий, намеченного на ноябрь 1957 г.³⁵

Как бы то ни было, ознакомившись в октябре с проектом важнейшего итогового документа будущего совещания (Декларации компартий социалистических стран), югославские коммунисты его отвергли, увидев, что КПСС по-прежнему хочет диктовать зарубежным коммунистам свои правила игры и установки³⁶. В отношениях двух компартий вновь наметилось охлаждение, и проведение суда над Имре Надем как якобы югославской креатурой могло теперь оказаться кстати — в случае, если бы в Кремле была избрана установка на эскалацию конфликта с СКЮ. В Москве, однако, предпочитали выжидать и вплоть до принятия уже в апреле 1958 г. новой Программы СКЮ, расцененной как ревизионистская, на публичную критику югославов

не шли. Между тем, в ноябре 1957 г., в дни совещания, Я. Кадар встретился с лидерами многих компартий и убедился, что идея суда над И. Надем в принципе находит их поддержку как действенная мера во устрашение «ревизионизма». Однако и после этого запланированный судебный процесс был еще раз перенесен (в феврале 1958 г.), причем, вновь по инициативе Москвы, опасавшейся теперь уже не негативной реакции югославы, а того, что суд испортит впечатление от советской программы мер по разоружению, адресованной Западу.

В краткой записи заседания Президиума ЦК КПСС от 5 февраля 1958 г. суть советской позиции на тот момент резюмирована всего в трех словах, зафиксированных ведущим записи зав. общим отделом ЦК В.Н. Малиным: «Проявить твердость и великодушие»³⁷. Напрашивается следующая интерпретация: в Москве считали целесообразным, доведя дело до суда, до осуждения венгерских «ревизионистов», все же пойти по пути смягчения приговоров. Это означает, что Я. Кадар в конце зимы 1958 г. в сущности оказался в ситуации выбора. Он мог отложить процесс по делу И.Надя «до лучших времен», но мог провести суд, как это было запланировано, в феврале, смягчив при этом меры наказания обвиняемых, прежде всего отказавшись от вынесения смертных приговоров. Венгерский коммунистический лидер предпочел пойти по второму, более жесткому пути, сознательно не воспользовавшись представившейся было возможностью компромиссного решения. Выбор Я. Кадара (ответственность за который всецело лежит на нем) был, в первую очередь, продиктован соотношением сил в руководстве его партии, и для того, чтобы понять мотивы его поведения, нужно лучше представлять себе этот расклад.

В первые месяцы существования правительства Я. Кадара его положение было предельно шатким, режим опирался почти исключительно на советскую военную помощь. В условиях, когда подавляющее большинство населения выступало за вывод советских войск, восстановление правительства Имре Надя, проведение свободных выборов, сохранение всех основных завоеваний революции, Я. Кадар, ставший орудием осуществления курса на ее подавление, мог найти внутреннюю

опору своей политики прежде всего в рядах венгерских сталинистов, ностальгировавших по режиму М. Ракоши – жесткой коммунистической диктатуре сталинского типа. По сути дела он выступал их заложником. Для того, чтобы расширить поле для политического маневра, Я. Кадар должен был не только завоевать более широкую поддержку в обществе, но и укрепить доверие к себе Москвы. Как следует из записей заседаний Президиума ЦК КПСС от 4 и 6 ноября 1956 г., где Н.С. Хрущев защищал главу нового венгерского правительства от нападков В.М. Молотова, отмежевавшись одновременно от М. Ракоши³⁸, ставка на Я. Кадара была сделана достаточно серьезно. Вместе с тем последний не мог не понимать: если его политика по консолидации коммунистической власти не удовлетворит Москву, может реально встать вопрос о реставрации прежней власти. М. Ракоши, выехавший в СССР вскоре после отстранения в июле 1956 г. со своего поста, Э. Герё, следовавший за ним уже в дни октябрьских событий, и ряд других бывших лидеров, в надежде на свое скорое возвращение в Венгрию и занятие ответственных должностей, буквально бомбардировали ЦК КПСС письмами с резкой критикой «правых» ошибок Кадара. Вопрос об их возможном водворении на партийно-государственный олимп оставался до известной степени открытым вплоть до апреля 1957 г., когда Президиум ЦК КПСС принял решение об ограничении контактов М. Ракоши с Венгрией, сочтя, что его деятельность препятствует укреплению существующей власти. Бывший лидер венгерских коммунистов был отправлен из Москвы в Краснодар³⁹.

В Москве были в целом удовлетворены ходом венгерской нормализации, и выбор в пользу Я. Кадара был сделан в это время окончательно и бесповоротно, что явилось первым его серьезным тактическим успехом в отношениях с Кремлем. Но и после того, как М. Ракоши перешел в СССР по сути дела на положение политического ссыльного, его потенциальные сторонники в руководстве новой, Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) продолжали составлять значительную силу. Лишь отчасти ослабил их позиции пленум ЦК КПСС 1957 г., нанесший удар по оппонентам Хрущева в

Президиуме ЦК, которые (прежде всего Молотов и Ворошилов) выступали за более активное приобщение людей Ракоши к власти в Венгрии. Проявив предельную жесткость в деле Имре Надя (в общем не свойственную этому прагматичному политику), Кадар в 1958 г. окончательно выбил оружие у своих критиков слева, сторонников полной реставрации той системы, которая была решительно отвергнута венгерским народом в октябре 1956 г. Необходимо также помнить, что Имре Надь до конца своей жизни оставался бы не только центром притяжения для оппозиции, но и самим своим существованием напоминал бы венграм и всему миру о нелегитимности прихода Я. Кадара к власти и был в силу этого крайне неудобен для последнего⁴⁰.

Итак, советское предложение проявить «великодушие» не нашло поддержки венгерского лидера. Он предпочел перенести процесс, но не переписывать уже разработанный сценарий, по которому Имре Надя предполагалось казнить. (К этому можно добавить, что после триумфального для Я. Кадара визита Н.С. Хрущева в Будапешт в апреле 1958 г. венгерский лидер мог позволить себе чуть больше самостоятельности в принятии внутривластных решений.) Ожидания Кадара не были напрасны, он дождался-таки того момента, когда его собственные интересы совпали с интересами советских лидеров.

Советские мирные инициативы, заставившие Я. Кадара отложить судебный процесс, не нашли ожидавшейся поддержки на Западе. Ни сам суд, ни приговор по делу И. Надя уже никак не могли повлиять на их судьбу. С другой стороны, состояние советско-югославских отношений к маю 1958 г. достигает низшей своей в послесталинский период отметки, что было связано, как уже отмечалось, с принятием в конце апреля на VII съезде СКЮ новой программы партии, хотя и не ознаменовавшей собой поворота в его политике, но приведшей в систему многие положения югославской концепции социализма, неприемлемые для руководства СССР. Особенно раздражал официальную Москву внешнеполитический раздел программы, где с точки зрения внеблоковой политики подвергались критике и фактически ставились на одну доску противостоя-

щие друг другу военные блоки, возглавляемые СССР и США. По целому ряду пунктов новая программа СКЮ вступала в противоречие с ноябрьской 1957 г. Декларацией Совещания компартий социалистических стран. В результате была развязана довольно шумная пропагандистская кампания антиюгославской направленности, пошедшая на убыль лишь через год, в 1959 г. В отличие от 1948–1949 гг., в ходе новой кампании критика лидеров Югославии удержалась на уровне их обвинений в ревизионизме и национализме и не привела к разрыву межгосударственных отношений; о «шпионах», «убийцах» и «фашистах» во главе этой страны речь уже не заходила — желая проучить «ревизиониста» Тито (и в силу этого приняв как нечто вполне уместное проведенный в Будапеште судебный процесс по делу другого ревизиониста — Имре Надя), в Кремле, однако, не отбросили долгосрочную задачу поддержания со стратегически важной Югославией нормальных партнерских отношений, что заставляло воздерживаться от перегибов в критике⁴¹. Таков был внешнеполитический фон, на котором 15 июня 1958 г. в ходе закрытого суда был вынесен смертный приговор И. Надю и его соратникам П. Малетеру и М. Гимешу, на следующий день приведенный в исполнение. Другие проходившие по этому делу подсудимые получили различные сроки тюремного заключения (в начале 1960-х годов практически все они были амнистированы).

Суд над Имре Надем и его соратниками, ставший венцом целой серии судебных процессов по делам участников революции 1956 г., не был последним в своем роде — жесткие, и в том числе смертные, приговоры выносились и позже, вплоть до 1961 г. При всем этом по мере консолидации внутривосточной обстановки происходила смена тактики — задачи запугивания непокорных постепенно отходят на второй план, уступая место наведению мостов к венгерской нации. Показательно, что расправа над Имре Надем почти совпала по времени с публикацией первых документов, заложивших основы кадаровской либерально-прагматической модели социализма, которая отличалась, пожалуй, наибольшей гибкостью в сравнении с другими его реально воплощенными моделями.

Что касается венгерско-югославских отношений, то из Белграда в Будапешт была направлена нота протеста в связи с нарушением Венгрией обязательств, взятых на себя в ноябре 1956 г. в ходе переговоров об условиях выхода И. Надя и ряда его соратников из югославского посольства⁴². Она не возымела, однако, долгосрочных последствий. Ни одна из сторон не хотела педалировать конфликт. И венгры, и югославы прилагали усилия для того, чтобы, не теряя лица, преодолеть наслоения в двусторонних отношениях. У всех был на памяти 1948 год, и никто не хотел возврата к временам пропагандистской истерии и не прекращавшихся пограничных инцидентов, когда сосредоточение вдоль всей 400-километровой границы двух стран огромного количества войск и боевой техники лишь увеличивало вероятность развязывания настоящей войны. К началу 1960-х годов уже была достаточно подготовленной почва для активизации диалога между Будапештом и Белградом на основе добрососедства, а улучшение в 1961–1962 гг. советско-югославских отношений лишь ускорило этот процесс.

Примечания

¹ О деятельности Имре Надя в условиях венгерской революции 1956 г. и о последующей подготовке судебного процесса по его делу см.: *Райнер Янош М.* Имре Надь, премьер-министр венгерской революции 1956 года. Политическая биография. М., 2003.

² См.: *Кимура К.* «Дело Райка» в контексте венгерско-югославских отношений // *Славяноведение*. 2012. № 1.

³ Только опубликованные в начале 2000-х годов документы Президиума ЦК КПСС позволяют до некоторой степени откорректировать эти представления, высветив реальную роль Яноша Кадара, в феврале 1958 г. так и не воспользовавшегося (мы покажем это ниже) предоставившейся возможностью провести процесс без вынесения смертных приговоров. См., например: *Стыкалин А.С.* Образ Имре Надя в 50-летней ретроспективе: мифы и реальность // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2007. № 6; *он же.* Несколько стрихов к портрету Имре Надя // *Вопросы истории*. 2008. № 2.

⁴ *Ерофеева Г.* Нескучный сад. Недипломатические заметки о дипломатической жизни. М., 1998. С. 85.

⁵ Лишь незначительно скорректировала сложившийся имидж публикация на Западе его записок в высшие инстанции своей партии, написанных И. Надем в период пребывания в опале с весны 1955 г. по октябрь 1956 г., – при том, что эти записки, конечно, давали более полное представление о системе взглядов И. Надя и тем самым позволяли лучше понять истоки его политической эволюции осенью 1956 г. См.: *Nagy Imre. On Communism. In Defense of the New Course / Foreward by H. Seton-Watson.* New York, 1957; *Nagy Imre. My Beliefs: «In Defense of the Hungarian People».* New York, 1957.

⁶ Оригинальная версия книги – французская: *La Verité sur l'affaire Imre Nagy: Les faits, les documents, les temoignages internationaux* / Pref. de Albert Camus. Postface de Francois Fejto. Paris, 1958; немецкое издание: *Der Fall Imre Nagy. Eine Dokumentation* / Vorw. Albert Camus. Köln–Berlin, 1958; англоязычное издание: *The Truth about the Nagy Affair: Facts, Documents, Comments* / Preface by Albert Camus. New York, 1959.

⁷ *Meray T. Thirteen Days that Shook the Kremlin (Imre Nagy and the Hungarian Revolution)*. London, 1958; французские издания – 1960, 1966; наиболее значительное немецкое издание – 1972. На венгерском языке с конца 1950-х годов в эмиграции книга выдержала 5 изданий (См.: *Nagy Imre élete és halála*. München, 1983), в 1980-е годы публиковалась в Венгрии в самиздате, в 1989 г. – легально. В 2006 г., к юбилею событий, вышло 8-е издание книги на венгерском языке. На русском языке была опубликована в эмигрантской среде в 1961 г. нью-йоркским издательством «Прагер». К новому российскому изданию книги автор написал большое послесловие. См.: *Мерай Т. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года* / Научный комментарий А. Стыкалина. М., 2007. Уничжительная оценка личности Я. Кадара в послесловии к книге стала объектом жесткой полемики с нашей стороны (см. наш отклик: *Славяноведение*. 2010. № 12. С. 79–83).

⁸ Запись беседы с Г. Поллитом от 21 июля 1958 г. См.: *Компартия Великобритании и венгерский кризис 1956 года. Документы из фондов ЦХСД* / Публикацию подготовили Е.Д. Орехова и В.Т. Серeda // *Исторический архив*. 1995. № 1. С. 46.

⁹ *Отечественная история*. 2000. № 4. С. 153.

¹⁰ Программные выступления центральной прессы «народно-демократических» стран перепечатывались советской прессой, что ставило целью показать критику югославского ревизионизма как общую заботу для всех отрядов мирового коммунистического движения.

¹¹ См.: *Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 гг.* М., 2008.

¹² *Правда*. 20 июня 1956 г.

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.

¹⁴ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 145. Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты скептически настроенного в югославском вопросе В.М. Молотова, который в мае 1955 г. критиковался некоторыми соратниками среди прочего за нежелание признать в Тито «ленинца». Ср.: «Нельзя бросаться обвинениями – “антиленинец”» (А.И. Микоян. Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 19 мая 1955 г. Там же. С. 41).

¹⁵ Материалы этих встреч см.: *Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.* Т. 1. 1946–1964. М., 2014.

¹⁶ См.: *Едемский А.Б. Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 года)* // *Славянство, растворенное в крови...* В честь 80-летия со дня рождения В.К. Волкова. М., 2010; *он же*. По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах*. 2010. М., 2011. С. 462–488.

¹⁷ См.: *Райнер Я.М. Имре Надь – премьер венгерской революции 1956 года*. С. 194–205. После выхода оттуда он был, как известно, задержан и во второй половине ноября депортирован с группой своих соратников в Румынию. Возвращен в Венгрию в качестве заключенного в апреле 1957 г. См.: *Стыкалин А.С. Советско-югославская полемика вокруг судьбы «группы И. Надя» и позиция румынского руководства (ноябрь–декабрь 1956 года)* // *Славяноведение*. 2000. № 1.

¹⁸ См.: *Едемский А.Б.* По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г.

¹⁹ «Революционную борьбу» в Венгрии он назвал «первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы», вызывающей в обществе «бессознательное стихийное возмущение». Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти (находившейся под полным советским контролем) рабочие советы – выросшую на венгерской почве «единственную реальную социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях». Силовые действия СССР по свержению правительства И. Нады, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь в том случае, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое развитие, в противном случае история осудит акт военного вмешательства. Дальнейшее же присутствие советских войск в Венгрии югославские лидеры в любом случае считали фактором, не благоприятствующим урегулированию конфликта. Как бы то ни было, и Тито на партактиве в Пуле 11 ноября, и Кардель в Скупщине в декабре, критикуя советскую политику в Венгрии, вместе с тем заявили о признании Югославией приведенного к власти в Венгрии по инициативе и при непосредственном участии Москвы правительства Я. Кадара и о своей готовности сотрудничать с ним.

В отличие от привычной пропагандистской практики, в соответствии с которой позиции оппонентов КПСС в лучшем случае излагались в пересказе, текст выступления Карделя был опубликован в журнале «Коммунист» (1956. № 18. С. 35–51) в сопровождении статьи главного редактора журнала, будущего академика А.М. Румянцева: *Румянцев А.* Социалистическая действительность и «теории» тов. Карделя // *Коммунист.* 1956. № 18. С. 11–34.

²⁰ О частых встречах Мичуновича с Хрущевым в этот период дает представление его более поздняя книга, в основе которой лежат записи 1950-х годов: *Mičunović V.* *Moskovske godine 1956/1958.* Beograd, 1984. Запись их беседы от 11 декабря см.: *Ibid.* S. 204–208.

²¹ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 198. Л. 103–104.

²² Письмо ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 3 декабря 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / Редакторы-составители Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. М., 1998. С. 730–737. Ответное письмо от 10 января 1957 г. см.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии... Т. 1. С. 703–711. Новое письмо ЦК СКЮ от 7 февраля 1957 г. (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Док. 84) осталось без ответа.

²³ См. редакционную статью «Правды» от 23 ноября 1956 г. – «За дальнейшее сплочение сил социализма на основе марксистско-ленинских принципов».

²⁴ См. соответствующие документы в: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии... Т. 1.

²⁵ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 102.

²⁶ Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии... Т. 1. С. 713.

²⁷ Правда. 28 марта 1957 г.

²⁸ См. подробно: *Райнер Я.М.* Имре Нады – премьер венгерской революции 1956 года.

²⁹ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. 2. Л. 193.

³⁰ Там же. Д. 035. Л. 54.

³¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131. Л. 2–3, 37–41.

³² Краткое информационное сообщение о встрече было опубликовано 4 августа в «Правде».

³³ Совещание, приуроченное к 40-летию Октябрьской революции в России, было призвано консолидировать мировое коммунистическое движение, перенесшее в 1956 г. два сильнейших потрясения – разоблачение Сталина и его политической практики на XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.) и подавление Советским Союзом в ноябре 1956 г. венгерского восстания, негативно воспринятое общественным мнением на Западе и повлекшее за собой массовые выходы из компартий, отход от СССР многих прежних его симпатизантов, не в последнюю очередь из среды интеллигенции левого толка. См.: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). (Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий). М., 2013.

³⁴ См. соответствующую записку заведующего новым, созданным в 1957 г. отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В. Андропова от 29 августа (РГАНИ. Ф. 89. Оп. 45. Док. 75. Л. 1–2).

³⁵ Важно иметь при этом в виду, что, находясь в серьезной внешнеполитической изоляции, режим Кадара в еще меньшей мере, чем Москва, был заинтересован в обострении отношений с югославами, тем более что Тито и его команда еще в ноябре 1956 г. публично поддержали новую венгерскую власть. В Будапеште учитывали, конечно, и то, что своим сопротивлением сталинскому диктату в 1948–1953 гг. югославские лидеры нискали немалое уважение на международной арене. А потому люди команды Кадара действительно не хотели выпячивать в обвинительном заключении югославские связи группы И. Надя. Однако на случай, если руководители Югославии выступят с протестом по поводу осуждения Имре Надя (вопреки данным еще в ноябре 1956 г. обещаниям не привлекать его к судебной ответственности), наготове был собранный против них компромат.

³⁶ См.: *Стыкалин А.С.* Секретная миссия Ю.В. Андропова и Б.Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // *Славянский альманах*. 2015. № 3–4. М., 2015.

³⁷ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 293.

³⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. С. 583–587, 600–603.

³⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления, 1954–1958. М., 2006. С. 619–623.

⁴⁰ Отставке И. Надя Я. Кадар в первые месяцы консолидации придавал огромное значение, ведь от этого в значительной мере зависело международное признание его правительства (член коалиционного кабинета И. Надя социал-демократка А. Кетли, выехавшая на Запад еще в начале ноября 1956 г., проявляла немалую политическую активность, позиционируя себя в качестве министра «законного» венгерского правительства).

⁴¹ См.: *Стыкалин А.С.* «Наша критика не должна вылиться в крикливую перепалку». Почему разоблачение югославского «ревизионизма» в советской прессе конца 1950-х годов не достигло остроты сталинских пропагандистских кампаний // *Славяне и Россия: славянские и балканские народы в периодической печати. К 90-летию со дня рождения А.А. Улуяна* / Отв. редактор С.И. Данченко. М., 2014.

⁴² *Magyar-jugoszláv kapcsolatok, 1956–1959. Dokumentumok*. Bp., 1997. 383–386 о.

Татьяна Викторовна ВОЛОКИТИНА

**«Румынские товарищи
хотели бы получить совет...»
(Советский фактор в «деле»
румынского коммуниста Л. Пэтрэшкану.
1948–1954 гг.)**

Завершение в 1948 г. процесса установления в Восточной Европе* властной монополии коммунистических партий вполне определенно обозначило перспективу ускоренного «строительства социализма» в регионе по советскому образцу. В условиях разгоравшейся «холодной войны» это обусловило выдвижение на первый план в политике коммунистов интересов формировавшегося советского блока и его центра – СССР. Однако в странах региона сохранялись рудименты прежних идеолого-политических структур, сосуществовали различные взгляды и позиции, в том числе и выражавшие представления о «демократическом гуманном социализме», особом «национальном пути» к новому общественному строю, и пр. Их наличие свидетельствовало о том, что общество стран региона все еще характеризовалось переходным состоянием, и свою главную задачу во внутренней политике компартии, как ведущая отныне сила, видели в установлении всеобъемлющего контроля, ликвидации остатков политического плюрализма, достижении гражданского согласия, предполагавшего в соответствии с советской моделью превращение общества в идейно-политический монолит. В механизме действий в этом направлении важным составляющим элементом являлось политическое насилие или, привычнее, репрессивная политика властей. Обострение обстановки в компартиях Восточной Европы в связи с эскалацией

* Понятие «Восточная Европа» употребляется в геополитическом смысле.

советско-югославского конфликта привело в 1948–1949 гг. к трансформации этой политики: все определеннее она фокусировалась на «инакомыслящих» в самом партийном руководстве. Характерной чертой при этом являлось намерение противоборствующих группировок разыграть «московскую карту», то есть установить особо доверительные отношения с советскими «верхами», опередив соперника. Стремясь озвучивать то, что хотела бы услышать советская сторона, соратники по партии пускали в ход обвинения против своих товарищей в национализме как разновидности троцкизма, недооценке роли СССР в победе над фашизмом, связях с Тито и его «бандой» и пр. Москва имела прямую выгоду от такого расклада сил в руководстве национальных компартий, так как получала возможность направлять и корректировать ход событий и выступать в качестве высшего и единственного арбитра.

В конце 1940-х годов зримым проявлением указанной трансформации стали подготовка и проведение судебных политических процессов видных партийных и государственных деятелей Болгарии, Венгрии и Румынии. «Дело» румынского коммуниста Лукрециу Пэтрэшкану* заняло в этой череде особое место не только потому, что стало наиболее продолжительным (март 1948 г. – апрель 1954 г.). Главное в том, что оно оказалось включенным в начатый обвинениями против венгерского коммуниста Ласло Райка процесс разгрома «единой шпионской сети», связанной с «кликой Тито» и «англо-американцами» и выявленной благодаря бдительности Матяша Ракоши. Претендовавший на роль хранителя «чистоты партийных рядов» венгерский лидер передал руководству «братских» компартий списки якобы причастных к «делу» Райка коммунистов.

* Лукрециу Пэтрэшкану (1900–1954) – видный деятель румынской компартии с момента ее основания в 1921 г., редактор газеты «Socialismul», выходец из семьи известного писателя. Окончил юридический факультет Бухарестского (1922 г.) и философский факультет Лейпцигского (1924 г.) университетов. В 1925 г. защитил диссертацию д-ра на тему «Аграрная реформа в Великой Румынии и ее результаты». В 1933–1934 гг. – представитель КПР в Исполкоме Коминтерна. В годы войны – один из организаторов оппозиционного Патристического фронта, выдвигавшего требование немедленного выхода Румынии из войны на стороне Германии. Арестовывался и интернировался властями. В 1944–1948 гг. – министр юстиции в первых правительствах после свержения диктатуры Антонеску. Член ЦК КПР (1945–1948 гг.), член Политбюро ЦК (1946–1948 гг.). После прихода к власти в марте 1945 г. правительства П. Грозы руководил радикальными чистками центрального и местного аппарата.

В списках значились 526 человек, в том числе 353 гражданина Чехословакии, 71 — Австрии, 40 немцев, 33 румына, а также советские, болгарские, польские, итальянские, английские, французские, швейцарские и даже один австралийский (!) коммунисты. Их имена под пытками были названы арестованными в ходе следствия в Будапеште¹. Трудно с уверенностью сказать, в какой мере советская сторона верила информации Ракоши, но одно несомненно: подобная активность венгерского лидера предоставляла ей уникальную возможность развернуть в коммунистическом движении поиски «врага с партийным билетом» и в ходе их провести радикальную чистку компартий. Конечной целью задуманной акции должно было стать создание в странах Восточной Европы жестко консолидированного партийного руководства, полностью послушного Москве.

Рассекреченные в ходе «архивной революции» в России и бывших странах «социалистического содружества» документы позволили выяснить некоторые вопросы, связанные с политическими репрессиями в компартиях Восточной Европы, и, в частности, более объективно оценить роль в их проведении советского фактора. Стали известны важные детали подготовки и хода судебных процессов над Ласло Райком, Трайчо Костовым, Рудольфом Сланским². Приведенные в настоящей статье материалы дают возможность, заглянув за кулисы внутрипартийной жизни в Румынии, уточнить некоторые обстоятельства возникновения, «раскрутки» и драматического финала «дела» Л. Пэтрэшкану.

В межвоенный период Коммунистическая партия Румынии (КПР)* была кадровой нелегальной малочисленной организацией, руководство которой контролировалось Коминтерном. Принято считать, что осенью 1944 г. из подполья вышли около 1 тыс. румынских коммунистов³. После государственного переворота 23 августа 1944 г., свергнувшего диктатуру маршала Антонеску, в страну вернулись из Москвы Василе (Ласло) Лука, Анна Паукер, Леонте Рэуту, Вальтер Роман и другие коммуни-

* Название партии до февраля 1948 г., когда произошло ее объединение с Румынской социал-демократической партией. После этого партия стала именоваться Румынской рабочей партией (РРП).

ты. Лука и Паукер сразу же вошли в состав «узкого» руководства партии. Оставаясь под влиянием жестких установок распущенного к тому времени Коминтерна, «москвичи» выступали за прямую реализацию классовых принципов, считая, что следовало использовать с этой целью пребывание в стране Красной Армии и наличие Союзной контрольной комиссии (СКК), решающий голос в которой принадлежал советским представителям. Своего рода политическими оппонентами «московских кадров», разумеется, относительными, становились коммунисты, находившиеся во время войны в Румынии — Георге Георгиудеж, Теохари Джорджеску, Эмил Боднэраш, Георге Апостол, Мирон Константинеску, Александру Могиорош, Лукрециу Пэтрэшкану. Они лучше приезжих понимали важность сотрудничества с другими политическими силами во имя решения общенациональных задач. Тем более, что в этом плане имелся и определенный опыт. Как практикующий адвокат Пэтрэшкану в 1930-е годы неоднократно выступал защитником в судебных процессах по обвинению коммунистов в антигосударственной деятельности; через советника короля Михая И. Стырчу лоббировал интересы патриотической оппозиции при дворе, а при подготовке свержения диктатуры Антонеску по поручению партии активно сотрудничал с королем Михаем. Имея в виду свою деятельность в межвоенный период, сам Пэтрэшкану называл себя «легальным коммунистом». Указанная политическая активность, как и депутатство в парламенте, снискали ему популярность в стране⁴. Показательно, что румынские власти считали Пэтрэшкану лидером компартии. Дополняет его характеристику тот факт, что он по праву считался в партии теоретиком. Безоговорочно ратуя за консолидацию трудовых слоев общества, он вместе с тем осознавал необходимость сохранения и укрепления широкой коалиции политических сил при активном участии в ней коммунистов. Главные идеи такого курса Пэтрэшкану обосновал в опубликованной уже в 1944 г. работе «Основные проблемы Румынии». Сформулированные им предложения по постепенному ограничению позиций крупных собственников легли в основу социально-экономических разделов программы Национально-демократического фронта

Румынии⁵. В 1946 г. Пэтрэшкану сформулировал отличные от позиции большинства партийного руководства тезисы о «союзе со всем крестьянством», «свободной торговле», переходе на «золотую валюту»⁶. Политический реализм румынского коммуниста, исходившего из необходимости и важности компромиссов, находил понимание и поддержку представителей других партий. Подтверждением тому служила готовность национал-либералов и социал-демократов сотрудничать именно с Пэтрэшкану, о чем они неоднократно заявляли на протяжении 1945–1947 гг., явно выделяя его из коммунистической элиты⁷.

«Московские кадры», прежде всего Лука и Паукер, внесли в партийное руководство дух морализаторства, демонстрировали собственное превосходство над «отставшими» в теоретическом плане соратниками, стремились навязать свои взгляды, подчеркивая, что многим партийцам следовало бы у них поучиться. Понятно в связи с этим, что обстановка в партийных верхах в морально-психологическом плане была весьма непростой⁸. Это неизбежно вело к определенным потерям при реализации намеченного курса.

Уже в конце 1944 г. в стране возник правительственный кризис, развязкой которого стал приход к власти кабинета генерала Н. Рэдэску. 6 декабря 1944 г. Пэтрэшкану в беседе с заместителем начальника политотдела СКК в Румынии С.П. Кирсановым резко критически оценил действия КПП в ходе кризиса как непродуманные, непоследовательные и даже «несколько истеричные», а главное, непонятные массам: «У нас нет политики, — заявил он. — Мы начали атаку против правительства (имелось в виду правительство К. Сэнэтеску. — Т. В.) преждевременно, в неблагоприятных условиях. Причем, кризис разрешился сейчас так, что впору хоть завтра начинать снова атаку против правительства». Речь шла, прежде всего, о выдвинутых с подачи «москвичей», опиравшихся на поддержку вооруженных рабочих отрядов и командования советских частей, жестких требованиях и серьезных обвинениях в адрес «исторических» партий⁹, в первую очередь популярной Национал-царанистской (НЦП). Выступая противником поспешных, недостаточно мотивированных шагов, Пэтрэшкану считал более эффективной

и правильной последовательную работу по разложению НЦП, овладению низовыми организациями партии при одновременной изоляции ее лидера Ю. Маниу от масс. Пэтрэшкану считал также, что выступления Луки и Паукер, учитывая их длительное пребывание в СССР, «известным образом ангажируют и Советский Союз». «Мы должны быть вдвойне осторожны и вдвойне предусмотрительны. Нужно быть политиками», — подчеркнул он. Кирсанов на основании беседы сделал правильный вывод: «В руководстве компартии между Паукер, с одной стороны, и Патрашкану*, с другой, имеются некоторые разногласия по тактическим вопросам»¹⁰.

Эту объективную оценку фактически подтвердил и Лука. 27 декабря 1944 г. в беседе с корреспондентом ТАСС в Бухаресте В. Моревым он заявил, что высказывания Пэтрэшкану не всегда отражают точку зрения руководства компартии. Более того, Лука счел нужным принизить роль Пэтрэшкану, заметив, что тот «вошел в историю случайно, оказавшись на гребне событий». Он не только не включен в состав ЦК, говорил Лука, но и «не является последовательным коммунистом»¹¹.

Получая подобную информацию, советская сторона оказывалась в затруднительном положении. У нее не было оснований не доверять «московским кадрам», но в то же время позиция Пэтрэшкану полностью соответствовала тогдашним установкам ЦК ВКП(б) на сотрудничество восточноевропейских коммунистов с другими политическими силами в рамках общенациональных патриотических коалиций и, следовательно, не вызывала никакого отторжения. Видимо, в силу этого в Москве предпочли до поры до времени не вмешиваться во внутривнутрипартийные разборки, не выражать открыто поддержку ни одной из сторон. Вынужденные действовать на свой страх и риск оппоненты Пэтрэшкану продолжили избранную ими ранее линию на его оттеснение и компрометацию как якобы малоавторитетной, «случайной» политической фигуры.

Весной 1945 г. по инициативе Паукер без видимых причин была отменена поездка Пэтрэшкану в г. Яссы на универ-

* Здесь и далее при цитировании документов сохраняется «русская» транскрипция фамилии.

ситетский праздник, несмотря на полученное им персональное приглашение. Паукер предложила направить в Яссы министра здравоохранения профессора Д. Багдасара, но в результате на торжествах, которым придавалось большое политическое значение, ни одного министра-коммуниста не оказалось. В донесении заместителя председателя СКК генерал-полковника И.З. Сусайкова от 20 мая 1945 г. данный случай был расценен как «грубая ошибка»¹².

Особенно ярко указанная выше тенденция на принижение роли Пэтрэшкану проявилась в начале 1947 г., когда Г. Георгиу-Деж в беседе с Сусайковым сообщил, что для подписания Мирного договора руководство компартии решило направить в Париж в качестве своего представителя «второстепенное лицо» – Пэтрэшкану¹³. Румынского руководителя не смутило явное несоответствие заявленного им политического «масштаба» личности Пэтрэшкану значению для Румынии парижских переговоров, что могло вызвать закономерное недоумение советской стороны. Но этот факт весьма показателен еще и потому, что свидетельствует о втягивании в тлеющий конфликт, причем объективно на стороне «москвичей», некоторых «местных» партийных кадров (Георгиу-Деж был одним из них).

Безусловно, Пэтрэшкану понимал суть развернутой против него кампании. В январе 1948 г. в беседе с послом СССР в Румынии С.И. Кавтарадзе он заявил, что вокруг него искусственно создается атмосфера недоверия с целью «политически изолировать его»¹⁴.

В начале 1947 г. руководство КПР сформулировало против Пэтрэшкану обвинение в национализме. Главной зацепкой явилось его выступление в г. Клуже по острому трансильванскому вопросу. Основываясь на принятом еще в апреле 1945 г. правительством Петру Грозы законе, Пэтрэшкану возражал против предоставления румынского гражданства венграм, переселившимся в Северную Трансильванию в результате второго Венского арбитража (август 1940 г.). Причина заключалась в опасениях нарушить в ущерб румынам этнический баланс на этой территории¹⁵. Обвинения «соратников» совпадали с советской оценкой, выраженной И.З. Сусайковым. В сообщении за-

местителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому от 20 мая 1947 г. генерал охарактеризовал речь Пэтрэшкану в Клуже как направленную против трансильванских венгров и якобы не соответствующую политике румынских властей¹⁶.

Рвавшийся к единоличной власти Георгиу-Деж развернул в это время главное наступление против Луки и Паукер, однако, судя по документам, не упускал из вида и фигуру Пэтрэшкану. Ставка была сделана на болезненное восприятие Москвой любых подозрений в националистических настроениях в «братских» компартиях. Случай «подставить» своего соратника представился 2 февраля 1947 г. во время беседы Георгиу-Дежа со Сталиным, когда на прямой вопрос советского лидера о разногласиях в Политбюро КПП Деж назвал Пэтрэшкану носителем «нездоровых идей» в румынско-националистическом духе. Сталин, однако, проявил хорошее знание обстановки в румынском руководстве и своим известным пожеланием не допустить превращения компартии из социальной, классовой в «расовую» показал, что разногласия видит в другом. Он открыто осудил имевшиеся среди коммунистов настроения в пользу занятия руководящих постов в партии «только румынами». «Это неправильная и вредная позиция, — заметил советский лидер. — Нужно хороших работников ценить и выдвигать, независимо от того, румыны они, евреи или венгры»¹⁷. Сталинское замечание ясно указывало на желание советской стороны сохранить в тот момент в «узком» руководстве КПП «московские кадры» — венгра Луку и еврейку Паукер. «Националист» Пэтрэшкану в интерпретации Георгиу-Дежа на том этапе Москву не заинтересовал. Более того, по ходу встречи 10 февраля 1947 г. Сталин, упрекнув Дежа в том, что тот «не рассказал полностью, чистосердечно о националистическом уклоне внутри румынской компартии», четко связал румынский национализм с антисемитизмом. Как на носителя опасных настроений сталинская критика прозрачно указывала на самого Дежа, намеревавшегося отправить Паукер в Париж на работу по линии министерства иностранных дел¹⁸, то есть фактически в почетную ссылку. Думается, что состояние румынского руководителя было в тот момент близким к паническому. Тем более, что незадолго до встречи, 4 февраля, он признался переводчику

майору Шкоде, что «всегда, когда он находится перед Сталиным, чувствует себя растерянным, “теряет голову”»¹⁹. Однако встреча 10 февраля закончилась для Дежа благополучно: признав свои ошибки, он обещал «полностью перестроиться»²⁰.

По всей видимости, сохранявшаяся в румынском руководстве напряженность стала причиной инспекционной поездки в Бухарест в августе 1947 г. сотрудника аппарата ЦК ВКП(б) В.И. Лесакова. В справке, составленной им по итогам двухнедельного пребывания в стране, советский наблюдатель подтвердил наличие в руководстве КПР двух группировок: Г. Георгиу-Дежу, И. Мауреру, С. Цайгеру и Г. Гастону-Марину противостояли В. Лука и А. Паукер, причем, Деж, по наблюдениям Лесакова, весьма опасался за свои позиции лидера²¹. При таком раскладе сил фигура Пэтрэшкану явно оказывалась на втором плане, что и объясняет, с нашей точки зрения, неопределенность его положения к началу 1948 г. Советская сторона не выразила четко и ясно свою позицию по отношению к Пэтрэшкану, и руководство КПР попросту не знало, как с ним поступить, боялось действовать невпопад. Тем не менее, набор обвинений против Пэтрэшкану мало-помалу пополнялся: в январе 1948 г. министр внутренних дел Т. Джорджеску сообщил послу С.И. Кавтарадзе об «антипартийной и антисоветской позиции» Пэтрэшкану и связях с румынской «реакционной эмиграцией». Несмотря на столь тяжкие обвинения, его, тем не менее, все-таки предполагалось избрать в состав ЦК КПР на открывавшемся в конце февраля 1948 г. съезде партии²², что тоже само по себе было, по меньшей мере, странным. В конце января 1948 г., суммируя свои впечатления, Кавтарадзе передал в Москву: «Вот уже несколько лет [как] вокруг Патрашкану создалась атмосфера ограниченного доверия и предосторожности. Дело доходило до подозрений его в связях с англо-американской агентурой. Но конкретно-убедительных данных не оказывалось». Критически оценивая деятельность румынских руководителей в этом вопросе, советский дипломат отметил, что «друзья как-то по-обывательски относились к этому делу». Представляется, что Кавтарадзе все же был склонен с доверием отнестись к полученной информации. А встреча с Пэтрэшкану

29 января по просьбе последнего укрепила подозрения посла в том, что «совесть [Пэтрэшкану] не совсем чиста». Разговор с ним Кавтарадзе субъективно расценил как «смесь тенденциозности, лжи и амбиции». В беседе с Дежем, Паукер и Джорджеску он посоветовал румынским «друзьям» срочно разобраться с этим, по его словам, «темным делом». Собеседники «всецело согласились» с Кавтарадзе, пообещав «решить вопрос о Патрашкану» до предстоящего в феврале партийного съезда²³.

Опасения и настороженность Кавтарадзе, думается, можно связать с повышенным вниманием советского руководства в тот момент к положению в некоторых «братских» компартиях. Зимой 1948 г. в аппарате ЦК ВКП(б) под руководством М.А. Сушлова началась подготовка аналитических материалов, призванных отследить в коммунистическом руководстве Югославии, Венгрии, Польши и Чехословакии опасные тенденции — проявления национализма, недооценку роли СССР и пр.

Свое обещание румынские «друзья» выполнили. 19 февраля 1948 г. вопрос о Пэтрэшкану разбирало Политбюро ЦК²⁴. Напоминая по форме допрос с пристрастием, эта процедура не привела к устранению напряженности. Особую активность, судя по записи, сделанной по ходу заседания членом Политбюро Йосифом Кишиневским, демонстрировали Георгиу-Деж и Паукер. Отвечая на вопрос о причинах недоверия к нему, Пэтрэшкану назвал свое интеллигентское происхождение и, возможно, проявления «индивидуализма»²⁵. Если понимать под этим самостоятельность и подчеркнутую независимость суждений, готовность выражать и защищать свои позиции, то ясно, что Пэтрэшкану выбивался из рядов многих своих соратников и в связи с этим воспринимался ими как инородное тело. 22 февраля 1948 г. на учредительном съезде РРП он как утративший «революционную бдительность» коммунист, попавший в результате этого под «буржуазное влияние», был выведен из состава ЦК и снят с поста министра юстиции. На втором совещании Коминформа в докладе В. Луки 22 июня 1948 г. Пэтрэшкану фигурировал уже в качестве сторонника «контрреволюционных теорий» (ему вменялись в вину отказ от классовой борьбы, проповедь сотрудничества с эксплуататор-

скими классами, отрицание руководящей роли пролетариата в демократическом развитии Румынии)²⁶. Под словесной шелухой этих обвинений скрывалась прежняя, к стати инициированная Москвой, политика компартии на этапе народной демократии как переходной модели с характерным для нее коалиционным способом осуществления власти. Ныне, в новой обстановке противостояния двух «лагерей», она с подачи Москвы была подвергнута остракизму.

Следующим шагом явилось «разоблачение» Пэтрэшкану в июне 1948 г. на пленуме ЦК РРП как носителя идеологии буржуазии и защитника ее интересов в рядах партии²⁷. В августе 1948 г. он был помещен под домашний арест, содержался на даче. В данном виде изоляция продолжалась до осени 1949 г. Показательно, что в Москве эти действия получили высокую оценку как состоявшееся «очищение» руководства партии от сторонников «национального пути к социализму»²⁸. Неожиданная и явно конъюнктурная смена акцента обвинений, как показало близкое будущее, оказалась не последней. На этом этапе крайне негативную роль в судьбе румынского коммуниста сыграл сотрудник Секретариата Коминформбюро Л.С. Баранов. В беседе с Георгиу-Дежем в июне 1949 г. он призвал «обезопасить партию» от Пэтрэшкану, поскольку вокруг него *могут объединиться* (курсив мой. — Т. В.) «враги рабочего класса в Румынии». Аналогичный по содержанию, но более конкретизированный материал был передан советской стороне в сентябре 1949 г. Б. Фельтевым — помощником Кишиневского. Речь шла о возможном формировании вокруг Пэтрэшкану «центра» из числа партийцев, недовольных политикой правящей группировки. Сообщалось, что в Румынии якобы ведется подготовка к созданию «общества или партии коммунистов-ветеранов», готовых выступить против действий руководства. Месяцем позже, в октябре 1949 г., после беседы с Паукер и Джорджеску, заявившими, что они располагают фактами о связях Пэтрэшкану с границей, Баранов передал в Москву согласованное мнение: в нынешней обстановке держать Пэтрэшкану далее под домашним арестом опасно, необходимо его надежнее изолировать и «более активно формировать следствие» по его делу²⁹.

Указанные рекомендации в значительной мере обуславливались общей ситуацией в коммунистическом движении. Полным ходом шла подготовка очередного, будапештского, заседания Коминформбюро. Ажиотажное выявление «врага» в связи с процессом «банды Райка» в Венгрии толкало руководство РРП к расширению круга поисков и изучению партийцев «с неясной подозрительной деятельностью». 3 ноября 1949 г. Георгиу-Деж в письме на имя заместителя министра иностранных дел СССР А.А. Громыко просил оказать румынской компартии помощь в раскрытии и уничтожении «агентов империалистических разведок»^{* 30}.

Принятая на третьем совещании Коминформа резолюция против «фашистского» руководства компартии Югославии и любых проявлений «титоизма» нацеливала руководство компартий на разоблачение «врага с партийным билетом», на полное «выкорчевывание» правого и националистического уклонов, «социал-демократизма» и пр., что с неизбежностью сопровождалось повальной подозрительностью, партийными чистками, перетряской кадров. Нагнетание в связи с этим напряженности вокруг Пэтрэшкану проявилось уже на самом совещании. В установочном докладе Георгиу-Дежа 18 ноября 1949 г. «статус» опального румынского коммуниста был повышен до «агента англо-американских империалистических разведок». При этом Пэтрэшкану был поставлен в один ряд с Тито, Ранковичем, Райком, Костовым и другими разоблаченными к тому времени за «враждебную деятельность» коммунистами³¹. Тему пребывания Пэтрэшкану «на службе» у американцев продолжил на совещании Кишиневский³².

После будапештской встречи санкции против Пэтрэшкану ужесточились: он был переведен в тюрьму. Однако следствие по его «делу» затягивалось. Дежу и его ближайшему окружению

* Обращение с подобной просьбой в руководство МИД СССР, вероятно, объяснялось тем, что в то время в ведении министерства находился Комитет информации (КИ) (так называлась советская Служба внешней разведки в 1947–1951 гг.). С августа 1949 г. руководителем КИ являлся заместитель министра иностранных дел В.А. Зорин, которого позднее (в мае 1952 г.) на этом посту сменил А.А. Громыко. Однако последовательность смены председателей КИ доподлинно неизвестна (*Гордиевский О., Эндрю К.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М., 1992. Глава X. Холодная война. Сталинский этап (1945–1953). Сноска 49).

было не до него. В компартии развернулась борьба с «правым уклоном», главным протагонистом которого был объявлен Лука, обвиненный во всех издержках денежной реформы и в росте в связи с этим недовольства в стране, проведении «крестьянской политики», освобождавшей зажиточную часть деревни от налогов, и пр. Выступившие в его защиту Джорджеску, тут же получивший ярлык «адвоката оппортунизма в партии», и Паукер также попали под огонь критики. В это время у Дежа и его сторонников возник, было, замысел связать «дело» Пэтрэшкану с «правыми уклонистами». Гонители оказались бы, таким образом, в одной компании с гонимым. Но вскоре планы румынского руководства изменились, и эта состыковка не состоялась.

Борьба за партийный Олимп в руководстве РРП продолжалась несколько лет. Лишь к весне 1952 г. Дежу удалось перетянуть на свою сторону большинство членов ЦК. На мартовском пленуме Лука, Паукер и Джорджеску за фракционную деятельность и «правый уклон» были выведены из состава Политбюро. Исключенный из партии Джорджеску оказался в издательстве политической литературы на скромной должности корректора; Луку ждал в начале августа 1952 г. арест; Паукер, сохранившая за собой после пленума должность министра иностранных дел, была арестована в феврале 1953 г. Таким образом, устранив с политической сцены основных соперников, Георгиу-Деж значительно укрепил свои позиции в руководстве партии, а после занятия поста главы кабинета министров (1952 г.) и в стране в целом.

В это время «дело» Пэтрэшкану получает новый импульс. 1 декабря 1952 г. Кишиневский сообщил новому послу СССР в Бухаресте А.И. Лаврентьеву, что «на основе имеющихся материалов Патрашкану выявляется как крупный враг». На этом этапе обвинения в очередной раз уточняются: помимо шпионажа в пользу США, теперь Пэтрэшкану инкриминировалась также и подготовка в стране государственного переворота³³.

В феврале 1953 г. в Москву поступила информация, что следствие по делу Пэтрэшкану заканчивается. Документы свидетельствуют, что камнем преткновения для румынской стороны явился вопрос о форме проведения судебного процесса — в

открытом или закрытом заседании. Мнения разделились. Георги-Деж высказывался за открытый показательный процесс и широкое освещение его хода в печати, подчеркивая в беседе в августе 1953 г. с прибывшим в Бухарест новым советским послом Л.Г. Мельниковым, что для румынской стороны это было бы «политически крайне выгодно»³⁴. Сторонники иной позиции (их мнение выразил Кишиневский в беседе с советником посольства СССР И.А. Королевым 11 сентября 1953 г.) считали, что «процесс... будет иметь значение больше для заграницы, чем для страны. Патрашкану внутри страны никогда влиянием не пользовался, и народ его, по всей вероятности, не помнит!»³⁵ Думается, определяющим при этом являлось стремление избежать популяризации бывшего соратника. Королев предложил испытанный метод — «посоветоваться в Москве, направив туда обстоятельную записку...». Кишиневский согласился³⁶. Дело, однако, дальше устного согласия Кишиневского не пошло. Притормозить и занять выжидательную позицию румынскую сторону вынуждала не до конца понятная ситуация, возникшая в связи с процессом либерализации (позднее она получила название «десталинизация») в Советском Союзе после смерти Сталина. Только 4 января 1954 г. в очередной беседе с Мельниковым Кишиневский вновь поднял вопрос о формате предстоящего процесса. Из записи беседы, направленной советским послом в Москву (см. приложение № 1), следует, что румынское руководство все более определенно склонялось в то время к проведению закрытого судебного процесса, однако осторожный Мельников решил выяснить точку зрения своего руководства. В результате 15 января 1954 г. Президиум ЦК КПСС, рассмотрев «вопрос МИД СССР», утвердил проект ответа советскому послу в Бухаресте. «В виду того, что мы не располагаем достаточной информацией по делу Патрашкану, — говорилось в документе, — дать какой-либо совет румынским товарищам не представляется возможным. Скажите об этом Кишиневскому, добавив от своего имени, что румынские товарищи, очевидно, могли бы посоветоваться по этому вопросу в Москве во время их предстоящей поездки, предварительно сообщив более подробные данные по существу дела Патрашкану»³⁷.

Официальный Бухарест учел рекомендацию Москвы. 1 февраля 1954 г. во время встречи членов Президиума ЦК КПСС с румынской правительственной делегацией, прибывшей для обсуждения экономических вопросов³⁸, был поднят и вопрос о Пэтрэшкану. Протоколировавший заседание член ЦК КПСС М.В. Зимянин записал: «т. Деж... напоминает о деле Патрашкану, которого они *намерены судить* за организацию контрреволюционного заговора *закрытым процессом, с кратким опубликованием в печати* (курсив мой. — Т. В.). Румынские товарищи привезли с собой материалы по делу Патрашкану и хотели бы получить совет. Тов. Маленков предложил оставить материалы по делу Патрашкану для изучения, поручив подготовку предложений гг. Суслову и Зорину»³⁹.

Закономерно задаться вопросом, по какому вопросу ждали совета румыны? Шла ли речь только о формате процесса (казалось бы, румынская сторона уже в принципе определила его) или еще о чем-то? Попытаемся разобраться.

В пакете документов, переданных советской стороне, имелись заключение о результатах следствия, проведенного румынскими органами, справка к обвинительному заключению (согласно ей, «группе» Пэтрэшкану инкриминировались теперь «преступления против мира и предательство») и справка советского советника при министерстве внутренних дел Румынии С.М. Литвинова с анализом итоговых материалов следствия⁴⁰.

Особое внимание приступивших к работе М.А. Сулова и В.А. Зорина привлекли именно выводы советского советника. Литвинов нисколько не сомневался в виновности Пэтрэшкану — «политического интригана и предателя», однако материалы следствия вызвали у него серьезные замечания. Он особо подчеркнул, что обвинительное заключение составлялось румынской стороной для проведения *открытого* процесса. (Данный акцент, по всей видимости, предполагал, что итоговый документ должен был быть максимально убедительным.) Однако, отмечал Литвинов, за шесть лет, пока велось следствие, обвинению не удалось добыть прямых доказательств по ряду ключевых эпизодов, в том числе о принадлежности обвиняемого к агенту-

ре румынской секретной полиции — сигуранцы. Юридической силы были лишены и показания одного из свидетелей по обвинению Пэтрэшкану в связях с английской разведкой. Как «не весьма убедительные» оценил советник материалы, призванные доказать, что на протяжении ряда лет обвиняемый стремился «развалить партию». Из справки следовало, что из 11 обвиняемых 8 человек в ходе следствия «подвергались физическому воздействию» (Пэтрэшкану в их число не входил), и Литвинов допускал, что на суде они могут отказаться от своих показаний и заявить о нарушениях законности. Рискованным считал он и привлечение в рамках открытого процесса свидетелей из высшего эшелона страны и партии. Обойтись же без их показаний не представлялось, по его мнению, возможным. Учтя эти обстоятельства, советник счел целесообразным рекомендовать провести *закрытый* процесс с последующим опубликованием его итогов в печати⁴¹.

Заключение Литвинова не вызвало возражений Сулова и Зорина, и уже 22 февраля 1954 г. проект соответствующих указаний советскому послу в Бухаресте был готов. Но ход ему дан не был. Причина, на наш взгляд, та же, что обусловила выжидательную позицию румынского руководства во второй половине 1953 г., — проводимый советским руководством курс на либерализацию сталинского политического режима. Пересмотру подлежала и репрессивная составляющая прежней политики, в частности, сфабрикованные судебные процессы. Под нажимом Москвы к новому курсу переходили и верные блоковой дисциплине компартии стран «социалистического лагеря». В этих условиях советская сторона отдавала предпочтение осторожному, хотя и плотному контролю за ситуацией в «братских» странах и дозированному вмешательству. Новые политические судебные процессы оказывались несвоевременными. Однако румынская сторона не собиралась отступить от начатого «дела» Пэтрэшкану. Решающее значение имели для нее подозрения в готовности бывшего соратника включиться в борьбу за единоличную власть, на которую имелось, как мы знаем, немало претендентов. Не получив ответа советской стороны, румынские руководители перешли к действиям.

18 марта 1954 г. Политбюро ЦК РРП, знакомое с рекомендацией советника Литвинова, приняло окончательное решение о проведении закрытого судебного процесса и опубликовании по его итогам краткого коммюнике. А вот решение о будущем приговоре формулировалось общё и неконкретно: его предстояло вынести «в соответствии с законом и тяжестью улик»⁴². 24 марта по просьбе Георгиу-Дежа Мельников вновь запросил мнение советской стороны в связи с предстоявшим процессом⁴³. И это наводит на мысль, что в первую очередь вопрос о мере наказания волновал румынскую сторону и что именно ответа на него она настойчиво добивалась от Москвы.

Советское руководство, однако, решило оставить этот вопрос на усмотрение румын. 31 марта 1954 г. Президиум ЦК КПСС, рассмотрев, наконец, проект указаний советскому послу, подготовленный Сусловым и Зориным, утвердил его. В документе говорилось: «Сообщите румынским товарищам, что в Москве согласны с их намерением провести закрытый процесс по делу Патрашкану и его сообщников и опубликовать в печати краткое коммюнике. Что касается подготовки процесса по делу Василе Лука и др., то сообщите, что к этому вопросу целесообразно было бы вернуться после проведения процесса по делу Патрашкану. Исполнение телеграфьте»⁴⁴.

В тот же день, 31 марта 1954 г., посол Мельников передал Георгиу-Дежу ответ советской стороны. Запись беседы (см. приложение № 2) свидетельствует, что заждавшаяся «совета» румынская сторона к тому моменту в деталях проработала вопрос об организации процесса и определила меру наказания основных фигурантов⁴⁵.

Иными словами, явная «отстраненность» Москвы в вопросе о мере наказания была правильно воспринята официальным Бухарестом как предоставление ему свободы действий. Его руки оказывались развязанными, устранялись опасения сделать неверный шаг и вызвать недовольство Москвы. Думается, что румынская сторона не могла не испытывать облегчения в связи с выраженной, наконец, таким способом позицией «друзей». Проголосовав единогласно за смертный приговор Пэтрэшкану, Политбюро ЦК РРП самостоятельно поставило точку в его «деле».

Закрытый процесс проходил 6–14 апреля 1954 г. Дело рассматривал Бухарестский военный суд под председательством полковника И. Моисеску. Центральный пункт обвинительного акта сделал из Пэтрэшкану руководителя группы шпионов и заговорщиков, еще во время войны установившего связь с фашистской сигуранцей и выдававшего полиции соратников по партии. Показательно, что вследствие изменившейся политической конъюнктуры из обвинения исчезли все упоминания о связях обвиняемого с Тито и его «кликкой». Бывший лидер левого крыла Национал-либеральной партии Г. Тэтэрэску, представленный как свидетель на заседание из тюремной камеры, сообщил, что во время Парижской мирной конференции в июле 1946 г. Пэтрэшкану получил от западной шпионской агентуры задание оторвать Румынию от Советского Союза и перевести ее в империалистический лагерь. Как сообщалось в эмигрантском журнале «Голос свободы», возмущенный этими показаниями Пэтрэшкану назвал судебный процесс «позорным» и, подчеркнув отсутствие «даже малейших доказательств» его вины, заявил: «Если против меня, коммуниста, для того, чтобы доказать, что я не коммунист, выставляются такие отбросы истории, то это доказывает только то, как глубоко пала румынская партия...»⁴⁶

Но для завершения сфабрикованного процесса никаких доказательств и не требовалось. Суд, признав всех обвиняемых виновными, лишь юридически оформил решение партийной инстанции, продемонстрировал полную несамостоятельность судебной власти, превращение ее в один из элементов системы насилия в партийном государстве.

Таким образом, рассмотрение некоторых обстоятельств «дела» Пэтрэшкану на основе доступных документальных источников позволяет уточнить характер и степень воздействия советского фактора на внутривнутриполитические процессы в стране, роль национальной коммунистической элиты в эскалации репрессивной политики и, наконец, назвать виновников и авторов приговора, вынесенного румынскому коммунисту и его соратникам. Если основной апробированный способ устранения неудобных политических фигур путем фабрикации судебных про-

цессов был заимствован у Москвы, то сценарий спектакля под названием «“Дело” Пэтрэшкану» и распределение в нем ролей явились собственным творением румынского руководства.

В странах советского блока власть и без подсказок и советов Москвы хорошо понимала значение репрессивной политики и, шире, политического насилия, как важнейшего инструмента формирования и укрепления монопольной власти компартий. Во многом благодаря этому инструменту компартии превратились в стержневую структуру государства, а общество через подсистему страха было консолидировано и приведено к гражданскому согласию на классовой основе. Роль советского фактора в этих процессах обуславливалась четким пониманием московским руководством прямой связи между достижением в странах региона необходимого, то есть близкого к советскому образцу, «модус вивенди» и укреплением восточного блока в целом.

Приложение № 1

Из дневника посла СССР в Румынии

Л.Г. Мельникова.

**Запись беседы с заместителем председателя
Совета министров Румынской Народной Республики
Й. Кишиневским**

г. Бухарест

4 января 1954 г.

СЕКРЕТНО

Сегодня принял в посольстве Кишиневского, который по поручению Георгиу-Дежа приехал посоветоваться по вопросу судебного процесса над Патрашкану и его сообщниками. Они думают провести этот процесс через 2–3 недели. Кишиневский сказал, что Патрашкану и его сообщники арестованы 6 лет назад. Дело Патрашкану имеет политическое значение для Румынии. Как было установлено следствием, Патрашкану и его сообщники являются шпионами иностранных разведок и в свое время готовили переворот в стране. По делу проходят 15 арестованных. Следствие по этому делу затянулось по-

тому, что бывший министр безопасности Теохари Джорджеску умышленно запутывал его и, как сейчас установлено, находился в стоворе с Патрашкану. С приходом нового руководства госбезопасности следствие удалось закончить. Полностью доказаны преступления подсудимых.

Предварительно посоветовавшись в Политбюро, сказал Кишиневский, мы пришли к выводу, что открытого процесса по делу Патрашкану проводить не следует из-за давности дела. В то же время есть необходимость по окончании закрытого процесса в печати опубликовать специальное небольшое коммюнике с изложением приговора суда. Эта необходимость вызывается тем, что Патрашкану являлся в свое время крупным адвокатом и был известен среди населения. Кроме того, он находился в составе правительства в первые годы после освобождения Румынии.

Я ответил Кишиневскому, что над этим вопросом необходимо подумать еще раз.

Посол СССР в Румынии
Л. МЕЛЬНИКОВ

(АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 43. П. 231. Д. 8. Л.1. Подлинник.)

Приложение № 2

**Из дневника Л.Г. Мельникова.
Из записи беседы с Председателем
Совета министров РНР Г. Георгиу-Дежем**

г. Бухарест

31 марта 1954 г.

СЕКРЕТНО

Встретился с Г. Дежем по его просьбе. Деж подробно рассказал о готовящемся закрытом процессе над шпионами и диверсантами во главе с Патрашкану. Он сообщил, что дело следственными органами слишком затянулось. Следствие ведется на протяжении почти 6 лет. Эта затяжка вызвана тем,

что бывший министр Министерства внутренних дел Т. Джорджеску (арестованный) умышленно затягивал следствие по этому делу. Теперь все нити преступной деятельности этих бандитов распутаны, и мы намеряем провести закрытый процесс 6 апреля. Политбюро рассмотрело весь порядок проведения судебного разбирательства этого дела, утвердило состав суда и председателя суда.

Деж сказал, что во время объявления этим преступникам дня судебного разбирательства их дела некоторые вели себя плохо, а Патрашкану, в частности, заявил, что он на этот суд не явится, так как он считает, что предъявленные ему обвинения в шпионаже и других преступлениях являются неправильными. Деж сказал, что они сделают все, чтобы эти преступники вели себя на суде как полагается. Из 11 подсудимых нет основания ни одному смягчать меру наказания. Их преступления полностью доказаны. Они заслуживают высшей меры наказания. Но мы на Политбюро взвесили международную и политическую обстановку и пришли к такому выводу – применить только к трем преступникам во главе с Патрашкану высшую меру наказания, а к остальным – пожизненное заключение, но окончательно этот вопрос решим тогда, когда начнется процесс.

[...]

Посол СССР в Румынии
Л. МЕЛЬНИКОВ

(АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 43. Подлинник.)

Примечания

¹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 527.

² *Исусов М.* Последняя година на Трайчо Костов. София, 1990; *Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Советское руководство и политические процессы Т. Костова и Л. Райка (По материалам российских архивов) // Сталинское десятилетие «холодной войны». Факты и гипотезы. М., 1999; *Желицки Б.Й.* Трагическая судьба Ласло Райка. Венгрия 1949 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 2, 3; *Мурашко Г.П.* Дело Сланского // Вопросы истории. 1997. № 3; *Петров Н.В.* Советники МГБ СССР в Болгарии и подготовка процесса над Трайчо Костовым // Исторические чтения

на Лубянке, 1997–2007. М., 2008; *Волокитина Т.В.* Советский фактор в судьбах политических деятелей Восточной Европы в 40-е – 50-е годы XX в. (Тр. Костов, Л. Райк, Л. Пэтрэшкану) // *Историки-слависты*. Кн. 6. Б.Н. Билунов. Материалы конференции, посвященной 60-летию Б.Н. Билунова. М., 2008; *Баев Й.* КГБ в България. Сътрудничество между съветските и българските тайни служби. 1944–1991. София, 2009.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 770. Л. 67.

⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.: в 2-х томах / Отв. редактор Г.П. Мурашко. Т. 1. 1944–1948. М., Новосибирск, 1997. С. 747.

⁵ *Pătrășcanu L.* Problemele de basă ale România. București, 1944. P. 294, 306.

⁶ *Калашникова Н.Ю.* Румынская коммунистическая партия в 1945–1990 гг. // *Балканские исследования*. Вып. 12. Революции и реформы на Балканах. М., 1994. С. 213.

⁷ Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Ф. 0125. Оп. 35. П. 137. Д. 18. Л. 37–38.

⁸ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А.* Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов. С. 751.

⁹ *История Румынии / Координаторы Иоан-Аурел Поп, Иоан Болован*. М., 2005 (Перевод с рум. яз.). С. 593–594.

¹⁰ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 110.

¹¹ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в 2-х томах / Отв. редактор Т.В. Волокитина. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. С. 129.

¹² Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов / Отв. редактор Т.А. Покивайлова. М., 1998. С. 144.

¹³ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 563.

¹⁴ Там же. С. 748.

¹⁵ Подробнее см.: *Стыкалин А.С.* Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // *Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948*. М., 2004. С. 406–407.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 35. П. 136. Д. 5. Л. 1–2.

¹⁷ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 565, 581–582.

¹⁸ Там же. С. 582.

¹⁹ Там же. С. 569.

²⁰ Там же. С. 582–583.

²¹ Там же. С. 697–701.

²² Там же. С. 750–751.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 764–767.

²⁵ Там же. С. 765.

²⁶ *Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Ред. Г.М. Адибеков, А. Ди Бьяджо, Л.Я. Гибианский*, Ф. Гори, С. Понс. М., 1998. С. 445.

²⁷ Там же. С. 603, 733.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 124–125.

²⁹ Восточная Европа в документах российских архивов. С. 751.

³⁰ Архив Президента РФ (далее – АП РФ). Ф. 45. Оп.1. Д. 362. Л.2.

³¹ *Совещания Коминформа*. С. 631.

³² Там же. С. 603, 733.

³³ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 13. Л. 149–151.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1160. Л. 124–125.

³⁵ Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы: в 2-х томах / Отв. редактор Т.В. Волокитина. Т. 2. 1949–1953. М., 2002. С. 619.

³⁶ Там же.

³⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 232. Л. 77–78.

³⁸ Подробнее см.: *Волокитина Т.В.* «Вопрос о предоставлении Румынии нового кредита требует серьезного изучения...» (Советско-румынские переговоры в Москве. Январь–февраль 1954 г.) // *Славянский альманах 2008. М., 2009. С. 372–391.*

³⁹ РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 14. Л. 186.

⁴⁰ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 232. Л. 89–117.

⁴¹ Там же. Л. 121–122.

⁴² *Arhivele Naționale. Direcția Arhivele Naționale Istorice Centrale. Biroul Arhivele Contemporane. Fond CC al PCR. Cancelarie, Vol.II. 1954–1965. Dosar Nr 28/1954. P. 2.* Автор благодарна коллеге, кандидату исторических наук Т.А. Покивайловой за предоставленный документ.

⁴³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 232. Л. 81.

⁴⁴ Там же. Л. 82–83.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 41. П. 215. Д. 10. Л. 43–44.

⁴⁶ Цит. по: *Ходос Э.* Сфабрикованные процессы (Перевод с немецкого) – <http://lib.ru/POLITOLOG/HODOS/processy.txt>.

Научное издание

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения РАН

Никитинские чтения
«Славяне и Россия»

Славяне и Россия:
славяне и Россия в системе
международных отношений

Сборник статей

Ответственный редактор
С. И. Данченко

Компьютерная верстка
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 29.03.2017. Формат 60×84¹/₁₆.
Гарнитура NewtonС. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 20 печ. л.

Заказ № 68.

Тираж 500 экз.

